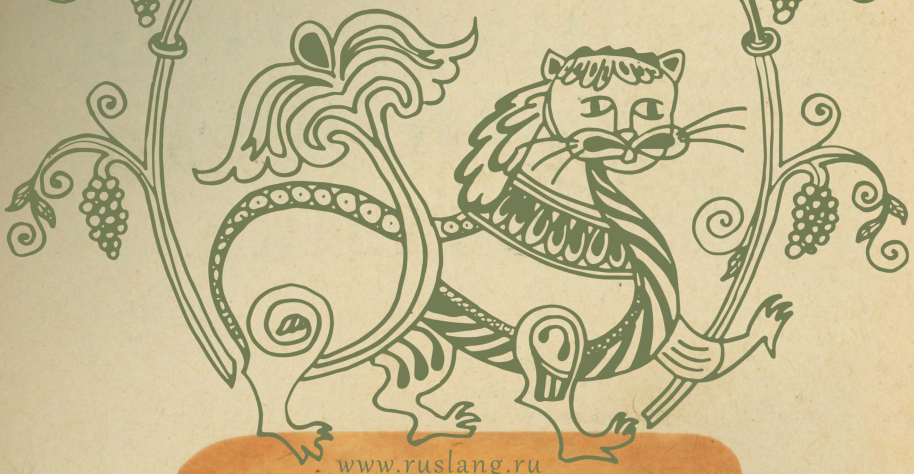
4
Д-44
28/I

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1977

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

74142

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1977

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1979

Коллективная монография посвящена изучению некоторых вопросов русской диалектной лексикологии и диалектного словообразования. Основное место в ней занимают работы, в которых исследуются способы образования слов в народных говорах в сопоставлении со словообразованием в русском литературном языке. Ряд статей посвящен изучению истории отдельных групп диалектной лексики на материалах записей XIX—XX вв. Многие материалы, на которых основываются статьи, вводятся в научный оборот впервые.

Сборник предназначен для языковедов, специалистов по истории языка и диалектологии.

Ответственные редакторы:
Ф. П. ФИЛИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

4
Д-44
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
20 74142

Д $\frac{70102\text{-}516}{042(02)\text{-}79}$ 504-79. 4602010000.

© Издательство «Наука», 1979 г.

В. В. КОЛЕСОВ

Слова литературного языка в диалектной речи

(2. *Совесть*)

Литературное происхождение слова *совесть* удостоверяется несколькими фактами.

Для народно-разговорного языка нехарактерно прояснение слабого редуцированного в такой морфеме, которая не имела параллельной формы с гласным полного образования; ср. *съвѣсть* > *свѣсть* как *съдѣлъка* > *сдѣлка*. Прояснению ъ в данном случае способствовала ранняя оттяжка ударения на еровую приставку — акцентологическая особенность церковнославянского языка в русском его варианте. Действительно, в новгородских и псковских рукописях XVI в. отражается еще исконное ударение слова (*совѣ́сть*, ср. и серб. *са́вест*), а в московских рукописях того же времени представлено уже только церковнославянское ударение *со́вѣсть* в слове, утратившем всякие связи с производящей основой *вѣд-*.[1] Напомним, что именно в московских пределах складывалась та норма русского литературного языка, которая и включила в свой состав интересующее нас слово, тогда как на северо-западе оно сохранялось длительное время как варваризм; варваризм же всегда сохраняет и свое ударение.[2]

Вторичность слова подтверждается также отсутствием строго разработанной системы производных: слово *совесть* не дает ни приставочных глаголов, ни суффиксальных имен, его словообразовательные потенции лимитированы наличием других, собственно русских, слов с теми значениями, которые могли бы включаться в сеть производных от слова *совесть*.

Важно также, что это слово отсутствует в архаических русских говорах и неизвестно в других восточнославянских языках, даже в их литературном варианте. Укр. *сумління*, белорус. *сумленне* представляют собой полонизм (ср. пол. *sumienia*) и, следовательно,

---

[1] См.: Колесов В. В. Ударение префиксальных имен в древнерусском и праславянском. — Studia Slavica Hungariana, 1975, t. XXI, p. 21.

[2] См.: Колесов В. В. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. Л., 1972, с. 44.

также пришли из другой лексической системы. Чеш. *svědomí*, словацк. *svedomie*, как соответствие русскому литературному *совесть*, представляют собой отпричастное образование от *вѣдѣти*, т. е. является другим по отношению к *съвѣсть* образованием от того же глагольного корня, тогда как в польском это слово связано с глаголом *мьнѣти* 'вспоминать, упоминать'. Лишь южнославянские литературные языки отражают лексему *совесть*, ср.: серб. *са́вест*, болг. *съвест*, макед. *совест*. По характеру сочетаемости с другими словами в различных славянских языках лексемы *совесть — svědomí — сумлення* абсолютно тождественны и, следовательно, являются точными эквивалентами в границах национальных литературных языков. Славянские языки, у которых нет развитой литературной традиции, этих слов не имеют, их нет, например, в севернорусском наречии или в кашубском языке. Все указанные образования одинаково восходят к греч. συνείδησις 'conscientia', калькой с которого вслед за А. Х. Востоковым и считают эти слова. Разница лишь во времени, когда определенное понятие, внесенное в славянские литературные традиции, входило в соответствующие славянские языки.

Наиболее ранним по образованию является слово *съвѣсть*. Древнейшие примеры находим в переводах и компиляциях Симеоновской эпохи; по-видимому, это слово и вошло лишь в восточноболгарский вариант старославянского языка в X в. Оно встречается в словах пресвитера Козмы, в Изборниках Святослава, переписанных с восточноболгарских оригиналов, изобильно представлено в Супрасльской рукописи X в., а также возможно в других рукописях, переписанных на Руси с восточноболгарских списков: в Пандектах Антиоха XI в., в XIII Словах Григория Богослова XI в. и т. д. Особо нужно отметить, что в тексте Библии понятие «совесть» появляется только начиная с апостольских посланий, т. е. не ранее I в. н. э.; [3] в более ранних текстах этой книги ему соответствует «сердце» (ср. *чистая совесть=чистое сердце* и другие сочетания). Поэтому неудивительно, что славянская калька могла возникнуть не сразу, при первых переводах священных книг Кириллом, Мефодием и их учениками, а позже, в связи с интенсивными переводами учительной литературы. В древнейшем славянском переводе Апостола греч. συνείδησις передается не только калькой *съвѣсть*, но и славянским словом *обычай* — последнее, видимо, связано как раз с кирилло-мефодиевской традицией.[4]

Относительно недавнее к XI в. появление слова подтверждается многозначностью лексемы *съвѣсть*, а также возмож-

[3] *Съвѣсть* в евангельском тексте Иоанн VIII, 9 не показательно, так как весь отрывок, в котором встречается это слово, является поздней интерполяцией: его нет ни в вульгате (латинский перевод IV в. н. э.), ни в древнеславянском переводе IX в.

[4] См.: Jagić V. Zum Altkirchenslawischen Apostolus. III. Wien, 1920, S. 57, 68.

ностью его замены другими словами. И. И. Срезневский в Материалах (т. III, с. 679 и след.) показал четыре основных значения слова в древнерусских рукописях XI—XIV вв.: 'разумение, понимание', 'знание, согласие', 'указание, воля', 'совесть'; по текстам можно установить и другие значения, ср. в Успенском сборнике XII—XIII вв. частые употребления слова в значении 'сообщение, внешняя информация' (*не можаше бо глати нашею съвѣстию и бесѣдою*, л. 95 об.). Оно соответствует в каждом случае д р у г о м у греческому слову. Из русских писателей только во второй половине XII в. это слово употреблял Кирилл Туровский, но лишь в специфически церковных текстах, как и в других русских поучениях конца XII—XIII вв., лишь в сочетании *чистая совесть*. В русских переводах оно также встречается лишь с конца XII в., по-прежнему варьируя со словом *обычай*, ср. в переводе Пандект Никона Черногорца (по списку ГПБ, Погод. 267, XIV в.): *и веля имъ повиноватися властемъ не бѣды ради, нъ о б ы ч а е м ъ* (л. 322 об.), чему в болгарском варианте соответствует слово *съвѣстью*; *аще имаши любовь с братомъ и с в ѣ с т ь свою разумѣеши. . .* (л. 198), в болгарской редакции также будет *съвѣсть*, и т. д.

В оригинальных русских текстах, прежде всего в летописных, деловых или бытовых, это слово не встречается. Его нет даже в древнерусском переводе «Пчелы», хотя здесь обсуждается множество нравственных проблем, среди которых могла бы найти себе место и 'совесть'. Древнерусские авторы, известные нам по именам, также не используют этого слова — ни Владимир Мономах, ни Даниил Заточник, ни один летописец.

Два других славянских эквивалента греческому συνείδησις также появились довольно рано, хотя первоначально они и не были связаны со значением 'совесть'; ср.: *сумьнѣние* 'сомнение, колебание', 'трепет', 'благоговение',[5] *съвѣдомыи* 'известный, испытанный' или 'знаменитый, славный' [6] — эти слова распространены во всех старославянских текстах независимо от их происхождения; известны они и восточнославянским говорам. *Сумленье*, *сомнение* сохранилось в русском языке, хотя и в узком значении, а *свѣдоми* встречается в средневековых русских текстах, в частности в «Слове о полку Игореве». Вплоть до XVII в. соотношение между *съвѣсть* и *съмьнѣньe* было неопределенным, семантические границы между ними в каждом славянском языке определялись по-своему; например, для Памвы Берынды (1627 г.) слово *совѣсть* значит 'сомнение, разум', т. е. включает в себя значения слова *сумьнѣние*.

Таким образом, из нескольких вариантов кальки с греч. συνείδησις 'сознание, совесть', выражавших идею (само)сознания субъектом моральной ответственности за свое действие и поведение

[5] Материалы Срезневского, т. III, с. 619 (здесь и цитаты из источников).
[6] Там же, с. 675.

перед собой и обществом, воплощавших в общепринятом термине нравственные принципы и убеждения своего класса и своего времени, в русском литературном языке закрепился вариант *съвѣсть*. Это слово наиболее абстрактно семантически и наиболее гибко грамматически, в словообразовательном отношении оно также сближается с лексикой абстрактно отвлеченного значения. Попав в литературный русский язык из церковнославянского, слово *совесть* в народно-разговорный язык проникает не сразу и до сих пор в границах диалектной системы носит черты «литературности». Его значения в говоре довольно трудно определить, поскольку из ранних записей, когда диалектная система была наиболее автономной по отношению к литературной, соответствующих примеров у нас нет; современные записи неопределенны, поскольку в диалектную речь широко проникает литературное словоупотребление, и каждый раз необходимо установить, действительно ли слово использовано в диалектном контексте или это всего лишь подражание литературному словоупотреблению (ее модели). Только обширные и полные картотеки могут оказать какую-то помощь в выявлении собственно диалектного значения этого литературного слова.

В картотеке ПОС, который составляется как словарь полного типа, слово *совесть* в литературном значении фактически не зафиксировано. Это может быть и недостатком записи, но скорее всего абстрактное значение слова оказывается недоступным носителю говора, поскольку само слово накладывается на диалектную систему со сходными эквивалентами, носящими конкретно-чувственный характер (*стыд*, см. ниже), и семантически другое содержание субстрата предопределяет восприятие заимствуемого слова. Оно последовательно изменяет свое основное значение и устойчиво сохраняет эти измененные, уже собственно диалектные значения. Субстратом этого литературного слова в псковских говорах стало слово *стыд*, ср.: *а ей-то стало стыдно, так она и уехала от совести* (Остров); *народ обесстыживши, совесть потеряна* (Ляды); *думала — помру от совести* (Остров); *раньше совесть знали, позор был, если девка ушла* (Великие Луки); ср. и производные: *за утятам все гонялась, всё в траве, совестники* (в значении ‘бессовестные’ (Новоржев); *совестно-то петь нам, стояли сзади* (Бежаницы); *девушка сказала: «Мне совестно подойти»* (Ашев). Сюда же относятся и контексты, в которых авторы записи отмечали другие значения слова, ср.: *теперь девки берут нахалом: у какого парня совесть слабая — и попал* (Печоры), здесь диалектолог делает помету, определяя значение — ‘характер’.

Производные, как показывают уже и примеры с наречием, сохраняют значение слова *совесть* ‘стыд’, ср. *совестный* и *совестить*: *мой хозяин был совестный, не любил пить* (Остров); *Юра совестный такой, не хоче идти ко мне* (Красные Горы); *если человек стыдится, то он совестный* (Остров); *мухи совестны: ни одна*

не кусила (Себеж); *совестный — боязливый, не пробитной, когда краснеет* (Бежаницы); *чего у дверей стоишь, как совестный, проходи в избу* (Псков); *в меня мужик был совестный, все ему было стыдно* (Гдов); *как много народу, она совестится* (Себеж), и др.

Таким образом, *совестный* — 'стеснительный, застенчивый'; авторы словаря д. Деулино добавляют к этому и значение 'деликатный', что уж совершенно определенно является «литературным».

Большинство говоров также знает слово *совестный* в значении 'стыдливый, застенчивый', хотя в новейших записях появляется и неожиданное для диалектной речи значение 'правдивый' (КСРНГ); контекст показывает, что здесь может быть и исходное для говора значение слова (*человек совестный не лжет*) — сомнение в установленном значении вызывает и употребление других слов в сочетании, литературных по своему характеру (*человек* вместо *мужик* или *парень*, *лжет* вместо *врет*, и т. д.). Эта цитата как раз и отражает попытку моделировать литературное словоупотребление, предпринятую носителем говора, что не замечено диалектологом. Подобные примеры не только искажают реальное диалектное словоупотребление, они еще и запутывают лексикографа в его работе. Столь же новыми являются и образования, свойственные литературному языку, но попадающие в диалектную речь; ср. даже в архаическом гдовском говоре: *раньше совестливый народ был, а теперь бессовестный*, где *совестливый* вместо *совестный*, *бессовестный* вместо *несовестный* переводят семантическое столкновение литературного 'честный' и диалектного 'стыдливый' на новый уровень взаимодействия, сближая литературный и диалектный варианты также и в словообразовательном отношении.

Такое же пересечение литературного и диалектного значений находим и в глагольной форме: *совестить* 'стыдить кого-либо', но *совеститься* 'стыдиться, стесняться (себя самого)', например: *он совестился, что у него горобок рос, утошел подальше* (Палкино), *садитесь, девчонки, кушайте, может, его совеститесь?* (Порхов). В конце XIX в. запись, сделанная в смоленских говорах, сохраняет еще черты специфически литературные и хорошо демонстрирует столкновение литературного и диалектного значений слова *совесть*: *атчаво ета лисавыи завялись, водяныи, полявыи, дамавыи? Ета ат дятей Адамовых, што йон п а с о в е с т и л с я богу показать за тым, што яго жонка целую араву нарадила* (Добровольский). Слово литературного ряда включается в говор не в узко литературном значении 'удерживаться от какого-то поступка по внутреннему голосу совести', а в разговорно-просторечном 'стыдиться, стесняться' (последнее значение указывает уже В. И. Даль). Роль просторечия, всякого рода популярной народной литературы в данном процессе внедрения литературной лек-

сики в народную речь чрезвычайно велика, и это постоянно следует иметь в виду.

Как обычно, устойчивые сочетания сохраняют первоначальное значение слова, свойственное говору. Так, в сочетании с глаголом слово *совесть* обычно заменяет слово *стыд*, ср.: *ты, говорит, меня в совесть ввела такую, что живи одна* (Палкино); *почему вы так пашете в одну сторону? Раньше нигде пустырька не оставляли. Ты и трактором пашешь, а мне в совесть смотреть* (Бежаницы).

Предложные сочетания без глагола соответствуют значению 'любовь', ср.: *Она нашла мужа себе по совести* (Локня); *Я не по совести замуж шла, тятюшка отдал* (Опочка); *Я вам говорила: ищите другую квартиру, на доброй совести сказала* (Печоры); *Она по доброй совести 15 лет коло скота отходила* (Великие Луки); *Есть многие не регистрируются, а просто живут по доброй совести* (Остров). Сочетание *по доброй совести* 'честно, откровенно' — это дальнейшее развитие значения, связанного с указанием на приязнь, расположение со стороны субъекта действия. Перед нами своеобразное разложение семантики слова, объективация его значения (не сосредоточивается на субъекте, но выносится отчасти и на объект действия). В некоторых контекстах трудно определить значение слова, особенно если оно сопровождается литературным предлогом; ср.: *У одной женщины убили дочку; другая, у которой тоже, р а д и с о в е с т и сходила в больницу с гостинцами* (Великие Луки) — синкретизм значения в данном случае позволяет соотнести его и с 'любовь' и с 'честь', и т. д. Исходное значение субстратного слова 'стыд' здесь уже нейтрализуется, как бы отталкиваясь от последнего и указывая на положительный нравственный признак: 'честь', а не 'бесчестие', 'приязнь', а не 'неприязнь'. Синкретизм значения указывает как раз на то, что такое значение возникает в самой диалектной системе, поскольку оно не соотносится четко с тем или иным литературным эквивалентом. Соответствующее значение развивается и в глагольных сочетаниях, теснее связанных с объектными отношениями; ср.: *Нюрка-то нам была не в совесть, ругали мы ее сами-то* (Порхов); *Она была знакома с шофером, он не в совесть мне был* (Пушкинские Горы); *Не в совесть долго идет дождь* (Дно), ср. еще и в песне: *лучше с мосту утопиться, чем не в совесть жену брать* (Великие Луки). Резкой границы между глагольными и неглагольными сочетаниями нет, поскольку в роли глагола выступает грамматическая связка (которая может опускаться; ср.: *Видно, Ванька сказал: «Матка, я отъеду от дому, а ты прогони жену, она мне не на совести»* (Красные Горы), а сама «глагольность» передается наличием отрицания *не*. Свое значение имеет и субъект действия: обычно человек, но если неодушевленное (*дождь*), то сразу же возникает возможность другой подстановки ('слишком'). Такое же значение слова *совесть* известно и другим русским говорам, следовательно, оно не представляет собой узкого

«псковизма»; ср.: *В совесть ли тебе наш Ваня? — спрашивают сваты у невесты. . . Взял жену себе по совести* (Миртов), в новом Словаре русских донских говоров представлена хорошо разработанная словарная статья с указанием устойчивых сочетаний *в совесть, не в совесть, от совести, по совести, под совесть, напустить совесть* и др. (Слов. Донск., 132) с общим значением 'нравится' или '(не) по душе' и т. д.; *совесть* 'любовь' указывается Косогоровым в калужском говоре,[7] ср. и прямое сопоставление двух слов в новой лирической песне:

Ай да я по прежней с о в е с т и - л ю б о в и,
Я с ней шуточки шутил.[8]

Здесь использован обычный для фольклора прием «перевода» иносистемного элемента сопоставлением с известным говору словом.

Совесть как любовь в широком смысле, как светлое нравственное чувство — так восприняли это понятие в народной речи любого ее стилистического уровня. *Не в совесть* 'не нравится' (Мельниченко, 189). Те же говоры для слова *совесть* знают и значение 'стыд' (*совесть — даже стыдно смотреть*),[9] но новейшие записи отражают уже литературное значение слова, ср.: *сбвись* 'честность, совесть',[10] *кривдой не жила, совесть на совесть жила* 'добросовестно, правдиво',[11] ср. и в картотеке Словаря русских говоров Карелии (ЛГУ): *только у таких людей совесть небольшая; не по совести сделала, я на ней и сейчас серчаю; как его совесть побила; у Нюшки совесть хорошая, хороша девка*, и т. д.

В целом можно установить четкое соотношение между литературным *совесть* и диалектным, разговорным и просторечным (т. е. русским во всей его совокупности) *стыд*. В. И. Даль определенно указывает на такое соотношение, используя пословицы и поговорки, ср.: *в ком стыд, в том и совесть* (вариант: *страх*). Поскольку слово является литературным, в народно-разговорный язык оно проникает не сразу и до сих пор носит следы своего литературного происхождения. Прекрасное и исчерпывающее исследование по истории слова *стыд* позволяет ограничиться краткой исторической справкой: «. . .историю значений слов *студ, стыд, срам* можно реконструировать в виде такой схемы. От синкретического значения 'холод' как явления природы и фи-

---

[7] К о с о г о р о в А. И. Ответ на программу. — Матер. для изучения великорусских говоров. Вып. 11. Пг., 1922.

[8] С о б о л е в с к и й А. И. Великорусские народные песни. Т. IV. СПб., 1898, с. 250.

[9] М а р к о в Д. А. Словарь ветлужского края. — Словарная картотека ЛО ИЯ, шифр № 78 (1912 г.).

[10] Р о м а н о в М. Словарь своеобразных слов в народном говоре. . . Северо-Двинской губ. — Словарная картотека ЛО ИЯ, шифр № 126 (1928 г.).

[11] С и м о н о в В. В. К вопросу о лексическом составе и способах образования наречий в русских говорах. — Учен. зап. Кировск. пед. ин-та, 1957, вып. 11 (материал кировских говоров).

зиологически определяемого болезненного состояния тела к более определенному, узкому ‘переживание, аффект, сопровождающийся ощущениями холода’ (ср.: *стынет кровь в жилах*). Далее обозначение аффекта ‘стыд’ и отсюда социально-оценочное значение ‘позор, поношение’, развившееся путем метонимии, от ‘стыд наготы’ переход к обозначению интимных действий и частей тела, а далее и порока. Последние значения еще и теперь представляются метафорическими, хотя они известны по памятникам с XI в., что можно объяснить их неизменной эвфемистичностью».[12] Специально в лексеме *стыд* (*студ*) развитие значений шло следующим образом: от синкретического ‘ощущение холода, боли’ > ‘мучение от страха, стыда, позора’ > ‘чувство стыда’ > ‘поругание, позор’.

По-видимому, не совсем точно считать слова *студ* и *срам* (*стыд* и *сором*) «древней синонимической парой»,[13] поскольку в соответствии с реальными представлениями древних славян их модель нравственных понятий строилась по «отстраненно-бинарному» принципу. Каждое понятие как бы расслаивалось на два равноценных представления, обслуживаемых разными лексемами. Одна из них обозначала «самочувствие» субъекта переживания, а другая — «объективированное» отношение к этому переживанию со стороны других членов коллектива (общины). Подобных «ложных» синонимов может быть одновременно до сотни пар, ср.: *горе* как проявление чувства — *бѣда* как отношение к этому действию (аналогичное соотношение в парах типа *честь — слава*, *радость — веселье*, *страх — гроза*, *скорбь — печаль* и т. д.), но также и *студ* (*стыд*) как проявление индивидуальной совести и *срам* (*сором*) как отношение к этому чувству со стороны, как отстраненно-объективированное отношение коллектива, в котором соответствующие проявления совести имеют свою ценность. Впоследствии с обобщением человеческой точки зрения на всякого рода нравственные отношения, с развитием индивидуалистических тенденций нового времени такая семантическая модель претерпела преобразование, поскольку древнее (но все-таки более развитое по отношению к первобытному) противопоставление индивида самого по себе и индивида как проявление и воплощение общества стало нерелевантным.

Когда это произошло и старый дуализм нравственных понятий был устранен, замещение «синонимической пары» *стыд — срам* одним словом, например словом *совесть*, стало вполне возможным также и в народно-разговорной речи. Помимо всего прочего, слово литературного языка наиболее отвлеченно передает значение философской категории и отражает (по крайней мере этимо-

---

[12] Ларин Б. А. Из славяно-балтийских лексических сопоставлений. — Вестн. ЛГУ, 1958, № 14, с. 158.

[13] Там же, с. 153.

логически) не физиологическое ощущение (*стыд — стужа*), а ощущение нравственное (*самосознание*).

Таким образом, историю слова *съвѣсть* в русских говорах невозможно отделить от истории слова *студ* (*стыд*) — развитие и обобщение первого из них влечет за собой сужение в значениях второго.

Все значения слова *совесть*, известные в говорах, совпадают со значениями более обычного в них слова *стыд* (*студ*). Многочисленные примеры, представленные в картотеке СРНГ, иллюстрируют такое положение по русским говорам.

Стыд 'позор, осуждение': *а девушка косу заплетет, ленточку вплетет, а две никогда — это как баба, стыд-страм*,[14] также и производные *стыдить*, *стыдливый*, *стыдный* и т. д. Обращает на себя внимание словообразовательное осложнение слова *стыд* для сохранения исходного значения: употребляется не *стыд*, а производные *стыдище*, *стыдовище*, *стыдобище*, *стыдоба*, *стыдобушка*, *стыдота* и др. Само производящее в таком (исходном) значении сохраняется в сочетании со *страм*, с которым в древнерусском оно входило в попарное распределение. Своеобразное отталкивание от литературного значения слова *стыд* проявляется и в других возможностях словообразования; ср. изменение грамматической характеристики в форме *стыдь*, отмеченной еще в Опыте 1852 и характерной больше для северных говоров (в южнорусских говорах форма *стыдь* сохраняет исконное значение 'стужа, холод'). Примеры такого рода особенно интересны, поскольку как раз в литературном языке слово *стыд* не имеет значения 'позор, осуждение' (если, конечно, не принимать во нимание разговорных его форм или употребления сочетания типа *стыд-срам*). Последовательная семантическая контаминация слов *стыд* и *страм* произошла только в диалектных системах.

В самом деле, и сама форма слова *страм* показывает вторичность его в диалекте (при возможной исконной форме *сором*). При этом само слово сохраняет исконное значение 'позор, осуждение', отчасти расширяясь за счет значения 'неприличность' (*сором* 'penis' во всех южнорусских говорах, *соромский* 'неприличный', например, в отношении к ругательству), но в целом не теряя свое исходное семантическое содержание. В какой бы фонетической форме слово ни было бы представлено (*страм* в южно- и среднерусских говорах, *сором* преимущественно в севернорусских и сибирских говорах), само по себе, вне сочетания со словом *стыд* (*студ*) оно в своих значениях не пересекается со словом *совесть* и потому не подвергается влиянию со стороны последнего. Это означает, что в процессе проникновения в диалектную систему слово *совесть* в дублетные отношения вступает только с тем элементом прежнего бинарного противопоставления, который выражал «внутреннее самоосознание» нравственного недостатка, а не

[14] Слов. бассейна Оби, т. III, Доп., ч. II, с. 212.

осуждение его со стороны — и как таковой мог выступать в многочисленных вариантах этого общего значения. Таким элементом прежней диалектной системы было слово *стыд*, всегда выражающее внутреннее переживание нравственного недостатка. Можно установить четкую грань в дробной филиации значений обоих слов: в неодобрительном значении неприличности *сором — срам* передает внешние атрибуты и свойства осуждения (это penis, ругательство, проступок), а *стыд* (*студ*) всегда связан с внутренним, нравственным, внешне не выражаемым самопереживанием субъекта. Тем самым семантическая основа прежнего противопоставления сохраняется, отчасти, правда, нейтрализуясь в производных. Например, прежнее противопоставление возвратного глагола *стыдѣтися* к *соромити, соромотити, срамляти* [15] уже и в диалектной речи дает теперь форму *стыдить* 'делать выговор, укорять', хотя записана она только в произведениях фольклора; ср.:

К нему девка подходила,
начала его стыдить. . . [16]

В литературном языке изменения грамматической системы перекрыли данное, чисто лексическое соотношение между двумя словами, и в нем стало возможным употребление обеих форм в некотором отношении стилистически неравноценных глаголов: *стыдить* и *стыдиться*, *срамить* и *срамиться*. Первоначально, как ясно из древнерусских источников, *стыд* мог быть направлен только на самого субъекта.

Стыд 'скромность, стеснительноть' — такое значение представлено только в производных (в прилагательном и наречии), ср.: *стыдка девчонка* 'скромная, стыдливая' уже в Опыте 1852, затем регистрируется как необычное для литературного языка во многих диалектных словарях,[17] как и наречие *стыдно*.[18]

Стыд 'боязливость, страх', ср.: *глаза стыдятся — боятся света*.[19]

Стыд с оценочным значением качества, что также передается формой прилагательного: «*У той девушки лицо-то стыднее будет*». — *Это что значит?* — *переспросил я.* — «*Ну, по-вашему сказать, морда-то похуже будет*».[20]

Стыд 'холод, мороз, стужа' в говорах распространено до сих пор, иллюстрируется многими примерами всех картотек и слова-

[15] В древнерусских текстах XI—XV вв. только такое употребление указанных глаголов при отсутствии *стыдѣти* (хотя возможны формы *срамитися, срамлятися* в церковнославянских текстах); см. примеры в кн. Материалы Срезневского, т. III, с. 466, 475—476, 582—583.

[16] Соболевский А. И. Великорусские народные песни, с. 208.

[17] См.: Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

[18] Селищев А. И. Диалектологический очерк Сибири. Т. I. Иркутск, 1921.

[19] Зензинов В. М. Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда. — Этнографическое обозрение, 1913, кн. XCVI—XCVII, с. 213.

[20] Там же, с. 207.

рей, отражающих лексему; существует наряду с вариантами *студ*, *студь*, *стыдь*.

Сопоставляя разные значения слов *стыд* и *совесть* в говорах, можно установить некоторую зависимость между их употреблением в речи и исходным семантическим содержанием этих лексем:

стыд	*совесть*
1. 'холод, стужа' (внутреннее физическое переживание)	1. 'самооценка' (внутреннее нравственное переживание)
2. 'боязливость, страх'	2. 'боязливость, страх'
3. 'застенчивость, скромность'	3. 'застенчивость, скромность'
4. 'позор, осуждение'	4. 'позор, осуждение'
5. 'неприличие, неприязнь, бесчестие'	5. 'светлое чувство, приязнь (любовь, честь)'

Выше показано, что 4-е значение очень неопределенно у слова *совесть*, а у слова *стыд* оно возникает в результате пересечения семантики со словом *сором* (*срам*). Это самый новый уровень в семантике этих слов, он связан с четким противопоставлением по оценочному признаку в 5-м значении: 'любовь, честь' в *совесть* развивается в результате отталкивания от значения 'бесчестье, неприязнь' в *стыд* и является следствием вхождения слова *совесть* в диалектную систему. Значения 4 и 5 вообще характерны лишь для разговорной речи и встречаются в говорах, в системы которых новая лексема *совесть* включается, начиная процесс развития от дублета к синониму или антониму. Общее основание для сближения слов содержится в исходных их значениях 1. Строго говоря, значения 2 и 3 — это всего лишь синтагматическое проявление значения 1 (дано как качество в прилагательном или глаголе), но это также способствует дальнейшему сближению диалектного *стыд* и литературного *совесть*. Одновременно происходит усложнение семантической системы говора, поскольку чисто физическое «переживание» как проявление нравственной категории уточняется собственно нравственным «переживанием». Возникает сближение слов на синонимических основаниях.

Поскольку сохраняется прежнее соотношение *стыд—страм* (и парадигматически в системе, и синтагматически в разных устойчивых сочетаниях), разрушение их противопоставления друг другу включает в продолжающийся процесс и значение 4, но происходит это, как сказано, уже (и только) в границах отдельной диалектной системы. Синтагматические проявления этого нового значения у обоих слов (*стыд* и *совесть*) прямо противоположны друг другу и развиваются на антонимических основаниях.

Таким образом, включение в семантическую сеть дублирующих друг друга *совесть* и *стыд* значения «третьего слова» (*страм*) порождает новое значение слов *стыд* и *совесть*, которое синтагматически проявляет себя и н ы м о б р а з о м, чем исходные значения дублетов. Общее развитие, говоря фигурально, идет от

сочетаемости *стыд и страм* к сочетаемости *ни стыда, ни совести* — и именно в негативном восприятии этих качеств. Из столкновения центробежных (антонимических) и центростремительных (синонимических) устремлений двух дублетов постепенно, в каждом говоре по-своему, может определиться свой путь включения «варваризма» *совесть* в семантическую систему говора. По тем примерам, которые приведены выше, можно судить лишь о последовательной субституции (замещении) лексемы *стыд* лексемой *совесть* в синтагматически сходных контекстах; на разрушение исходной диалектной системы указывает тот факт, что одновременно с тем и употребление слова *стыд* становится столь же неопределенным в тех же контекстах, где возможна уже субституция словом *совесть*. Так, в псковских говорах, о которых выше говорилось особенно подробно, диалектологи, записывая речь, считают возможным комментировать употребление слова *стыд* как *совесть*; ср.: *Ей нет стыда, никого в ней нет* (Новоржев); *Никому стыда нетути мамке избу покрыть* (Печоры); *Бога нет — и стыд долой* (Опочка); *Отбей бог стыд — и будешь сыт* (Великие Луки); *бери, я заплачу́, ты в стыду не будешь* ('у тебя на совести не останется') (Великие Луки).

Авторитетность литературного эквивалента тем не менее не дискредитирует семантической цельности диалектного слова, поэтому при работе с диалектными словарями все время приходится помнить, что *стыд* в литературном языке и *стыд* в диалектной системе — не одно и то же слово. Важно отметить, что и на лексическом уровне столкновение диалектного и литературного языка не дает механического внедрения новой лексемы в диалектную систему; происходит постепенное включение новой лексемы с обязательным переходным этапом, когда наряду с основными признаками (в лексической системе — наряду с основными значениями слова) возникают в результате субституции вторичные диалектные признаки слова.[21]

---

[21] О них см.: Колесов В. В. Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков. — ВЯ, 1971, № 4.

П. И. ПАВЛЕНКО

Семантико-стилистические особенности слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах

(В сопоставлении с литературным языком)

Решение вопросов взаимодействия лексики литературного языка и диалектов в значительной мере определяется тем, насколько широким и разнотипным является тот лексический материал, который вовлекается в сферу изучения. В этом отношении весьма перспективным оказывается сопоставительное изучение определенных лексических объединений: тематических, лексико-семантических, структурно-словообразовательных.

Что касается последних, то особую научную ценность представляет исследование структурно однотипных лексических единиц, которые по происхождению являются церковнославянизмами. Важность и необходимость определения разных пластов славянской лексики в словарном составе русских говоров диктуется научной актуальностью и идеологической остротой проблемы соотношения и взаимодействия книжнославянских и народно-разговорных элементов в русском языке на всех этапах его истории.[1]

За последнее время изучение группировок слов, отличающихся однотипностью своей структуры, определяемое целями и задачами исторической, а также диалектной лексикологии, продвинулось вперед и достигло известных успехов.

Детальному рассмотрению подвергаются прежде всего приставочные образования со старославянскими префиксами (например, *пре-*, *пред-*, *из-* в пространственном значении и др.), обширные категории слов с книжными суффиксами, словосложения, неполногласные слова и др.[2] Плодотворным является и то, что осуществляется разносторонний подход к такого рода объединениям: они детально изучаются в структурном, лексико-семантическом и стилистическом отношениях.

---

[1] См.: Филин Ф. П. О генетическом и функциональном статусе современного русского литературного языка. — ВЯ, 1977, № 4.

[2] Об этом подробней см. в работах И. С. Улуханова, Г. И. Белозерцева, Р. М. Цейтлин, О. Г. Пороховой и др.

В подобном направлении проводится анализ слов с приставкой *воз-* в говорах. Первой ступенью такого анализа явилось выявление структурно-словообразовательных особенностей этих слов в говорах в сопоставлении с литературным языком. В настоящей статье ставится задача показать семантико-стилистические особенности префиксальных образований с *воз-* в говорах, при этом учитывается, что в плане установления характера связи и взаимодействия лексики литературного языка и диалектов еще большую ценность приобретает сопоставительное изучение процессов семантического развития этих слов, так как именно семантическими преобразованиями в значительной степени определяются изменения и структурно-словообразовательной и стилистической природы их.

Наибольший интерес представляют семантические преобразования приставочных слов с *воз-*, общих говорам и литературному языку, рассмотрение которых позволяет показать особую направленность семантических процессов в этих разновидностях русского языка, что находит свое объяснение в различии языковых и социальных условий функционирования лексических единиц в системе нормированной, кодифицированной литературной речи и речи диалектной с иными вытекающими из устной формы ее существования закономерностями.[3]

Определяя основные линии в смысловых изменениях слов с префиксом *воз-* в русском литературном языке, следует сказать, что семантическое развитие этих слов шло по двум направлениям.

1. В процессе функционирования в литературном языке XIX в. прямое исходное значение слова выходило из употребления, и семантическая эволюция состояла в развитии переносно-метафорических значений,[4] причем такими преобразованиями были охвачены не только глаголы, как центры словообразовательного гнезда, но и другие представители этого гнезда. Подобные семантические сдвиги произошли у целого ряда слов, например: *восторгать*, *восторгаться*, *возбуждать*, *воспитывать* и их производных.

---

[3] См.: Коготкова Т. С. К вопросу об освоении лексико-семантических единиц литературного языка в современных русских говорах. — ВЯ, 1977, № 3.

[4] О таком характере семантического развития подобных пластов лексики литературного языка см.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 2 и след., с. 172, 333 и др.; Ильинская И. С. К истории словарного состава русского литературного языка XIX в. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. III. М., 1953, с. 158 и след.; Капорский С. А. Из истории лексики русского литературного языка (изменение значений славянизмов). — РЯШ, 1955, № 3; Сафронова А. И. Из наблюдений над семантико-стилистической эволюцией в литературном языке XVIII в. Группы глаголов с приставкой *воз-*. В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Т. 10. Казань, 1974, с. 121 и след.

2. Прямое исходное значение слова не утрачивается, а только видоизменяется, часто преобразуясь, становится специальным, терминологическим. Подобные семантические преобразования характерны для глаголов *возмущать*, *воспламенять*, *воспалять*, *воспринимать* (как и для других однокоренных слов).

Иная направленность семантических процессов характеризует изучаемый пласт лексики в говорах. Как уже говорилось, в результате смысловой эволюции рядом слов с приставкой *воз-* в литературном языке XIX в. были утрачены прямые исходные значения. Выйдя из употребления в литературном языке, слова в таких значениях сохранились в говорах, часто получали широкое распространение и входили в активный лексический запас. Так, у глаголов *воспитывать — воспитать* и *воспитываться — воспитаться* утраченное в литературном языке конкретное значение ‘кормить, питать’ и ‘кормиться, питаться’ оказалось живым и чрезвычайно употребительным в русских народных говорах.

Для установления различий в семантическом развитии слов с приставкой *воз-* в русском литературном языке и говорах весьма показательна смысловая перестройка именно этих глаголов. Однако процессы семантического расщепления глаголов *воспитывать — воспитать*, как и семантико-стилистические изменения других однокоренных слов литературного языка, были уже описаны в иной связи.[5] Теперь же важно подчеркнуть, что перераспределение смыслового комплекса этого слова завершилось в литературном языке в течение XIX в. и что оно, развив отчетливо и ясно переносно-метафорические значения, активно функционирует в современном языке в этом новом своем качестве, а зерно смыслового переноса — его исходное конкретное значение ‘кормить, питать’ реализуется лишь в говорах. При этом обратим внимание на следующее.

Во-первых, в говорах отмечается расширение объема исходного конкретного значения и в силу этого некоторое расхождение в лексической сочетаемости по сравнению с литературным языком, в котором глагол, применяясь в устоявшихся книжных контекстах, сочетался лишь со словами, обозначающими лиц. Наряду с подобным употреблением (ср.: *Младенца мать грудям воспитывала* (Пск.); *Надо ведь одеться, надо воспитываться чем-то, а они все на один пропой* (Печор.)) широко фиксируются свойственные только диалектам факты: *Животную воспитывают сначала, а потом она сама живет* (Гдов. Пск.); *Овечки у людей, воспитывать надо, а она ходит по травы* (Печор.); *Чем их* (котят) *воспитывать?* (Брян.). *Земля стала воспитываться другой природой, и хлеб стал рость получше* (Демян. Новг.). Такие примеры свидетельствуют не только о различиях в сочетаемости слов и особенностях употребления, но и о намечающихся смысловых расхождениях.

[5] Павленко П. И. О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 140 и след.; Коготкова Т. С. Указ. соч., с. 109 и след.

74.142

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Во-вторых, в говорах бытует значительное количество дериватов, появившихся на диалектной почве и имеющих разнообразное применение. При этом надо подчеркнуть, что ряд однокоренных образований не замкнут, он постоянно пополняется новыми словами, что с несомненностью показывает семантико-словообразовательную активность этих глаголов в говорах.

Помимо приведенных в СРНГ слов (например: *воспитальник* и *воспитальница*, *воспитательник*, *воспитомец* и *воспитомка* со значениями ‘приемный ребенок, воспитанник’, *воспитон* и *воспитонка* ‘ребенок, взятый на воспитание в деревню из приюта’, *воспитанница* ‘воспитательница’), записями диалектной речи 60—70-х годов зафиксированы бытующие в говорах подобного рода образования, а также отмечены и новые значения у слов, записанных ранее. Так, у существительного *воспитательник* определяется значение ‘воспитатель’: *Воспитательником он работает* (Тороп. Пск.), а у слова *воспитонка* — более общее значение ‘приемная дочь, воспитанница’: *У меня в Москве воспитонка живет. Я ее маленькую подобрал, вырастил и замуж выдал* (Смол.). В смоленских говорах [6] значение слова *воспитомка* ‘приемная дочь, воспитанница’, известное и другим говорам, широко распространяется, на основе чего формируется новый смысловой оттенок ‘тот, кого вырастили, вынянчили’: *А усе мои унученьки, усе мои воспитомки.* Определяется в нем также значение ‘воспитательница’: *Маленьких детей отправляют в лагерь, там и воспитомки есть.* В таких случаях изменения смысловой структуры анализируемых слов можно усмотреть живые семантические процессы, происходящие в диалектной речи.

О семантико-словообразовательной активности изучаемой лексики свидетельствует и фиксация новых слов. Приведем здесь ряд существительных со значением ‘ребенок, взятый на воспитание, приемыш’: *воспитонец*: *Матка его померла, взял его один человек. Вырос воспитонцем* (Смол.); *Был Петечка воспитонец* (Пск.); *воспитонок*: *У самой было уйма детей, так она еще воспитонка брала* (Пск.); *воспитомок* (Пск.); *воспитанец* и *воспитанка* (Новосел. Пск.); *воспитоник*: *Взяла себе воспитоника* (Смол.); *воспитаненок*: *У нас в деревне с войны у Захаровых воспитанята живут, родители их погибли* (Моск.), а у слова *воспитомник* в смоленских говорах наряду с указанным значением (*у него своих детей не было, а он брал воспитомников*) выделяется и другое — ‘воспитатель’: *Унука на три месяца в лагерь отдали, маленький он. Ну там же с ними воспитомники будут.* Кроме того, в материалах ПОС приводятся и такие отвлеченные существительные, как *воспитанность* ‘принцип воспитания’ и *воспитаньево* ‘воспитанье’.

В-третьих, глаголы *воспитывать — воспитать* и *воспитываться — воспитаться*, функционируя в лексических системах

[6] Материалы почерпнуты из рукописи Словаря смоленских говоров, любезно предоставленной А. И. Ивановой; другие лексические факты извлечены из рукописи и картотеки ПОС и других картотек ЛГУ, картотеки БОС.

многих говоров, являются наиболее распространенными среди слов с приставкой *воз-*. Активно употребляясь с конкретным значением, в прошлом известным и литературному языку, эти глаголы расширяют сферу своего применения и в говорах. Как и в литературном языке, у них образуются новые отвлеченные значения, которые в отличие от литературного языка не являются переносно-метафорическими: 'обеспечивать': *Нынче ничего, фатеранты живут, водой-то воспитывают* (Усть.-Цилем. Арх.); 'содержать, заботиться': *У нас детей-то нет, нас воспитывать некому* (Печор.); 'защищать': *Уж как был, воспитывали от беды* (Онеж.); 'приучать к чему-либо': *Воспитаны мы были к этому, уж не снимали крестов никогда.* (Кириш. Ленингр.).

Показанные смысловые изменения глаголов *воспитывать — воспитать* и других однокоренных слов можно рассматривать как проявление семантической динамичности, свойственной анализируемой категории слов в диалектах.

Таким образом, приведенные факты бесспорно очень важны и показательны для определения особенностей лексического взаимодействия литературного языка и говоров, так как они свидетельствуют о глубоких структурно-семантических и стилистических изменениях этих слов. Относясь в литературном языке XVIII—начала XIX в. к пласту высокой славянской лексики (в своих исходных значениях), эти глаголы в языке нашего времени бытуют лишь в диалектах.

В рамках указанного времени рассматриваемые глаголы претерпели коренные стилистические изменения: из высококнижной сферы употребления они перемещаются в народную речь и полностью утрачивают следы своего былого применения. По существу их можно трактовать как стилистические противоположности.

Сходные семантические изменения можно проследить и у глаголов *возбуждать — возбудить* 'будить, пробуждать ото сна', у которых также утраченное литературным языком XIX в. конкретное значение сохраняется в диалектах, находя разноплановое применение. С одной стороны, они используются в жанрово-разнообразных произведениях фольклора: *А некому пети, рано воспевать, Мелкую челядь рано возбуждати* (Волог., Соболевский); *Я сама, девка, встану, Тебя, парня, возбужу. Возбужу тебе поране И подале провожу* (песня, Ворон.); *Святые ангелы. . .. возбудите красную рыбку, чтобы она шла бы к нам, рыболовам* (Майков. Великорусские заклинания); и с другой — в непринужденной речи: *Возбудил его, а он — ах, сволочи, не побудили* (Пск.). Следует заметить, что в фольклорном же употреблении зафиксировано новообразование *возбуживать*: *Она громким голосом да приговаривает, Строго грозно ведь меня возбуживат* (Агренева-Славянская. Крестьянская свадьба).

В современных говорах в семантическом развитии глаголов *возбуждать—возбудить, возбуждаться — возбудиться* прослеживается тенденция к расширению смыслового объема. Наряду с ак-

тивизацией в обиходно-бытовой речи прямого исходного значения у глаголов *возбудить* и *возбудиться* формируются и закрепляются значения отвлеченного характера. Ср.: *возбудить* ‘начать’. *Англичане возбудили войну-ту* (Арх.); [7] ‘вернуть к употреблению, возродить’. *Старый народ умре, а старые песни надо возбудить* (Печор.); *Много этих песен возбуждено старых* (Медвежьегор. КАССР). Ср. также: *Возбудился катар желудка* (о болезни ‘появиться, начаться’ Гдов. Пск.); Показательно употребление отглагольного существительного: *А это правильно возбуждение старого, надо писать, чтоб не забыли* (‘оживление в памяти чего-либо забытого’ — Пск.).

Если сопоставить приведенные словоупотребления с литературными (при реализации значения глаголов *возбуждать — возбудить* ‘вызывать что-либо к жизни, порождать’), то окажется, что это общее, очень широкое в литературном языке значение как бы расщепляется и конкретизируется в говорах в целом ряде смысловых ответвлений. Образовавшиеся в диалектах у анализируемых слов новые отвлеченные значения по объему и характеру отличаются от переносно-метафорических, появившихся у подобных слов в литературном языке. Безусловно формирование этих различий нуждается в более детальном рассмотрении.

У глаголов *возбуждать—возбудить* словари литературного языка XIX в. продолжают выделять два значения: прямое ‘будить, пробуждать ото сна’ (с отнесением его к высокому славянскому слою лексики) и переносное ‘поощрять, побуждать кого-либо к чему-либо’. Но это скорее дань лексикографической традиции, чем отражение литературного употребления своего времени.

Семантико-стилистические преобразования, которые можно наблюдать у целого ряда слов с приставкой *воз-* (ср.: *возникнуть, восхитить* и др.), протекали весьма интенсивно в литературном языке уже в XVIII в., и это приводило к перестройке смысловой структуры таких слов, поэтому исходное значение, как и сферу своего употребления, глаголы сохраняли лишь в языке указанного времени.[8] В литературном употреблении начала XIX в. оно получает в основном расширительно-образное применение в торжественно-приподнятых контекстах: *О лира, возбуди бряцаньем струн златых И холмы спящие и кипарисны рощи* (Батюшков. Вечер). Или: *И царствует везде порядок неразрывный! Я утром возбужу вселенную от сна.* (Полежаев. Провидение человеку). Использование слова в прямом значении в литературном языке на протяжении XIX в. отмечается редко и не в высоких (как утверждают словари XIX в.), а в сниженных стилях речи: — *Дома что ль Петр-то Васильевич . . . — Ишь спит. . . — Возбуди-кось,*

[7] Пример взят из кн.: Гецова О. Г. Проект Архангельского областного словаря. М., 1970, с. 24.

[8] Это подробно будет рассмотрено в готовящемся к печати Словаре языка XVIII в.; см. также: Сафронова А. И. Указ. соч., с. 119 и след.

я пойду (Гл. Успенский. Хочешь не хочешь). Можно говорить, что рассматриваемые образования претерпели наряду с семантическими и стилистические преобразования: из употребляемых в прямом значении в высоком слоге они на протяжении XIX—XX вв. превратились в стилистически сниженные, обрели просторечную окраску и вышли из общего употребления; однако, оставшись за пределами литературного языка, бытуют в русских народных говорах, в языке фольклора.

Хотя с архаизацией исконного значения переносные по происхождению лексико-семантические варианты, утрачивая смысловую двуплановость (‘будить, пробуждать ото сна’ — ‘поощрять к какому-либо действию, состоянию’), и начинают восприниматься как абстрактные номинативные, все же вновь образующиеся значения не функционируют как вполне равноправные. У глаголов *возбуждать — возбудить* в литературном языке к середине XIX в. на первый план выдвигается и становится стержневым значение ‘способствовать возникновению какого-либо состояния, пробуждать мысль, чувство, желание’, в сущности наиболее удаленное от прямого исходного значения и обладающее высокой степенью абстрактности.

Употребление глаголов в указанном значении в сочетании с существительными самой различной семантики приводит к вычленению довольно четких смысловых оттенков: ‘порождать, вызывать’: *возбуждать* (*возбудить*) *интерес*, *любопытство*, *сомнение*, *опасение*; *возбуждать* (*возбудить*) *стремление*, *желание*, *мечты*; *возбуждать* (*возбудить*) *любовь*, *уважение*, *радость*, *негодование*, *ненависть*, *страсть*, *тоску*, *тревогу*, *зависть*, *удивление*, *подозрение*, *ужас*, *страдание*, *гордость*; ‘увеличивать, усиливать, поднимать’: *возбуждать* (*возбудить*) *внимание*, *участие*, *сочувствие*, *веселье*; *возбуждать* (*возбудить*) *силы*, *борьбу*; *возбуждать* (*возбудить*) *охоту к занятиям*, *аппетит*; *возбуждать* (*возбудить*) *злобу*, *недовольство*, *раздражение* в сочетании с предложным дополнением *против кого-либо* уже связывает это значение с конструктивно обусловленным ‘восстанавливать, настраивать против кого-либо’: *Он кается уже, что вспышкою своего неосторожного характера слишком возбудил против себя временщика* (Лажечников. Ледяной дом).

Становится также широким и употребительным лексико-семантический вариант ‘приводить в состояние нервного подъема, вызывать в ком-либо воодушевление, приподнятость или беспокойство, напряжение; волновать’ в противовес несколько периферийному, специализированному значению ‘предлагать для решения, ставить на обсуждение’: *возбуждать* (*возбудить*) *вопрос*, *ходатайство*; *возбуждать* (*возбудить*) *дело*, *уголовное преследование*.

Вместе с тем в современном языке активно употребляется ряд устойчивых терминологических сочетаний, формирование которых явно обозначилось в литературном языке XVIII в. Здесь имеются

в виду такие словосочетания, как *возбуждать* (*возбудить*) *атом водорода*, *цепную реакцию*, *колебания определенной частоты*, *реле управления*, *магнитное поле*; *возбуждать* (*возбудить*) *пищеварение*, *слюноотделение* и т. п., причем тип подобных сочетаний продолжает интенсивно расти и развиваться.

Таким образом, семантико-стилистическая эволюция глаголов *возбуждать — возбудить*, ясно обозначившаяся еще в литературном языке XVIII в., завершилась в литературном употреблении XIX в. формированием новой смысловой структуры их, в которой образовавшиеся значения в известной мере оказались неравноценными: более широкие обобщенные и более узкие конструктивно обусловленные. Однако в отличие от диалектов в ней четко обозначены ступени смыслового поворота, логика развития этих значений.

Действие системных и структурно обусловленных факторов в ходе смысловых изменений словарных единиц литературного языка также обнаруживается и в том, что семантические изменения, происходившие в глаголах *возбуждать — возбудить*, привели к преобразованию всего гнезда слов и в первую очередь к реализации структурных потенций языка — развитию качественных значений у причастных форм. Развертывание процесса адъективации причастий привело к тому, что не только страдательное причастие *возбужденный* и действительное *возбуждающий* перешли в категорию прилагательных (у страдательных причастий прошедшего времени, как известно, этот процесс протекает интенсивнее всего, действительные же причастия легко приобретают качественные оттенки в силу того, что они, по выражению В. В. Виноградова, «в сущности, лишены формы времени»). Перешло в разряд прилагательных также и страдательное причастие настоящего времени *возбудимый*, хотя у причастий этого типа яснее выражена тенденция к сохранению глагольности и они труднее приобретают качественные оттенки.[9]

Здесь с наглядностью проявляется своеобразие семантического развития данных новообразований: если формы *возбуждающий* и *возбужденный* специализируются на выражении одного из образовавшихся семантических оттенков самого глагола, то у формы *возбудимый* развиваются новые терминологические значения. Так, наряду со значением ‘способный быстро приходить в состояние возбуждения’ появляется специальное (термин физиологии) значение ‘способный отвечать на раздражение’: *Возбудимые ткани. Возбудимым типом у нас называется тот, у которого очень силен раздражительный процесс* (Павлов. Экспериментальная патология. . .).

---

[9] «Причастия на *-нный* и *-тый* гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастие настоящего времени на *-мый*» (Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972, с. 225).

Особенно интенсивно этот процесс формирования терминологических и общих значений захватывает класс отвлеченных существительных на *-ость* от данных причастий. Подобно слову *возбудимый* у существительного *возбудимость* также развиваются два значения: ‘способность приходить в состояние возбуждения’ и ‘способность живой ткани реагировать на воздействие раздражителя’, причем последнее в семантической структуре слова становится ведущим, основным. Это подтверждается разнообразием их использования в специальных контекстах: *Как интенсивность, так и наличность или отсутствие рефлексов прямо зависит от состояния возбудимости рефлекторных центров* (Павлов. Лекции о работе больших полушарий головного мозга). *Под возбудимостью почек следует понимать их способность к быстрому прорастанию на побегах текущего года* (Жучков. Частное плодоводство. Яблоня). *Сернокислая медь быстро и вполне прекращает возбудимость растений* (Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека).

Здесь важно заметить, что слово возникло и функционирует в условиях конкурентной борьбы с уже имевшим место в языке однотипным существительным *возбуждаемость*, зафиксированным еще Словарем Даля.

Сформировавшись в качестве самостоятельных слов, причастные формы *возбуждающий* и *возбужденный* не порывали семантической близости с глаголами и, продолжая развиваться самостоятельно, оставались в семантической орбите их. Первой на самостоятельном пути развития оказалась форма *возбужденный*, получившая распространение во второй половине XIX в., что отмечается Словарем 1891, правда еще с оговоркой «иногда прил.». В ней одновременно развивались два семантических оттенка: ‘находящийся в нервно-приподнятом состоянии; взволнованный’ и ‘выражающий возбуждение’. Ср.: *Садясь в телегу к Павлу, Нежданов вдруг пришел в весьма возбужденное состояние* (Тургенев. Новь). *Легенда, мираж и я — все это продукт твоего возбужденного воображения* (Чехов. Черный монах). *Я читал возбужденный и взволнованный, чувствуя, как бьется мое сердце* (М. Горький. Коновалов).

В современном русском языке слово функционирует в весьма различных лексических сочетаниях: *возбужденные голоса, нервы*; *возбужденный вид, крик, разговор*; *возбужденное лицо* и др., что свидетельствует об интенсивном процессе формирования у причастия качественных значений.

Несколько иначе обстоит дело с причастием: *возбуждающий*, в котором этот процесс носит приглушенный характер, слово употребляется не так активно, а его лексическая сочетаемость довольно ограничена: *возбуждающий гул, стрекот, запах*; *возбуждающее влияние*. Семантический оттенок ‘приводящий в состояние возбуждения; усиливающий возбуждение’ способствовал развитию терминологического сочетания: *возбуждающее средство* (в медицине).

Об устойчивости и широте процессов адъективации причастий свидетельствует образование от них наречий *возбужденно* и особенно *возбуждающе*, их широкое употребление, а также существительного *возбужденность*. Не менее показательны в этом отношении словосложения с *возбужденный* в первой (чаще) или во второй части, например: *Нехлюдов чувствовал себя в особенно возбужденно-деятельном духе, поехал на почту* (Л. Толстой. Воскресение). Известны такие образования, как *возбужденно-радостный, возбужденно-веселый, нервно-возбужденный*.

Таковы в общем виде пути смыслового развития в стилистической перестройке большинства слов рассматриваемого гнезда.

Естественно, что описанные семантические сдвиги и модификации вызывали определенные изменения и у той части слов данного гнезда, которая в литературном языке начала XIX в. отличалась устойчивостью значения и употребления. Здесь имеются в виду такие слова, как *возбудительный, возбудительность, возбудитель* и *возбудительница*. Последние (несмотря на то что уже были малоупотребительными и в языке XIX в.) фиксируются всеми словарями того времени с одним довольно широким значением 'возбуждающий к чему-либо' (например, Словарь 1847). Ср.: *Стрельцы и их возбудители просили князя, чтобы он для них устроил собор* (Муравьев. О расколе) или только в языке XVIII в.: *Начальник упоялся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия* (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

В процессе функционирования в литературном языке XIX—XX вв. у слова *возбудитель* определяется более узкий круг лексически однотипных сочетаний, на основе которых формируются более конкретные, в сущности, терминологические значения. Ср. такого рода употребления: а) в биологии и медицине: *возбудитель болезни, тифа, сепсиса; возбудители-аллергены; возбудитель-токсоплазма; возбудитель слюнной реакции, возбудитель мышечной деятельности сердца*; б) в технике: *переключить генератор на другой возбудитель; нажать кнопку возбудителя* (в экскаваторе); в) в метеорологии: *возбудитель дождя*.

В связи с утратой общего значения слова *возбудительница*, у которого не развивались более частные смысловые оттенки, вышло из употребления в современном языке.

Утратили свою активность и по существу устарели слова *возбудительный, возбудительно*, употреблявшиеся в языке XIX в. очень широко в произведениях различных жанров: а) в научной прозе: *Минин еще говорил им возбудительные речи, и мир обратился к Минину* (Костомаров. Смутное время); б) в художественной прозе и мемуарах: *Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительные части рук повыше локтя* (Гоголь. Мертвые души). *В авангарде послышались винтовочные выстрелы. Звуки эти, как всегда,*

возбудительно подействовали на всех (Л. Толстой. Рубка леса).

В современном языке прилагательное *возбудительный* используется лишь в специальных контекстах: *Внесение в почву таких «каталитических» (стимулирующих, возбудительных) удобрений сопровождается действительно лучшим использованием культивируемыми растениями других веществ* (Краков. Почвоведение). *Та степень возбуждения, при которой возбудительный процесс не распространяется волнообразно, но приурочен к месту своего развития... получила от Введенского название парабиоз* (БМЭ). Подобным образом используется и существительное *возбудительность*, которое, впрочем, было малоупотребительным и в языке XIX в.

Так в литературном языке на протяжении XIX и XX вв. заново сформировалась система значений прежде всего у глаголов *возбуждать—возбудить*, а также и у других однокоренных с ними слов. Изменилась размещенность лексических единиц внутри этой группы, а появление новообразований и утрата старых слов привели к преобразованию состава и характера лексического гнезда. Естественно, семантические изменения, наблюдаемые у слов этой группы, вызывались и направлялись общеязыковыми семантическими процессами и были связаны главным образом с перестройкой смысловой структуры иноприставочных однокоренных глаголов (*разбудить, побудить, пробудить*), их семантическим размежеванием, специализацией на выражении определенных конкретных или отвлеченных значений (например, для глагола *разбудить* 'заставить проснуться'; *пробуждаться* 'вызывать, порождать' и т. д.). Однако прослеживать такие связи — задача особая, самостоятельная.

Таким образом, если семантическую эволюцию слов с префиксом *воз-* в литературном языке определяет процесс метафоризации,[10] полная утрата или видоизменение прямых исходных значений, то для русских народных говоров характерна актуализация именно конкретной семантики слов, а развитие новых значений, отличаясь большой удаленностью от прямых исходных, идет по линии формирования в современном употреблении отвлеченных номинативных значений.

Иногда в диалектах семантическая эволюция слов с приставкой *воз-*, соотнесенных по исконному значению с аналогичными литературными словами, оказывается более сложной и результативной, чем в литературном языке. Так, у некоторых образований с *воз-* на базе утраченных литературным языком конкретных значений развиваются не только отвлеченные, как в литературном языке, но и иного рода конкретные же значения. Например, глагол *восстать* бытует в говорах со значением 'встать, подняться

---

[10] Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 2 и след.; Ильинская И. С. Указ. соч., с. 158 и след.

на ноги'. Ср.: [Курица] *с доски восстанет* (Тихв. Новг.); *Медик порошки давала да колобки, да я восстала, она меня и ожила* (Печор.). Правда, в последнем примере у глагола проявляется некоторая совмещенность семантики: это не просто 'встать на ноги', но и 'воспрянуть духом', т. е. как бы сосуществуют и конкретный и отвлеченный оттенки смысла. Наряду с употреблением в традиционном значении у глагола появляются новые смысловые оттенки: 'проснуться, встать с постели': *У нее муж рано восстал* (Пудож. КАССР); *Как восстала, так на берег бежит мыться* (Медвежьегор. КАССР); 'подняться, стать более высоким': *Ну вот помочит хорошенько, и картовка восстанет, помочит счас земельку, все возрадуется* (Кириш. Ленингр.); 'вырасти, стать взрослым': *Дети восстали все и женились* (Пудож. КАССР).

Вместе с тем в этом глаголе в диалектах формируются, подобно литературному языку, отвлеченные значения: 'заступиться за кого-либо': *Если видел, что его били, дак ты пошто не восстал* (Кирен. Иркут.); *Восстал ты за него? Ни черта! Не восстал* (Пинеж. Арх.); *Он всегда за лодырей восстает* (Свердл.); 'пойти войной, начать воевать': *Гнали, гнали Колчака, опять Деникин восстал* (Вытегор. Волог.). Об устойчивости подобного смыслового наполнения может свидетельствовать факт образования в свердловских говорах существительного *восстатель* 'заступник, защитник'.

Еще более ярким примером такого рода семантических преобразований является существительное *возраст*, у которого чрезвычайно употребительным в говорах оказалось значение 'размер, величина чего-либо', стилистически ограниченное и редкое уже в литературном языке XIX в. (в словарях того времени сопровождалось пометой «церк.»). Ср.: *Камень большой по возрасту, чтоб ни высоко, ни низко* (Холм. Пск.); *Синюшка так птичка така, возраст у ней небольшой* (Кириш. Ленингр.); *Такого возраста дощечкой закрывались* (Опоч. Пск.). (Попутно укажем на совпадение условий употребления с литературным словом *размер*: *по размеру чего-либо, такого-то размера* и т. п.). Однако это довольно общее значение в некоторых говорах уточняется и еще более конкретизируется: 'высота дерева, куста': *Али хочется самой посмотреть возраст* [куста] (Брян.); 'длина чего-либо': *Возьми подстригать волосы, будут расти до определенного возрасту, потом рост прекратится* (Локнян. Великолукск.). Остается употребительным утраченное литературным языком значение 'рост человека': *Возраст мой выше, а года мои млаже.* (Палк. Пск.); *По твоему возрасту как раз* (Пудож. КАССР).

Одновременно с этими у существительного *возраст* в диалектных системах возрождаются и развиваются лексически связанные значения: 'поколение, люди близкого возраста': *Наш возраст принял на себя все трудности* (Подпорож. Ленингр.); *Мати моя чепец носила, наш уж возраст не носит* (Медвежьегор. КАССР); *Это гадание было до меня, до моего возраста* (Гдов. Пск.); 'жизнь,

век': *При своем возрасте я таких не встречал* (Онеж. Арх.); *Что мы на возрасте на своем видели, носили — все была самодельщина* (Гдов. Пск.); *При моем уж возрасте ничем деревня не отличалась* (Лодейноп. Ленингр.); 'взрослое состояние': *За воспитанников до возраста платили. Потом уж стали* [дети] *на возрасте, стали помогать* (Пск.).

В случаях подобного семантического преобразования слов с приставкой *воз-* прослеживаются тенденции к закреплению в них разнотипных значений и вследствие этого к расширению смыслового объема их. Но не только в этом находят свое выражение живые процессы семантического обновления слов рассматриваемого типа в говорах, они проявляются и в возрастании словообразовательной активности их. Подтверждающим фактом такого возрастания служит, например, образование диалектного существительного *возрасть* 'поколение, люди близкого возраста': *Вся наша возрасть многие муки перенесла* (Труб. Брян.).

В более отчетливом виде семантико-стилистические и словообразовательные возможности раскрываются у других слов этого корня при довольно широком и разнообразном их использовании. Так, у глаголов *возрастать — возрасти* архаизировавшееся в литературном языке значение 'расти, становиться взрослым' остается употребительным в народных говорах: *У меня тятя был лесник, возрастала я в лесу. Дети возросли и разделилися. Мы тутошние, роженые, тут и возрастали мы* (Брян.); *В хозяйстве она возрастала в таком, что этого дела не делали* (Пск.); *Я на барском дворе возрастала, невестой стала; шестнадцать годов* (Смол.). Наблюдаемое в говорах применение глагола по отношению к иным объектам живой природы приводит к обособлению конкретного значения 'появляться, вырастать (о растениях)': *Под окошком сад возрос* (Пск.).

Наряду с этими только в диалектном употреблении представлены и глаголы *возрастать, возращивать—возрастить* с таким осмыслением 'выращивать, растить; воспитывать кого-либо': *Девок надо возращивать да воспитывать, вот и приходится идти к богатому мужику* (Арх.); *Как я их возрастала* (Льгов. Курск.); *Ты нужна, пока детей возрастаешь* (Печор.); *Я возрастила двух ребят* (Пудож. КАССР).

Развертывание семантико-словообразовательного потенциала рассматриваемых глаголов идет в направлении смыслового уточнения, разграничения. Так из системы глагольных форм выпадает и получает самостоятельное развитие форма страдательного причастия *возвращенный*, значение которой по сравнению с глаголом сужается до обозначения 'принятый на воспитание': *Девочка-та у нее е, возвращенна она* (Печор.); *У нас возвращенна дочка* (Медвежьегор. КАССР). На базе этого причастия образуются существительные *возвращенник* и *возращенка* 'приемный ребенок': *У них был племянник-возращенник* (Медвежьегор. КАССР); *У меня тогда возращенка-то жила; сразу после войны* (Пудож. КАССР).

В ряду указанных надо назвать еще одно диалектное новообразование — глагол *возраститься* ‘вырасти, подняться (о растениях)’: *Поливай, не поливай, кусточек не возрастится, вспоминай, не вспоминай, уехал — не воротится* (частушка, Каргоп. Арх.).

Иная линия семантических изменений прослеживается у таких слов с конкретным значением в литературном языке, преобразование семантики которых в диалектах остается в пределах выражения только конкретных значений. Например, у глагола *воспалиться* в говорах отмечается значение ‘заболеть, простудиться, разгореться’: *Кашляла так я, просто воспалилась* (Плюс. Пск.); *Поросенок воспалился весь* (Остров. Пск.). Этот глагол употребляется, как видно, в лексически разных условиях: со словами, обозначающими и лицо и животных. С подобной семантикой бытует в говорах глагол *воспламениться*: *Плевотина поднялась, усе у него воспламенилось* (Трубч. Брян.).

Несомненный интерес представляет группа слов с приставкой *воз-*, у которой в говорах происходят разнонаправленные семантические изменения, в то время как в литературном языке уже с начала XIX в. они функционируют как лексические единицы с устоявшимся абстрактным значением. Устарелый в современном литературном употреблении глагол *воздержать* ‘удержать от какого-либо действия’ распространен в говорах в нескольких значениях: ‘содержать’. *Попробуй-ка вас воздержать родителям* (Гдов. Пск.); ‘заставлять находиться где-либо, держать’: *Если вы его довели до такого, вы его и воздержите у себя* (Тихв. Ленингр.); *Воздержите на своем месте* (Прионеж.); ‘сдержать, исполнить’: *Ты должна воздержать свое слово* (Пск.). Из этого материала видно, что осмысление глагола *воздержать* в говорах имеет точки соприкосновения с древнерусским языком, тем самым в них сохраняются черты старой семантики.

По смысловому наполнению слово *воздержанный* ‘спокойный, тихий’ в диалектах значительно ближе к слову *сдержанный*, чем *воздержанный* литературного языка. Например: *Внучек хороший, воздержанный такой. Который воздержанный, тот ничего, тихий* (Пск.). И уже совсем расходится с литературным диалектное значение слова *воздержный* ‘бережливый, скупой’: *Больно скупая старуха была, воздержная* (Кирил. Волог.). Исконная соотнесенность литературных слов *воздержанный* и *воздержный* с кругом поступков, действий человека, не допускающих излишеств в чем-либо, в говорах меняет свою направленность на определение характерных качеств человека, т. е. значительно сужается.

Таким образом, переосмыслие в говорах некоторых слов литературного языка протекает в направлении от обобщенного к более частному и даже конкретному. Так, слово *возможность* с обобщенной семантикой в литературном языке в говорах имеет значение ‘достаток’: *Пока не накопили возможности, так и не шли* (Ляд. Пск.); *У кого какая возможность* (Красногор. Пск.). Приведем другие примеры подобного рода: у слова *вознаграждение* фикси-

руется в диалектах значение ‘взятка’: *Так он, чтоб скорее сделали, давал вознаграждение* (Плюс. Пск.), а у глаголов *возродиться* ‘появиться на свет, родиться’: *Я как возродивши, так навечно тут и живу* (Красногор. Пск.) и *возвеселиться* ‘подняться (о цветах)’: *Цветочки все возвеселились от дождя, может и картошка подымется* (Кириш. Ленингр.).

В слове *возмужать* в говорах объединяются весьма различные значения: образно-расширительное ‘по характеру, делам стать похожим на мужчину (о женщине)’: *Женщины возмужали, а мужчины обабились* (Пск.) и конкретное ‘воспрянуть, подрасти (о растениях)’: *Кабы сутки трое пал дождь, дак возмужала бы картошка-та* (Пинеж. Арх.).[11] Прилагательное *возмужалый* в диалектах реализует значение ‘пожилой’: *С вами две возмужалых женшины приезжали* (Почеп. Брян.). Ср., однако, иной характер значения у бытующих только в говорах глаголов *возмужаться — возмужиться* ‘набираться мужества, уверенности в себе’: *Надо возмужаться крепче. Мне никак не возмужиться, век живешь, все как обиженная* (Пск.).

Диалектное значение глагола *возмущать* ‘волновать, очень интересовать’ отличается от литературного большей близостью к исходному, номинативному: *Если звеньевого так это возмущает и хочет знать, кто что поймал, пусть идет узнает* (Гдов. Пск.).

В одном ряду с указанным можно рассматривать и значение в говорах прилагательного *восприимчивый* ‘гостеприимный, чуткий’: *Она восприимчивая, тые другие гордые, а она когда хошь приходи* (Новг.).

Иногда семантическая эволюция слов с приставкой *воз-* в говорах совершается в том же направлении, что и в литературном языке, и в системе значений таких слов наличествуют и конкретные и абстрактные. В этом отношении представляет интерес глагол *воскреснуть*, весьма употребительный в говорах в нескольких значениях, одни из которых явно тяготеют к слову *воскреснуть* литературного языка. К подобным значениям можно отнести: ‘появиться, завестись; появиться вновь’: *Сперва были кованы косы, тяжелы, а потом уж литовки воскресли, легоньки* (Пудож. КАССР); *Ты если им продашь хлеб да лук, так деньги и воскреснут, не было денег, а потом вдруг появились. Раньше были сетки, а теперь опять воскресли* (Медвежьегор. КАССР); ‘проявиться, оказаться кем-либо’: *Выйдешь* [замуж], *он не пьяница, а воскреснет потом пьяница* (Пудож. КАССР); ‘начаться, возникнуть; возобновиться’: *Когда воскресла война, пошла я со всеми в суземок* (Беломор.); *Приехали с финской, а война опять воскреснула. Его-то нет, то девки спокойно живут, а как приедет, то шум-то как воскреснет, вот беда* (Медвежьегор. КАССР); ‘вырасти, подрасти, ожить’: *Внук тут у их воскреснул, взрослый стал, а то совсем маленький был* (Медвежьегор. КАССР); *Вот дети*

[11] См.: Симина Г. Я. Пинежский говор. Калининград, 1976, с. 136.

приедут, оборвут цветы, уж тогда они воскреснут (Новг.). В таких употреблениях можно усмотреть семантическое сходство изучаемых глаголов в говорах и литературном языке. Но в диалектном употреблении намечаются отличные от литературных смысловые черты: ‘явиться перед глазами, показаться’: *Собака чья-то на ступеньках воскресла* (Медвежьегор. КАССР); ‘появиться на свет, родиться’: *Как воскреснут двое, поди знай* (Пудож. КАССР). Однако не они являются определяющими для семантики слова в целом.

О семантической однотипности этих глаголов в говорах и литературном языке говорит характер значения диалектного глагола *воскреснуться* ‘подняться на ноги, зажить получше’: *Может воскреснемся* (Рогнед. Брян.).

Осмысление глаголов *восстановить* и *восстановиться* в говорах хотя и приближается к литературному, но полностью не совпадает с ним. Ср. также употребление: *У нас лошадь взяли и корову. На Урал выслали, потом восстановили, дак он не приехал* (Подпорож. Ленингр.). В нем литературное значение ‘вернуть в прежнее общественное положение’ сужено до ‘восстановить в правах, реабилитировать’. С другой стороны, литературное ‘привести в прежнее нормальное состояние’ (оно соотносится с миром живой и неживой природы: *восстановить город, завод, хозяйство*; *восстановить здоровье, силу*; *восстановить согласие, дружбу, мир*; *восстановить репутацию, славу* и т. п.) видоизменяется в говорах до ‘исправить (о человеке)’: *Дак мне жалко его, думала, как бы человека восстановить* (Пудож. КАССР). Дальнейшее семантическое расхождение обнаруживается в диалектном использовании глагола *восстановиться*, в основе значения которого прослеживается идея появления кого-либо где-либо: *Там их восстановилось, детей-то сколько* (Терск. Мурман.).

Еще большим отходом от литературной семантики характеризуется слово *восстановлять* ‘воспитывать, направлять’: *Нельзя так, бабушка, говорить, — стала она меня восстановлять* (Терск. Мурман.).

В сущности показанные здесь изменения сводятся к двум основным типам.

1. Утраченные в литературном языке еще в конце XVIII в. словами с приставкой *воз-* прямые исходные значения находят широкую реализацию в современных русских говорах, где они не просто сохраняются на правах реликтовых, периферийных, а являются центральными и стержневыми (ср.: *воспитывать, возбуждать, возраст* и др.). Во-вторых, с утратой прямого значения прочно закрепившиеся в литературном языке XIX в. отвлеченные лексико-семантические варианты слов, сформировавшиеся в качестве переносно-метафорических, теряют семантическую двуплановость и начинают восприниматься как номинативные. Таким образом, возникшие слова в языке изучаемого времени переходят в разряд отвлеченной лексики.

Вновь образующиеся значения указанных слов в говорах либо остаются конкретными, либо конкретными и отвлеченными, но всегда воспринимаются как номинативные.

2. Слова литературного языка с отвлеченной, большею частью общей семантикой преобразуются на диалектной почве в лексические единицы с более узким абстрактным значением, а чаще всего — в слова с конкретным смысловым наполнением.

Не меняют сути дела и диалектные факты, подобные следующим: а) глагол *возвышаться* с конкретным значением в литературном языке в говорах выступает с отвлеченным 'экономически усиливаться, укрепляться': *Хозяйства стали возвышаться* (Пск.); б) употребление в говорах однокоренных с литературными и явно книжных в общем языке образований типа *возносливый* 'гордый' и *возносливость*: *Кака девка вознослива прытко, такую замуж долго не берут. Так устроил за их возносливость, что больше не взял ее* [замуж] *никто* (Медвежьегор. КАССР).

Таким образом, если в литературном языке основным процессом, определяющим семантико-стилистическую эволюцию слов с приставкой *воз-* было развитие абстрактной семантики как приспособления подобных книжных слов к выражению отвлеченных понятий, то в русских народных говорах это развитие не выходило за пределы обозначения конкретных действий, явлений.

Для определения связи и взаимодействия лексики литературного языка и русских народных говоров не менее важным является сопоставительное изучение изменений характера употребления и стилистической окраски слов с приставкой *воз-*.

Из огромного церковнославянского лексического наследия (а характер и объем этого наследия обусловливались прежде всего ролью церковнославянского языка как языка христианского культа, богослужения) в русском литературном языке ассимилировались только такие лексические единицы, которые, либо приспособившись к выражению абстрактных понятий, вошли в фонд отвлеченной лексики, либо пополнили состав эмоционально-экспрессивных лексических средств его, причем такие процессы наиболее интенсивно протекали в литературном языке конца XVIII и первой четверти XIX в.

Поэтому в литературном языке начала XIX в. функционировало значительное количество слов с приставкой *воз-*, использовавшихся в разных сферах и стилях (в языке поэзии, художественной и научно-философской прозы, публицистики и т. п.) и сохранявших ярко выраженную стилистическую окрашенность слов книжных, церковнославянских.

Однако их стилистическая природа не оставалась неизменной, хотя и до настоящего времени прочно удерживается мнение, что «все глаголы с префиксом *воз-* относятся к книжной или высокой лексике» (Грамматика, с. 257).

И количественное их выражение оказывается не таким значительным, как об этом принято говорить. Если не принимать во

внимание факты литературного словоупотребления и судить об их количестве даже по данным Словаря 1847, вобравшего почти весь фонд лексики, связанный с церковной литературой, церковным обиходом, то получается, что всего в словарь включено около 800 слов с префисом *воз-*, из них немногим более 200 имеют помету «церк.» (т. е. признаются самим словарем не вошедшими в литературный язык), а характер употребления половины остальных (не имеющих этой пометы) иллюстрируется именно церковными текстами, что также дает основание относить их (если не все, то большую часть) к церковным. В итоге остается 300—400 слов с приставкой *воз-*, которые можно считать, по мнению самих составителей словаря, вошедшими в русский литературный язык.

Постоянно происходившие в литературном языке на протяжении XIX в. преобразования семантической и морфологической структуры изучаемых слов (о структурных изменениях речь шла в другой нашей статье) [12] существенным образом изменили характер стилистического использования и эмоционально-экспрессивной тональности их.

Не имея возможности здесь рассматривать эти вопросы с требуемой (по их важности и значению) детальностью и полнотой, укажем, что основным и определяющим в стилистической перестройке слов с префиксом *воз-* была нейтрализация их, направляемая действием, с одной стороны, общеязыковых семантических и структурно-образовательных процессов, а с другой — изменениями, свойственными именно указанным лексическим единицам как структурно однотипным языковым фактам.

Пройдя долгий путь семантико-стилистического развития, обрели стилистическую нейтральность, т. е. возможность употребляться в разных стилях или сферах русского литературного языка, определенные категории изучаемых слов, и прежде всего таких, как *возникать*, *возражать*, *восхищать*, *восхищаться*, *восторгаться*, *возвращать*, *возвращаться*, *возделывать*, *восставать* и др., смысловая структура которых больше не базировалась на этимологически выводимом составе их, не являлась результатом взаимодействия в слове значений приставки и основы.

Устранение смысловой членимости словарной единицы (основанной, как уже говорилось, на выделяемости приставки и производящего слова), затемняя внутреннюю форму, восходящую к церковнославянскому источнику, сообщало новой семантике такой единицы более общий характер и в известной степени снимало стилистическую ограниченность.

В результате подобных внутрисловных перестроек существенным образом изменились сфера и характер употребления рас-

[12] Павленко П. И. Структурно-словообразовательные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978.

сматриваемых слов, их стилистическая окраска: из слов книжных они превращаются в стилистически нейтральные.

Не ставя задачи проанализировать относящийся сюда материал, выражу лишь свое несогласие с мнением о том, что в синонимическом ряду *возвратиться — вернуться — воротиться* стилистически неограниченным является глагол *вернуться*. Это слово используется «во всех стилях речи» — утверждает Словарь синонимов русского языка. Но оно не находит применения, например, в официальных сообщениях (разве можно прочесть: *Председатель Совета Министров вернулся из заграничной поездки*), между тем как глагол *возвратиться* употребляется не только в подобных, но и в подчеркнуто разговорных контекстах и даже народной речи: *Зажжет какое крайнее помещение: сарай, клуню, сеновал и возвращается. Чтоб такой год больше не возвращался* (Брян.).

Стилистическая нейтрализация глаголов *возвращать — возвратить* и *возвращаться — возвратиться* может происходить в силу парадигматической ущербности синонимических глаголов *вернуть, вернуться* (не имеющих самостоятельных коррелирующих с ними глаголов несовершенного вида).[13] Выравнивание стилистически неравноценных глаголов совершенного вида *вернуть, вернуться* и несовершенного *возвращать, возвращаться* шло за счет расширения сферы употребления последних и утраты ими книжной прикрепленности.

В ряду данных синонимических слов на первое место прочно выдвигаются глаголы *возвращать — возвратить* и *возвращаться — возвратиться*. Это поддерживается и возможностью образования отглагольного существительного *возвращение*.

Другую еще более обширную группу составляют такие префиксальные образования, у которых четко определяются значения и приставки, и основы (например: *возобновлять, восстанавливать, возрождать, воспроизводить, воссоздавать, возрастать* и др.) и которые именно в силу актуальности своего значения и высокой функциональной активности неуклонно перемещаются в фонд нейтральных лексических средств.

Эту общую тенденцию стилистического преобразования слов с приставкой *воз-* в литературном языке подтверждают и данные толковых словарей современного языка. Так, в Словаре Ушакова и в МАС приводится немногим более 200 слов с приставкой *воз-* (в их число не входят слова с невыделяемой приставкой: *воздух, восток* и другие их производные), из них в Словаре Ушакова только 30 слов не имеет стилистических помет и они признаются нейтральными (например: *возбуждать, возмущать, воспользоваться, восставать, восторгаться* и др.), а все остальные счи-

[13] Причины появления этой ущербности убедительно показаны А. П. Евгеньевой (Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике. — В кн.: Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972, с. 5 и след.).

таются книжными и сопровождаются различными пометами; в МАС уже 130 слов без помет и нейтральны.

Если принять во внимание различие задач указанных словарей, несовпадение их точек зрения на те или иные языковые факты, то все-таки пополнение нейтрального лексического фонда за счет слов с префиксом *воз-* окажется весьма значительным.

Естественно, нет никаких оснований утверждать, что все слова с приставкой *воз-* утратили свою стилистическую замкнутость. Многие из них, активно функционируя в литературном языке с начала XIX в. как слова книжные, хотя и изменили свою стилистическую природу, остаются стилистически ограниченными словами и в современном употреблении; например: *воспрепятствовать*, *воспоследовать*, *воспротивиться*, *возлагать*, *воззвание*, *воззрения* и др., а также и такие, которые обладают эмоциональной окраской, обнаруживают различные экспрессивные оттенки: высокой торжественности (*возвещать*, *восторжествовать*, *возмездие* и др.), поэтичности (*воссиять*, *воспарить*, *восславить* и т. п.), шутливо-иронической изобразительности (*восседать*, *возлежать*, *возлияние* и др.), официально-деловой тональности (*воспрещать*, *возбранять*, *востребовать* и др.).

Однако, употребляясь в разных сферах литературного языка, многие слова с префиксом *воз-* утрачивали книжную окрашенность и становились стилистически нейтральными. В этом движении к нейтральному и состоит основная тенденция в стилистическом преобразовании рассматриваемого пласта лексики.

Вместе с тем стилистическую перестройку подобных слов определяет и другой, менее широкий, но также ярко выраженный процесс — процесс их архаизации. Немало приставочных образований с *воз-* вышло из активного употребления и стало устарелыми или устаревающими словами.

Таким образом, в современном русском языке слова с приставкой *воз-* характеризуются разноплановой стилистической тональностью. Одни из них носят книжный характер (что является следствием их происхождения и последующего употребления). Другие обрели черты стилистической нейтральности и неограниченность сферы применения. Многие вышли из активного употребления, стали архаизмами. Это дает основание говорить, что в стилистическом отношении изучаемый разряд лексики в современном языке не является однородным.

Стилистически разнообразно слова с приставкой *воз-* употребляются в говорах, в которых обширной областью их применения как слов, эмоционально выразительных, являются произведения фольклора и особенно стихотворные его жанры.

Однако, как определить место языка фольклора, включать ли его в систему диалектной речи или выводить за ее пределы, вопрос сложный и не имеет однозначного ответа. К проблеме взаимоотношения языка устного народного творчества и диалекта привлекается внимание многих ученых. Высказаны различные точки

зрения. Мы присоединяемся к тем положениям, которые выдвинуты в статьях Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова.[14]

На распространенность слов изучаемого типа в языке устной народной поэзии ученые указывали уже давно. Во многих статьях, появившихся за последнее десятилетие, также обращается внимание на это весьма важное обстоятельство.

В произведениях фольклора используются многие приставочные образования с *воз-*, у которых отчетливо обнаруживается их народно-поэтическая окрашенность, например в составе парных почти совпадающих по значению или однокоренных синонимов. Ср.: *воспоить — воскормить*, *восплакаться — возрыдаться*, *возгаркаться — воскричаться*, с одной стороны, *ныть — возныватъ*, *петь — воспевать* — с другой.

Не менее выразительна группа слов с вторичной приставкой *воз-*, особенно в случаях использования их в устойчивых оборотах (*воспроговорить*, *воспромолвить слово*, *речь*) или тавтологических словосочетаниях (*гневно воспрогневаться*), а также образования с аффиксом *-ся* в говорах, противопоставленные словам без *-ся* литературного языка: *воспроситься — просить*, *вострепетаться — затрепетать*, *воздохнуться — вздохнуть*. Здесь ярче всего проявляется стилистическая однотипность подобных образований с *воз-* в говорах и литературном языке как слов книжного источника.

Таким образом, обширной областью употребления рассматриваемой лексики является язык устного народного творчества.

При сопоставительном изучении стилистического характера подобных образований с *воз-* в диалектах и литературном языке оказывается, однако, более значимым и показательным фактом начавшаяся стилистическая эволюция слов с ярко выраженной фольклорной окраской и слов, имевших вековые традиции книжного применения, а затем ставших диалектными (например: *восплакаться*, *воскладать* и др.) и возникших на диалектной почве (*воспелеговать*). Явления такого рода, свидетельствующие об утрачивании фольклорной окраски определенными категориями образований с *воз-* и о переходе их в нейтральный лексический фонд говоров, были рассмотрены в другой связи. Теперь же надо обратить внимание на общую с литературным языком направленность стилистических преобразований у этих слов с *воз-* в диалектах.

Среди слов с приставкой *воз-* еще более обширной и разнообразной является категория таких, которые широко распространены в современных говорах, находятся в активном употреблении и, выступая в обиходно-бытовой речи, обнаруживают свой стилистически нейтральный и даже сниженный характер. Именно

[14] См., например: Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961; Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектные словари. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, и др.

это обстоятельство принципиально важно, поскольку в словах подобного рода раскрываются новые, не вытекающие из стилистической природы их возможности использования и употребления.

В этой связи безусловно показательны следующие данные (они также свидетельствуют о справедливости такого стилистического распределения изучаемой лексики): в СРНГ включено около 300 образований с *воз-* (*вос-*), из их числа только 93 с пометой «фолькл.», а более 200 не имеет помет и в своем большинстве относится к активному словарному запасу диалектов, что подтверждается примерами употребления их в разговорной речи. Уже сами по себе факты бытования книжной по происхождению лексики в живой народной речи знаменательны. Они могут служить доказательством полного стилистического перерождения таких слов и независимого теперь существования в недрах диалектных лексических систем.

Материалы СРНГ почти во всем их объеме уже подвергались изучению в разных планах. Для целей настоящей статьи привлекаются новые факты, извлеченные в основном из словарных картотек ЛГУ и картотеки БОС, в которых сосредоточен весьма обширный и во многих отношениях показательный лексический фонд, собранный уже в 70-е годы.

Многие из этих материалов уже были рассмотрены при выявлении особенностей семантического развития слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах, когда по необходимости приходилось раскрывать и стилистические перестройки слов, вызываемые определенными семантическими преобразованиями их, ведь, как известно, изменение одной из сторон слова непосредственно вызывает перестройку других его сторон, так что смысловые, стилистические и структурно-морфологические преобразования слов взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Другие необходимые материалы — с целью также показать не только характер и сферу применения, но и особенности образования и смыслового наполнения — будут рассмотрены теперь.

Первым определяется противопоставление, когда глаголы книжные и уже устаревающие в литературном языке употребляются с иным осмыслением стилистически нейтрально в обиходно-бытовой речи: *Медвежье сало воспрепятствует коням* ('пугать' — Медвежьегор. КАССР); *Если не возбраняе, то возьмите его с собой* ('возражать' — Пудож. КАССР); семантико-стилистическая эволюция завершается образованием в говорах слова *возбранный* 'скандальный', которое также употребляется нейтрально: *Возбранная жена, это которая всегда ругается. Возбранная больно бабенка, все ругается* (Медвежьегор. КАССР).

В таком же плане могут быть охарактеризованы уже приводившиеся ранее только диалектные образования *вознесливый*, *вознесливость*, а также прилагательное *восприимчивый*, общее с литературным языком.

Употребляются в диалектах, в основном в произведениях фольклора, и двуприставочные образования: *воспринравиться* ‘понравиться’: *Воспринравился Катюше разудалый молодец* (Пудож. КАССР); *воспородить* ‘родить’: *Воспородила та девица двоих богатырей* (Пудож. КАССР). Вместе с тем в говорах этот глагол встречается и в разговорной речи: *Наконец корова воспородила.* Приведенные в СРНГ с пометой «фолькл.» глаголы *воспотеть, воскричать* становятся фактом речи обиходно-бытовой: *Ты вся воспотела, мокра стала* (Онеж.); *Ой да не Олена ли там, воскричи-ка ее по имени* (не ‘закричать’, а ‘крикнуть, позвать’ — Терск. Мурман.). Приводимые здесь материалы можно относить к таким, которые утратили фольклорную окраску и пополнили нейтральный пласт лексики.

Также показательны в стилистическом (все образования употребительны в обиходно-бытовой речи) и в словообразовательном (в них четко проявляются значения приставки) отношении группы слов, у которых выделяются разные словообразовательные значения.

1. Интенсивность проявления физического действия или состояния: *Как сегодня ветер-то воздувает* (‘сильно дуть’ — Бокситогор. Ленингр.), *Пришла и плакала, плакала, возвопила, я ее успокаивала* (‘сильно плакать’ — Медвежьегор. КАССР); *Она не возглашала, а тихо говорила* (‘громко говорить’ — Плюс. Пск.). В некоторых говорах данное слово имеет значение ‘говорить’: *Тот, кто говорит, тот и возглашает* (Медвежьегор. КАССР). Из подобных типов словоупотребления стало возможным образование существительного *возглашение* ‘выговор, произношение’. *Возглашение у вас правильное* (Медвежьегор. КАССР).

2. Начало действия: *Воздрожал сильно, ее увидел* (‘задрожать’ — Печор.); *Если зимой стужа, дрожуха возьмет, воздрожишь* (Медвежьегор. КАССР).

Интересно привести и такие слова, которые имеют отличие не в значении или употреблении самих слов, а в составе словообразовательных элементов.

1. Приставка *воз-* в говорах — другие приставки в литературном языке: *Как бабушка возглянет во окошко* (‘взглянуть’ — Медвежьегор. КАССР); *Принесена* [мука], *так уж надо возделать* (‘сделать’ — Пудож. КАССР); *Если б своим рукам возделать-то все не так, а покупать дорого* (Новорж. Пск.); *Возлегчили от всего, жить легче стало* (‘освободить от забот, облегчить’ — Гдов. Пск.); *Врач дал лекарства, дак только три таблетки воспользовала* (‘использовать’ — Себеж. Великолукск.); *У ей не было воспользовано* (Медвежьегор. КАССР); *Межу воспользоваю, пока жива* (Брян.); *Говорят, что немка перед войной все тут возведала* (‘разведать’ — Соших. Пск.); *Новые люди возъявились, надо их поглядеть* (‘появиться’ — Пудож. КАССР).

2. Приставочное образование в говорах — бесприставочное слово в литературном языке: *Жинка стирала солдатам белье,*

воспомогала ему (‘помогать’ — Погар. Брян.); *Если плаваешь негоразд, мож в клучок затянуть, там вода так возвращается* (‘вращаться, крутиться’ — Дедович. Пск.). Подобные элементы лексики можно отнести к образованиям усложненной структуры, так характерным для народной речи, где они свободно создаются с целью ее украшения.

3. Образования с суффиксом в говорах — бессуффиксальные в литературном языке: *Солнце восходит, восходником зовут* (‘восход’ — Кандалакш. Мурман.) или образования в говорах и литературном языке, отличающиеся суффиксами: *Много забыто, в воспоминках немного осталось* (‘воспоминание’ — Онеж. Арх.).

Можно было бы добавить и другие материалы, но и проанализированных достаточно, чтобы говорить о все возрастающей актуализации данного пласта лексики, о свободном и широком его употреблении.

Собранный в последнее десятилетие и опубликованный в областных словарях и статьях значительный диалектный материал, представляя в подавляющем числе фиксаций именно записи отрывков непринужденной народной речи, уже сам по себе имеет большое значение как отражение реального бытия такого сложного языкового объекта, каким является диалектная речь. Эти материалы наглядно демонстрируют широкую распространенность слов с приставкой *воз-* в говорах, их употребительность в народно-разговорной речи как лексических средств нейтрального языкового выражения.

Таким образом, по характеру и сферам употребления слова с приставкой *воз-* в говорах подразделяются на: а) лексические единицы, употребительные в языке фольклора, в котором и по стилистической окрашенности, и по выполняемым функциям они имеют сходство с книжными словами литературного языка; б) слова, которые входят в активный словарный запас современных говоров и на правах лексических средств стилистически нейтрального плана широко используются в обиходно-бытовой речи.

В расширении стилистической нейтрализации приставочных образований с *воз-* также проявляется общность процессов стилистического преобразования слов в диалектах и литературном языке.

Вместе с тем в употреблении слов подобного вида определяются и существенные различия. Во-первых, они касаются стилистического облика некоторых типов слов. Так, в литературном языке XVIII—начала XIX в. слово относилось (в своих исходных значениях) к пласту высокой славянской лексики, в языке нашего времени оно бытует лишь в диалектах, где широко употребляется в обиходно-бытовой речи и полностью утрачивает следы своего книжного происхождения и былого применения (ср.: *воспитывать, возбуждать, возраст* и др.). В литературном языке слово в исходных конкретных значениях архаизируется и выходит из употребления, в говорах оно активно используется в народно-

разговорной речи без оттенка устарелости (ср.: *возрастать*, *воспаляться*, *воздержать* и др.). Во-вторых, они относятся к самому фонду нейтральных лексических средств, особенностям его формирования и пополнения. Если в литературном языке этот фонд образуется за счет лексических единиц, утративших в процессе функционирования окраску книжности и вследствие этого в своем составе он однороден и не так значителен, то в говорах он создается из генетически разнородных словарных элементов. С одной стороны, в нем представлены слова, вышедшие из употребления в литературном языке или устарелые в нем, но активно функционирующие в диалектах (о них говорилось ранее), а с другой — слова, постоянно возникающие в недрах самих диалектных систем на базе собственного лексического материала с использованием книжного префикса *воз-*; ведь активное образование новых слов, раскрывая словообразовательные возможности различных их типов, вместе с тем является показательным фактом диалектного словоупотребления.

Таким образом, в отличие от литературного языка, в котором давно не возникают новообразования с префиксом *воз-*, в говорах широко бытуют и вновь образуются на базе собственных лексических средств целые группы структурно прозрачных слов с четко выраженным словообразовательным значением, которые уже нет оснований относить к категории церковнославянизмов. В подобных случаях, как справедливо утверждает Ф. П. Филин, книжное воздействие и «выразилось в активизации словообразования посредством этих формантов».[15]

---

[15] См.: Филин Ф. П. О генетическом и функциональном статусе. . ., с. 11.

О. Г. ПОРОХОВА

К вопросу о дифференциации полногласных и неполногласных форм в русском языке

Некоторые общеславянские корни в словах современного русского языка могут быть представлены не только различными формами их исконно русской полногласной, но и несколькими вариантами южнославянской неполногласной огласовки, заимствованными в русский язык со словами старославянского языка. Подобного рода варианты корня иногда получают здесь семантическую дифференциацию. Такая дифференциация, включающаяся в ряд других видов разделения сосуществующих в русском языке полногласных и неполногласных элементов, еще никогда не изучалась. В статье этот вопрос рассматривается на примере слов морфосемантического гнезда общеславянского корня *vold, слова которого имеют в старославянском, древнерусском и современном русском языке три одинаковых семантических центра: 1) власть, господство; 2) иметь что-либо в собственности; 3) иметь возможность, право что-либо делать.[1]

В современном русском литературном языке в морфосемантическом гнезде этого корня существуют следующие его варианты: неполногласные *влад-* и *влас(т)-* (vlad+tь или ti), сложения, образовавшиеся путем их соединения с приставкой *об-*: [2] *облад-* и *област-*, а также полногласный *волост-*.

В значении 1-го семантического центра стилистически нейтральными здесь являются только лексемы с вариантом корня *власт-* (*власть*, *властвовать* и др.). Употребляются также некоторые образования с *влад-*, но обычно это высокие или старинные слова (*владычество*, *владычествовать* и др.) (Словарь Ожегова). Связанное с 1-м семантическим центром значение ‘административная единица’ (территория, находящаяся под чьей-либо властью, управлением) известно в словах с вариантами *област-* (*область* и др.) и *волост-* (*волость* и др.), причем их значения терминологически распределены и закреплены. 2-й семантический центр

[1] Определения значений корней, естественно, лишены семантико-грамматической точности, которая может присутствовать при характеристике только конкретной самостоятельной лексической единицы.

[2] Для простоты изложения в дальнейшем они будут называться также вариантами корня.

в современном русском литературном языке представлен образованиями с вариантами *влад-* (*владеть*, *владелец* и др.) и *облад-*. Последний используется преимущественно в лексемах с производными значениями ‘иметь какую-либо способность, умение’ (*обладать талантом* и др.) и др. 3-й, сохранившийся в современном литературном языке лишь в конкретизированном значении ‘возможность пользоваться, владеть членами своего тела’, весьма далеком от семантики других слов этого гнезда, образуют слова также с вариантом корня *влад-* (*владеть руками*, *ногами*; *руки*, *ноги не владеют* и др.).

Задача статьи — рассмотреть, когда и какими путями в русском языке образовалась семантическая дифференциация вариантов корня *vold-.

В старославянском языке выбор употребления варианта этого корня зависел только от его морфологической позиции в слове. Образования с ним часто имели присоединяемую приставку *об-*: *облад-* и *област-*. Слова с такими основами первоначально семантически отличались от бесприставочных.[3] Однако в ряде случаев это различие утрачивалось,[4] о чем свидетельствуют и использованные нами материалы [5] (лексемы с другими приставками в гнезде в старославянском языке очень немногочисленны, нам известны только слова с *на-* и *не-*).

Значения 1-го семантического центра ‘власть’ встречается в словах со всеми вариантами корня, имеющимися в старославянском языке. См.: *владати*, *владети* и *власти* в значении ‘властвовать’; *владыка* и *властель* ‘правитель’, *власть*, *обладание* и *область* ‘власть’ (Ст.-сл. сл.). Производное его значение ‘нравственная власть’ см. в слове *обладание*: *Того ради* ѡ*бладанига* (-иѥ) *д(оу)-ши полагаѥть(сѧ) тьрпѣнига силою.* (Ст.-сл. сл.). То же в глаголе *обладати* (Садник). Значение ‘земля, страна под чьей-либо властью’ присутствует в словах с *власт-* и *област-*: *власть* ‘государство, царство’, *область* ‘территория, край, находящийся под чьей-либо властью’ *областнъ* ‘епархиальный’ (Ст.-сл. сл.).

Значение 2-го семантического центра ‘иметь в собственности’ представлено в старославянском языке в словах с *област-* и *облад-*: [6] *областель* ‘обладатель, владелец’. *Напрасныи огнь храм въжьжетъ. иже* ѥ*го* ѡ*бластель боудеть въсхытить* ѥ*же может. и бѣжить.* (Ст.-сл. сл.), *области* ‘приобрести’ (имущество): *Подвигноуша сѧ. на семь свѣтѣ ничтоже любити. всегда ничсоже просити, ничимь же* ѡ*бласти хотѧще* (вар. *обладати*) (Ст.-сл. сл.).

[3] По свидетельству А. С. Львова (Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, с. 70), приставка *об-* в соединении с *vold-* имела значение ‘делаться чем-либо или распространяться на что-либо’.

[4] Львов А. С. Очерки по лексике. . ., с. 70—71.

[5] Słownyk jazyka staroslověnského. Praha, 1959 — (далее: Ст.-сл. сл.); Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955 (далее: Садник).

[6] См. в памятниках церковнославянского языка нерусской редакции в таком значении бесприставочные слова с вариантом *влад-*: *владати* ‘иметь

Значение 3-го семантического центра ‘возможность, право что-либо делать’ реализуется значительно реже других. Его указывает А. С. Львов в слове *власть*: *Дасть имъ власть чѧдомъ бжиемъ быти* (Ио. I. II), у которого оно было неустойчивым и в поздних списках памятника преобразуется в значении ‘власть’.[7] См. также слово *невлады* ‘беспомощный’ (о невозможности пользоваться, владеть членами своего тела): *И изнемагаѥ и невлады собою боудеши* (Ст.-сл. сл.).

В письменности древней Руси образования с неполногласными *влад-*, *власт-* употребляются параллельно со словами, включающими восточнославянские полногласные морфонологические варианты корня *волод-* и *волост-*. Полногласные варианты не образовывали устойчивых соединений с приставкой *об-*, а различие значений неполногласных морфов с *об-* и без нее в древнерусских памятниках было, видимо, еще меньшим, чем в старославянском языке.[8] Этому способствовало появление здесь целого ряда слов анализируемого корня с разными приставками, значение которых четко осознавалось (нам известны слова с приставками *без-*, *за-*, *из-*, *не-*, *по-*, *со-*, преимущественно в соединении с *влад-*). В их состав включались образования с *об-* без контаминации с корнем. Все вместе они противопоставлялись лексемам с бесприставочными морфами и с корнями в контаминации с *об-*.

В краткой статье невозможно рассмотреть все особенности использования слов анализируемого гнезда в древнерусской письменности.[9] Заметим только, что многие слова гнезда дублировали друг друга семантически, а те из них, которые различались только полногласной или неполногласной формой корня, и лексически. Дублирование слов с разными вариантами продолжалось вплоть до XVIII в.

В значении 1-го семантического центра использовались слова со всеми вариантами. См. в значении ‘власть’ слова *власты* [Греки] *сущие подъ властью цр҃ства нашего* (Дог. Иг., 945); *область: Отъ цр҃ськыѧ области* (Ефр. Крм.); *волость: А ѡ Корсуньстѣи странѣ...да не имать волости кнѧзь Рускии* (Дог. Иг., 954); в значении ‘иметь власть’ — *владѣти: Слово нн҃е владѣеть*

в собственности’ (Новаковић. Законски споменици српских држава среднего века. Београд, 1912), *владети землею* (Даничић. Рјечник и књижевних старина српских. Т. I—III. Београд, 1863—1864). Ср. *владальный* ‘владетельный, владеющий’ в словаре церковнославянского языка русского извода (Алексеев П. Церковный словарь. М., 1773). Общность использования бесприставочных образований в церковнославянском языке разных изводов свидетельствует о вероятности употребления в этом значении слов без приставки и в старославянском языке.

[7] Львов А. С. Очерки по лексике. . ., с. 70.

[8] Используются: Материалы Срезневского, ДРС; Словарь Дювернуа.

[9] См. об их употреблении, например, в Повести временных лет: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1949, т. 80; Львов А. С. Лексика Повести временных лет. М., 1975, и др.

(Ярл. Узб., 1315); *обладати: Обладающоу Поньтскоумоу Пилатоу Иоудеѣѣ.* (Лука III. Остр. ев.); *володеть: Володѣють Козары Руськии до днѣшнго дне* (Пов. врем. лет.).

См. соответствующие образования в поздних памятниках: *влада* ‘власть’ (АМГ, 1660 — ДРС), *владелец* ‘правитель’ (Сказ. кн. Влад., XVI в. — ДРС), *обладательный* ‘властный’ (Посл. митр. Іон. в Новг., 1448—1458), *обвладети* ‘взять под свою власть’: *Обвладѣ Иерусалимъ* (Проскинитар., 1686 — ДРС), *властитель* ‘повелитель’ (АСВР, XVI в., 1413), *область* ‘власть’: *Моея области то разрѣшити* (Дух. митр. Кипр., 1405). С *волод-* слов в таком значении значительно меньше. Ср., например: *володеть* ‘иметь власть’ (Гр. Новг. и Псков., 1688 — ДРС). (С *волост-* слова в этих значениях в поздних памятниках нам неизвестны).

Значение, связанное с представлением о нравственной власти в древнерусской письменности, как и в старославянском языке, присутствует в словах с *облад-*. *Обладати* ‘владеть своими чувствами’: *Тъгдъ наречетьсѧ къто оубо истиньный властелинъ, ѥгда самъ собою обладаѥть* (Изб., 1073). См. также *изволодѣти* ‘управиться, совладать’ (Ип. л.).

К значению ‘земля под чьей-либо властью’ в памятниках древнерусской письменности примыкает употребление слов 2-го семантического центра, если речь идет о владении землей. Вследствие некоторых экстралингвистических социальных причин их семантика различается не всегда.[10] Здесь употребляются преимущественно образования с *власт-*, *област-* и *волост-*. *Власть*: *Поими брата своѥго Василка к собѣ и буди вам ѥдина власть Перемышль* (Пов. вр. л.); *область*: *Бывше. . . скудити* (вм. скудости) *в Ростовьстѣи ѡбласти* (Пов. вр. л.); *волость*: *А за рубежь изъ Новгородьскои волости твоимъ дворяномъ суда не выводити, ни судити* (Дог. гр. Новг. с в. кн. Мих. Яр., о. 1307).

2-й центр — ‘иметь в своей собственности’ (не только землю) представлен в древнерусский период в словах с *влад-*, *облад-*, *област-* и *волод-* (*власт-* и *волост-* в лексемах с таким значением нам неизвестны). *Владовати* ‘иметь в своей собственности’ (Ч.-М., Гр. Хив. Бух., 1617 — ДРС); *владельщик* ‘хозяин’ (грамоты XVII в. — ДРС), а также *завлаживати* ‘присваивать’ (Ряз. п. кн., XVII в. — ДРС), где вариант с неполногласием присутствует в многократном глаголе (как известно, глаголы такого рода не свойственны старославянскому и церковнославянскому языкам). *Обладати* ‘владеть’: *И так погыбе цр҃ство. . Костѧнтина града и земла Грьчьскꙗ в свадѣ цр҃съ ѥю же обладаютъ Фрази* (Новг. I л.); *областьныи* ‘обладающий’: *Сотвори оубо Бъ҃ чл҃вка. . . всѣмь бл҃гмъ областна* (Іо. екз.). Полногласное *володовати* ‘иметь в собственности’ (Гр. Дв., XV в. — ДРС).

---

[10] См. об этом: Филин Ф. П. Указ. соч., с. 79.

Значение 3-го центра ‘возможность право что-либо делать’ известно нам в отдельных лексемах. *Волость*: *Не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ* (Лавр. лет. — Словарь Дювернуа); *власть*: *Да не имѣють* (Русь) *власти зимовати у св. Мамы* (там же). Производное значение 3-го семантического центра ‘возможность владеть членами тела’ — в слове с *влад-совладѣти*: *Совладѣю руце* (Кирилл Туров., XII в. — ДРС).

Показанный материал свидетельствует о том, что в период до XVIII в. разделение слов анилизируемого гнезда шло только в зависимости от наличия в них полногласной или неполногласной формы корня (без учета различия вариантов каждого) в соответствии с общим характером жанрового распределения полногласных и неполногласных образований в древнерусский период. Слова с полногласием обычно употребляются лишь в деловых и летописных памятниках. В памятниках такого рода встречаются слова с одинаковым морфом полногласного корня в значениях разных семантических центров. В разных значениях такого рода могло употребляться здесь одно и то же слово. См., например, в СРЯ XI—XVII слово *володѣти* в значении ‘иметь в собственности’ в Гр. Новг. и Псков., 1469 и ‘иметь власть над чем-либо’ в Лавр. лет. Слово *волость* в значении ‘власть, господство’ в Переясл. лет. и ‘область, находящаяся под одной верховной властью’ в Лавр. лет., Усп. сб., XII—XIII вв.

Изменения в интересующем нас аспекте для слов с полногласием к концу древнерусского периода все-таки произошли, однако объяснялись они причинами, не зависящими от соотношения вариантов корня внутри своего гнезда. Сужаются семантико-словообразовательные возможности морфа *волост-*, который остается лишь в словах, обозначающих территорию. Это объясняется терминологизацией таких лексем, что приводило к их лексико-семантической изоляции. Слова с *волод-* к XVIII в. полностью утратились. Наиболее поздние из известных нам памятников, где употребляются такие слова, упоминались выше. Поскольку их значения являются преимущественно отвлеченными, исчезновение слов с этим морфом можно считать результатом влияния общей тенденции сохранения в древнерусском языке в отвлеченных значениях слов только с неполногласными корнями.

Что касается вариантов корней в неполногласной огласовке, то их употребление в древнерусский период остается полностью неупорядоченным. Это объясняется тем, что слова, имеющие варианты корня с неполногласием, функционировали в эту пору в двух разных языковых системах — церковнославянской и русской, хотя некоторые из лексем (как одинаковых, так и разных) с такими вариантами, видимо, принадлежали одновременно двум этим системам. Как известно, в древнерусском языке неполногласные морфемы были усвоены рано. Последнее для анализируемого гнезда подтверждается, в частности, наличием в древнерусской письменности деловых жанров аффиксальных образований с *влад-*

и *власт-*, неизвестных в старославянских памятниках. Они не имеют здесь полногласных соответствий. Кроме слов такого рода, упоминавшихся выше, см. *завладети* 'присвоить': *Мельницу завладели у меня* (Нижегор. а. XVII в. — ДРС); *повладети* 'владеть некоторое время': *Теми расчистными мѣстами повладѣть вѣчно* (Гр. Дв., 1691 — ДРС) и др. Иначе говоря, в древнерусской письменности слова с неполногласными формами одного и того же корня (иногда одни и те же лексемы) подчинялись закономерностям разных языковых систем. Это и приводило к невозможности упорядочивания использования здесь неполногласных вариантов.

Встречаясь в памятниках разных жанров, в том числе деловых и летописных, слова с различными вариантами неполногласного корня могли иметь значения одного семантического центра. Это было видно из приведенных выше цитат из древнерусских памятников. Примеры употребления одного слова в значениях разных семантических центров можно в большом количестве увидеть в СРЯ XI—XVII. См. здесь: *владаемый*, *владелець*, *владельный*, *владѣлщикъ*, *владѣние* и др., а также *властвовати*, *властелинъ*, *властель* и др.

В начале XVIII в. характер употребления слов анализируемого гнезда не отличается от предшествующего периода. Однако со второй трети века начинается интенсивное семантическое и стилистическое их размежевание, результатом чего явилась семантическая дифференциация корневых вариантов с неполногласием.[11]

В значении 'власть, господство' в начале века известны слова со всеми неполногласными морфами. *Властвовать* 'властвовать': *Властвовать подданными* (Арх. Куракина, 1707); *область* 'власть': *Прежде сего был под областью польскою, а ныне под державою российскою содержится* (Геогр., 1719); *владелец* и *владыка* 'государь, начальник' (Вейсм. Лекс.); *обладать*: *Кто ими обладает* (Татищев. Разг.). Позднее в нейтральном лексическом фонде в значениях этого центра остаются только лексемы с *власт-*, а с *област-* выходят из употребления, что касается слов с *влад-* и *облад-*, то со второй половины XVIII в. они начинают использоваться исключительно в сочинениях высокого стиля. Семантическое выделение образований *власт-* происходит путем длительного и сложного процесса лексико-семантического и стилистического размежевания лексем. Рассмотрим этот процесс на примере нескольких слов.

Лексем с *област-*, относящихся к значению 'власть', вообще очень немного: кроме *область* 'власть' нам известно слово *областник* 'praefectus' (Поликарпов). Во второй трети века *область*

---

[11] Использованы материалы картотеки СРЯ XVIII в. Словарного сектора ЛО ИРЯЗ АН СССР.

употребляется преимущественно в производном значении — ‘о нравственной власти кого-либо или власти каких-либо обстоятельств’, причем исключительно в сочинениях высокого слога. Ср.: *Когда нет области над жизнию своею, так что ж осталося под властию моею?* (Сумар. Хорев). В последней трети века оно встречается уже только в утвердившемся у него и позднее значении ‘земля, территория, находящаяся под чьей-либо властью’. В научной и политической литературе такое его значение приближается к терминологическому: *Законодательная власть разделяет государство на области, округи* (Радищ. Опыт о законодательстве). От этого значения появляется прозрачно с ним связанное производное значение ‘о совокупности фактов одного разряда’ (первоначально ‘занимаемое чем-либо какое-либо пространство’): *Все пределы воздушной области* (Крыл. Почта духов); *Переход в область химер* (Моск. Мерк., 1803).

Семантическая судьба слова *власть* была противоположной. Основным у него делается значение ‘власть’. Все более широко используется это слово также в значении ‘нравственная власть’ (*власть любви, добродетели* и др.). Слова с таким морфом в значении ‘территория под чьей-либо властью’ строго ограничиваются в употреблении сферами высокого слога (Ломон. Ода и под.).

В значении ‘территория, находящаяся под чьей-либо властью’, кроме указанного выше *область*, в XVIII в. употребляются слова с вариантом полногласного корня *волост-*: *волость* и производные, которые еще в древнерусскую пору стали относиться к образованиям с этим кругом значений. В XVIII в. *волость* значит ‘несколько деревень или сел одного ведомства или одного помещика’ (САР). См.: *Приехали ночевать в деревню дворцовых волостей* (Путешествие П. А. Толстого, 1697—1699). *Вас* [крестьян] *покупщики ваши хотят приписать в свою волость* (Радищ. Путешеств.).

Для 2-го семантического центра ‘иметь в собственности’ в нейтральном лексическом фонде делаются все более характерными слова с *влад-*.

В некоторых словах сосуществуют значения 1-го и 2-го центров. История каждого из них складывается по-своему. Например, в слове *владелец* указанное выше значение 1-го центра ‘государь’ известно приблизительно до середины века: *Подданный живет со своим владельцем яко бы он ему был равный* (Ежем. соч., Опис. Касп. моря, 1769). Позднее у него сохраняется только значение ‘хозяин чего-либо’. Слово *владыка* до конца века используется в двух этих значениях, но функционирует лишь в контекстах высокого слога: *Я ль еще владыка Рима?* (Радищ. Песнь истор., 1807); [К у т е й к и н:] *Дому владыке мир* (Фонвизин. Недоросль).

Серию аналогичных образований представляют слова *владение, владеть, владетель* и *обладание, обладать, обладатель*. Все они совмещают значения 1-го семантического центра (особенно активно используемое в первой половине XVIII в.) и ‘иметь в соб-

ственности'. *Владение.* 1. *Венецианские дожи самодержавное владение имели* (Примеч. Ведом., 1732); 2. *В начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел право на владение ее* (Радищ. Путешеств.); *владеть.* 1. *Новая Швеция была прежде всего под шведским владением, а ныне владеют англичане* (Геогр., 1719); 2. *Землей владеть* (Татищев. Эк. зап.); *владетель.* 1. *Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога* (Ломон. Письмо Шувалову, 1761); 2. *Движимое имущество в руках владетеля находится* (Десницк. Слово, 1768); *обладание.* 1. *Ныне он* [город] *под обладанием турков* (Тредиак. Тилемах); 2. *Их воспитал он достойным к обладанию того великого иждивения, которое от него. . . им достаться может* (Елаг. Приключ. маркиза, 1767); *обладать.* 1. *Минерва Россией обладает* (Сумар. Притча, 1787); 2. *Дражайшая, возьми все, чем я обладаю* (Фильдинг. Пов. о Том. Ионесе, 1770); *обладатель.* 1. *Он был могущественнейший государь в Европе и, следовательно, потому составлял первую между обладателями особу* (Десницк. Рассужд. юридич.); 2. *Обладатель четырехсот тысяч ливров* (Моск. Мерк., 1803).

В течение второй половины XVIII в. указанные слова разделяются семантически и стилистически, но все они сохраняют связь со 2-м семантическим центром. *Владение* и *обладание* конкретизируется в значении 'земельное владение': *У него прекрасное владение на берегу канала* (Моск. Мерк., 1803); *Поживу в пределах твоего обладания* (Радищ. Путешеств.). Вместе с тем слова с *облад-* используются в расширяющихся в употреблении производных не только 2-го, но и 1-го центра: 1. о владении чем-либо невещественным (*обладать достоинствами, разумом* и др.); 2. о нравственной власти и власти чего-либо: *Обладать собой. Бешенство мной обладает* (Елаг. Приключ. маркиза, 1767); *Обладатель своих страстей* (Десницк. Рассужд. юридич., 1772).

Слова 3-го семантического центра имеют обычно вариант *влад-* и конкретизированное значение 'возможность пользоваться, владеть членами своего тела'. См.: *владеть*: *Владеть членами тела* (Лекс. Волчк., 1755); *Ногой не владеет* (Докл. в Сенате, 1713). Однако см. это значение в слове с *власт- безвластный* (Вейсм. Лекс. дает ему определение 'бессильный'). Это значение может распространяться на возможность, умение владеть каким-либо инструментом: *Владеть топором* (Посошков. Кн. о скуд. и бог.); *Рулем владеть* (Кантемир. Сатира) и др.

Таким образом, к концу XVIII в. складывается система использования слов с разными вариантами, близкая к современной. Видимо, именно к этому времени распределение значений слов по семантическим центрам начинает ставиться в зависимость от характера формы его корня. Так, указанное выше для 3-го центра слово с нетипичным для него морфом *власт- безвластный* в значении 'бессильный', судя по материалам картотеки, малоупотребительно и позднее утрачивается вовсе. То же относится к другим

словам гнезда. Как говорилось выше, в основном значении 1-го центра уходят из употребления все образования с *облад-*, *област-*, а с *влад-* остаются только в высоком стиле. Производные значения закрепляются в словах с вариантами корня своих производящих. Однако и в XX в. производные от 1-го центра остаются не только в словах с *власт-* (*власть обстоятельств*), но, как уже говорилось, и *влад-* (*овладеть собой*), а также изредка с *облад-* (*самообладание*). Причиной утверждения в них корневых морфов, которые в основном значении стали стилистически ограниченными, является, видимо, то, что эти производные начали формироваться как широкоупотребительные в XVIII в. — в пору, когда семантический центр, куда они входят, располагал еще свободно словами с такими вариантами.

Интересно, что некоторые из переносных значений начинают связываться с прямым значением слов с теми корневыми морфами, которые имеются и в этих переносных, вопреки первоначальной их семантической связи со словами, имеющими отличающийся вариант корня. Например, слова с приставкой *со-* (*совладать* и *совладеть*) имеют прямое значение ‘одержать победу (в сражении, драке)’, но чаще употребляются в переносных ‘справиться с каким-либо делом, работой’ (*совладать с делом*), ‘заставить действовать какой-либо предмет, инструмент’ (*совладать с палкой*) и ‘справиться со своими чувствами’ (*совладать с мыслями, с сердцем, с самим собой*). Благодаря наличию в них корневого морфа *влад-*, а не *власт-*, несмотря на то что они семантически связаны с центром ‘власть’, их переносные значения воспринимаются как соотносящиеся со 2-м семантическим центром. Прямое значение этих слов ‘одержать победу’, имеющее явное отношение к 1-му семантическому центру, в языке XX в. становится просторечным (*совладать*) или устаревшим (*совладеть*), т. е. уходит на периферию литературного употребления. Симптоматично, что и в переносных значениях, возможно, именно в связи с неточным соотношением их семантики и формы корня в языке XX в. эти слова употребляются лишь в разговорной сфере языка, тогда как еще в XIX в. они, видимо, имели немаркированное использование. Таким образом, уточнение семантической дифференциации корневых морфов анализируемого морфосемантического гнезда продолжается вплоть до XX в.

Рассмотренный материал показывает, что семантическое разделение вариантов корня с неполногласием в анализируемом гнезде начинается лишь в середине XVIII в., а в XIX в. можно говорить уже о сложившейся системе этого разделения. За один век сформировалась дифференциация, которая не могла выработаться в течение предшествующих семи веков сосуществования русских и старославянских элементов в древнерусской письменности. Это можно объяснить тем, что именно в середине XVIII в. происходит перестройка функциональных сфер применения церковнославянского и русского языков. Церковнославянский язык

с этого времени остается актуальным лишь в сфере собственно церковного языка. В гражданской же письменности образуется русский литературный язык с единой системой. Функционирование слов в единой языковой системе явилось предпосылкой семантической специализации вариантов корня. Такая специализация усиливала лексико-семантическую выразительность слов и ликвидировала параллелизм дублетных образований с неполногласием и полногласием.

Словообразовательная сторона процесса распределения вариантов корня в словах со значениями разных семантических центров может стать предметом специального рассмотрения. В статье будет вкратце определен лишь общий характер морфемного состава слов морфосемантического гнезда до и после появления семантического разделения корневых вариантов.

Приведенный выше материал показывает, что нерасчлененность использования морфов корня в старославянских и древнерусских памятниках основывалась, с одной стороны, на многозначности и многообразности основных слов гнезда, являющихся исходными в словообразовательных рядах. Это предопределяет то, что слова с одним морфом могли относиться к разным центрам и, наоборот, слова с разными морфами — к одному и тому же. См. в старославянском: *владати* 'властвовать' и 'иметь в собственности', но как *обладати*, так и *области* 'приобрести', *владати* и *власти* 'иметь власть', *власть* и *область* 'территория, находящаяся под чьей-либо властью' и др. В древнерусских памятниках: *власть* 'власть', 'земля под чьей-либо властью' и 'возможность, право что-либо делать', *владети* 'иметь власть', а *владовать* 'иметь в собственности', вместе с тем *влада* и *область* одинаково значили 'власть', *власть*, *область* и *волость* 'земля под чьей-либо властью'.

С другой стороны, в словах одного центра употреблялись суффиксы, которые при соединении с корнем вызывали появление неодинаковых его вариантов. См. слова с синонимическими суффиксами такого рода в старославянском языке: *влад-ыка* и *влас*[*т*]-*ель* 'правитель', в древнерусских памятниках *влад-елец* и *влас*[*т*]-*итель* в том же значении. При этом в словах разных центров имели место суффиксы, фонемный состав которых определял наличие в них одинакового варианта корня. См. в древнерусских памятниках: *владелец* 'правитель' и *владельщик* 'хозяин'.

Неупорядоченность морфемного состава слов остается в гнезде и в первую половину XVIII в. См., например, здесь слова с одинаковыми значениями и одинаковыми суффиксами, выступающими, однако, в таком фонемном составе, который обусловливал наличие в слове разных вариантов корня: *влад-е-тель* и еще не упоминавшееся *влас*[*т*]-*и-тель*, оба в значении 'господин'.

Таким образом, в старославянском языке использование того или другого из вариантов неполногласного корня включалось в общую систему характерных для этого языка фонемных изме-

нений при соединении морфем. В древнерусской письменности, где количество слов в гнезде значительно вырастало за счет параллельного употребления образований с полногласными корнями и многих, в том числе новообразованных, слов с неполногласными, имеющих разнообразные аффиксы, использование того или иного варианта корня теряло опору в звуковых изменениях, обусловливающихся закономерностями фонемных изменений при соединении морфем. С точки зрения морфемно-семантической слова гнезда представляли здесь весьма хаотичный комплекс одинаковых по значению, но разных по морфемному составу или, наоборот, разных по значениям, но морфемно одинаковых образований, которые к тому же часто функционировали одновременно в двух разных языковых системах.

Упорядочение соотношения семантики и формы корня в гнезде в русском литературном языке XIX—XX вв. обеспечивается двусторонней подготовкой морфем в слове. Отбор из основных производящих слов каждой семантической линии гнезда тех лексем, которые включают лишь один определенный вариант корня, задает определенную морфологическую форму его производным.

Вместе с тем производные слова включают те суффиксы, которые не только обеспечивают возможность нужного конкретного лексического значения в данном слове, но и могут соединяться формально с вариантом корня, имеющимся в производящем, не изменяя его фонематического облика. Покажем это на конкретном материале.

1. 1-й семантический центр ‘власть’ сохраняет только производные от слова *власть* (*властвовать*, *безвластие*, *властный*, *властелин* и др.). Значение ‘территория, находящаяся под чьей-либо властью’ располагает лишь единичными образованиями от двух слов — *волость* и *область*; 2-й центр ‘владеть’ — от слова *владеть* (*владелец*, *владение* и др).; 3-й — ‘иметь возможность пользоваться членами своего тела’ также в слове *владеть*, которое хорошо изолируется от других лексем этого гнезда отдаленностью семантики, легко воспринимаясь по отношению к ним как омоним.

2. Суффиксы распределяются между словами в зависимости от своего фонематического состава, обеспечивающего при соединении с корнем нужную его огласовку. Такому распределению способствует то, что синонимические значения суффиксов в разных словах могут быть конкретизированы по-разному, что определяет достаточную свободу их выбора. Например, в словах со значениями ‘власть’ и ‘административно-территориальная единица’ все суффиксы содержат начальное *т-*: *-ти*[*е*], *-тн-ый*, *-ствовать* (см.: *властвовать* с наложением морфов), *-ть*. Это дает в них вариант с конечным *-с*[*т*]-. В словах со значением ‘владеть’ и его производных суффиксы имеют начальные *-е* и *-а*: *-еть*, -[*е*]*ние*, *-ать-*, -[*а*]*ние* и др., что сохраняет наличие в них варианта с конечным *-д-*. Дублетность синонимичных суффиксов, вызывающих одинаковые варианты корня в словах разных семантических

центров, при этом изживается. См. *владелец* ‘хозяин’ и устаревшее в современном литературном языке *владетель* ‘правитель’, в которых общее значение суффиксов *-лец* и *-тель* одинаково: ‘лицо, производящее действие’, и др.

Стройность, целесообразность и взаимообусловленность распределения семантически-морфологических особенностей слов гнезда в литературном языке XX в. подтверждает высказанную выше мысль, что условием формирования семантической специализации вариантов корня в литературном языке явилась его односистемность. Необходимость условия односистемности для формирования семантической дифференциации разных морфов подтверждается также характером бытования лексем анализируемого гнезда в современных говорах.

Диалекты располагают значительным количеством не только полногласных слов этого гнезда, но и с неполногласием.[12] Последние являются в большинстве случаев реликтами языка прошлых эпох. Они попадали сюда часто в очень древнее время и закрепились здесь с теми особенностями, какие у них были в период заимствования в диалекты. Семантического разделения вариантов корня в словах диалектов в большинстве случаев не произошло и до сих пор. Как известно, говоры отличаются от литературного языка как раз отсутствием односистемности, хотя оно и носит здесь иной, чем в древнерусском письменном языке, характер, так как диалекты — варианты одного языка.

В говорах имеются все корневые варианты, которые были в анализируемом гнезде в русском языке, но образования с *облад-* и *област-* используются очень редко.

Значения семантического центра ‘власть’ равноправно употребляются здесь в словах с *власт-* и *влад-*. *Влáдость* ‘власть’: *Руку сдымали за владость* (Осташк. Калин., 1946); *влады́ка* ‘власть’ (Ряз., 1897); *влáдца* ‘государь’ (Смол., Даль). В значении ‘держать в своей власти, распоряжаться’ см. слова *владáть* (Оренбург., Слов. карт. ИРЯЗ, Свердл., Сарат., Костр., Новг.); *влáдывать* и *влáдовать* (Лодейноп. Ленингр., Ончуков); *властúтель* ‘начальник’: *Власть хорошая, властители не горазд, бригадир наш плохой* (ПОС); *безвлáстица* ‘безвластие’: *Была безвластица, делал каждый, что хотел* (ПОС); *властúтельный* ‘имеющий право распоряжаться’: *Не властителен* (Вят., 1915) и др. В значении ‘нравственная власть или власть каких-либо обстоятельств’ используются слова с вариантами *влад-*, *власт-*, а также полногласным *волод-*. *Завладáнивать* ‘брать верх на кем-либо’: *Будет дочка завладанивать, ну да кулаком колотить будет* (Гдов., ПОС); *совладáть* ‘усмирить, укротить’ (Йонав. ЛитССР, 1964); *совладáть* ‘справиться’: *Разве ты его совладаешь: что хочет, то и делает* (ЛитССР, 1964), а также *владéние* ‘самообладание’ (ПОС); *влáстница* ‘своевольная женщина’ (Орл., 1902). См. слово

[12] Используются картотеки СРНГ и ПОС.

с морфом в полногласной форме с приставкой *об-* без контаминации с корнем: *обволоде́ть*: *Обволодела его бедность* (ПОС).

Значение ‘территория под чьей-либо властью’, как и в литературном языке, употребляется в диалектах в словах с *волост-* и *област-*, но слово *бо́бласть* получает здесь производное значение, стоящее ближе ко 2-му семантическому центру — ‘земельный участок’ (Смол.). Слово этой семантической линии *во́лость* имеет производные: *во́лость* ‘группа деревень’ (Вельск. Арх., 1957); *во́лость* ‘большая деревня’ (Олон., Слов. карт. ИРЯЗ), откуда *во́лость* ‘середина, центр большого села’ (Арх., 1885) и *во́лость* ‘край большой деревни’ (Мезен. Арх., 1949). Таким образом, слово, имеющее в литературном языке терминологическое значение, в говорах получает производное нетерминологическое значение.

В значении 2-го центра, кроме *област-*, используются морфы *влад-*, *облад-*, *власт-* и *волод-*. *Влада́ть* ‘владеть’: *Не тебе владать этой лошадью* (Перм., 1856). *Землею помного владали* (Ряз., 1963—1964); см. такж:: *совлада́ть*: *У меня пара подвенечная была, не судил бог совладать ее. . . пара пропала* (ПОС); *повлада́ть*: *Повладать полем* (Шенк. Арх., 1852 , Пск., Осташк. Твер.); *навла́дывать* ‘долго владеть какой-либо чужой собственностью’ (Пск., Осташк. Твер., 1855); *привлада́ть* ‘присвоить’ (Пск., Осташ. Твер., 1855), здесь же записано слово *привла́дчивый* ‘присваивающий, присвоивший’ (ударение на корневом *а* в этом слове подтверждает наличие в *привладать* корня в неполногласной огласовке) и др. *Завла́живать* ‘присваивать’ (Пск., 1899); *завла́да* ‘тот, кто присваивает что-либо чужое’ (Пск., Даль); *завла́данец* в том же значении (Пск., Осташк. Твер., 1885); *привла́дчивый* ‘присваивающий чужое’ (Пск., Осташк. Твер., 1855). Сюда же одно слово с полногласным *волод-*: *заволода́ть* ‘присвоить, украсть’ (ПОС), см. также: *вла́дца* ‘хозяин’ (Смол., Даль, Сев.-Зап.); *облада́ться* ‘владеть чем-либо’ (Амур., 1913—1914); *владе́льщик* ‘хозяин’ (ЭстССР, 1960); *властитель* ‘хозяин’: *Властитель дому своему* (ЛитССР, 1964), *вла́стоваться* ‘пользоваться’: *Он долго властовался моей пахатой* (Охан. Перм., 1954), ‘присвоить, украсть’ (ПОС).

3-й семантический центр, как и в литературном языке, связан прежде всего со значением ‘иметь возможность пользоваться членами своего тела’, расширенного здесь до значения ‘иметь силу, здоровье’, употребляется в словах *влад-* и *волод-*. В значении ‘сила’, см. слова: *влад* (ЭССР, 1946, ПОС), *владе́ние* (Вят., 1907, Краснояр.), *вла́дость* ‘сила’ (Осташк. Твер., 1946).

В значении ‘иметь силу, здоровье’ дублеты *владать* (Вят., 1907) и *волода́ть*: *Старик-то вовсе не володает* (Покр. Влад., Слов., карт., ИРЯЗ); *волода́ть* ‘действовать, функционировать’ (о частях тела): *Руки совсем не володают* (Иван., 1925 Яросл.). См. также интересное для рассматриваемого вопроса использование слова с *облад- облада́ть* в производном значении ‘справиться,

быть в силах что-либо сделать': *Скольки теперь, тольки тады наделал: сама-то не обладаешь, у меня дети маленькие* (Крапив. Тул., 1898). В том же значении записано слово *совлада́ть* (Ряз., 1860). Производным этого семантического центра является слово *совлада́ть* ‘остаться живым, выжить’: *Все вымерли, никто не совладал* (ПОС). В соответствии с литературным значением ‘обладать какой-либо способностью, умением, умело действовать каким-либо оружием’ в говорах есть значение слова *влада́ть* ‘уметь пользоваться, действовать свободно каким-либо орудием’ (Самар., Садовников, Вост.-Казах., Курск., Арх., Терск.) и сочетание *влада́ть зверем* — о собаке ‘уметь идти по следу зверя’ (Перм., 1897).

Благодаря нерасчлененности семантики и использования вариантов корня в говорах здесь имеются не только дублеты лексем в одинаковых значениях (см. выше), но и многочисленные образования, совпадающие со словами литературного языка: *владенье* ‘сила, здоровье’ и ‘польза’, а также ‘самообладанье’, *владыка* ‘власть’, *властитель* ‘хозяин, владелец, начальник’, *власть* ‘повиновение, послушание’. Сравнение этих слов с соответствующими словами литературного языка подчеркивает функциональную и семантическую упорядоченность их использования в литературном языке.

Усвоение заимствованных неполногласных вариантов корня в говорах происходит другими путями, чем в литературном языке. Например, в малонормированных системах говоров морф с неполногласием *влад-* под влиянием разных фонетических причин получает разнообразные модификации, отсутствующие в литературном языке. Результатом частого в говорах смешения губных согласных является трансформация звука *в* и *б*: *блады́ка* ‘владыка’ (Петрозав. Олон., 1885—1898, Яран. Вят.), *блады́чица* ‘владычица’ (Петрозав. Олон., 1885—1898). В словах анализируемого гнезда отражается выпадение звуков или целых слогов, имеющее место в беглой разговорной речи диалекта: *невлашно́й* ‘потерявший способность двигаться’ (Тобол., 1917). Ср.: *невладышно́й* в том же значении (Покр. Влад., 1905—1931). В другом случае имеет место отпадение первого звука корня: *лада́ть* ‘работать, действовать’ (о частях тела): *Рука-то, милок, у меня совсем не ладает, болит* (Чит. Чит., 1960), и др. Такие изменения приводят к разложению гнезда и выпадению слов с деформированными неполногласными морфами из серии усвоенных русским языком старославянских неполногласных морфем.

Рассмотренные в статье материалы показывают, что в морфосемантических гнездах с неполногласными и полногласными корнями может происходить семантическая дифференциация вариантов корня, при этом она возможна только в единой языковой системе. Эти материалы являются также иллюстрацией того, что в период до XVIII в. в языке русской письменности граница разных языковых систем могла проходить внутри морфосемантического гнезда одного корня.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Диалектная лексика в языке народных песен

(На материале песен Дмитровского уезда Орловской губернии, собранных В. Н. Добровольским)

Изучение языка русского фольклора и его взаимоотношений с литературным языком и диалектами давно привлекает внимание исследователей устного народного творчества. Однако, несмотря на устойчивый интерес к языку фольклора, устно-поэтическая речь на всех ее уровнях изучена далеко не достаточно. Сложность и многообразие связей между литературным языком, диалектами и языком фольклора, неполнота сведений об особенностях диалектов в их прошлом и современном состоянии — все это не способствовало выработке более или менее общепринятой точки зрения на природу и сущность народно-поэтического языка. Одни исследователи по существу отождествляют фольклорный язык с литературным, другие, признавая наличие в языке фольклора традиционных элементов, отстаивают тезис о том, что основа народно-поэтического языка носит ярко выраженный диалектный характер. При этом, однако, неоспоримо, что фольклорный язык не тождествен языку диалектному. Расхождения прослеживаются и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе, и в лексическом составе и объясняются они прежде всего природой народно-поэтического произведения с его довольно устойчивой традицией фольклорной поэтики.[1]

Общеизвестно, что фольклорные произведения с точки зрения «совершенства», обработанности языка стоят «выше», чем обычная «бытовая» народно-разговорная речь, на основе которой эти произведения создаются.[2] Ярче всего эта особенность проявляется в стихотворных жанрах, которые строятся с учетом традиционной поэтики и стилистики. Эта устойчивость сказывается и в употреблении определенных традиционных языковых средств. Еще

---

[1] Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора. — ВЯ, 1952, № 3, с. 105.

[2] Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора. — ВЯ, 1975, № 6, с. 76—77.

А. Н. Веселовский замечал, что «народ поет не на диалектах, а на литературном языке либо на языке повышенном, близком к литературному».[3] Действительно, язык народных песен близок по своим характеристикам языку литературному (общенародному); впрочем, это относится не только к народно-песенному языку, но и к языку любых жанров фольклора. Но и диалекты (если говорить о русских диалектах) в основных своих чертах совпадают с литературным (общенародным) языком: известно, что дифференциального в лексике отдельного диалекта меньше, чем общего, объединяющего говоры и литературный язык. Процент диалектных слов по отношению к литературной лексике в говорах, по подсчетам одних, составляет не более 4—5%,[4] по подсчетам других, — 14%; [5] некоторые исследователи утверждают, что каждое третье слово говора — диалектное,[6] что, конечно, очевидное преувеличение, вызванное методом подсчета.

Установлено, что песни обнаруживают тесную связь со всем укладом жизни их творцов, хранителей и исполнителей. Эта связь прослеживается и в языке. Многочисленные примеры употребления диалектных слов в народных песнях являются ярким свидетельством этой связи. Песни в живом исполнении всегда передают особенности диалекта, в них отчетливо прослеживаются диалектные фонетические, морфологические и лексические черты.[7] О том, что в языке фольклора заметное место занимают диалектные слова и выражения, пишут все исследователи, занимающиеся изучением народно-поэтической лексики.[8] Это делает фольклорные произведения, в том числе и песни, ценным источником сведений по диалектной лексике, дающим возможность восстановить важные звенья лексико-семантической системы русских народных говоров, уточнить ареальную характеристику значительного числа диалектных лексем, отчетливее представить их семантическую сторону. Во многих случаях без учета фольклорных источников

---

[3] Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 358.

[4] Мельниченко Г. И. Характеристика словарного состава местного говора по степени употребительности слов. — Докл. на науч. конфер. 1962. Т. I, вып. 2. Ярославль, 1962.

[5] Блинова О. И. Введение в современную ареальную лексикологию. Томск, 1973, с. 43.

[6] Лукьянова Н. А. Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области. АКД. Новосибирск, 1966, с. 5.

[7] См. об этом: Евгеньева А. П. 1) Языковые особенности «Песни о рябине» в записи 1699 г. как материал для ее локализации. —Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1956, т. XV, фак. литер. и яз., вып. 4, с. 163—181; 2) Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. Л., 1963, с. 11—12.

[8] См.: Кретов А. И. Диалектизмы в языке народных частушек. — Матер. по русскому и славянскому языкознанию. Воронеж, 1973; Зайцева И. К. Диалектная и просторечная глагольная лексика языка сказок. — Там же; и др

это сделать не представляется возможным. С другой стороны, изучение диалектной лексики в языке фольклорных произведений позволяет локализовать последние.[9] Если диалектология играет решающую роль в изучении языка произведений устного народного творчества, то, со своей стороны, язык фольклора не может быть исключен из диалектологических разысканий. Связь между этими дисциплинами тесная и многосторонняя.

Большой интерес в этом отношении представляют «Песни Дмитровского уезда Орловской губернии», собранные В. Н. Добровольским (СПб., 1905). В сборнике представлены песни различного содержания — святочные, масляничные, говелишные, величальные, танковые, весенние, жнивные и т. п., записанные собирателем не только в Дмитровском у., но и в других уездах Орловской и Смоленской губерний. Это дает возможность судить о зависимости языка песен от их тематики и проследить территориальное лексическое варьирование на материале песен одинакового содержания. Диалектная лексика песен Добровольского отражает разнообразные черты русской народной жизни XIX в. Выделяются следующие тематические группы диалектного словаря сборника: а) слова, обозначающие чувства, переживания человека: *жабота*, *жаботушка*, *взгореваться*, *принаплакаться*, *сыпокоиться*, *сбушеваться*, *спужаться*, *востужиться*; б) слова, обозначающие свойства, качества человека, проявление этих качеств: *приунывный*, *заудалый*, *бранливый*, *разговорчиватый*, *призавистный*, *смутливый*, *скрыльнивый*, *жалкий*, *бушовный*, *грялъливый*, *журливый*, *щирый*, *урюмый*, *торнешенький*.

Субстантивная и глагольная лексика конкретна, она отражает круг предметов, явлений, действий и процессов, с которыми имел дело русский крестьянин XIX в. Здесь выделяются слова, обозначающие: а) названия предметов домашнего обихода: *каравáтушка*, *достушка*, *зголовье*, *взголовьице*, *мыличка*, *суконька*, *зыбочка*, *серпинка*, *дерюжка*; б) названия предметов одежды, обуви, украшений: *касники* (у шляпы), *чеботы*, *поднавесочки*, *уплетина*, *повивало*, *повивалки*, *кавярзнищи*; в) названия строений: *тын*, *пуня*, *пунька*, *мыльня*, *каморка*; г) растений, животных, птиц: *вути* (*вутица*), *сосонка* (*сосонушка*), *вешанье* (*вишанье*), *орешенье*, *игруша* (*игрушенька*), *пшаница*, *яблонка*, *чернобыль*, *хмелинушка*, *яровинушка*, *ветья*, *мурава*, *ковылушка*, *деревинка*, *веребей*, *какушка*, *птаички*, *голушка*, *писклята*, *журюшка*, *живот*, *касатка*, *соколушка*, *конушки*, *кона*; д) названия человека по тем или иным признакам: *дачкá*, *суседи*, *боярченок*, *свекрá*, *лада* (*ладя*, *лицо*), *пропоиц*, *людишки*, *кузнечиха*, *сватунки*, *бражнильщик*, *мальченашик*, *холостень*, *дружилушка*, *бурлачиньки*; е) названия обрядов, игр, обычаев и т. п.: *обручанье*, *замуженье*, *челобье*, *чело-*

---

[9] См. об этом: Стендер-Петерсен А. И. Проблематика сборника Кирши Данилова. Несколько соображений. — Scando-Slavica, MCMLVIII, t. IV, p. 70—71.

вечье (челобитье), *карагод*, *танок*, *вечерашничек*, *беседушка*, *сбор*, *гульба*; ж) названия кушаний: *киравай*, *прянец*, *зелье*; з) названия поселений, мест, площадей: *переваза*, *присёлочек*, *пригородочек*, *задворье*, *подлесачье*, *призадь* 'площадь', *торг*, *болотьико*; и) другие наименования: *кроса* 'краса', *блычка*, *чечотушка*, *маланья*, *колядачки*, *безгодье (безгодьице)*, *богатество*, *яичушко*, *верхуша*, *поднизки*, *пригорща*, *послушанье*, *месячек*, *стень*, *кирыстушка*, *проявушка*; к) характеристика человеческих качеств, свойств (постоянные эпитеты): *пойничек*, *пропойничек*, *занеряха*, *заваляха*, *переменушка*, *каравайница*, *раздружка*.

Глагольная лексика также распадается на ряд тематических и лексико-семантических групп. Здесь выделяются прежде всего слова, обозначающие физическое и психическое состояние и ощущения человека: *узыграться*, *одурачиться*, *взгореваться*, *принаплакаться*, *сыспокоиться*, *сбушеваться*, *спужаться*, *востужиться*, *возгореваться*, *усшуметься* и т. п. Самая значительная часть глагольной лексики служит обозначением конкретных действий, процессов и состояний: *кумиться*, *торить*, *схоронить*, *закутать*, *мостить*, *разбечься*, *сповадиться*, *сподломиться*, *похватывати*, *заиграть* (песню), *оббивать*, *дожидать*, *дубить* (лед), *поронить*, *сробить*, *прилесть* и т. п. Особо выделяется группа глаголов, обозначающая аффективные действия: *гуркать*, *шумаркать*, *забурлачить*, *зрундоваться*, *засучакать*, *брязгать*, *зючить*, *гурчать*, *грекнуть*, *нарыкаться* и т. п. Среди диалектных прилагательных имеется группа слов, выступающих в песнях в роли постоянных эпитетов: *сестракитов (куст)*, *касастая (ластуша)*, *чубарый (гусак)*, *победная (головка)*, *каситчатое (окошечко)*, *сычина*, *сичиная (вода)*, *растворчитаво (окошечко)*, *частые (звезды)*, *калянная (баро)*, *приунывный*, *сталяной*, *написаная (кралечка)*, *пуховитая (перина)*, *духовитая (трава)*, *заудалый (молодец)*, *бранливый (свекор)*, *смутливый (муж)*, *откотное (яблочко)*, *дробный (дождик)*, *стюденый (колодец)*, *ясьмен (сокол)*, *любистая (мята)*, *лузоревый (цветок)* и т. п. Наконец, в песнях представлен ряд диалектных наречий: *добре*, *белешеньки (бело)*, *сухоньки (сухо)*, *позненьке*, *раненьке*, *миленьке*, *веселенькe*, *тежелехунько*, *бойнешенько*, *вопосли*, *поболей*; предлогов: *промез*, *ли* 'возле', *ки* 'ко', *супроти* 'против', *с-под*, *обоугол* 'около', *обапала*; частиц: *али*, *ти* 'ли', *дли*, *каба*, *нино* 'либо, ли'; местоимения: *йон*, *яны*, *ина*. Самую значительную часть диалектной лексики сборника В. Н. Добровольского составляют глаголы, имена существительные, прилагательные. Из общего числа 400 диалектных слов глаголов 170, существительных 140, прилагательных 50. Количество слов других лексико-семантических категорий невелико: наречий 15, предлогов 8, частиц 5, местоимений 4, междометий 6. Это в общем соответствует относительному количеству слов этих категорий в общем словарном составе языка. Среди диалектных существительных, глаголов и прилагательных наиболее широко

представлены словообразовательные диалектизмы.[10] Затем лексические диалектизмы, диалектные слова, появившиеся в результате лексикализации, наконец, незначительное количество семантических и фразеологических диалектизмов. Выделяется пласт уменьшительно-ласкательных и увеличительных существительных: *приселочек*, *пригородочек*, *боярченок*, *требушинка*, *мыличка*, *ластушка*, *сапожинька*, *суконька*, *прянец*, *берюжок*, *достушка*, *карауатушка*, *жаботушка*, *взголовьице*, *пропойничек*, *дружилушка* и т. п.; группа экспрессивных глаголов: *грекнуть*, *зашибелить*, *сгаркнуться*, *брязгать*, *строянуться*, *зючить*, *гурчать*, *стрепянуться*, *сдрагануться*, *гуркать*, *шумаркать*, *привозблякнуть*, *закугакать*, *зрундоваться* и т. п. Широкое употребление субъективно-оценочных образований в фольклорном языке (особенно в лирических и семейно-бытовых песнях) отмечено уже давно. Это объясняется прежде всего и главным образом эмоционально-идейной установкой этих произведений.[11] Особый эмоционально-экспрессивный заряд несут глаголы: *узыграться*, *усшуметься*, *узбушеваться*, *усхвалиться*. Ф. П. Филин писал о большой продуктивности этого типа глагольного словообразования в тульских говорах.[12] По такой модели образуются глаголы движения: *узбегаться*, *усходиться*, *узгоняться*; глаголы, обозначающие звучание, шум, крик: *узгрохаться*, *узбацаться*, *узгреметься*; глаголы со значением аффективного действия: *узволноваться*, *узвоеваться*, *узрыдаться* и др. Ф. П. Филин подчеркивал, что эти глаголы, будучи близкими по значению литературным образованиям типа *разбегаться*, *распеться* и т. п., не совпадают полностью с ними, а имеют, кроме нарастания интенсивного действия, значение начинательности, продолжения действия, его неоконченность, незавершенность. И это составляет специфику семантического значения диалектных глаголов с приставкой *вз* (*уз*) и аффиксом *-ся*. Ф. П. Филин высказывает предположение о типично южнорусском характере этого явления. Материалы СРНГ полностью подтверждают это. Так, южнорусскими являются глаголы: *взандариться* ‘всполошиться, подняться’, *взариться* ‘заглядеться, засмотреться на кого-либо’, *взахаться*, *взахотеться*, *взбарабаниться*, *взбастоваться*, *взбахаться*, *взбацаться*, *взбегаться*, *взблаговеститься*, *взблажиться*, *взблекотаться*, *взботаться*, *взбрехаться*, *взбухаться*, *взбрыкаться* и др. Словарь ни при одном из глаголов с таким значением не указывает севернорусской или

---

[10] Используем здесь классификацию диалектной лексики, представленную в работе Ф. П. Филина (Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961).

[11] См. об этом: О с с о в е ц к и й И. А. О языке русского традиционного фольклора, с. 73.

[12] Ф и л и н Ф. П. Об одной особенности диалектного словообразования. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1956, т. XV, фак. литер. и яз., вып. 4, с. 185—188.

среднерусской территории распространения. Отдельные глаголы, образованные по этому типу, зафиксированные не в южнорусских говорах, имеют другое значение: *взблагова́ться* в костромских говорах употребляется со значением ‘сойти с ума’, *взбудыха́ться* в тех же говорах означает ‘опамятоваться, спохватиться’, *взбулга́титься* ‘рано встать’ (Пск., Твер., Костром.), *взвопали́ться* ‘вспылить, сильно рассердиться, приняться ругать кого-либо’ (Костром.), *взга́литься* ‘расплакаться, раскричаться, раскапризничаться (о детях)’ (Арх.). Таким образом, глаголы *узыграться*, *усшуметься*, *узбушеваться*, *усхвалиться* в песнях Дмитровского у. Орловской губ. являются яркой местной лексической приметой.

Типичными южнорусскими диалектными приметами выступают в песнях Дмитровского у. случаи отпадения начального гласного в словах типа *грица* ‘игрица’, *гряльливый* ‘игривый’, протетическое *в* в слове *вушица* ‘ушица’, инфинитив *увазнать* ‘узнать’, употребление глаголов: *дождать* (*дожидать*), *раступает*, *разливать* (без аффикса *-ся*) в средневозвратном значении: *дожидать кого*, *реки разливают*, *народ расступает*. Прилагательное *дробный* в значении ‘малорослый, слабый, тщедушный (о человеке, животном)’; ‘маленький, мелкий (о предмете)’ известно на всей южнорусской территории: Курск., Орл., Тул., Калуж., Ворон., Брян., Дон., Самар., Куйбыш., Ряз., Смол., Пск., Терск. (СРНГ) и может служить яркой диалектной приметой. В песнях, собранных Добровольским в Орловской губ., это прилагательное употребляется при обозначении мелкого дождя, мелких (маленьких) пчел, птичек и т. п. Все слова, связанные с прилагательным *дробный*: *дробнота*, *дробнушка*, *дробно*, *дробничок*, *дробненький*, *дробнолес*, *дробок*, *дробуша* и др., также широко распространены на южнорусской территории, но не выходят за ее пределы.

Только в южнорусских или преимущественно в южнорусских говорах известны слова: *закутать* ‘закрыть’, *заиграть* ‘запеть песню’, *блычко* ‘облачко’, *пужать* ‘пугать’, *выпужнуть* ‘выпугнуть’, *жабота*, *жаботушка* ‘забота, заботушка’, *дерюга*, *дерюжка* ‘попона из грубой пряжи’, *доня* ‘обращение к молодой женщине’, *веребей* ‘воробей’, предлог *дли* (*для*) ‘возле, подле’, частица *ти* (*чи*), выражение *прийти двору* ‘прийти домой’ и др. В песнях В. Н. Добровольского отражены факты влияния украинского языка: *дачка́* ‘дочка’, *щирый* ‘искренний, сердечный’, *вчо́рашний* ‘вчерашний’, *сробить* ‘сделать’, *ти* (*чи*) ‘или, ли’, что связано с взаимодействием соседствующих русских и украинских говоров.

В настоящее время можно в основных чертах наметить границы территориального распространения диалектной лексики, употребляемой в песнях. Это стало возможным в последние полтора десятилетия, когда начал создаваться сводный СРНГ, обобщающий материалы, собранные на всей территории, занимаемой

русским языком в течение XIX—XX вв. (вышел уже 14-й выпуск). Картотека СРНГ насчитывает теперь около 2 000 000 карточек и в основном отражает словарный и фразеологический состав русских говоров с достаточно полными сведениями о территориальном распространении диалектных слов.

С этой точки зрения можно выделить три группы слов, неизвестных литературному языку: а) слова, характерные только для языка фольклора и не употребляющиеся в обиходно-разговорном языке носителей диалекта; б) слова южнорусские или по преимуществу южнорусские; в) слова, территория распространения которых выходит за границы южнорусских говоров.

Среди слов, отсутствующих в литературном языке, известная часть может быть отнесена к сугубо фольклорным, т. е. тем, которые функционируют только в народно-поэтических произведениях (в народно-песенном языке) и не имеют изоглосс на территории распространения русского языка. Это — *воротики*, *цветик*, *дворок*, *га́лушка*, *гостики*, *соколушка*, *ковылушка* и др. Основная же масса слов одинаково свободно функционировала в народно-разговорном языке и в языке фольклора: *писклята*, *журюшка* 'журавль', *зыбочка*, *чеботы*, *каморка* 'комната', *пуня*, *пунька*, *дерюжка*, *кавярґнищи* 'лапти', *маланья*, *веребей* и т. п. Самый значительный слой диалектной лексики песен В. Н. Добровольского составляют слова южнорусские, распространенные в говорах орловских и сопредельных с ними курских, воронежских, смоленских, брянских, тульских, калужских, рязанских, тамбовских.

Значительно беднее список слов, распространение которых, по данным картотеки СРНГ, ограничено орловскими говорами. Пласт диалектных слов, характеризуемых широким ареалом распространения, известных за пределами южнорусских говоров, также представлен значительным количеством лексем.

Диалектные и сугубо фольклорные слова песен, собранных В. Н. Добровольским в Дмитровском у. Орловской губ., отличаются от слов литературного языка или отдельными фонемами (лексемы, образовавшиеся путем лексикализации на основе фонетических незакономерностей), или отдельными морфологическими элементами (так называемые словообразовательные диалектизмы), или представляют собой семантические диалектизмы, значение которых сохраняет связи с общенародными смыслами. Что касается собственно лексических диалектизмов, то они в основной своей массе имеют довольно широкий ареал распространения. Многие из них известны не только в орловских говорах, но и на всей южнорусской территории, иногда с выходом за ее границы. Все это делает язык народных песен в целом более «приподнятым», более близким к литературному, и произведения такого рода становятся понятными любому русскому человеку.

Важно при этом отметить, что в песнях Дмитровского у. Орловской губ. не встретилось ни одного диалектного слова, не свойственного орловским народным говорам. Это позволяет согласиться с точкой зрения А. П. Евгеньевой, утверждающей, что «язык устной поэзии — это живой язык для творцов и носителей ее, а не пришедший извне или „спустившийся сверху“ и механически усвоенный и усвояемый. Диалектные черты в нем — не внешняя, позднейшая оболочка, а органическая, неотъемлемая сторона устного произведения, пронизывающая все его стороны».[13]

---

[13] Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии. .., с. 339.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Случаи лексикализации в говорах
(Слова с первой частью *вон-*)

В говорах русского языка можно встретить немало примеров образования диалектных слов из двух или трех слов, непосредственно соседствующих друг с другом. Сочетание таких слов, постоянно употребляющихся в одном и том же порядке, постепенно лексикализуется, превращается в единый словесный комплекс, в одно слово. Этот способ образования новых слов обычно называли агглютинацией. Им в свое время интересовался Ф. де Соссюр: «Агглютинация, — по его словам, — состоит в том, что два или несколько слов, первоначально раздельные, но часто встречающиеся внутри предложения в одной синтагме, сливаются в полностью или почти полностью неанализируемую единицу».[1] Ф. де Соссюру принадлежат важные наблюдения в отношении этого языкового явления. Различая три фазы процесса агглютинации, первой фазой этого процесса он считал сочетание элементов в одной синтагме. Вторая фаза — собственно агглютинация. Именно в этот период происходит синтез элементов синтагмы в новую лексическую единицу. Составное понятие, как заметил Ф. де Соссюр, начинает целиком соотноситься со всем сочетанием сразу, и последнее тем самым превращается в неразложимую единицу. Объясняя этот акт механической тенденцией, ученый писал: «Когда составное понятие выражено весьма привычным рядом значимых единиц, наш ум, выбирая, так сказать, дорожку напрямик, отказывается от анализа и начинает связывать понятие в целом со всем сочетанием знаков».[2]

Третьей фазой Ф. де Соссюр называет все другие изменения (фонетические и акцентуационные), происходящие в процессе агглютинации. Эти изменения все больше способствуют превращению прежнего сочетания в единое простое слово. Это наблюдение де Соссюра о первичности изменений в семантике противоречило существовавшему в его время мнению, согласно которому

---

[1] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 212.

[2] Там же, с. 212—213.

фонетические и акцентуационные изменения предшествуют изменениям в области понятий.

Из русских ученых, которые так или иначе писали об этом явлении, можно назвать П. С. Кузнецова. Касаясь агглютинации, П. С. Кузнецов заметил, что при этом процессе самостоятельные слова, объединяющиеся в одно слово, превращаются в морфемы.[3] Совершенно справедливо с ним не согласился Н. М. Шанский.[4] Рассмотренные нами диалектные случаи также не подтверждают этого мнения П. С. Кузнецова. При сращении исходные слова не всегда превращаются в морфемы нового слова. Как правило, новообразования характеризуются простой одноморфемной основой. Усложнение морфологической структуры слова отмечается позже: после процесса лексикализации и вследствие новых изменений в слове. Причем границы новых морфем не совпадают с границами исходных слов.

Способ образования новых словесных единиц путем сращения описывается Н. М. Шанским под названием лексико-синтаксического способа. По его мнению, исходные слова в процессе лексикализации теряют свою самостоятельность, фонетические, грамматические и семантические свойства. Помимо этих перечисленных изменений в новообразованиях часто отмечается утрата мотивированности лексического значения (ср.: *намедни* из *ономь дни*, *спасибо* из *спаси бог*, *одиннадцать* из *один на десять* и т. п.).[5]

Анализ диалектных слов, образованных подобным образом, не позволяет полностью согласиться с приведенным мнением Н. М. Шанского. В большинстве случаев при лексикализации такого рода наблюдаются утраты и изменения только отдельных свойств исходных слов; случаи же изменений и утрат во всех сторонах исходных слов встречаются довольно редко. Поэтому при анализе новообразований важно знать, действительно ли все эти изменения непосредственно сопровождают данный способ образования новых слов и являются действующими факторами лексикализации, или они происходят с новыми словами после их образования, точно так же как происходили бы со всеми другими словами. Таким образом, разграничение изменений и утрат определенных свойств исходных слов приобретает особое значение. Оно дает возможность выделить те, которые непосредственно относятся к процессу лексикализации, происходят во время этого процесса.

В настоящей статье описывается несколько случаев лексикализации в говорах. Общей характерной особенностью процесса

---

[3] Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961, с. 85.

[4] Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 249—250.

[5] Там же, с. 267—269.

лексикализации во всех случаях является утрата исходными словами раздельности, самостоятельности и, наоборот, приобретение цельнооформленности, целостности вновь образующимся словом. Другая не менее важная особенность — образование единого понятия путем синтеза понятий исходных частей. Лексическое значение нового словесного комплекса в большинстве случаев поэтому более сложно, чем значение каждой из составных частей.

Анализ любого из рассматриваемых случаев дает возможность наблюдать своеобразное сочетание изменений и утрат различных свойств исходных слов, своеобразную их комбинацию. И это зависит от того, к какой части речи относятся объединяемые в одно целое слова, какие они имеют лексические значения и другие свойства.

Незначительные изменения частиц при сращении их в одну. Образование целостного понятия

1. В ряде говоров известны частицы, образовавшиеся из частиц *вон* (*воно*) и *-ка* или *-тка*. Все они употребляются в функции указательных частиц, т. е. от присоединения *-ка*, *-тка* функция частицы *вон* не меняется. Сохраняются и другие свойства ее. Ударение обычно остается на первой части. Лексикализация сводится к тому, что а) обе части теряют свою отдельность, самостоятельность; новое слово, наоборот, получает цельнооформленность, целостность; б) лексическое значение новой частицы несколько усложняется по сравнению с частицей *вон*: оно включает теперь элемент большего уточнения места, на которое указывает говорящий. Но поскольку вторая часть (*-ка*, *-тка*), собственно, не имеет лексического значения, то семантическая прибавка в лексическом значении незначительна, она не очень заметна. Частица *вóнка* со значением ‘вон там’ была записана собирателем Карповым в псковских и осташковских говорах (1855). С ударением на последнем слоге она была зарегистрирована в Корсунском у. Симбирской губ.: *вонкá* (1897).

На Урале и в Сибири известна частица *вóнока* (иногда с *а* в первом заударном — *вóнака*), имеющая значение ‘вон там’: *Полати вóнока, вот гопчик. Да вóнока она лежит* (Свердл., Челяб., 1964), также *вóнака* (Колым. Якут., 1901; Нерч. Забайк.).

В севернорусских говорах получили распространение указательные частицы *вóнотко* ‘вон там’ (Волог., 1902), *вóнотка* ‘вон там, вдали’ (Яросл., 1852, 1961), *вóнотки* ‘вон там’ (Роман.-Борис. Яросл., Уткин; Екатеринб. Перм., конец XIX—начало XX в.).

Известен еще ряд указательных частиц, получившихся путем соединения частиц *вон*, *воно* (или *воной*) с частицей *-ка*. В костромских, ярославских и горьковских говорах бытует частица *вóной* ‘вон, там, вдали’ (*Вóной в горку-то подымается*. Макар. Нижегор.,

Зимин). Наряду с ней употребляется частица *вонóйка*. В Кинешме Костромской губ. она записана с тем же значением, что и *вóной*: *вонóйка* (1846). По сведению Словаря Даля, частица *вонóйко* (с *о* заударным) в значении ‘вон, там, вдали’ употреблялась в костромских и ярославских говорах (*Вонóйко наши едут*. Костром., Яросл., Даль). Как видим, здесь наблюдается перенос ударения. Лексическое значение частицы почти не изменяется, т. е. сохраняется значение (с некоторым уточнением) ее первой части.

2. Другое дело, когда в образовании новых слов участвуют знаменательные слова. Образование единого более сложного лексического значения здесь весьма отчетливо. Значение нового слова в ряде случаев существенно отличается от значения исходных слов.

В ряде севернорусских, уральских и сибирских говоров известны указательные частицы, образованные из частицы *вон* и указательной частицы *э́тто*. Функция их осталась прежней: они по-старому употребляются в качестве указательной частицы. В то же время в этом случае можно говорить о сформировании целостного лексического значения новых слов, которое можно определить как ‘вон тут’, ‘вон там’. Таким образом, употребляясь при уточнении места, новые частицы образуют новое совместное лексическое значение. Ударение в зависимости от местности, где слово записано, может меняться: оно то падает на часть *вон*, то на второй слог (*вонэ́тто*). Во Владимирском у. Владимирской губ. записано: *вонéтто* (*вонéтто вон брошу*, 1905—1921). *Вонéтта* (с *а* заударным) известно в Ярославской губ. (1868), в вятских и томских говорах; *вонэ́тта* — в Никольском у. Вологодской губ. (1897) и в Ярославской губ.; с ударением на первом слоге *вóнэтта* — в псковских говорах (1855). В пермских говорах значение этой частицы несколько расширилось: ‘вон тут, вон там’ и ‘вот туда, вот сюда’: *Куда ты пошел? — Вонэ́тта к гуменнику, огород поправить. Гляди вонэ́тта направо от лесу-ту. Видишь, туто скот ходит. Куды ты положил коточек-от? — Вонэ́тта* (Перм., 1856).

Образование целостного понятия; изменения отдельных свойств исходных слов

1. Одно из исходных слов утрачивает свои грамматические свойства и ударение. Речь идет о словах, получившихся из частицы *вон* и указательных местоимений *этот*, *эта*, *это*: *вонéтот*, м.; *вонéта*, ж., *вонéто*, ср. Единое слово наследует грамматические свойства одного из своих составляющих (указательного местоимения). Новообразования получают при этом функцию тех же указательных местоимений. Лексическое значение новых слов представляет собой синтез значений: Оно складывается из значения составных частей — *вонéтот* ‘вон этот’, т. е.

слова *вонéтот*, *вонéта*. . . служат для указания на близкие к говорящему и слушающему предметы и лица. Эти указательные местоимения записаны в Оханском у. Пермской губ. (1854), а также в Костромской, Владимирской (*Около вонетой березы. По-за вонетому овину. Держим за вонéту ногу*), Рязанской, Саратовской губерниях и на Дону. Ударение в новообразованиях сохраняется на части *этот*, *эта*. Изменения фонетического облика исходных слов незначительны. Они касаются произношения в акающих говорах только безударных гласных части *вон-*. Однако в Верхотурском у. Пермской губ. зарегистрировано слово *вонéт* 'вон этот' (1899) с заметным изменением фонетического облика (отпадением конца слова).

В ярославских говорах отмечены местоимения *вонэ́нтот*, м., *вонэ́нта*, ж., *вонэ́нто*, ср. (1961). Их лексическое значение также тождественно значению составных частей — 'вон этот'.

Точно такие же изменения наблюдаются в новообразованиях сходного характера. Лексическое значение слов, получившихся из частицы *вон* и местоимений *энтакий*, *энтакая* (*вонэ́нтакий*, *вонэ́нтакая*, *вонэ́нтакое*. Нижнедев. Ворон., 1893), соответствует значению составных частей — 'вот такой'. В Коротоякском у. Воронежской губ. (1905) записаны местоимения *вонтéтот*, м., *вонтéта*, ж., *вонтéто*, ср., образованные из частицы *вон* и местоимений *тéтот*, *тéта*. Их лексическое значение также тождественно значению составных частей — 'вот тот'. В говорах имеются и другие подобные примеры. В южнорусских говорах зарегистрированы местоимения *воньтéнтот*, м., *воньтéнта*, ж., *воньтéнто*, ср. со значением 'вот этот' (Тул.) и на Дону: *Леночка, дай мне кохтяночку воньтéнту* (1929).

2. Утрата одним из исходных слов своего грамматического значения и ударения; значительные изменения в фонетическом облике исходных слов.

В качестве примера именно такого сочетания изменений являются широко употребительные в южнорусских говорах слова *вóнон*, м., *вóнна*, ж., *вóнно*, ср. (мн. *вóнни*, *вóноны*), образованные из указательной частицы *вон* и местоимений 3-го л. По свидетельству непосредственного наблюдателя, известного знатока воронежских говоров Тростянского, для удобства произношения довольно часто два слова намеренно соединяются в одно. Получается едва заметная для постороннего наблюдателя элизия, например: *вон он — вóнон*. Для вновь образованных слов характерно изменение фонетического облика второй части местоимений: во всех формах исходных местоимений, за исключением формы мужского рода, исчезает начальная гласная фонема. В новых словесных комплексах остается только одно ударение. Оно падает на часть *вóн*. Теперь гласные конечного слога оказываются в заударном положении и, следовательно, произносительно и акустически они тождественны гласным заударных слогов в южнорусских говорах.

Бытование этих указательных местоимений отмечено только в южнорусских говорах: в Обоянском у. Курской губ. (1858) и во многих других местах Курской губ., в Калужской, Тульской и Воронежской губерниях. Имеются и современные записи из курских (*Иде моя шапка? — Да вóнна на лавке.* Беседа. Курск., 1957) и воронежских (— *Какая тут норя! — Одна норя? Вóнни обои нори. . . Там у меня две нори.* Аннен. Ворон., 1949) говоров. Их лексическое значение складывается из значения составных частей: *вóнон* 'вон он', *вóнна* 'вон она'. Новообразования, как и в приведенных выше случаях, употребляются в качестве указательных местоимений, т. е. принимают на себя функцию одной из своих частей — местоимений (см.: СРНГ, вып. 5). Действительно, грамматически они оформлены как местоимения. Однако, как можно судить по записям из Калужской обл., их функция не вполне определилась (*Оны вóноны обеи. Вóнон вон батюшка Федотушка едет*). Во всяком случае при них возможны другие местоимения или существительные, «дублирующие» их роль.

Изменения в фонетическом облике исходных слов, утрата грамматических свойств одним из слов, а также изменения лексического значения и структуры нового слова

В севернорусских говорах, на Урале и в Сибири получили распространение новообразования, получившиеся из частицы *вон*, объединенной с наречием *где*. Новые слова имеют значительные изменения в фонетическом облике своих прежних частей. Поскольку ударение в новых словах отмечается на части *вон*, а другая часть слова оказывается в безударном положении, то естественно, что гласные безударных слогов претерпевают изменения в зависимости от местных систем севернорусского вокализма. Но, помимо этого, во всех образованиях с наречием *где* исчезает фонема *г*; следовательно, фонетическая сторона составных частей слова оказывается значительно преобразованной. Их лексическое значение также не осталось неизменным: значение наречия *где* не отразилось в лексическом значении нового слова: *вóноде* 'вон там' (Ветл. Костром., 1919), *вóноди* 'вон там, вдали' (Нижегор., Яросл., Даль; Перм.). Они служат для указания на что-либо отдаленное. Как можно видеть, образования с наречием *где* получают функцию указательных частиц; функция наречия оказывается утраченной.

В исследуемом случае отмечаются и другие изменения, происходящие с новыми словами, однако они не касаются самого процесса лексикализации, а только подтверждают, что она имеет место. Можно говорить, например, о структурных изменениях в новых словах. Наличие в этих же говорах от слов *вóноде*, *вóноди* ряда производных с суффиксом уменьшительно-ласкательного

значения *-ечк(а)* (*вóнодечка*. Нижегор., 1861; Кологр. Костром., 1896) свидетельствует о том, что у них намечается выделение новой основы — *вонод-*. При этом наблюдается наложение суффикса на основу: конечный гласный основы *-е* — это и начальный гласный суффикса. Вполне возможно, что в некоторых говорах, например нижегородских (1861), его принадлежность к основе уже не ощущалась, так как в производном от слова *вонде* — *вондышка* ‘вон там’ (в этих же говорах было записано еще *вóндечка* с тем же значением) суффикс *-ышк(а)* присоединяется уже к основе на согласный.

Известны образования, более сложные по количеству исходных слов, получившие распространение также в севернорусских и уральских говорах. Они представляют собой сочетание частицы *вон* с наречием *где* и частицей *-ка* (*ко*) или *-тка*, *-тко*. Их значение собиратели определяют как ‘вон там’: *вóндека* (Перм., 1850). Имеются записи этого слова еще из Свердловской обл. (*А вондека лежит*), из Архангельской и Северо-Двинской областей.[6] Оно известно было в Пудожском у. Олонецкой губ. и с переносом ударения на конец слова — в Минусинском у. Енисейской губ. (1857). А частица *вóньдека* записана была в Сольвычегодском у. Вологодской губ. В Вятской губ. записаны с тем же значением: *вóньдеко* (*вóньдеко он*, *а я ищу там*. 1907), *вóндетка* (1907).

Утрата исходными словами почти всех своих свойств

Очень интересный случай лексикализации представляет собой бранное слово *вóнногам*, зарегистрированное в псковских говорах. В СРНГ оно характеризуется как наречие. Его значение собиратель передает целым выражением *черт бы тебя забрал отсюда!* (*Ах, хошь бы тебя вóнногам*. Пск. Пск., 1855). Предположительно можно сказать, что это новое слово образовалось из целого фразеологического оборота, бранного выражения: *чтобы тебя вон ногами вынесли*, т. е. пожелания смерти кому-либо. В процессе преобразования его в слово оборот сократился. Очевидно, это произошло тогда, когда смысловое содержание оборота стало передаваться только частью слов; значение всего оборота закрепилось именно за этой частью. Позже возникли акцентуационные и фонетические изменения, способствующие объединению слов в целостный фонетический комплекс с собственным лексическим значением.

---

[6] Ср. также белорус.: *вýньдзяка*, частица *вон*: *Чаму няма, вýньдзяка на лáвя шáпка* (У с ц і н о в і ч А. К. Асаблівая лексіка гаворкі аколіц Любчы— З народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 56), *вóндзека*, частица *вон*: *вóн’д’з’ака пасýца кóн’и* (С ц я ш к о в і ч Т. Ф. Матэрыялы до слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, с. 87).

В этом случае оказались преобразованными почти все (за исключением фонетической стороны) свойства слов, и прежде всего лексическое. При этом до некоторой степени стерлась мотивированность лексического значения. Утратились функции исходных слов. Новое слово получило функцию наречия. В связи с тем, что в нем осталось одно ударение, фонетический облик исходных слов произносительно и акустически также изменился, так как гласные *о* и *а* оказались в заударном положении. Описанные изменения непосредственно связаны с процессом лексикализации, произошли во время ее.

Послелексикализационные изменения, наблюдаемые в новых словах

Приведем случай, когда такие изменения касаются фонетического облика, морфемной структуры слова, его грамматических свойств и лексического значения.

В псковских, тверских и юго-западных говорах бытовало наречие *вóнки*, образованное из наречия *вон* и частицы. Ударение в нем сохраняется на первой части. Лексическое значение слова остается также прежним ‘вон, наружу, на улицу, прочь’: *Народ пометается вóнки. Выводить молодых вóнки* (Мосал. Калуж., 1901—1921); *Вышел из хаты да себе вóнки. Выползши назнаружу, выкинула его вóнки* (Смол., 1894).

Что касается фонетического облика слова, то он изменяется незначительно. Это изменение касается заударного гласного (появление *и* на месте *а*, так же как в южнорусских *тóльки*, *скóльки*). Несомненно, что конечный *и* способствовал дальнейшим изменениям в слове. Поскольку по фонетическому облику оно стало напоминать существительное множественного числа, оно и ассоциировалось с таким существительным. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в псковских и смоленских говорах.

В. Н. Добровольский, записавший в смоленских говорах слово *вóнки* ‘вне избы’, отметил там еще *у вóнках*, которое употреблялось с тем же значением. В псковских говорах и в Бельском у. Смоленской губ. Копаневичем было зарегистрировано *вóнках* ‘вне избы, на улице’. Приведенные записи являются свидетельством наметившегося отчетливого перехода слова *вóнки* в существительное.[7] То, что такой переход состоялся, подтверждается записями наречия *вонкú* в псковских говорах со значением ‘сени’, с ударением на конце, как у существительных типа *столú*, *возú*, *мосткú*. С тем же ударением и в том же значении слово было зарегистрировано в Ржевском у. Тверской губ.: *Идзе он? В вонкáх.*

[7] Ср. подобное же изменение с наречием *тепло* в воронежских говорах: *Нехай мы в теплáх посидим. У нас теплó, а у их холодно стало* (Анен. Ворон., Титовская, 1949).

Таким образом, в псковских и тверских говорах слово *вонки́*, осознаваемое носителями диалектов как существительное множественного числа, получает и новое лексическое значение — значение существительного. В соответствии с этим изменяется его морфологическая структура: из неделимого до этих пор слова выделяется окончание (*вонк-и*), слово начинает склоняться. Поскольку место ударения меняется, гласный первого слога попадает в безударное положение. Таким образом, фонетический облик слова также незначительно изменяется.

В только что описанном случае претерпевают изменения буквально все стороны исходных слов: фонетическая, грамматическая и лексическая. Лексическое значение нового слова становится менее обобщенным, более конкретным. До известной степени затушевывается мотивированность значения.

Однако все эти изменения происходят после того, как процесс лексикализации завершился.

Выводы

Таким образом, в говорах русского языка наблюдаются разнообразные случаи так называемой лексикализации, т. е. образования новых слов путем сращения, слияния двух-трех отдельных слов в одно цельное слово. Приведенные слова с первой частью *вон* образовались путем сращения ее со словами разных частей речи (указательных местоимений, наречий, частиц).

Постоянное употребление слов в одном и том же порядке, утрата пауз между ними (например, в случае *вон он* и др.) ведут к восприятию этих слов как единого фонетического комплекса с целостным лексическим значением. С появлением единого понятия одна из частей этого комплекса утрачивает свое ударение, что в свою очередь приводит к дальнейшему преобразованию фонетического облика. Оставшееся единственное ударение становится организующим началом нового слова в звуковом отношении. Произношение безударных звуков в зависимости от места по отношению к ударению и от систем вокализма изменяется. Иногда изменения на этом кончаются; они не затрагивают других сторон исходных слов (ср. указательные местоимения: *вонéтот*, *вонэ́нтот*, *вонéнтакий*). Однако могут быть более существенные изменения фонетического облика вплоть до утраты отдельных фонем, например начальной гласной фонемы второго слова (*вóнна*, *вóнно*) или согласной фонемы (*вóноде*).

Кроме изменений внешнего облика слов, могут наблюдаться изменения их грамматических и синтаксических свойств, функции слова, а также семантики. Исходные слова утрачивают определенные свои свойства и качества. Как можно было видеть, эти изменения не всегда касаются сразу всех сторон и свойств исходных слов. Однако все они происходят на пути становления единого

слова, ведут к созданию нового слова со своими собственными свойствами и качествами.

Примечательным является следующее: лексическое значение, грамматические свойства нового слова в большинстве — это не совершенно новые лексические значения и свойства; все они прямо и непосредственно связаны со свойствами исходных слов, наследуют их. Только иногда слова утрачивают все свои свойства и качества (например, *вóннотам*, образованное из фразеологического оборота). В других случаях лексическое значение новых слов — это сложное целое, представляющее собой как бы совокупность лексических значений исходных слов. Что касается грамматических свойств, то новое слово наследует грамматические свойства одного из своих составляющих.

Более приметные изменения лексического значения и других свойств исходных слов происходят при серьезных изменениях в фонетическом облике исходных слов. Однако эти изменения наблюдаются в послелексикализационный период. Значительные изменения фонетического облика приводят и к более заметным изменениям грамматических свойств и лексического значения, вплоть до утраты мотивированности лексического значения.

И. А. ПОПОВ

Наречия со значением ‘давно’, ‘прежде’ в русских народных говорах

В последние годы вопросы семантики диалектных наречий все чаще привлекают внимание исследователей, однако попрежнему представляет значительные трудности систематическое обобщение материалов по всем русским говорам в силу обширности и разобщенности этих сведений по разным источникам, в том числе по многим региональным картотекам. В данной статье обобщены сведения о наречиях со значением ‘давно’, ‘прежде’ из некоторых крупных словарных картотек, словарей и других источников.[1] В лексико-семантической системе говоров эти наречия противопоставлены по семантике другой ранее рассмотренной группе наречий со значением ‘недавно, некоторое время тому назад’.[2]

I

Среди обширного круга наречий времени в русских народных говорах имеется много слов, указывающих на отнесенность каких-либо действий, событий и т. п. к предшествующему по отношению к моменту речи времени. При общности семантической темы — в предшествующее время — эти слова не всегда тождественны по значению и имеют частные дифференциальные семантические признаки, как об этом свидетельствуют определения их в словарях, собирателями, записи отрывков речи. В этих материалах отражены существенные семантические признаки диалектных наречий, дающие возможность наблюдать определенные парадигматические отношения между ними в пределах одной диалектной системы или отношения эквивалентности в пределах разных систем. В этой связи уместно вспомнить слова Д. Н. Шмелева о том, что «собственно каждый существенный элемент лексического значения («семантический признак») потому и выделяется как существенный для данного значения, что обусловлен опреде-

[1] Использованы материалы СРНГ, его картотеки, картотеки БАС, СРЯ XVIII, ПОС, БОС, областные, исторические словари и другие источники.

[2] Попов И. А. Наречия со значением ‘недавно, некоторое время тому назад’ в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 146—163.

ленным парадигматическим противопоставлением слову какого-то другого слова или нескольких слов».[3]

В нашем материале, если учесть эти существенные семантические признаки, имеют место две главные семантические оппозиции: наречия со значением ‘давно (длительное время тому назад)’ и наречия со значением ‘прежде, раньше’.

В первом случае существенным семантическим признаком лексического значения является указание на длительность прошедшего отрезка времени, во втором — противопоставленность настоящему моменту речи — не теперь. Ср. определение слов-определений *давно* и *прежде* в словарях: *давно* ‘много времени назад, задолго до настоящего времени’ БАС; ‘много времени тому назад, задолго до настоящего времени’ (Словарь Ушакова, МАС); но: *прежде* ‘до этого времени, в предшествующее время, раньше (противоп. теперь)’ (БАС, Словарь Ушакова); ‘до этого времени, раньше’ (МАС).

Эти различия в семантике слов-определений соответствуют тем различиям, которые имеются в семантике определяемых ими слов. Ср. семантические особенности употребляемых в архангельских говорах наречий *давношно*, *прежь* и др.

а) *Давношно уж так*, т. е. давно (СРНГ).

б) *Прежь песни пели* (Федоров). *Прежь кормили пелевой* (Попов). *Я и прежь ходил по чужим людям* (Моторжина). *Допрежь хороший был мужик, а ноне вприкось пошел* (Подвысоцкий). *Запрежь в том месте крест стоял* (СРНГ). *Друг другу тайность объявили, что многих любила впрежь до него* (СРНГ).

Аналогичные сопоставления можно привести и по другим говорам.

II

1. Наречия со значением ‘давно’. Словари, собиратели материалов приводят многие наречия с общим определением ‘давно’, которое, однако, несет в себе значительную долю временной неопределенности, так как может обозначать промежуток времени, равный нескольким дням, неделям, месяцам или даже годам, а иногда и нескольким часам. Отмечая эту особенность слова *давно*, Даль писал: «. . .задолго доныне, много времени тому, считая минутами, часами, днями или годами по смыслу речи». Таким образом, слово *давно* (выступающее как слово-определитель соответствующих наречий в словарях) имеет очень отвлеченное значение, обусловленное субъективным восприятием длительности промежутка времени говорящим (или слушающим). Как известно, «субъективное восприятие длительности времени зависит от характера действий и переживаний и не

[3] Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа. М., 1973, с. 108.

всегда соответствует объективной длительности».[4] Этим объясняется отражение различной длительности предшествующего промежутка времени одинаковыми наречиями в следующих, например, фразах (СРНГ):

а) *Дамно уехала — только светлеть стало* (Курск.), т. е. несколько часов назад. *Дамно это было* (Брян.), т. е. несколько дней, месяцев или лет назад.

б) *Давно ли пришел ты? — Да дивненько уж: час, другой места будет* (Перм.). *Да дивненько он здесь жил* (Байкал.), т. е. несколько месяцев или лет назад.

в) *Голомя — давно, говорится о времени одного дня* (Ряз.). *На станции который год служишь? — Да уж голомя* (Пенз.), т. е., возможно, несколько лет.

При всей широте семантической амплитуды эти (и подобные им) слова не вызывают, как правило, недопонимания между говорящими, так как их семантика органически связана с семантикой словесного окружения или проясняется соответствующей обстановкой.

Наречия, которые имеют значение ‘давно’, в русских говорах многочисленны: *дамно*, *давне*, *давнень*, *давнись*, *давнысь*, *давнокась*, *давноти*, *в давности*, *голомя*, *голомятаки*, *гламя*, *оголомя*, *восейк*, *восейка*, *восетка*, *восетта*, *восеттась*, *восеть*, а также *время*, *втемежи*, *гроза*, *давси*, *добре* и др.

Среди них к числу наиболее распространенных принадлежат *дамно*, *голомя* (и его варианты), *дивно*, *дивненько* и др., при этом на первом месте по широте ареала следует назвать диалектный вариант общерусского *давно — дамнó*: *Я дамно об этом думала. А надо в гости к сестре — дамно не была* (Курск., Орл.). *Дамно это было* (Брян.,[5] Калуж., Дон., Смол., Влад., Урал., Новосиб., Том., Амур., Иркут. — СРНГ).

Эти сведения об ареале слова можно несколько расширить за счет материалов «Атласа русских народных говоров», а именно: Иван., Моск. (Куров., д. Ляхово, 241), Яросл., Ряз., Пенз. (Заметч., с. Вяземка, 875, Николо-Пестров., с. Красково, 921), Ульян. (Барышск., с. Покровская Решетка, 928, д. Барышная Дурасовка, 931, с. Бештановка, 935), Киров. (Санчур., д. Макарово, 214), МарАССР (Семен., с. Семеново, 220), МордАССР (Кадошкин., д. Ушлейка, 735).

Как показывает данная карта «Атласа»,[6] это слово имеет четкие границы ареала на территории Владимирской и Ивановской областей и размытые на другой территории.

В слове *дамно* произношение *мн* можно считать лексикализованным: как отмечается в Атласе, «произношение *в* в слове *давно*

---

[4] Диалектический материализм. М., 1975, с. 182.

[5] Также в картотеке БОС: *грубка дамно сложена.*

[6] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957, карта 48.

явилось предметом особой карты в связи с тем, что в ряде говоров только в этом слове наблюдается произношение *в* как *м* (*дамно*), хотя в словах *деревня*, *бревно* и других подобное произношение может не наблюдаться».[7]

Первая лексикографическая фиксация слова, по данным СРНГ, относится к 1859 г. — Обоян. Курск. (Машкин).

Если диалектный вариант общерусского *давно* употребляется во многих русских говорах, то другие диалектные наречия с этим корнем (*давне*, *давнень*, *давнема*, *давнись*, *давныся*, *давнокась*, *давноти*, *в давности*) встречаются незначительными вкраплениями в разных говорах.

Давне́: *Давне Гришка ушел.* Новосокол. Пск., 1960 (КПОС).

Давне́нь: *Мой племянник ушедши давнень.* Красногор. Пск., 1961 (КПОС).

Давнёма: *Лєжат дрова давнёма, колоть будем.* Стругокрасн. Пск., 1972 (КПОС).

Давни́сь. Сиб., 1901, Забайк. (СРНГ).

Давны́ся. Кич.-Городец. Волог. (Архив ДАРЯ, 30).

Давно́кась: *Ен для себя корову давнокась ляшит* (ищет). Пск., Осташк. Твер. (Доп. 1858).

Давно́ти, Давно́тика. Якут., 1886 (СРНГ).

В да́вности: *Это не было в давности.* Локнян. Пск., 1961 (КПОС).

Вторым по распространенности можно назвать наречие *голомя* и его варианты, встречающиеся преимущественно в говорах центральной и южной России. Приведем соответствующие материалы из СРНГ:

Голо́мя, голомя́, голумя́, голымя́ 'давно, давненько'. *Г о л о́ м я, г о л о м я́*: Чебокс. Казан. (Срезневский), вост., южн. (Даль). *Г о л о м я́*: Раненб. Ряз., 1828. Ряз., Сарат. *Он уже пришел голомя.* Самар. Симб. «По смыслу крестьян слово сие (*голомя*) означает — давно. Например: — *Давно ли он был у тебя?* Отвечает: *Голомя*, т. е. давно; *Когда ты молотил рожь? — Голомя*, т. е. давно. *Я голомя не был у тебя* — я давно не был у тебя». Казан. (Фанагорский, 1854). Тул., Тамб., Пенз., Вят., Костром., Влад., Твер., Яросл., Сиб., Урал., Том. *Г о л о м я* (удар.?): Нерехт. Костром., Влад., Нижегор., 1820. *Голомя* — давно, говорится о времени одного дня. Ряз., 1820. Бобр. Ворон., Калуж., Астрах. *Г о л у м я́*: *Голумя уже приехал.* Урал. казач. (Карпов, 1908). *Г о л ы м я́*: Малоарх. Орл., 1852. Елец. Орл.

На принадлежность слова народной речи в XVIII—XIX вв. указывают и академические словари. Так, в Словаре 1847 и в САР оно приведено с пометой «простонар.»: «*голомя* — давно: употребляется наипаче для означения прошедших нескольких часов. *Он уже голомя приехал*» (т. II, с. 187).

---

[7] Там же, с. 563

Представляет интерес вариант рассмотренного наречия с пропущенным гласным в первом слоге: *гла́мя*, *гламя́* ('давно, поздно' — СРНГ): *г л а́ м я*: Пенз., 1960. *г л а м я́*: Козл. Тамб., 1849. Тамб. *Давно ли ты здесь? Да уж гламя*. Пенз. *Г л а м я* (удар.?): Ряз., 1912 (СРНГ).

В говорах, где встречается употребление постпозитивных частиц *-таки*, *-тко*, собиратели отмечают наречия *голомя́таки* 'давно' (Каляз. Твер., 1860, СРНГ) и *голомя́тко* 'давно, давненько' (Бежец. Твер.). *Это голомятко было, забыл все* (Урал, 1958 — СРНГ).

Можно добавить также *голомня* 'давно, давненько' (Костром., 1820, СРНГ) и *оголомя́* 'давно' (Покр. Влад., Втор. Доп. 1905—1921; Николаев. Самар., Соколов, 1912); 'довольно давно' *Давно ли ты здесь? — Оголомя* (Влад. Влад., Дмитриевский, 1820; Опыт 1852).

В некоторых говорах юго-восточной части Европейской России встречается группа наречий, соотносительных по образованию с *восей* (*восейк*, *восейка*, *восетка*, *восетта*, *восеттась*, *восеттось*, *восеть*). Как мы знаем, они известны в некоторых говорах в значении 'недавно', однако в приводимых ниже материалах из СРНГ они отмечены с противоположным значением 'давно', что свидетельствует об энантиосемии у некоторых из этих слов.

Восей. Черн. Тул., 1850. Ефрем. Тул. *Вусей*. Козл. Тамб., 1850.

Восейк, *вусейк*. Новобуян. Куйбыш., 1939.

Восейка. Козьмодемьян. Казан., 1852, *Вусейка*: *Болота пересохли вусейка*. Корсун. Симб., 1895—1896.

Восе́тта. Тетюш. Казан., 1912.

Восе́ттась 'указание на давно минувшее время'. Козьмодемьян. Казан. (Воецкий). *Восе́ттось* 'означает прошедшее время'. Чебокс. Казан. (Срезневский).

Восе́ть. Слобод. Вят., 1896. Вят.

В некоторых, преимущественно севернорусских говорах, а также говорах Урала и Сибири в виде отдельных вкраплений встречается наречие *дивно* в несвойственном ему в литературном языке значении 'долго, давно' (СРНГ): Вят., Арх. — *Давно ли ты, Петруха, был болен? — Дивно* (Казан., Уфим., Свердл., Сиб., Алт.). — *А давно ли по этой дороге ездят? — Опять дивно. Он уж дивно стоит. Дивно, как пришел* (Том., Енис., Иркут., Якут., Камч.). — *Давно уехал муж-от? — Да уж дивно* (Амур.).

Первая лексикографическая фиксация слова в этом значении относится, по данным СРНГ, к 1847 г. — Вят.

Значение 'давно' отмечается у наречий *анагдысь*, *ономе́дни*, *ономедь*, *онеметь*, *лондася*, для которых в говорах обычным является значение 'недавно'.

Анагды́сь 'давно'. Северо-зап. (Архив ДАРЯ, 161).

Ономе́дни 'давно'. Северо-зап. (там же, 350).

Ономе́дь 'раньше, давно'. Вытег. Олон., Филимонов.

Онеме́ть ‘давно’. Петрозав. Олон. (ИОРЯС).

СРНГ и другие источники отмечают это значение еще у следующих, разных по образованию, наречий.

Вре́мя: — *Давно пошел в Сымерсерт? — Время, уже времечко, подождите его, скоро придет* (Прейл. ЛатвССР, 1963, СРНГ). Ср. в памятниках древнерусской письменности *время* ‘год’: *Соломония имаше во утробы своей нечистыя духи и носихъ время и пол времени, рекше полтора годы* (1554, СРЯ XI—XVII).

Втéмежи ‘давно’. Белоз. Новг. (Архив АН, № 140, л. 327). Ср. в СРНГ это наречие со значением ‘в то время’.

Втупор ‘давно’. Северо-зап. (Архив ДАРЯ, 162).

Да́вси. Почеп. Брян., 1964 (КБОС).

Гроза́: *Он уже гроза ушел*. Волог., Даль (СРНГ).

Ди́внесь ‘весь день, с утра, давно, долго’. Ряз., Даль (с примеч.: «или это искаженное день-весь?»). Елатом. Тамб. (СРНГ).

Добре́ ‘давно, долго’. *Добре уж как ушел*. Мещов. Калуж., 1916. *Собака уж добре лает и вдруг замурочила*. Том. (СРНГ).

Словари и другие источники отмечают в некоторых случаях оттенок продолжительности предшествующего временного отрезка, обозначенного наречием. В этом случае в определении слова встречается ‘очень давно’ или включаются какие-либо синонимичные уточнения — ‘давненько, очень давно’ и др. Таким образом, отмечается определенная градация семантических оттенков.

Подчеркивание временной отдаленности имеет место, как мы видели, у наречий *голомня*, *голомятко* ‘давно, давненько’, а также *голомя* ‘давно, очень давно’ и др. — *Где же ваша Настасья? — Ого, она уже голомя в Питере* (Нижегор., Влад., Ряз., Макаров, 1820). — *На станции который год служишь? — Да уж голомя* (Пенз., Балаш. Сарат.). СРНГ.

Давнёшня ‘очень давно’: *Давнёшня это было*. Остр. Пск., 1961 (КПОС).

Досю́д ‘давно, очень давно’. Кадн. Волог., 1895. Белозер., Кирил. Новг. (СРНГ).

В наречиях *о веку*, *по-хорошему*, *когдася*, *колиста* продолжительность предшествующего промежутка времени подчеркивается семантикой производящих основ.

О ве́ку ‘очень давно, с самого начала’: *На дубовой горе кладбище, до сих пор складем там, давно оно, о веку*. Новоржев. Пск., 1961 (КПОС).

По-хорбшему. Вят. (Опыт 1852): *По-хорошему не бывал в свата* (‘давно уж’ — Васнецов). Вят., Котельн., Слобод. (Тиховидов), Уржум. (‘довольно давно’ — Магницкий).

Когдáся ‘когда-то, давно’. Екатеринб. Перм. (Славнин, 1887).

Колúста ‘давно’: *Колиста говорили, что мы вернемся у Расею* (Казаки-некрасовцы, 1968). КСРНГ.

Однако особенно четко длительность этого временного отрезка выражается наречиями с суффиксами субъективной оценки: *-ечк-*, *-еньк-*, *-оньк-*, *-оват-*, *-ехоньк-*, *-ешеньк-*.

Врéмечко. Прейл. ЛатвССР, 1963 (СРНГ). Пример см. выше с. 77.

Голóмечко, голомéчко. Яросл., Кинеш. Костром. *Голомечко* ‘порядочно прошло времени, давненько’. Лебед. Тамб., Цветков (СРНГ). Первая лексикографическая фиксация относится к 1820 г. Углич. Яросл. (СРНГ).

Дамнéнько. Тихв. Новг., Соколов, 1908 (Тр. МДК). Ср. общерусское *давненько*.

Дивнéнько ‘давно, долго’: *Давно ли пришел ты? — Да дивненко уж: час, другой места будет*. Перм. *Да, дивненько он здесь жил*. Байкал. Камч. *Дивненько*. Шенк. Арх., 1855. ‘Довольно давно, долго’. Режев. Свердл., 1964. Верхне-Уфал., Челяб., Том. (СРНГ).

Ранняя лексикографическая фиксация слова относится к 1848 г. (Шадр. Перм. — СРНГ).

Задóлгонько ‘давно?’: *Задолгонько начали работать плугом*. Волх., Ленингр., 1938 (СРНГ).

Давновáто: *Было быдто бы такое слово, да давновато, не помнится*. Петрозав. КАССР, авт., 1954.

Давнёхонько. Киржач. Влад., Чернышев, 1910 (КСРНГ): *Довнехонько*. Белозер. Новг., Колосов. Заметки, 1876, с. 10. Крестец. Новг. (ИОРЯС).

Давнёшеньки. По оценке БАС, это наречие, а также *давнёхонько* употребляются «в прост. и обл.».

Значение длительности прошедшего отрезка времени выражается также некоторыми наречными сочетаниями: *давно-раздавно, адамовы веки*.

Давнó-раздавнó. Осташк. Калин. Чернышев, 1936 (КСРНГ).

Адáмовы вéки ‘очень давно, с давних пор’: *Адамовы веки паханы эти пустыри*. Пыталов. Пск., 1959. *Торф копаем, и попадает смолье, смолины. Они там давно, адамовы веки*. Остров. Пск. (КПОС).

2. Наречия со значением ‘прежде, раньше’. Наречия этой группы также не имеют четких семантических границ. Они обобщенно указывают на то, что действие происходило в предшествующее время, раньше в противоположность теперь.

Основное ядро среди них составляют производные от корня *пред-* (*преж-, прежд-*): *прежь, преже, допреже* и ряд других. Некоторые из них широко известны в севернорусских и южнорусских говорах, в говорах Урала и Сибири.

Прежь. Вят. (Доп. 1858). *Прежь проще жили, и деньги водились* (Васнецов, Зеленин): Уржум. (Магницкий). Перм. — *Годы-те прежь были не те* (Луканин): Шадр. (Зырянов). Волог.: Ярен. (Протопопов, Дилакторский); *На то почтенное место, где прежь сидели*. Сольвыч., Великоуст. (Дилакторский). Сев.-Двин. (Романов). Арх.: Холмог. (Грандилевский): *Прежь песни пели*. Лешукон. (Федоров); *Прежь кормили пелевой*. Устьян. (авт.); *Я и прежь ходила по чужим людям*. Вельск. (Моторжина); Север.

(Барсов). Олон. (Куликовский). Калуж: Калуж. (Втор. Доп.); Мещов. (Косогоров). Сиб. (Королев); *Прежь привычка также была.* Тунк. Бурят. (Молодых).

Пре́же: *Это теперь только стали, а прежи не было.* Сызр. Куйбыш. (Кочетков). *Пре́жа.* Обоян. Курск. (Машкин). Холмог. Арх. (Грандилевский). Сорокск. КАССР (Филин).

Пере́же: *Пережа-то тяжело было.* Гдов. Пск. (КПОС).

Некоторые диалектные наречия имеют приставочное образование от основ с этим корнем: *впрежь, впрежину, допреже* (*допрежде*), *допрежь, запреже, запрежь, опрежь, опрежь, допредь, допредки.* Среди них наиболее широкий ареал у наречия *допре́жь* ‘сперва, раньше; прежде’. Верейск. Моск., 1852. Моск., Калуж. Орл., Тул., Курск., Ворон., Астрах. *Допрежь так не было.* Пск.,[8] Смол., Ряз., Твер. *За ним допрежь этого не замечалось.* Пенз., Яросл., Костром., Влад., Арх., Сев.-Двин., Север., Олон., Волог., Вят., Перм., Ср. Урал., Том., Акм., Краснояр., Енис., Забайк., Амур. (СРНГ). Еще: *Там ужей было допрежь до пропасти.* Дядьк. Брян., 1961 (КБОС).

Другие наречия не имеют такого широкого распространения.

Допре́же. Ряз. Ряз., 1902. Покр. Влад. (СРНГ). *Раньше что-то происходило — скажут: допреже.* Мурман. (Меркурьев). *Допре́жа.* Обоян. Курск., 1858. *Допрежа хлеб лучше родился.* Влад. (СРНГ).

Допре́жде: *Я вам допрежде изволил докладывать.* Морш. Тамб., 1849. *Он допрежде нас дарил-жаловал, а теперь казнить велит* (песня). Терск. Курск., Калуж., Моск., Твер., Костром., Вят. (СРНГ). *А допрежде мы жили и вся: и гречихи, соломы девать некуда. А допрежде бывало решетами купляли купцы ягоды.* Брас. Брян., 1961 (БОС).

Впре́жь: *Другу тайность объявила, что многих любила впрежь до него.* Арх., Соболевский (СРНГ).

Впре́жину: *Рогач впрежину у прялки, катушка.* Опоч. Пск., 1961 (КПОС).

Запре́же (*запре́жа*) ‘прежде, раньше’. *Парни забились в полати запрежа еще, попугать девок хотели.* Орл. Вят., Смирнов. *Запреже надо припасти.* Покр. Влад., Словарь 1902 (СРНГ). Еще: Сузем. Брян., 1965 (КБОС). Вариант этого наречия *запрежде* отмечен в языке XVIII в.: *Из корени отпрыскивают многие побеги, которые, если главный пень запрежде не получил довольной толстоты и крепости, часто его заглушают и заставляют дерево расти подобно подлесу.* Палас. Раст. Рос. гос., 1766, с. 88.

Запре́жь: *Запрежь в этом месте крест стоял.* Арх., Печор., 1896 (СРНГ). Ср. сочетание: *запрежь того* ‘перед тем’. Мезен., Пинеж. Арх., 1885 (СРНГ).

Опережь. Олон.: *Опережь я возил богатыря и женку богатырскую* (Рыбников); Петрозав. (Куликовский).

---

[8] Так же в картотеке ПОС: *Нешто память-то как допрежь была* (Печор. Пск., 1961).

Опрежь. Печор. Арх. (Карабанова-Семенова). Осин. Перм. (Богоявленский).

Допре́дь. Нижнедев. Ворон., 1893 (СРНГ).

Допре́дки. Даль — без указания места (СРНГ).

Можно отметить, что значение ‘прежде, раньше’ имеет ряд наречий иного образования: *втапоре*, *досель*, *досюлево*, *дотолече* (*дотолечи*, *дотолича*, *дотоличе*), *живучи*, *ономедни*, *ономедь*, *ногдась*, *олондась*, *осюпору* и др.

Вта́поре. Вот как вышла замуж, так свекор и рассказывает: «*Втапоре делали мы не так*». Краснояр. (Самотик).

Досель см. с. 80—81.

Досю́ля ‘раньше, прежде’. Тихв. Новг., 1854 (СРНГ)..

Досю́лево ‘прежде, до сего времени’. Тихв. Новг., 1852 (СРНГ). Ср. в разговорном языке XVIII в. наречие *доселева*: *Доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал* (Курганов. Письмовник). *Доселева вздеть нечего, а ныне и перемыться не в чем.*[9]

Дото́ля ‘прежде, раньше’. Балахн. Нижегор., 1870. *Дотоля мы гуляли не эдак*. Ветл. Костром. (СРНГ).

Дото́лече ‘прежде, раньше’. Нижегор., 1861. Пошех.-Волод. Яросл., Кологр. Костром. (СРНГ). *Д о т о́ л е ч и. Бывали и мы молодцами-то дотолечи; и мы так же шалили и баловали, как нынче балуют наши дети и внучата*. Пошех. Яросл., 1853 (СРНГ). *Д о т о́ л и ч а*. Темник. Тамб., 1914 (СРНГ). *Д о т о́ л и ч е*. Нижегор., 1861 (СРНГ).

Живучи ‘прежде’. Крест. Новг., 1895. *Я живучи здоровая* (полная) *была*. Боров. и смежн. Новг. Ленингр., Калин., КАССР, Арх. (СРНГ).

Ногда́сь ‘прежде, ногдась’. Великолукск. Пск. (Опыт 1852).

Олонда́сь ‘тогда, раньше’. Кологрив. Костром. (Соколов).

Ономе́дни ‘тогда, раньше’. Кологрив. Костром. (Соколов).

Ономе́дь ‘тогда, раньше’. *Он ономедь приходил*. Валд. Новг. (Добросицева).

Осю́пору и *осюпо́ру* ‘прежде’. Сиб. (Королев).

В семантике некоторых наречий заключено указание на отнесенность действий, событий, о которых рассказывается, к далекому прошлому, иногда — в старину. Обычно это отмечается словарями. Представляет интерес в связи с этим пример семантической разработки наречия *досель* в СРНГ, который указывает два значения слова.

1. ‘До сих пор, до сего времени; р а н ь ш е, п р е ж д е’. *Д о с е л ь*: *Фу-фу-фу: досель черный ворон кости российской не занашивал, а ныне в очи вержет*. Заон. Олон., 1897. *Д о с е́ л ь*: Тихв. Новг., Арх., 1852. *Уж досель тебе было еще сказано, не ходи ты в мои да зелены сады*. Печор. (Ончуков). *А я досель дак все делал брагу из картошки*. Твер. *Домашние дела досель задер-*

[9] Б а р с о в А. А. Собрание российских пословиц. М., 1770, с. 59.

живали, а теперь приехала в гости. Сарат. Краснояр., Амур. *Д о с е л ь* (удар.?) *Да откуль и взялись оне нонче? Досель слыхом было не слыхать, чтё бы таким ордам шатались!* Котельн. Вят., 1850. Боров. Новг., Север.

2. ‘Давно, в старое, былое время, в старину’. *Д о́ с е л ь*: Олон., 1885—1898. *Д о с е́ л ь*: Арх., 1885. Сев.-Двин. *Досель все едоки шапки на головах-те носили.* Весьегон. Твер. *Д о с е л ь* (удар.?): Тотем. Волог., 1905. *Досель это было. Говорит гагара ворону: «Ворон, попестри меня».* Верхоян. Иркут.[10]

Словарные определения, в которых имеется указание на отнесенность действий к отдаленному прошлому, содержат такие синонимичные определения: ‘в старину’, ‘в старину, раньше’, ‘в старину, давно, когда-то’, ‘давно, в старое былое время, в старину’, ‘давно, прежде, раньше, в старину’ ‘давно, встарь’, ‘давно, в старое время’, ‘в прошлом, в прежнее время’ и др. Такую особенность семантики имеют наречия *застарь, давень, давней, вдавне, вдавней, досель, досюль (досуль), веком, на веках, на годах, впредках, олонно* и др.

За́старь ‘издавна, в старину’. *Было застарь, да нонче не забыть.* Сиб., 1855 (СРНГ).

Да́вень ‘в прошлом, в прежнее время, раньше’: *Давень как плакали по старым. Давень было строго.* Прейл. ЛатвССР. Йонав. ЛитССР, 1963 (СРНГ). Ср. ‘совсем давно’. Пушк. Пск., 1929 (СРНГ).

Давне́й (в том же значении): *Давней была у каждого мужика клеть. Давней бороду брили.* Прейл. ЛатвССР. *Давней не было метра, а был аршин.* Йонав. ЛитССР (СРНГ). Еще: *Давней живали, звалися стоянки.* Великолукск. Пск., 1952. *Давней сукны ткали и шили.* Себеж. *Я давней на Ширяеве жила, суда перешла в двадцать третьем году.* Красногор. (КПОС).

Вда́вне и *вдавне́* ‘давно, встарь’: *Не вдавне пошли платья.* Моск. Моск., 1901. Клин. Моск. *Не было вдавне.* Твер. Твер., 1910 (СРНГ).

Первая лексикографическая фиксация слова относится к началу XIX в. (Словарь 1806). Однако в других источниках, по данным КСРЯ XVIII, встречается значительно реньше: *. . .и никогда роду своего и прозвания без нужды не возвышаи, ибо так*

---

[10] В говорах это наречие сохранилось от прошлых веков: *Был досель в темницѣ до вчерашнего дни.* XIII в. (СРЯ XI—XVII). В письменных источниках XVIII—начала XIX в. (КСРЯ XVIII) обычным является употребление наречия без утраты конечного гласного — *доселе: Церковь св. Анастасия, которая на сей горѣ была, доселѣ храм Нептунов. Неподалеку оттолѣ был храм Януса. . .* (Перев. из энцикл.). *Истино не находится в прививной оспѣ той смертоносной язвы, которая доселѣ род человеческой столько пожирала!* (Зыбелин. Слово). [П р и т в о р о в] — *А для чего мнѣ кажется, что в маскараде этот товар пренужной?* [Щ е п е т и л ь н и к] — *Бывал доселя; но недавно все люди личинами запаслися. . .* (Лукин. Щепетильник). *Где тени мирные доселе простирались, беспечной радости где песни раздавались, поблекшие леса в безмолвии стоят* (А. Тургенев. Элегия).

чинят люди всегда такия, которыя не в давне токмо прославились (Юности честн. зерц.). . . .*что и будет иметь силу для прав старшинства и утверждений наследств, установленных вдавне, в разбирательстве коих находиться будут трудности. . .* (Муратори. Рассужд. о благоденствии).

Вдавней: *Вдавней меньше было.* Красногор. Пск., 1951 (КПОС).

Досель см. выше, с. 80—81.

Дóсюль и *досю́ль* ‘в прошлом, прежде’: *Д о́ с ю л ь*: Тихв. Новг., 1854: *Досюль жил был царь на царстве, на ровном месте, как сыр на скатерти. Как досюль был у меня батюшка, богатого живота человек.* Олон. *Досюль сохи делали. Вышивали досюль полотенце.* Ленингр. (СРНГ). Кроме того: КАССР — *Досюль жили, платья носили длинны, широки, как цыганы.* Заонеж. (авт.). *Раньше примечали, досюль, что солнышко садится в темень, завтра сено сушить нельзя.* Кондоп. (авт.). Пудож. (Архив ДАРЯ, 73, 82, 85, 119, 177 и др.). *Д о с ю́ л ь.* Лодейноп. Ленингр., 1936 (СРНГ). *Д о с ю л ь* (удар.?): *Жил досюль старик и старуха.* Север. (Ончуков). ‘В старину, раньше’ — Медвежьегор. КАССР (Нефедов, Архив ДАРЯ).

Также сочетание *досю́ль-досю́лева* в шутливой пословице: *Досюль-досюлева на собаке косулили, на коне боронил да огороды городил.* Пудож. Олон. (Шайжин).

Как видно, ранняя лексикографическая фиксация этого слова как диалектного относится к середине прошлого века. Из более ранних источников XVIII в. укажем: *Я чаю не худо бы и летописных книг дать им почитать, чтобы обо всем знали, что досюль бывало* (Посошков. Кн. о скудости и богатстве).

Дóсуль и *досу́ль* ‘давно, прежде, раньше, в старину’: *Досуль-то люди крепче были.* Новг. Новг., 1904. *Д о с у́ л ь*: Новг., Крестец. Новг., 1895: *Досуль долгенны платья шили.* Новг. (СРНГ).

Интересны еще два редких наречия: *досю́лесь* ‘давно, в старое время’. Каргоп. Олон., 1898 и *досю́леча.* Тихв. Новг., 1854 (СРНГ).

Сюда же, учитывая семантику этого гнезда наречий, следует отнести *досю́лево* ‘давно’. Вашкин. Волог., 1964 и *даю́ля* ‘давно’. Заон. Олон., 1898 (СРНГ).

Из редких наречий и наречных сочетаний укажем:

Впре́дках ‘в старину’: *Это было впредках.* Медвежьегор. КАССР 1954 (авт.).

Векóм ‘давно’: *Веком когда-то деялось.* Усьян.-Дмитр. Сев.-Двин., 1928 (СРНГ).

На веках (удар.?) ‘в старину’. Олон. (Куликовский). *Жить на веках* ‘когда-то, давно’. Печор. (Ончуков). *На векáх* ‘в старину, давно когда-то’. Сев.-Двин. (Романов, 1928). СРНГ.

Олóнно ‘давно, в старину’. Нерехт. Костром. (Диев, Опыт 1852).

На годáх ‘в прошлом, давно’. *На годах это было.* Мурман. (Меркурьев). ‘Когда-то, в минувшие годы’. *На годах-то я к Петьниснёму празднику хаживала.* Онеж. КАССР (Калинин).

В тá года ‘когда-то, давно, в прошлые годы’. Порх., Тороп., Пск., 1855. (СРНГ).

Как видно, при указании на отнесенность происходящего к отдаленному прошлому, т. е. на большую длительность прошедшего временного отрезка, частные семантические различия, дифференцирующие семантическую оппозицию ‘давно (длительное время тому назад)’ и ‘прежде (не теперь)’, сглаживаются. Ср., например, семантическую характеристику наречия *давень*: ‘совсем давно’ — ‘в прошлом, в прежнее время, раньше’.

В подобных случаях сильнее сказывается диффузность семантики диалектного слова,[11] «проявление семантической нечеткости, свойственной некодифицированным типам речи»,[12] когда «происходит как бы переплетение, сращение отдельных частных значений и оттенков значений слова, развивается своеобразное совмещение значений слова».[13] Эта сложность семантической оценки диалектного материала вынуждает составителей словарей (и собирателей) давать порой емкие определения значений слов. Например, *досель* ‘давно, в старое время, в старину’; *досуль* ‘давно, прежде, раньше, в старину’; *голомя*, *голомятко*, *голомня* ‘давно, давненько’; *голомя* ‘давно, очень давно’ и др.

III

Из семантической близости рассмотренных двух групп диалектных наречий со значениями ‘давно (длительное время тому назад)’ и ‘прежде, раньше’ вытекает вопрос о возможности их синонимического употребления. Однако изучение синонимической соотносительности на диалектном материале связано с значительными трудностями.[14] Это обусловлено прежде всего сложностью выявления точной семантической соотносительности слов, их лексической сочетаемости в разных говорах, поскольку записи во фразах ограничены.

М. Н. Макаров, отмечая тонкую разницу в употреблении наречий *голомя* и *восей* в одном из диалектов, писал: «Голомя и восей оба слова знаменуют: давно, очень давно, или

---

[11] Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 303.

[12] Баранникова Л. И. Некоторые особенности синонимии и полисемии в разных типах речи. — В кн.: Развитие синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII в. Казань, 1972, с. 8.

[13] Там же, с. 5.

[14] Л. И. Баранникова писала: «. . . вообще установление синонимических и несинонимических отношений в диалектной лексике представляет значительные трудности. . . В диалектной речи эту общность номинативной функции выявить не всегда легко, так как в силу меньшей нормативности семантических процессов, подвижности значения слова трудно решить, с одним или разными денотатами соотносится значение слова» (там же).

по-простонародному же: давным-давно. Но ежели рассмотреть самую сущность сих слов, тогда мы заметим в них очевидную разницу: например, я спросил у одного крестьянина: давно ли проехал такой-то? — Голомя! — ответил он. . . Разговаривая с глухою моею хозяйкой: Бабушка! бабушка! — кричал я, — у тебя были детки? Восей, и внучата, — сказала она. . . Скажи же мне, когда бывает ваш храмовый праздник? — И! и! кормилец! — подхватила она, — праздник наш уж голомя прошел!» (Балаш. Сарат., 1821, СРНГ).

Таким образом, с точки зрения М. Н. Макарова, продолжительность отрезка времени, обозначаемого словом *восей*, больше, чем словом *голомя*, чем и вызвана необходимость употребления того или другого.

Вторая причина трудностей изучения синонимии диалектной лексики обусловлена недостатком точных знаний об ареалах слов, их соотносительности друг с другом, пространственных расхождений или совпадений. Т. С. Коготкова, характеризуя состояние собранных диалектных материалов, справедливо писала: «Для лексического же уровня установить включение одной диалектной системы в другую особенно трудно. До сих пор русская диалектологическая наука не располагает таким накоплением и такой обработкой лексических материалов, которые давали бы возможность сопоставить лексическую систему одного говора с аналогичной системой окружающих говоров».[15] Опубликованные в последние годы областные словари в значительной степени обогатили наши знания о диалектной лексике, но их пока еще недостаточно. Все это свидетельствует о наличии серьезных и сейчас еще едва ли преодолимых трудностей в изучении диалектной синонимии при обобщении материалов по всем говорам русского языка, ибо одним из существенных признаков диалектных синонимов является не только близость или тождественность значений слов, но и органичность, неотъемлемость их как части той или иной диалектной лексико-семантической системы, языковой системы определенного коллектива. Л. И. Баранникова обратила внимание на тот существенный факт, что «о дублетах и синонимических отношениях между словами можно говорить лишь тогда, когда они входят в одну лексическую систему, не осознаются как слова чужого говора, являются равноправными или, точнее, почти равноправными членами лексической системы говора».[16] Мысль о принадлежности синонимов словарному составу определенного коллектива подчеркивается, на-

---

[15] Коготкова Т. С. К вопросу о дублетных синонимических отношениях в лексике современного говора. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 38 (примеч.).

[16] Баранникова Л. И. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах. — В кн.: Вопросы языкознания. Т. 248. Л., 1963, с. 392.

пример, О. И. Рак: «Синонимы — факт живого словоупотребления носителей данного говора, конкретного языкового коллектива (минимально — в пределах одного населенного пункта). Нельзя поэтому считать синонимами разные названия одних и тех же реалий, если они принадлежат различным говорам, а тем более разным диалектам».[17]

Таким образом, диалектными синонимами следует признать только те близкие по значению или тождественные слова, которые представляют собой неотъемлемую часть той или иной диалектной лексической системы. С этой точки зрения рассмотренные выше материалы о наречиях обладают существенным недостатком: они не всегда соотносительны по времени и недостаточно детально показывают ареал слова. Даже при одинаковой общей помете, например моск., ряз. и др., не все слова с близким или тождественным значением могут быть синонимами, так как территория эта велика и разные слова в ее пределах могут иметь свой, часто не совпадающий ареал, не являясь принадлежностью лексико-семантической системы какого-либо одного говорящего коллектива во всех случаях.[18] Из этого, по-видимому, следует, что без лингвогеографического изучения широкого круга диалектной лексики нельзя составить точное представление о реальном соотношении в пространстве частных лексико-семантических систем, т. е. и о реально существующей синонимии.

В то же время выявление и изучение тождественных или близких по значению слов в рамках такой макросистемы, какой является лексика русских народных говоров, представляет бесспорный интерес. Однако из-за неясности одного из существенных признаков диалектной синонимии — принадлежности слов лексико-семантической системе одного говорящего коллектива — этот вопрос по большей части сводится к вопросу о лексико-семантических эквивалентах. Понятие лексико-семантического эквивалента, таким образом, шире понятия синонима, поскольку оно не связано с обязательным наличием у слов названного синонимического признака.

Поскольку вопрос о диалектных синонимах тесно связан с вопросом о совпадении ареалов слов, представляет интерес показать, хотя бы в общих чертах, круг лексико-семантических эквивалентов, которые могут (или могли) при общности ареалов выступать в качестве синонимов.

---

[17] Рак О. И. Заметка о собирании материалов по синонимии народных говоров. — В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, с. 57.

[18] Ср., например, карту 238 («Диалектные слова со значением ‘очень’») в Атласе русских народных говоров, которая свидетельствует о богатом наборе лексем (*шибко*, *дюже*, *добре*, *сильно*, *больно*, *зря*), далеко не всегда вступающих в синонимические отношения в московских, рязанских, горьковских и других говорах.

Так, для наречий со значением 'давно, давненько, очень давно' [19] можно назвать такие ряды диалектных сопоставлений (учитывая территорию их употребления).

а. В говорах севернорусского наречия.

Арх.: *давношно — дивно — дивненько*; Новг.: *давнёхонько, давно-раздавно, втемежи — досюд*; Олон.: *давноватo — онеметь — ономедь*; Волог.: *давныся (давнись) — дивнесь — гроза — досюд*; Яросл.: *дамно — голомя — голомечко*; Влад.: *дамно — давнёхонько — голомя — голомятко — оголомя*; Костром.: *голомя — голомня — голомечко — голомечко — лондася*; Вят. (Киров): *дамно — дивно — голомя — восеть — по-хорошему*; Перм.: *дивно — дивненько — когдася*.

б. В говорах южнорусского наречия.

Орл.: *дамно — голымя*; Ряз.: *дамно — гламя — голымя — дивнесь*; Калуж.: *дамно — голомя — добре*; Брян.: *дамно — давси*; Дон.: *дамно — колиста — голомя — голымя — дивнесь — даве* (?).

в. В среднерусских говорах.

Пск.: *давне — давнёма — давнень — давнокась — давнешеньки — в давности*; Калин. (Твер.): *давнокась — давно-раздавно — голомя — голомятко — голомечко*; Моск.: *дамно — давеча*; Пенз.: *дамно — гламя — голомя — восеттась*; Сарат.: *голомя — восей*; Куйбыш. (Самар.): *голомя — оголомя*; Ульян. (Симб.): *дамно — голомя*; Казан.: *дивно — голомя — восеттась — восейка*.

г. В говорах Урала и Сибири.

Урал.: *дамно — голомя — голумя — голомятки*; Сиб.: *дамно — давнокась — дивненько — дивнесь — голомя*.

Для наречий со значением 'прежде, раньше'. [20]

а. В говорах севернорусского наречия.

Арх.: *преже — прежь — впрежь — допрежь — опрежь — запрежь — досель — живучи — на веках*; Сев.-Двин.: *прежь — допрежь — досель — веком — на веках*; Мурман.: *допреже — на годах*; Новг.: *досель — досюль — досуль — досюля — досюлеча — досюлево — живучи — ономедь*; Олон. (КАССР): *преже — прежь — допрежь — досель — досюль — досюль-досюлева — досюлесь — даюля — впредках — живучи — на веках — на годах*; Ленингр.: *досюль — живучи*; Волог.: *прежь — допрежь — досель*; Яросл.: *допрежь — дотолече — дотолечи*; Влад.: *допреже — допрежь — запреже*; Костром.: *допрежде — допрежь — дотоля — дотолече — олонно — олондась — ономедни*; Вят. (Киров): *прежь — допреже — допрежде — допрежь — запреже — досель*; Перм.: *прежь — допрежь — опрежь*.

б. В южнорусских говорах.

---

[19] Это соответствует синонимическому ряду в современном русском литературном языке: *давно—давным-давно—давненько* (Словарь синонимов русского языка. Т. I. Л., 1970).

[20] Это соответствует синонимическому ряду в современном русском литературном языке: *раньше, ранее, прежде* (Словарь синонимов русского языка. Т. II. Л., 1971).

Курск.: *преже — допреже — допрежде — допрежь*; Калуж.: *прежь — допрежде — допрежь*; Ворон.: *допредь — допрежь — опрежь — на годах*; Брян.: *допрежде — допрежь — запреже*; Тамб.: *допрежде — дотолича*; Ряз.: *допреже — допрежь*.

в. В среднерусских говорах.

Пск.: *пережа — допрежь — впрежину — ногдась — давень — давней — вдавней — в та года*; Калин. (Твер.): *допрежде — вдавне — досель*; Моск.: *допрежде — допрежь — вдавне*; Нижегор.: *дотоля — дотолече — дотоличе*.

г. В говорах Урала и Сибири.

Урал.: *впрежь — допрежь — досель*; Сиб.: *прежь — впрежь — допрежь — досель — застарь — осюпору — втапор*.

Как видно из сказанного, в полосе преимущественно северно-русского наречия имеет значительный ареал наречие *досель* (Арх., Сев.-Двин., Олон., Волог., Вят., хотя также Калин., Сарат.). В северо-западных говорах выделяется заметный очаг употребления наречий *досюль* (*досуль*), *досюлеча* (Олон., Ленингр., Новг.). В некоторых говорах центральной России (Яросл., Костром., Нижегор., а также Тамб.) концентрируется употребление наречий *дотолече* (*дотолечи*, *дотоличе*, *дотолича*, *дотоля*). Не имеют отчетливых ареалов наречия с корнем *преж-* и др., в особенности *допрежь*, встречающееся в северно-, южно- и среднерусских говорах.

В полосе главным образом центральной России (в разнотипных говорах) рассредоточено употребление наречия *голомя* и его производных (Яросл., Влад., Костром., Нижегор., Ряз., Тул., Орл., Калуж., Ворон., Тамб., Пенз., Куйбыш., Ульян., Сарат., Астрах., Казан., Калин.).

Широко распространено в русских говорах наречие *дямно*.

Нельзя не обратить внимание на то, что некоторые наречия, имеющие наиболее широкую сочетаемость и обозначающие при этом наиболее длительный отрезок времени, отделяющий какие-либо действия от момента речи, могут выражать оба указанных значения, объединяя оба ряда эквивалентов, например *дамно* и др.: *Дамно это было* (Брян., СРНГ); *Я дамно об этом думала* (Курск., СРНГ).

Не все из перечисленных лексико-семантических эквивалентов, даже при совпадении ареалов, являются синонимами, так как на протяжении XIX—XX вв. словарный состав говоров, отраженный в наших материалах, изменялся. В течение этого времени полностью (или в ряде говоров) вышли из употребления некоторые наречия. Об этом свидетельствуют как замечания собирателей, так и вновь созданные словари, в которых прежде отмеченные слова не встречаются. В материалах «Русского Архива» 1866 г. относительно наречия *голымя* (Елецк. Орл.) говорится: «Теперь много старых слов молодежь не понимает, например, вместо „давно ли было“ — говорили „голымя было“» (СРНГ). В то же время СРНГ указывает более позднюю фиксацию этого слова на

другой территории. Можно с уверенностью сказать об утрате говорами наречий *восей*, *восет* и других производных, поскольку они фиксируются только старыми источниками.

IV

Расплывчатость продолжительности прошедших временных отрезков, субъективное восприятие их длительности, диффузность семантики обозначающих их слов способствовали появлению противоположных значений у некоторых наречий: 'давно' — 'недавно'.[21] Эти различия фиксируются словарями и собирателями материалов. Опираясь на них, можно привести следующие примеры такой семантической противопоставленности.

Слово	Значение	
	'давно' ('прежде')	'недавно'
Восей (вусей)	Черн., Ефрем. Тул., Козл. Тамб.	Влад., Тамб., Пенз., Ряз., Нижегор., Симб.
Восейка (вусейка, восейко, восейк, вусейк)	Козьмодемьян. Казан., Корсун. Симб., Новобуян. Куйбыш.	Сарат., Симб., Тамб., Казан., Влад., Костром., Нижегор., Оренб., Самар., Куйбыш., Ряз., Пенз., Ворон., Астрах., Баш. АССР, Свердл., Челяб., Том.
Восетта (восетто)	Тетюш. Казан.	Яросл., Костром., Нижегор., Вят., Перм., Оренб., Симб., Казан., Самар., Уфим., Свердл., Челяб., Урал., Том.
Восеть (восет)	Слобод. Вят.	Вят., Арх., Оренб.,Перм., Челяб., Казан.
Восетка (вусетка)	Чембар. Пенз.	Сарат., Ряз., Перм., Челяб., Урал.
Голомя (голумя, голымя)	Ряз., Сарат., Самар., Симб., Тул., Тамб., Казан., Пенз., Вят., Костром., Влад., Твер., Нижегор., Яросл., Ворон., Калуж., Орл., Астрах., Урал., Том., Сиб.	Ворон., Вят., Сарат.
Давень	Прейл. ЛатвССР, Йонав. ЛитССР, Пушк. Пск.	Пск., Твер., Новг., Арх., Олон., Йыгев., Тарт. ЭССР, Сиб.
Давней	Прейл. ЛатвССР, Йонав. ЛитССР	Йыгев., Тарт. ЭССР

[21] См. об этом: Смирнова О. И. Проблема энантиосемии в исторической лексикологии. АКД. М., 1976; Петрова З. М. Развитие противоположных значений у качественных прилагательных. — В кн.: Совещание по ОЛА. (Тезисы докладов). М., 1972, и др.

Противоположные значения отмечаются также у наречий *анось*, *анагдысь*, *ономедни*, *онометь*, *лондася* и др.

Иногда эта противоставленность в источниках «смягчена» такими определениями, как ‘не очень давно’, ‘не очень давно, за несколько дней’, ‘не очень давно, подальше вчерашнего’. Например: *оголомя* ‘не очень давно’. Оренб. (Редин, КСРНГ). *Ономеднись* ‘не очень давно’. Сев.-зап. (Архив ДАРЯ, 383). Ономедни ‘не очень давно’: *Ономедни пожар был* (Герасимов); ‘не так давно, несколько дней назад’. Каргоп. Олон., (Светлов). *Оногдысь* ‘не очень давно’. Сев.-зап. (Архив ДАРЯ, 383). *Оногдась* ‘не очень давно, за несколько дней’. Пошех. Яросл. (Архангельский, КСРНГ).

Нетрудно заметить, что во всех этих противопоставлениях, семантических расхождениях большую роль играет отмеченный выше фактор субъективной оценки длительности предшествующего промежутка времени говорящим или слушающим.

А. Ф. МАРЕЦКАЯ

Из истории слова *виноград*[1]

Виноград — древнее слово. Происхождение его связывают с возникновением и распространением виноградной культуры. Вопросы эти очень сложны и относятся к области истории и этимологии.[2] Диалектные материалы могут дать некоторые дополнительные данные для исторических и этимологических разысканий.

По определению БАС, *виноград* 'южное вьющееся кустарниковое растение с усиками, лопастными или надрезанными листьями, с сочными плодами (ягодами в гроздьях)'. Слово *виноград* в этом значении известно в говорах через литературный язык; особенно интенсивно воздействие литературного языка на говоры в наше время (школа, книги, радио, телевидение, кино и т. п.). Кроме того, имеется возможность познакомиться с виноградом через торговые центры. Показательны в этом плане диалектные записи последнего десятилетия: *Виноград мы кухали. . . винограду много привозили, хороший. . . кись огроменная и не мелкий как с горошину* (1972, КПОС). *Виноград привозили в магазин, зеленый кветь* (Пинеж. Арх., 1968). *Виноград покупаем, на веточках, темный и зеленый привозят* (Кириш. Ленингр., 1977) и др.

---

[1] По материалам русских народных говоров: картотекам СРНГ и БАС, Псковского и Карельского словарей ЛГУ, БОС, пинежских говоров Г. Я. Симиной и личным наблюдениям, СРНГ, другим областным словарям и словарям русского языка, материалам картотеки XVIII в. и ДРС, историческим словарям — Материалам Срезневского и СРЯ XI—XVII, словарям славянских языков, этимологическим и энциклопедическим словарям и т. п.

[2] Установлено, что «родина культурного винограда. . . находится в южных районах нашей страны и в прилегающих районах стран Ближнего Востока» (СХЭ. М., 1949, с. 322). «На территории Закавказья, Ср. Азии и прилегающих районов Передней Азии виноградарство было известно за несколько тысячелетий до н. э.» (БСЭ, т. 5. М., 1971, с. 79). Древними районами винограда являются также Северный Кавказ, Дон, Крым, Молдавия. Согласно существующим этимологиям, *виноград* в русском языке заимствовано из готского Weinagards через церковнославянское посредство. По мнению А. С. Львова (Лексика Повести временных лет. М., 1975, с. 173), наиболее вероятно, что слово *виноградъ* «восточными славянами заимствовано или из южнославянских языков, или из памятников ст.-слав. письменности, при этом не ранее X—XI вв.».

Но в русских народных говорах слово *виноград* употребляется в иных значениях, которых нет в современном литературном языке. СРНГ отмечает пять таких значений в слове *виноград*: 1) всякий садовый плод, 2) сад, 3) вино, 4) эпитет жениха, 5) растительный орнамент.

Чем объяснить наличие этих значений в лексеме *виноград* в говорах? Каково их отношение к истории русского языка и другим славянским языкам? Какова территория их распространения? Ответить на эти вопросы помогут памятники древнерусской письменности и материалы народных говоров.

В говорах степень распространения слова *виноград* в указанных значениях неодинакова. Не в равной мере и не всегда с достаточной ясностью отражены они и в памятниках письменности. Бóльшим количеством материала представлено слово *виноград* в значении ‘сад’ (в памятниках письменности и в говорах).

1. *Виноград* в значении ‘плодовый сад’ (любой, в том числе и виноградный) [3] употреблялось в древнерусском языке уже раннего периода: встречается в памятниках письменности начиная с XI вплоть до XVIII в: *Смокьвь имѣаше нѣкто въ винограде своемь* (Изб. 1073). *Трудивъшимъся прѣжде въ винограде* (XI в., Срезневский). *Что сие бысть тому винограду зело цветущу великими цветы различными? все древеса цветоша винограда того* (Пов. о царе Сол.). *Сѣдящи въ келии своеи услышитъ въ винограде своемь птицу, поющу таковые пѣсни, иже ни ум человѣчь возможеть разумѣти* (XVIII в., Тихонравов).

Подтверждением, что в таком саду *винограде* не обязательно наличие виноградной культуры, является следующий факт: в Дополнении к Материалам И. И. Срезневским включено *виноград* в значении ‘сад’, ‘огород’ (не ‘виноградник’), что иллюстрируется примером из Пск. I лет. 1471: *Беззаконно отъимая мала села и виногради*. В дополнение приведем пример из Новг. I лет. 1198: *Г̃ и Б̃е призри съ носъ и вижь и посети винограда своего и съвѣрьши иже насади десница твоя.*[4] Следовательно, в столь отдаленные от нас времена на Псковской и Новгородской земле *виноградом* называли сады, огороды, о чем свидетельствуют памятники письменности начиная с XI в. Виноградные огороды нередко встречаются в Походных журналах Петра I. Многие северные огороды и сейчас по существу являются «садами-виноградами», ибо в них выращиваются не только овощи, но и плодовые деревья и кустарники.

Слово *сад* нашло отражение в памятниках письменности также древнейшей поры. Например, в летописи по Ипатьевскому списку,

---

[3] По определению И. И. Срезневского, ‘виноградник и вообще сад’, по определению СРЯ XI—XVII, ‘виноградник, фруктовый сад’.

[4] В Материалах Срезневского эта цитата помещена на *виноград* в значении ‘вообще сад’.

1259, сказано: *Посади же сад красен*; в «Уставной грамоте митр. Киприяна Константиновскому монастырю» 1392 г. дается такой наказ: — *Большимъ людемъ изъ монастырьскиихъ селъ церковь наряжати. . . сады оплетать, на неводъ ходити.* Слова *виноград* в значении ‘сад’ и *сад* сосуществовали в древнерусском языке [5] и функционировали как синонимы. Например: *Заидохомъ въ другои садъ монастырскои; и в томъ винограде церковь святыхъ апостол Петра и Павла* (XVII в.). Постепенно *виноград* ‘любой плодовый сад’ было вытеснено из употребления словом *сад*. В Петровское время, в XVIII в. *виноградом* называют обычно виноградный сад (Петр I в Договоре с Турцией об устье Днепра пишет: *Со обоихъ сторонъ мѣсто довольное на виноградъ и огороды да оставится*) (КСРЯ, XVIII), хотя уже известно было и *виноградник* в этом значении (датируется второй половиной XVII в.).[6] Заметим, что с *виноград* ‘сад’ встречаемся еще в «Набросках» А. С. Пушкина: *Смотрел за ульями, за стадом и за домашним виноградом*, но больше такое употребление в литературном языке не попадается.

Однако *виноград* (‘сад’) не ушло из русского языка бесследно, оно продолжает жить в народных говорах. *Виноград* в значении ‘сад’ закрепилось в фольклорном сочетании тавтологического характера — *сад-виноград* (типа *путь-дороженька, тоска-кручинушка*) и передается из поколения в поколение в произведениях народного искусства: зарегистрировано в ленинградских, новгородских, орловских, псковских, смоленских диалектах, а также в народных песнях (без указания локальной принадлежности). Представляют интерес смоленские записи В. Н. Добровольского 1893 г.: *Невеста поит коней своего жениха раннею росою в овсе, вечернею зарею в яре, проводит сквозь сад-виноград, поит в Тихом Дунае: играют сыто накормленные коники, рвут шелковые повода. — Заклопотился Ванечка, что в полъ-дороги конь пристал; зачула, почула Дунечка: — Ни клопотися, Ванечка! Я ж твоего коника попасу, скрозь сад-виноград проведу.*[7] Находим это сочетание и в более поздних смоленских записях: *Счастливка наша Матвичка: Жито-пшеница в огороде, Студеный колодец на дворе, Около двора сад-виноград* (СРНГ); в псковских песнях: *В нашем саде-винограде Девушки гуляли, Наши девушки гуляли, Цветики ирвали* (Копаневич); в частушках, записанных Кондратьевой в Болховском у. Орловской губ. в 1913—1917 гг.: *Через сад-виноград по воду ходила.* В Ленинградской и Новгородской областях приходилось слышать плясовой напев: — *Эх, сад-виноград, зеленая роща, Эх кто ж виноват, — Все жена да теща. . .* (авт., Кириш.

---

[5] В значении ‘сад’, кроме указанных *виноград, огород, сад*, употреблялись в XI в. *град, верть, вертоград, вертеп*, а также *овощник* (и *ощьник*), что может быть предметом самостоятельного анализа.

[6] См.: СРЯ XI—XVII.

[7] Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. II. СПб., 1893, с. 136, 137.

Ленингр., 1977). Это народно-поэтическое сочетание использовано А. Прокофьевым в стилизованном стихотворении «Возле тесаной ограды»: — *Возле сада-винограда вьется белая тропа.*

Встречается *виноград* ('сад') и вне сочетания сад-виноград, например *виноград со яблокам*, т. е. 'яблоневый сад', отмечено в народной песне: *Никто за скобушки цены не наложил, Только наложил родный батюшка. Он дает за скобушки. . . Сад со яблокам, Виноград со яблокам* (Копаневич).

Употребляются в говорах и уменьшительно-ласкательные формы от *виноград* в значении 'сад': *виноградик, виноградечек*, а также другие родственные ему слова: *виноградь, виноградье* и *виноградьице, виноградничек*, лексема *виноградка* и др.

Уменьшительно-ласкательное *виноградик, садик-виноградик*, а также *виноградик* в сочетании с прилагательным зеленый (*сад зеленый виноградик*) отмечены в фольклорных записях орловских, тамбовских, смоленских, нижегородских, вологодских диалектов, есть записи без указания локальной принадлежности. Например: *У нас во садику-садику, Во зеленом виноградику Сломилася сыра веточка, Сокатилися два яблочка* (свадебная песня. Кадом. Тамб., Архив РГО — СРНГ). *Как во саде был я садике, Во зеленом виноградике* (Нижегор., Архив РГО). *В садике, в виноградике, Соловьи-пташки поют* (Смол.). *Во саду была, во садике, Во зеленом виноградике* (Черепов. Волог., 1970, ЛГУ). В томских говорах зарегистрировано *виноградечек* 'сад', в южносибирских *виноградничек*, производное от *виноградник* (СРНГ).

Слова *виноградь* и *виноградьице* представлены СРНГ в сочетании с прилагательным *зеленый*: *Уж ты сад мой сад, сад зеленый, Ой зеленая моя виноградь* (Орл.); *Во саду было, во вишенье, Во зеленом виноградьице* (Соболевский).

Виноградье 'сад' отмечено Якушкиным в архангельских говорах в сочетании *сад-виноградье* (причет) и широкое распространение получило в сочетании с прилагательными (см. ниже, с. 97).

Обитающую в садах певчую птицу — синицу в московских говорах называют *виноградкой* (СРНГ).

Виноград ('сад') известно и в других славянских языках, например в белорус.: *Кум куме дуже рад, повев куму в виноград, щипли, кума, вишни, Што спелые свисли* (Носович); в укр.: *Ой у сади, сади-виногради, стояв кінь вороний у наряди* (Гринченко); в значении 'виноградник' это слово сохранилось также в чеш. vinohrad (в отличие от vino 'виноград'), в сербохорватском *виноград* (в отличие от *вињага* 'виноград').

2. Наряду со значением 'плодовый сад (любой)' слово *виноград* употреблялось в древнюю пору в значениях 'плодовое растение' (любое) и 'его плод'. Однако из источников по истории русского языка восприятие этих древних значений в слове *виноград* особенно затемнено его современным лексическим содержанием, привычным для нас, и нередко очень затруднительно определить, имеем ли мы перед собой древнее (широкое) значение *виноград*

или нынешнее (узкое) — только ‘южная виноградная культура’. Это затруднение испытывали, по-видимому, и составители исторических словарей русского языка. Так, И. И. Срезневский в Материалах *Виноград* (ἄμπελος, vitis) иллюстрирует примерами из памятников письменности начиная с XI в.: *Ни виногради ни шипци* (XIV в.); *Рече дубрава к винограду* (Изб., 1073); *Красни грознове умнаго винограда* (XI в.).

В СРЯ XI—XVII эти примеры И. И. Срезневского не нашли отражения, и *виноград* с определением ‘виноград (растение)’, ‘виноград (ягода)’ датируется в нем XVII в.; это тем более непонятно, что *виноград* в значении (по определению этого словаря) ‘виноградник, фруктовый сад’ представлено в нем с учетом материалов древних памятников письменности.

Виноград ‘(любой) садовый плод’ встречается в памятнике XVI в., в «Хождении Трифона Коробейникова» (1598—1594): *И тутo стоитъ городокъ Сакызъ, а родятся в немъ рошки и всякои виноградъ*. В этом значении *виноград* зафиксировано в смоленских говорах: помещено во Втором Дополнении и СРНГ с определением: ‘Всякий садовый плод’. Кроме того, слово *виноград* в данном значении и в значении ‘(любое) плодовое растение’ представлено в говорах фольклорными материалами, причем определить эти значения в них не менее затруднительно, чем в памятниках письменности: они также скрыты от исследователя современным представлением о винограде. Сомнительно, например, что в песне: *Ходила-гуляла красная девица, Щипала-ломала с винограда кисти, Кидала-бросала в ракитовый кустик* (Соболевский) виноград обязательно означает ‘южное вьющееся кустарниковое растение с кистью (гроздью) ягод’.

Подобный этому пример можно привести из костромских частушек: *За овином куст малины, винограду полоса*; из псковских: *Когда б знала, не ломала виноград не вызревший* (Елеонская). Аналогичное употребление в тексте, записанном в 1963 г.: — *Душка моя, женушка. . . пошли в сад погуляем, в мой сад, виноград заломаем* (КПОС). О винограде как о плоде безотносительно к его виду поется в народной песне, записанной на Псковщине в 1951 г.: *Не сбивай-ка, соловей, мой зеленый виноград. Виноград зеленый* встречается в качестве повтора в народных песнях, записанных в КАССР (Олон.) *По горнице ходит, горница все стонет, в конюшенку ходит, коня выводит*; *роза моя ляй виноград зеленый* (Медвежьегор. 1969, ЛГУ) и в Псковской обл.: *Виноград зеленый цвет мой розов* (1972, ЛГУ). Любопытны строки из народной песни в записи Копаневича: *На моем окошечке лежала приметочка: Винограду веточка*, где *виноград* в значении ‘лоза; ветка плодового растения’. Вариант этой песни мне приходилось слышать в Киришском р-не Ленинградской обл. (пос. Будогощь): *Выйду ль я на реченьку, посмотрю на быструю, Не увижу ль я милого сердешнего, прежнего . . . своего любезного. . . Раным-рано по утру мил по улице прошел, Громко-громко просвистал, На мое окно взирал.*

На моем окошечке лежала приметочка: с винограду веточка; Виноград-то белоцвел, далеко-далеко вел. В таком контексте *виноград* может быть истолковано как 'дикорастущие плодовые растения, дикорастущий сад'. Однако на вопрос, о каком винограде поется в песне, — исполнительницы отвечали не сразу, и ответы были получены разные. 80-летняя любительница и знаток старинных народных песен ответила: — *Ишь чего захотила, писня-то виковишная. . .* (Кириш. Ленингр., 1977). Не менее любопытны были ответы других информантов пожилого возраста: *В Калининской области до войны виноградом называли черемху*, — вспоминает одна из исполнительниц этой песни. *Горьковская красная рябина виноград была*, — ответила жительница Горьковской обл. Красную рябину назвала *виноградом* жительница пригорода Ленинграда: *Засчет винограду живы остались, выжили в сорок втором, сичас так не говорят, рябина, так рябина она и есть, какой это виноград* (авт., Сертолово, Песочная, Ленингр., 1976). В пригороде Ленинграда (Мгин., 1976) один из сортов крыжовника называют *помесь винограда*, на самом деле это не что иное, как крыжовник, скрещенный с черноплодной рябиной. Такое употребление слова *виноград* можно рассматривать и как вторичное: красные гроздья калины и малины, красные и темные гроздья рябины и смородины, темные гроздья черемухи и т. п. (*северный виноград*) могли быть названы так по сходству с гроздьями южного винограда. Подтверждением того, что в приведенных примерах *виноград* не 'южное виноградное растение', является тот факт, что на территории этих говоров южного виноградного растения нет, а *виноградом* называли тем не менее сад, огород (сад), как показано выше. Вероятно, слово *виноград* в значении 'плодовое растение (любое) и его плод' употреблялось значительно раньше, чем появились сады, огороды; наши предки называли *виноградом* дикорастущие плодовые растения и их сочные плоды, из которых изготовлялось вино. Не об этом ли напоминает нам русская народная песня «Пойду ль выйду ль я»: — *Пойду-выйду ль я да во даль во долинушку, да во даль во широкую; Сорву ль вырву ль я. . . да с винограда ягоду, да с винограда винную; Толь мне не ягодка, да толь мне не винная, да я цветочек сорвала, да я веночек соплела.* Важно отметить, что в брянских говорах сочетание *винные ягоды*, безотносительно к их виду, встречается и сейчас. Например: *Винные ягоды для вина, для квасу, для варенья; в Сергеевке болото ни болото — винные ягоды там растут — три ведра приперла* (1971, ЛГПИ). Любые ягоды, из которых изготовляется вино, называют винными представители старшего поколения в пос. Будогощь: *Винны ягоды клюква, рябина, брусенка, всяки ягоды. С малины дак ну-ко вино сделаешь како. . . Сплошь винны ягоды: черницы наставишь. . .* (авт., Кириш. Ленингр., 1977).

Ягодами издревле назывались дикорастущие (и культурные) кустарниковые, полукустарниковые и травянистые растения, дающие съедобные плоды (не только виноградные ягоды). Но в совре-

менном русском языке каждый из видов этих растений и их ягод имеет свое название, чего, по-видимому, не было в древнюю пору.[8] Любопытно в этом плане, что лесные ягоды: брусника, гоноболь, клюква, малина, земляника, рябина, черника и некоторые другие — не нашли отражения в Материалах Срезневского. Вопрос, когда у каждого вида «винных ягод» (*винограда*) появилось свое название, подлежит специальному исследованию; [9] вполне вероятно, что в древнюю пору дикорастущие ягоды (а затем и садовые) называли *винными*, *виноградными*, *виноградом*, соответственно и сад называли *виноградом*. Память о таком *винограде* и сохраняется в русских народных песнях.

Достоверность наличия в слове *виноград* значения 'любое плодовое растение и его плод' подтверждается функционированием в говорах ряда родственных с *виноград* слов в этом значении.

С *виноград* в значении '(любое) плодовое растение и его плод', а также 'лоза,[10] ветвь' соотносятся *виноградина*, *виноградинка*, *виноградочка*, *виноградье* и др. *Виноградина* ('лоза; ветка любого плодового растения') в саратовских говорах: *Садилася вольна пташечка во саду*, *На зеленой тонкой винограднне* (Соболевский), отсюда и *виноградинка* ('веточка') в псковских и тверских говорах: *Виноградинку ломала*, *Виноград осыпался* (Великолук. Пск., Белявская, 1896). *Не гни*, *милый*, *виноградинку* (Кашин. Твер., Пск., Копаневич). *Виноградочка* 'ветка с виноградом', возможно и 'ветка (любого) плодового растения', в смоленских говорах: *Выщиплю*, *выломлю виноградочку*, *понесу к батюшке на парадочку* (СРНГ). (Ср.: *виноградка* 'ягодка' — безотносительно к виду ягод — используется в качестве эпитета любимой: *Виноградка*, *сладка ягодка*! *Ты не стой-ка над быстрой рекой* (Соболевский). Известно *виноградка* 'сорт яблок'; по определению В. И. Даля,

---

[8] Н. П. Гринкова (О названии некоторых ягод в восточнославянских языках. — В кн.: Славянская филология. Т. III. М., 1958, с. 98—99) отмечает: «Кроме общего значения для названия всякой ягоды, слово ягода. . . имеет частные значения: земляника (ворон., смол., орл.), черника (сиб.), шикша, водяника (камч.)». В южнославянских языках для земляники и клубники нет этих специальных названий, используется только общее название для них — ягода (с. 110). В польском языке имеются czernica и словосочетание czarna iagoda, в чешском для обозначения черники известны borуvka и словосочетание cerna iahoda (с. 115).

[9] Ценные исторические сведения об отдельных видах ягод приводятся в указанной работе Н. П. Гринковой: *брусница* встречается в Новгородской грамоте XV в., *малина* — в памятниках XVI в., *земляника* — XVII в., слово *клюква* «в ряде документов середины XVII в. используется как употребительное для письменного языка» (с. 118).

[10] *Виноград* 'лоза' приводится в числе лексических вариантов в работе А. П. Жуковской (Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976, с. 108): «Отсутствием определенных реалий, а следовательно, и их названий в одном из диалектов (языков) объясняются, по-видимому, такие лексические варианты, как. . . виноград — лоза». И далее А. П. Жуковская пишет: «Пока каждая пара или группа слов ждет. . . изучения употребления их в древних рукописях, но одновременно и с точки зрения возможностей территориальной принадлежности того и другого слова» (с. 109).

это «порода яблок, близких к крымским; сидят на дереве кучками как бы гроздами». На Псковщине *виноградка* ‘кличка коровы’ (1962); ‘кличка коровы, у которой черные глаза и черная кожа вокруг глаз’ (КПОС, 1969).

Особого внимания заслуживает слово *виноградье (виноградие)*; представлено СРЯ XI—XVII с определением: собирательное к *виноград* в значении ‘виноград (растение)’, ‘(ягода)’, ‘виноградное вино, вино’; иллюстрируется примерами из памятников XVI—XVII вв. В собирательном значении ‘виноградные лозы вместе где растущие’ *виноградье* помещено в Словаре 1806 с пометой «простонародное». По определению СРНГ, *виноградье* ‘виноградные лозы, виноградник’; в разработке статьи в этом значении показано употребление этого слова и как вообще ‘плодовый сад’, не только ‘виноградный’. *Сад-виноградье* встречается в архангельских говорах (Якушкин). В 1847 г. *виноградье* записано Гуляевым в южносибирских говорах: *Ах ты сад ли мой садочек, сад зелено виноградье*! В этом сочетании встречается в курских, орловских, рязанских, псковских, вятских говорах (в песнях): *Уж ты сад ли садочек, зеленое мое виноградье*! (Орл., Киреевский). *Ой, зеленое мое виноградье Приклонило ветьице, приклонило* (Соболевский). *Уж ты, виноградье красно, Зеленое мое, Пиво варить, молодца женить* (Ряз., Добровольский, 1906). Сочетание *виноградье красно-зеленое* применительно к любым садовым плодам бытует в виде повтора в псковских колядных песнях: *Выпадала пороха снега белого. . . Виноградье красно-зеленое*! (Копаневич, 1907). Встречается в вятских говорах *Виноградье красно-зеленое*! (Котельн.).

Известно *виноград* в этих значениях в белорусском языке; например, у Носовича: ‘садовые овощи вообще’ *(Всякого винограду есть у его в саду)*.[11]

Побег растения с кистью (гроздью) ягод послужил мотивом орнамента, украшающего хомуты, встречающегося в Костромской губ.

«В этой группе (хомутов, украшенных подлинным набором) очень распространен растительный мотив, имеющий несколько вариантов, но в основном один и тот же; это — извивающийся побег растения с ритмически повторяющимися ответвлениями, несущими на концах гроздья ягод, — узор, называемый обычно виноградом» (СРНГ). Известно, что декоративное начало орна-

---

[11] Соответственно *сад* в белорусском языке называется ‘овощным огородом’ (Носович), в древнерусском языке — ‘овощник’ и ‘ощьник’ (Срзневский). *Овощами* издревле называли не только плоды огородных растений, но и садовые плоды, фрукты. Такая широкая семантика лексемы *овощи* сохранялась в языке до XVIII в. Например: *Древеса овощная стоять многа безъ числа: масличіе. . . и чересіе и грождья, и всякие овощи; луче бо всѣхъ овощеи на земли грождіе то, подобенъ есть небесному овощу* (XII в.). *Везлъ іесмь былъ въ коробьяхъ дары: паволокы и овощь* (Новг. I лет., 1228). *А овощь родится в Грузех: яблоки, дули. . . виноград* (XVII в.).

мента сочетается со смысловым, с магическим значением растительных (и животных) видов орнамента в первобытном искусстве. Что касается гроздьев ягод, изображенных на рисунке, то это могут быть и гроздья калины, рябины, малины и т. п., не только *виноградные гроздья*.

3. Слово *виноград* в значении 'вино, хмельной напиток' (здесь перед нами явный случай метонимии — название напитка по названию плодов, из которых он изготовлен) функционировало в русском языке еще в XVII—XVIII вв.: *Столники начали наливать чаши винограду и подносить царю, и властем, и послом, и всем людем* (1650); *Гаврилу питья: кубок ренского, воронок меду свътлова. . . ковшъ винограду свъжева* (1698).[12] *Виноградъ кориноскои и иное виноградие подобное симъ крепкое. . . можеши сохранити до весны* (1774). — *Дядька! попроси завтра у матушки винограда, я видел привезли ей из Москвы целой боченок; но мне она ныне не дает ничего, говоря: избалуешься так же, как Митрофан* (Радищев). КСРЯ XVIII. *Виноград* 'вино' встречается в смоленских песнях: *Виноград ты мой спелый, Без ума ты млайца сделал* (СРНГ); в русской народной песне: *Посидим, повеселимся, Мы домой пойдем простимся. . . Виноград ты мой зеленый*[13] *Без ума ты меня сделал. . .*

4. Немаловажным является и то, что слово *виноград* используется в говорах в качестве постоянного эпитета[14] — излюбленный прием для выражения любви и привязанности, издавна известный в народном языке, характерный для устного народного творчества. Так, *виноград* постоянный эпитет жениха (в смоленских свадебных обрядах): — *Виноград-Иван, Виноград-Васильевич, А ягодка Прасковьюшка, Спелая Микитична* (Добровольский); эпитет любимого юноши (в енисейских частушках): *Коля, Коля-виноград*, Идет по *улице — играет, Черна каракулечка, коротенька тужурочка* (Елеонская). В псковских и тверских говорах любимого ласково называют *виноградинкой*: *Я любила виноградинку — Колюшу-молодца* (СРНГ).

Ряд родственных с *виноградом* слов употребляется в говорах в значениях, связанных с восхвалением, величанием кого-либо. Так, *виноградьем* называют хвалебную величальную песню. В олонецких, архангельских и вятских говорах — это рождественские колядные песни. В архангельских, беломорских и олонецких го-

---

[12] Цитируется по СРЯ XI—XVII. Здесь же см. примеры на *виноградик* 'вино'.

[13] Здесь *зеленый виноград* аналогично народно-поэтическому *зеленое вино*. Ср.: *Рюмку полну наливали На подносе подавали. От зеленого вина отрекалася она* (А. С. Пушкин).

[14] «Полезно было бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным, — пишет Ф. И. Буслаев. — Согласование и управление эпитетов украшающих и приложений в речи народной требуют особого объяснения, ибо подлежат законам аттракции» (О преподавании отечественного языка. Л., 1941, с. 183).

ворах *виноградье* ‘свадебная песня’; в архангельских, олонецких и енисейских говорах — ‘песня, прославляющая хозяина и его семью’. *Благослови, сударь-хозяин, виноградье спеть* (Пудож. Олон., Шайжин). «В Енисейске ходят со звездою и поют виноградье» — величают хозяина, хозяйку и их детей (Макаренко). Интересны записи последних лет: *И виноградье у нас умели петь, не как у теперешних молодых* (Беломор., 1968); *А девки начали виноградье петь* (Пудож. Олон., 1967, ЛГУ).

В украинском языке *виноградье* — песня, которую поют колядующие перед рождеством (Р. энц., 1911).

Тех, кто поют колядные и величальные песни, называют в архангельских говорах *виноградчиками, виноградщиками, виноградниками*: — *Что хозяин-господин, что, пора тебе виноградников дарить* (Каргоп., Архив СРНГ). В пинежских говорах Архангельской обл. девушек-песельниц, исполняющих *виноградье* — величальную песню, называют *виноградчицами*: *Да во светлых-то вечерах Да виноградчицы стучат* (1973, картотека пинежских говоров Г. А. Симиной). На Псковщине величальные обрядовые песни поют *виноградничьки* (уменьшительно-ласкательная форма от *виноградники*): *Выпадала пороха снега белого. . . Виноградье красно-зеленое! Как по этой порохе колядовщики ишли да виноградничьки; ходили-искали господинова двора* (Копаневич, 1907).

Слово *виноградник* известно в древнерусском языке XII—XVII вв. в значении ‘тот, кто возделывает фруктовый сад, виноградник’, по определению СРЯ XI—XVII. Например: *Нѣкто. . . рече же к виноградьнику, се третие лѣто отнеле же прихожу ища плода на неи* (на смоковнице) XII в. *В тои же земли есть великий Вавилон, его же созда нѣкии виноградникъ именуемыи Неврот* (Лицидариус, XVI в.). *В словесном челобитье чюгуевец виноградник Микифор Орлов сказал. . .* (Чугуев., XVII в. — картотека ДРС). Сомнительно, чтобы диалектное слово *виноградники* явилось лишь позднейшим переосмыслением древнерусского *виноградник* в указанном значении. Возможно, что в говорах колядовщики называются *виноградниками* в результате устойчивого метонимического переноса — названия объекта действия (в данном случае — это хозяева *садов-виноградов*) на субъект; также возникновение этого значения в слове *виноградник* можно объяснить как обычную метафору.

Виноградник (‘виноградный сад’) датируется второй половиной XVII в.: *Около монастыря по горам все виноградьі и садьі всякие; около монастыря у каждого старца свой виноградник* (Арс. Сух. Проскинитарий, 1653) (СРЯ XI—XVII).

Сравнительно-исторический анализ значений слова *виноград* в русских народных говорах позволяет сделать вывод, что это слово в значениях ‘(любой) плодовый сад’, ‘(любое) плодовое растение и его плод’, а также ‘хмельной напиток, вино’ унаследовано от древнерусского языка; эти значения слова утрачены русским литературным языком в ходе его исторического развития

и поэтому неизвестны в нем. Есть основание полагать, что значения ‘сад’, ‘(любое) плодовое растение и его плод’ в слове *виноград* относятся к доисторическому периоду — связаны с названием дикорастущих плодов и ягод в праславянских диалектах; следовательно, слово *виноград* является наследием праславянского языка. Древние значения в слове *виноград* проясняются в целом ряде родственных ему слов семантическими и лексическими диалектизмами, а также их переносными и образными употреблениями; некоторые из родственных слов унаследованы говорами также от древнерусского языка, хотя и позднейшего происхождения; например, *виноградье*, бытующее как вариант лексемы *виноград* (в тех же значениях) и, кроме этого, имеет переносные (производные) значения.

Слово *виноград* в древних значениях сохранилось в народно-поэтическом жанре, в фольклоре, хотя его родственные семантические и лексические диалектизмы наблюдаются и в обиходной речи, например: *виноградинка* (веточка), *виноградка* (певчая птица — синица), *виноградники* (колядовщики), *виноградье* (свадебная, величальная песня) и др.

Только народно-поэтическими являются устойчивые сочетания: *сад-виноград*, *сад-виноградь*, *сад-виноградье* (и их уменьшительно-ласкательные формы), а также устойчивые сочетания с прилагательными: (сад) *зеленый виноград*, (сад) *зеленый виноградик*, *виноградье красно-зеленое* и т. п.

Восприятие древних значений в слове *виноград* вне сочетания в имеющихся материалах затемнено современным привычным для нас значением этого слова; не случайно без ограничительной пометы «фольк.» представлены слово *виноград* и однокоренные с ним слова в диалектных значениях СРНГ: это предполагает возможность их употребления вне фольклора.

Ареал распространения слова *виноград* и родственных ему слов в указанных древних значениях достаточно широк. Эти слова в тех или иных формах известны смоленским, псковским, орловским, курским, рязанским, саратовским, тамбовским, московским, тверским, костромским, нижегородским, вятским, южносибирским, енисейским, томским, вологодским, архангельским, олонецким, новгородским, ленинградским говорам — на территориях, где виноградная культура не произрастает.

Древность слова *виноград* в этих значениях подтверждается другими славянскими языками: белорусским, украинским, чешским и сербохорватским.

Таким образом, история слова *виноград* сводится к следующему: первоначально *виноградом* называли (любое) плодовое растение и его плод, позднее и любой плодовый сад; постепенно в ходе исторического развития слово *виноград* закрепляется только за виноградной культурой и ее плодом, в связи с чем и виноградный сад в отличие от других плодовых садов или вообще сада получает название *виноградника*.

Б. Л. БОГОРОДСКИЙ

Загадочное ли слово *горби́н?*

В конце широко известной лингвистам и историкам работы Н. Смирнова есть раздел «Слова, происхождение которых не определено».[1] Среди 84 слов, оставшихся вовсе без объяснений или с предположительными определениями, указано слово *горбинъ*: «Горбинъ, англ. goring — косой? Вѣтръ былъ горбинъ. Походн. юрналы, III т., 1718, 18 стр.».[2] Нельзя признать правильным ни написание заголовочного слова, данное, по-видимому, на основании единственного диалектного варианта, имевшегося в руках исследователя (орфографическим следует признать, как увидим ниже, не *горбинъ*, а *гарбинъ*), ни толкование слова — 'косой' (о ветре), ни предполагаемый английский источник заимствования, ни время, когда анализируемое слово вошло в русский язык. То была не Петровская эпоха, а значительно более ранняя. Задачей предлагаемой статьи, таким образом, является определить семантику слова, выяснить, из какого языка и при каких историко-культурных условиях оно могло войти в русский язык, указать источник заимствования. Исследователи морской лексики до сих пор успели рассмотреть балтийскую, по происхождению англо-голландскую терминологию, известную в русском языке с начала XVIII в.[3] Но были заимствования гораздо более раннего времени, из других источников и не через Балтику. Именно поэтому и представляется нам интересным вскрыть историю слова *гарбин*.

Гарби́н — живое слово нашего времени, но его нет ни в БАС, ни в Словаре Даля, ни в старом Объяснительном морском словаре В. В. Вахтина (1894), ни в сравнительно новом и полном Морском

---

[1] Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — ОРЯС, т. 88. СПб., 1910, с. 354 и след.

[2] См.: Походный журнал 1715—1718 гг. СПб., 1855.

[3] См., кроме работы Н. Смирнова: Круазе ван дер Коп А. А. К вопросу о голландских терминах по морскому делу в русском языке. — Изв. ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 4; Смирговский Н. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения. М.—Л., 1936 и др.

словаре К. И. Самойлова (1941). Нет слова и в Кратком рыбацком словаре А. Загорянского,[4] а в Кратком словаре рыбацких слов А. А. Клыкова (1968) дан вариант термина — *га́рбия* (Азовское море) с ошибочным определением юго-восточного ветра вместо юго-западного. В диалектных материалах Словарного сектора ИРЯЗ обнаружилось слово *га́рбий* ‘юго-западный ветер у рыбаков Азовского моря’, ср. также: *га́рбие* — ‘юго-запад’ (1895).[5] И *га́рбие*, и *га́рбий* — несомненно варианты литературного *гарби́н*, не встретившегося, однако, ни в одном из словарей, ни дореволюционных, ни нашего времени.

Лексические материалы, собранные нами во время многолетних диалектологических экспедиций к морякам и рыбакам Черного и Азовского морей, позволяют убедиться не только в точном значении термина, но и очертить зону его географического распространения. Вот ряд иллюстраций с указанием места и времени их записи: *ха́рбий* — зюйд-вест (Бердянск, 1939). Зюйд-вест на языке моряков означает юго-западный ветер. И в этом именно значении *гарбин* и его варианты известны на северном побережье наших южных морей: *га́рбия* — зюйд-вест (Одесса, 1948); *ха́рбий* — зюйд-вест (Евпатория, 1953); *горби́н* — ‘сильная погода’ (Балаклава, 1957), *хо́рба* — название ветра, не то север, не то что (там же); *га́рбий* — зюйд-вест или *га́рбич* (Феодосия, 1939); *ха́рбий* — зюйд-вест (Керчь, 1939). Таким образом, от Одессы и до Керчи и далее по побережью Азовского моря слово широко известно в одном и том же значении юго-западного ветра. Множество вариантов при отсутствии не встретившегося в живом языке литературного *гарби́н* свидетельствует о том, что иноязычное слово вошло в язык русских моряков и рыбаков не книжным путем, а разговорным, при этом в наше время оно заметно архаизируется, принимая все большее число вариантов, далеких от орфографического.

Чтобы указать время проникновения термина в русский язык, необходимо проследить отражение слова в языке письменности. Но заранее надо оговориться, что в письменные памятники термин проник гораздо позже, чем в разговорный язык.

Названия ветров, как и другие слова, нельзя рассматривать изолированно одно от другого. Если есть термин *гарби́н* в значении ‘юго-западный ветер’, то надо полагать, что имеются другие специальные названия ветров: юго-восточного, северо-восточного, северо-западного, не говоря уже о главных: северном, южном, восточном и западном. Так именно и оказалось: в языке моряков и рыболовов наших южных морей северный ветер называют *трамонта́на*, южный — *о́стро*, восточный — *лева́нт*, западный — *поне́нто*. Обнаруживается достаточно цельная и весьма своеобраз-

---

[4] См.: Рождественский Н. Ф. Справочная книжка рыбака. М.—Л., 1930, с. 344 и след.

[5] СРНГ. Вып. 6. Л., 1970, с. 138.

ная система ветровых наименований, и очень важно найти хотя бы некоторые названия из этой системы, отразившиеся в языке письменных памятников.

В том же источнике, цитированном Н. А. Смирновым, *горбинъ* встречается страницей раньше: *Вѣтръ былъ естра горбинъ* (Походн. журн., 17). *Естра горбинъ* — это, конечно, *остро горбинъ*, т. е. терминологическое словосочетание, означающее зюйд-зюйд-вест, — 'ветер, средний между югом и юго-западом'. Там же дважды встречаем другое название той же системы: *Вѣтръ былъ понентей* (Походн. журн., 18). *Понентей* — это *поненто* — 'западный ветер'.

Едва ли не самым ранним документом, где нашла более или менее полное отражение указанная система названий ветров, является «Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584 гг.», переведенное с польского на русский в XVII в.[6] Вот некоторые иллюстрации с наименованиями ветров, отразившимися в путешествии: «Къ вечеру малый вѣтръ воста, мы такоже двигалися, и на свѣту приплыхома къ пустому пристанищу въ Далматии, зовутъ оное по просту Торрета, где для супротивнаго вѣтру, который италиане называютъ *сырокка* (идѣже вѣетъ межъ востока юга), по неволи стояли есмы три дни» (Х. Рад., 1584, 16, XVII в.); «По восшествии солнечномъ не скоро пустилися есмы противу рѣки, понеже въ то время вѣтръ отъ запада (италиане его зовутъ *маестро*) вѣяти обыче, Нилъ такожде отъ полудня течетъ, парусы подняв, имѣли есмы добрый путь» (там же, 114). Приведенные иллюстрации ценны, во-первых, тем, что в них раскрыта семантика терминов: *сырокка* 'вѣетъ межъ востока юга', т. е. юго-восточный ветер (зюйд-ост); *маестро* 'вѣтръ отъ запада', точнее северо-запада (норд-вест). Во-вторых, сообщается, что приведенные названия бытуют в языке итальянцев. Ср. ит. sirocco, maestro в указанных значениях. В-третьих, в тексте «Хождения» приводятся географические названия: Далмация, Нил, позволяющие думать, что ветровые названия употребляются на судах не только северного, но и южного Средиземноморья. Среди ветровых наименований мы ожидали бы увидеть в памятнике и анализируемое *гарбин*, принадлежащее рассматриваемой системе названий. Но вместо гарбин встречаем другое название юго-западного ветра — *африкус* (лат. africus, ср. ит. africo), а вместо ожидаемого *греко* (ит. greco) — 'северо-восточный ветер' дано лат. aquilo с переводом 'полунощный': «Два убо противные вѣтры съ собою сбилися, африкус и полунощный (Africus et Aquilo), таковъ вихръ зъ дождемъ творили, что на единомъ мѣстѣ крутили корабль, толкуще и наклоняюще даже (аж) до самаго верху щеглы (masztu) касалися морския волны» (там же, 174). Оказалось, однако, что в польском тексте имеются оба итальянских слова, но в русский перевод они не попали.

[6] Памятник приготовил к печати и объяснил Л. А. Гильтебрандт. См.: Изв. РГО. Т. XV. СПб., 1879. Приложения.

Указанные термины, в том числе и *гарбин*, встречаются в других русских памятниках, при этом не только с единственным значением определенного ветра. В рукописи конца XVII в. «Описание мореходных судов», где речь идет о компасе, дано изображение картушки, т. е. бумажного круга с магнитной стрелкой; среди других румбов указан и термин *гарбинъ*: *греко противнѣ ему гарбинъ*, т. е. норд-ост, противоположен ему зюйд-вест.[7] Таким образом, оказалось, что *гарбин* имеет уже не одно, а два значения: и 'ветер', и 'румб'. Да это и естественно: после того как стал известен компас, ветры начали именоваться по румбовым названиям.

Нам остается подчеркнуть, что подлинный источник анализируемого слова — не англ. goring 'косой', как предполагал Н. А. Смирнов, а ит. garbino 'юго-западный ветер'. И фонетические соответствия, и семантическая тождественность, и принадлежность к целостной системе неоспоримо доказывают заимствование русского *гарбин (горбин)* из итальянского. Ит. garbino нетрудно найти в любом более или менее полном итальянско-русском словаре, так как это слово с ветровым значением не имеет, в сущности, в итальянском языке узкоспециального употребления. Например, в Словаре итальянско-русском, составленном Д. Де-Виво (Одесса, 1894), читаем: Garbino 'юго-западный ветер'. Более подробные сведения об этом названии можно найти в словарях нашего времени. Термин обнаруживается во многих языках Средиземного бассейна: ит. garbino XIV в., исп. garbino, фр. garbin, греч. γαρμπής, с.-хорв. gàrbin, тур. garbī. Но слово по происхождению не романское, а арабское: garbī 'западный'.[8] В Средиземноморской терминологии есть и другие профессионализмы из богатого морскими терминами арабского языка. Не будем останавливаться на слове *адмирал*, восходящем к араб. emiral-bahr 'начальник на море'. Арабским по происхождению считается название небольшого черноморского парусного судна, известного и на Каспии, — *фелю́га*, *фелу́ка*, *фелю́к*, *филю́га*. Интересные сведения об этом термине дает Т. А. Шумовский.[9] На реке Нил, рассказывает он, в далекие средние века плавало судно *харрака*. Буквальное значение этого арабского слова «зажигающее», т. е. судно, с которого моряки направляли струю горящей нефти в неприятельский корабль. Но в XIV в. так называли уже судно для прогулки царей и эмиров. С этим значением араб. *харрака* перешло

---

[7] Рукопись хранится в ГПБ под шифром Fn, IX, № 1.

[8] Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1950—1957; Иоаннидис А. А. Новогреческо-русский словарь. М., 1950; Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Iugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880.

[9] Т. А. Шумовский — автор многих научно ценных трудов об арабах-мореходах, но самым выдающимся из них является книга «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы» (М.—Л., 1957).

в исп. haloque, faluca, ит. felucca, тур. feluca, в отличие от других сохранившее значение 'брандера' — зажигательного судна.[10]

Арабы были передатчиками египетских слов. Таковы однокоренные термины: *баржа́* и *ба́рка* по происхождению египетские (копт. bari, baare < егип. br).[11] «Любопытную судьбу, — пишет Т. А. Шумовский, — имеет слово *ба́риджа*, обозначавшее грозный пиратский корабль: в современном арабском языке этим словом обозначается военное судно, а в русском его сохранила в своем названии мирная неторопливая баржа».[12]

Слово *гарбин*, как и многие другие средиземноморские термины, было принесено на Черное море, всего вероятнее, венецианцами. Известно, что итальянские суда впервые появились здесь в конце XII—начале XIII в. По южному побережью одна за другой в ту пору стали возникать венецианские и генуэзские фактории.[13] Тогда именно и была перенесена из Средиземного моря в Черное система ветровых названий. Первыми из русских, кто заимствовал эту терминологию, были, вероятно, те, кто служил на пристанях или торговых судах итальянцев.[14] От моряков несколько позже термины перешли и в язык рыболовов. Венецианское влияние ощутимо до сих пор и заметно выступает в ряде профессиональных названий, известных на Черном море: *буйре́п*, т. е. трос или снасть, привязанная одним концом за скобу якоря, а другим за *томбуй* — поплавок, обычно называется *гри́пия*, *гри́пея* (ит. gripia), а в Керчи — *гри́па* (венец. gripa); *кран-ба́лка* 'балка с двумя шкивами для подъема якоря' носит название *гру́а* (венец. grua) и др.

Наибольшей широты распространения термин гарбин и другие названия ветров достигли в конце XVII—начале XVIII в., когда Россия вела осаду турецкого Азова, стремясь прорваться в открытое море. Но скоро общая политическая ситуация изменилась. Военные действия были перенесены к берегам Балтики. На смену итальянской средиземно-черноморской системе ветровых названий пришла балтийская с западноевропейскими заимствованиями. Северный ветер стал называться не *трамонта́на* (ит. tramontana), а *норд* (гол. noord, нем. Nord); южный — не *о́стро* (ит. ostro), а *зюйд* (гол. zuid); восточный — не *лева́нт* (ит. levante), а *ост* (гол. oost, нем. Ost); западный — не *поне́нто* (ит. ponente), а *вест* (гол., нем. West). *Гарбин* стал вытесняться балтийским *зюйд-вест*, а также, конечно, и русским юго-западный ветер. Довольно

---

[10] Шумовский Т. А. Арабы и море. М., 1964, с. 172.

[11] Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971.

[12] Шумовский Т. А. Арабы и море, с. 172.

[13] См.: Зевакин К. С., Печко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII и XV вв. — Исторические записки, 1938, № 3, с. 74.

[14] О русских на крымском побережье см.: Старокадомская М. К. Русское торговое население Генуэзской Каффы. — В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 147.

скоро расстались с итальянскими названиями и ветров и румбов моряки балтийского флота, а позднее и черноморского. «Рыбацкие (названия) нам не разрешают», — заявил один матрос в Бердянске. И только рыбаки южных морей, особенно старшего поколения, довольно прочно еще сохраняют прежние итальянские названия. Старшая система ветровых наименований заметно уступает место новой. Но остаточные ее явления, в том числе и термин *гарбин*, продолжают напоминать об исключительной роли ветров в истории культуры Средиземно-Черноморского судоходства эпохи парусного флота.[15]

Таким образом, *горбин* (*гарбин*) не может быть признан загадочным словом, если знать, что балтийской англо-голландской морской лексической системе предшествовала средиземноморская, в свое время обогащавшая русскую терминами разного происхождения: греческими, романскими, арабскими, турецкими и др. *Горбин* нельзя считать ни названием, носящим «узкоспециальный характер», потому что оно продолжает жить в речи русского населения всей полосы черноморско-азовского побережья, означая наименование юго-западного ветра; ни словом «с неверной передачей русскими буквами», потому что *горбин* — диалектный вариант литературного *гарбин*; ни «трудным для понимания», как писал о словах, происхождение которых осталось невыясненным, Н. А. Смирнов в предисловии к своему труду, не утратившему научной ценности до нашего времени.

---

[15] Подобно тому как черноморские ветровые названия постепенно были вытеснены из языка русских моряков, так, в сущности, и другие термины, судостроительные, парусного вооружения и прочие, заимствованные у навигаторов Средиземного моря, уступили место балтийским. Подробнее о смене одной системы другой см.: Б о г о р о д с к и й Б. Л. Старшая система морской терминологии в эпоху Петра I. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1948, т. 59, с. 15—50.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Из диалектного словообразования

(Слова с суффиксом -*'оба*)

Как известно, в современном русском литературном языке (наряду со словами с суффиксом -*ба*) имеются слова с суффиксом -*оба*: *злоба*, *жалоба*, *худоба*, *трущоба*, *чащоба*, а также несколько слов, пришедших в литературный язык недавно из диалектов, употребляющихся преимущественно со стилистической окраской: *стыдоба* (народно-поэт.), *хвороба* (обл.), *учеба* (БАС).

В. В. Виноградов в книге «Русский язык» назвал суффикс -*оба* мертвым. Действительно, в литературном языке количество слов с этим суффиксом незначительно. Причем основная часть их имелась в русском языке еще в древности. Как показывают Материалы Срезневского, слова *жалоба*, *злоба*, *худоба* употреблялись уже в древнейших памятниках (*жалоба* 'горе, сожаление'. Златостр. 4, Слово о полку Игореве; 'жалоба'. Пов. врем. лет, 1100 ; *зълоба*, *злоба* 'порок, лукавство, грех'. Лук. XI, Юр. ев. п., 1119, Ефр. Крм.; 'зло'. Изб., 1073; Поуч. Влад. Мон.; 'беда, зло'. Пов. врем. лет, 1093; *худоба* 'бедность'. Златостр. 97). Эти слова являются принадлежностью общеславянского фонда, они имеются и в других славянских языках (укр. *жалóба*, белорус. *жалóба*, серб. *жàлоба* 'сожаление', чеш. žaloba, пол. żałoba 'печаль'; укр. *худóба* 'дом, скотина', пол. chudoba 'скудный скарб'; укр. *злóба* и злоба́, чеш. zloba).

Среди слов с суффиксом -*оба* обращает на себя внимание слово *учеба*. В отличие от слов *злоба*, *жалоба*, *худоба* это слово совсем недавно пришло в литературный язык из диалектов (споры о том, входит ли оно в состав литературного языка, велись еще в 50-х годах на страницах газет и журналов).[1] Другое отличие слова *учеба* заключается в следующем: основа его, к которой присоеди-

---

[1] См. об этом: Ханпира Э. Учеба. — РЯШ, 1965, № 1; Кузнецова О. Д. Учеба — учение. — Русская речь, 1975, № 5, с. 113—117.

няется суффикс, кончается на мягкий гласный. Эта особенность внешнего фонетического облика слова говорит о том, что слова с суффиксом *-оба* (*жалоба*, *злоба*, *худоба*) и слово *учеба* появились в разное время. Поскольку ранний период древнерусского языка характеризуется невозможностью сочетания палатализованного согласного и гласного непереднего ряда (такая возможность появилась позже, о чем свидетельствует осуществившийся после падения глухих переход *е* в *о* в положении после мягких согласных), постольку слово *учеба* не могло появиться раньше упомянутых явлений истории русского языка. Из этого следует, что: а) в слове *учеба* суффикс *-'оба* сформировался позже, чем в слове *злоба*, б) суффиксы в этих словах разного происхождения.

Каково же происхождение слова *учеба* и других слов, образованных таким же образом? Кроме слова *учеба*, в литературном языке имеется еще только два слова (*чащоба* и *трущоба*), в которых суффикс *-оба* присоединяется к основе на мягкий согласный. Ввиду малочисленности этих слов не представляется возможным прояснить историю и происхождение их, пользуясь фактами только литературного языка. Наиболее целесообразно обратиться к материалам диалектов, откуда пришло это слово.

Действительно, в говорах русского языка, где отмечается значительно больше, чем в литературном языке, слов с суффиксом *-ба*, записаны и другие слова с суффиксом *-оба*. Причем среди них имеются и такие, в которых указанный суффикс присоединяется к основе на мягкий согласный или на бывший мягкий. Большинство упомянутых диалектных слов (так же как и *учеба*) соотносительны с глаголами на *-ить*: *гостёба — гости́ть*, *удёба — уди́ть*, *чищо́ба — чи́стить*, а также *ношо́ба — носи́ть* (здесь суффикс после отвердевшего согласного). В большинстве своем указанные существительные обозначают действие, процесс. Иногда лексическое значение таких слов — иное, причем оно, как правило, производное, вторичное от того же значения действия, процесса.

Приведем диалектные материалы. Большое распространение в олонецких говорах получило слово *гостёба* 'пирушка, угощение, пребывание в гостях'. Оно неоднократно записывалось в этих говорах. С указанием на бытование в Олонецкой губ. помещено оно в Словарь Даля. Оно встречается у Г. И. Куликовского: *кака теперь гостёба? Косить надоть* (Петрозав., Пудож., Каргоп., 1898). Слово записывалось и в Вытегорском у. Олонецкой губ.: *За два, за три дня (до призыва новобранцев) начинается «гостеба» их по своим родным.* Помимо олонецких говоров, *гостеба* известно в новгородских (Кириш., 1950) и получило распространение на Среднем Урале (1964).

На Севере от этого слова образовывались другие: *гости́бище*, *гости́бьице* (со звуком *е*, не перешедшим в *о* перед мягким согласным

ным). Производные от *гостёба* неоднократно регистрировались собирателями. *Гостебище*, например, не раз встречается в былинах Гильфердинга с тем же значением, что и *гостёба*: *И просили Илью во почестное во гостёбище* (Петрозав. Олон.); *Звал он тут в великое гостебище* (Повен. Олон.), и со значением 'угощение' (Повен. Олон.). Находим его в сборнике О. Х. Агреневой-Славянской (Олон.), в былинах П. Н. Рыбникова (Петрозав. Олон.), Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, в сборнике былин А. М. Астаховой. Слово *гостёбище* записано в Петергофском у. Петербургской губ. В записях Е. В. Барсова оно встречается в значении 'гость': *Когда ждать в гости любимое гостебище*. Слово *гостёбьице* имеется в записях былин из Пудожского у. Олонецкой губ. Рыбникова и Шайжина. В тех же говорах эти слова регистрировались в несколько иной форме — с *и* на месте *е* (вследствие сужения *е* между мягкими согласными): *гостибище* в значении 'пирушка, пребывание в гостях' (Олон., Петергоф. Петерб.), *гостибье* 'приглашение и прием гостей' (Лодейноп. Ленингр., 1928—1930), 'пирушка, пребывание в гостях' (Олон., 1864), 'угощение' (Олон., Север.); *гостибьице* 'уменьш.-ласк. к *гостибье*' (Петрозав. Олон., 1896).

В современных новгородских говорах употребляется слово *гулёба* 'гулянье, веселое, праздное препровождение времени' *Кака там гулёба?! Не до гулёбы ей таперь* (Кириш. Новг., 1950). В отличие от других слов с тем же суффиксом оно соотносится не с глаголом на *-ить*, а с глаголом *гулять*.

На Севере, в олонецких говорах, известно также слово *удёба*, со значением 'уженье рыбы' (Петрозав. Олон., 1898). Здесь получили распространение и производные от него: *удёбка*, *удёбник*, *удёбный*, *удёбна* (в значении существительного). Причем *удёбка* было известно за границами ареала слова *удеба*. В Псковской губ. оно зарегистрировано в значении 'рыболовная снасть — секушка' (1914),[2] а в Вятской (1847) и Пермской (1818) губерниях и в Горьковской обл. в значении 'удочка, разновидность удочки'. Даль поместил его в своем словаре в значении 'удочка', не указав места распространения, что можно понимать как признание его широкой распространенности. В той же словарной статье приведено прилагательное *удёбный (удёбный промысел не выгоднее ярусного)*, помеченное как архангельское.

В беломорских говорах, по свидетельству И. М. Дурова, промыслы трески (с марта по май) и наваги (весенний и осенний) называли *удёбной* (1929).[3] Им же приведены сочетание *удёбное*

---

[2] Кузнецов И. Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912—1913 года. Пг., 1915.

[3] Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Под ред. и с дополнениями Н. Виноградова. Соловки, 1929.

колесо ‘приспособление, с помощью которого удят рыбу с судна’ и *удебная леса*. В архангельских говорах записаны сочетания: *удёбный лов* ‘лов на удочку’ (Онеж. 1954), *удёбная треска* ‘треска, выловленная с помощью удочки’ (1910), в осташковских говорах *удёбный крючок* (Калин., 1946).

Имеются и другие родственные слова: *удёбник*, записанное на Дону в значении ‘рыба густера’ (1929), а на Белом море — в значении ‘рыбак, занимающийся промыслом рыбы на лесу’ (1929), а также *удёбщик* со значением ‘тот, кто ловит рыбу удочкой, рыболов’, отмеченное Далем и Дуровым. Добавим, что *удёбщик* зарегистрировано в вятских говорах (1847) и в Осинском у. Пермской губ. (*удёбщик*).

Большое распространение получило существительное *чищóба*, однако со значением не действия, а места. Даль поместил слова *чищóба* и *чищóбь* в значениях ‘место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев’; ‘пашня, расчищенная из-под лесу, новина’. Оба слова помечены им как имеющие распространение на северо-востоке. В той же статье даны сочетания *чищóбные пашни* и слова *чищóбник* ‘чисто содержимый лес, роща’ и *чищéбники* ‘кулижники, делающие расчистки, истребители лесов’. Слово *чищоба* встречается у Бурнашева со значением ‘расчищенное место в лесу для пашни’. По его свидетельству, оно употреблялось в «средних и низовых губерниях».[4] Слово *чищоба* с указанным значением не раз записывалось собирателями народных слов в Архангельской, Владимирской, Костромской губерниях, в Нижегородском у. Нижегородской губ., в Чебоксарском у. Казанской губ., в Пензенской, Вятской, Пермской губерниях; со значением ‘расчищенное для сенокоса место среди леса’ — в Кадниковском у. Вологодской губ. (1896). В Городищенском у. Пензенской губ. *чищоба* было отмечено со значением действия — ‘земледельческая работа’ (Тр. МДК, вып. XII, 1914), в Чердынском у. Пермской губ. им называли луг с пнями в лесу (1900).

Таким образом, слово *чищоба* в конце XIX—начале XX в. было хорошо известно в различных говорах русского языка. Оно употреблялось специалистами сельского хозяйства и лесоводства. Встречаем его, например, в Энциклопедии сельского хозяйства (III, с. 823), в Кратком курсе лесоведения Яшнова (с. 173), в Русском лесоводстве Арнольда (I). *Чищоба*, *чищéба* использовалось в художественных произведениях, например, Радищевым (Описание моего владения), Печерским (В лесах), Лесковым (Очарованный странник, На ножах), Гариным-Михайловским (Картинки Волыни).

---

[4] Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I—II. СПб., 1843—1844.

Это дало основание А. Г. Преображенскому поместить это слово в своем словаре в значении 'новь из-под вырубленного и выкорчеванного леса' как слово общерусского распространения.[5]

Довольно известно в северо-восточных, уральских и сибирских говорах слово *ношёбный* и *ношóбный*. Оно регистрировалось здесь начиная с середины XIX в. В значении 'носильный (об одежде и обуви)' слово *ношебный* записано было в Яренском у. Вологодской губ. (1853), а также в Свердловской обл., на Байкале, в Сибири, в значении 'обыденный, не праздничный' — в Пермской (1856) и в Вятской (1907) губерниях, а также в Челябинской, Свердловской областях, на Урале, в Зауралье, Кемеровской, в Киренском р-не Иркутской обл. В записях из Сибири имеется производное от прилагательного — *ношебня́к*. Значение его объясняется так: про несколько *ношебных предметов* во множественном числе говорят *ношебня́к* (1916). Однако во всех этих материалах не упоминалось о бытовании в говорах производящего слова — отглагольного существительного. И только позднее в 1962 г. в Кировской обл. диалектологом Л. И. Горевой было записано слово *ношóба* со значением 'обыденная, верхняя рабочая одежда'.

Таким образом, слово *учёба*, пришедшее в литературный язык из говоров, было в них не единственным образованием такого рода. Как можно было видеть из примеров, в диалектах до сих пор употребляются существительные с суффиксом *-'оба*.

Надо сказать, что бытование этих слов, за исключением *учёба*, в европейской части России отмечается преимущественно в севернорусских говорах. Кроме того, эти слова получили распространение на Урале и в Сибири.

Обращает на себя внимание параллельное употребление в некоторых случаях слов с суффиксами *-оба* и *-ба*. Параллельно слову *гостёба*, например, в говорах имеется также старое слово *гостьба*, известное еще древнерусскому языку. По СРЯ XI—XVII оно употреблялось в древнерусском языке в двух значениях: 1) 'пир, угощение'; 2) 'торговля в разных странах, городах' (Ник. лет., 1150, Рус. Правда и др.). Этим же словарем отмечены слова *гостебникъ* (*гостьбникъ*) 'купец' (Новг. IV лет., 1273), а также *гостебный* (*гостьбный*) 'прилагательное к *гостьба* во 2-м значении' (Пск. судн. гр., XVI в.). Слово *гостьба* известно было также старославянскому языку; оно употребляется в других славянских языках: в болг. *гостба* 'угощение', в слов. *гбзба* 'пиршество' (Фасмер). Что касается говоров русского языка, то здесь его бытование отмечено на европейском Севере и на Урале, т. е. в тех же местах, что и *гостеба*: *гóсба* 'пирушка, участие в пирушке', 'пребывание в гостях' (Котельн. Вят., 1928), *гбзьба* 'пирушка' (Примор. Арх., 1940), *госьбá* 'пирушка, угощение', 'пребывание в гостях' (Каргоп. Олон., 1898).

[5] Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

Точно так же параллельно слову *учеба*, которое отличалось в говорах весьма значительным ареалом и было известно в двух формах *учёба* и *учеба* (*учёба*: Обоян. Курск., 1859; Курск., Тул., Мещов. Калуж., Волог., Грязов. Волог.; *учéба*: Череп. Новг., 1858; Боров. Новг., 1857), бытовало *учбá* (Енот. Астрах., 1854; Вязем. Смол., Моск., Ряз., Екатеринб. Перм.). В некоторых говорах собиратели отмечают наличие двух слов: *учбá* и *учéба* (Верхот. Перм., 1899), *учёба*, *учба* (Вят., 1907). Записано также *учёбный* 'прилежный в учении' (*Он хороший мальчик, учебный.* Боров. Калуж., 1905—1921), *учёбишка* 'умение читать и писать' (Том., 1964). Слово *у́чба* в сочетании *учбы военные* было зарегистрировано в XVIII в. Лексиконом Поликарпова. В XIX в. оно использовалось писателями (Мельниковым-Печерским, Левитовым) в художественных произведениях.

Наряду с диалектным словом *удёба* в русском языке XIX в., по свидетельству Словаря Даля, употреблялось еще *удьбá*, при этом в словаре не дано никакой ограничительной пометы. Здесь же приведено *удбище* 'место, где рыба хорошо клюет, берется, ловится' с указанием на бытование в Архангельской губ.

Анализ приведенных диалектных материалов, учет таких фактов, как наличие в говорах параллельно словам *гостёба*, *учёба* слов *гостьба*, *учба*, а также бытование родственных слов с *е* в суффиксе (*гостéбьище*, *гостéбище*) — все это приводит к мысли о том, что суффиксы *-ба* и *-'оба* (присоединяющийся к мягкой основе) исторически восходят к одному древнерусскому суффиксу *-ьба*, изменение которого в ряде слов произошло в результате падения глухих. Редуцированный гласный этого суффикса в словах *гостьба*, *удьба* и других в ряде севернорусских говоров оказался под ударением и потому не исчез, а стал произноситься как гласный полного образования *е*, т. е. аналогично редуцированному гласному в словах *гостебник*, *гостéбный* (древнерус. *гостьбникъ* и *гостéбникъ*, *гостьбный* и *гостебный*). Позже, когда начался переход *е* в *о*, этот гласный, как всякий *е* после мягкого перед твердым, переходил в *о*; а в производных от этих слов мог сохраняться звук *е*, поскольку он был перед мягким согласным (*гостéбище*, *гостéбьище*, *учéбишка* и др.). Таким образом, единый древнерусский суффикс раздвоился и дал начало новому суффиксу *-еб(а)*, получившему позже вид *-'об(а)* и соединившемуся со старым еще общеславянским *-оба*.

Возникновение суффикса *-'оба* произошло потому, что вследствие падения глухих изменились фонетические условия суффикса *-ьба*. Отглагольные существительные с суффиксом *-ьба* после падения глухих в случае, если ударение падало на последний слог, становились двусложными. При этом сочетание конечных согласных корня *т'*, *д'*, *ч'* и звука *б* суффикса (после исчезновения редуцированных гласных они оказывались рядом) было необычным для русского языка этого периода и представляло определенную произносительную трудность. С фонетической стороны раз-

рядка сочетания согласных звуков с помощью гласного в этом случае вполне понятна. Таким образом, известное фонетическое явление падения глухих привело к изменению фонетического облика ряда отглагольных существительных с суффиксом *-ьба* и вследствие этого самого суффикса. В результате у отдельных существительных морфема *-ьба* приняла вид *-'оба*.

Появление в русском языке слов с суффиксом *-'оба* является весьма интересным и редким случаем образования новых слов. Образование новых слов происходит вследствие изменения фонетического облика суффикса.

Безусловно очень важно знать, образовались ли с этим суффиксом слова вновь, по определенной модели, или все они появились лишь на основе уже имеющегося существительного с суффиксом *-ба*. Однако недостаточность сведений не позволяет ответить на этот вопрос с полной уверенностью. Как уже отмечалось, большинству указанных слов соответствуют параллельные образования на *-ба*. Только слова *ношóба*, *чищёба* не имеют параллельных образований с суффиксом *-ба*.

Наличие существительного *гулёба* (Новг.) при том, что отсутствует соответствующий глагол на *-ить*, и в то же время бытование параллельного широко распространенного образования на *-ба (гульба)* как будто говорит об образовании этих существительных в древности на основе слов на *-ьба*.

Как показывают диалектные материалы, с суффиксом *-'оба* образовывалось небольшое количество слов. Можно предположить, что в говорах существовали или существуют до сих пор и другие слова типа *учёба*,[6] оставшиеся незарегистрированными; однако их все же не может быть много. Их появление сдерживалось, контролировалось определенными факторами: число существительных на *-ьба* и в древнерусском языке было небольшим; кроме того, фонетические и акцентные условия, о которых уже упоминалось, еще более ограничивали количество таких новообразований.

Преимущественная локализация подобных образований в севернорусских говорах объясняется тем, что в них больше, чем в других говорах, сохранилось существительных с суффиксом *-ба* (по нашим сведениям, в этих говорах отмечено десять существительных с суффиксом *-ба*, которых нет в литературном языке).

Таким образом, история появления слов типа *гостёба*, *учёба* в русском языке тесно связана с историей слов с суффиксом *-ба*. Происхождение этих слов наглядно показывает, насколько не-

---

[6] На это указывает наличие в говорах таких слов, как *едóбный* (Перм.), *варéбник* 'горшок' (Олон., 1898), *волочéбник* (Пск., Смол., Зап.), *волочéбный* (Смол., Зап.), *дерёбка* 'народное кушанье из гречневой муки с простоквашей' (Калуж.).

простой, с отклонениями от прямого пути развития может быть история отдельных явлений. Одним из таких отклонений истории суффикса *-ба* в русском языке и является возникновение суффикса *-'оба* в словах типа *гостёба*, *учёба*. Можно сказать, что это всего лишь деталь в истории слов с суффиксом *-ба*. В то же время изучение этого небольшого вопроса представляет несомненный научный и теоретический интерес. Его исследование весьма важно и полезно не только при описании конкретной истории слов с суффиксом *-ба*, но также имеет значение для исторической и диалектной лексикологии и словообразования. Кроме того, появление слов *гостеба*, *учеба* наглядно демонстрирует связь и взаимоотношение явлений разных уровней. История суффикса *-'оба* показывает, как морфологическое явление возникает на почве фонетической вследствие изменения фонетических условий.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

К вопросу о приставочной омоморфии в русских народных говорах

Одним из существенных источников обогащения русского языка, и в частности пополнения его глагольной лексики, являются приставки. Ведущую роль играют они в глаголообразовании также и в русских народных говорах. Воздействуя на семантику производящих основ в плане придания им определенного типового значения, они тем самым способствуют группировке, организации глаголов внутри лексического запаса языка; акцентируют внимание на локальной или временной характеристике действия, а также интенсивности или внутренней расчлененности его. Структурно-семантический анализ глагольных приставочных образований позволяет говорить о беспрерывном развитии семантики подавляющего числа приставок.[1] Оно заключается прежде всего в расширении дополнительных оттенков у количественно-временных значений приставки (например, у приставок *при-*, *в-* и др.), что приводит к их дифференциации, а в дальнейшем к появлению у префикса новых значений. Происходит перестройка смыслового содержания самой приставки: одни из ее значений становятся четче, рельефнее, другие сужаются. На основе семантических преобразований приставки, происходящих в тесном и сложном взаимодействии с производящими основами, возникают противопоставленные значения. Такие, например, как значение начала действия и завершения его, интенсивность действия и неполнота его проявления. Наличие противопоставленных значений у приставки свидетельствует о распадении ее смыслового единства, о чем в свое время писал В. В. Виноградов: «. . .относительно глагольных приставок (также и предлогов) можно ставить вопрос: у всех ли глагольных приставок в современном русском языке сохраняется смысловое единство? Не произошло ли в некоторых приставках — в силу сочетания их с разнообразными груп-

[1] Земская Е. А. О развитии приставочного словообразования глаголов в современном русском языке. — РЯШ, 1960, № 2, с 17; Воробьева И. А. К вопросу о глагольной префиксации в русском языке. АКД. Томск, 1958.

нами слов — разделения на омоморфемные (например, *у-*, *с-*, *по-*, *о-*, *об-*, *на-*, *пере-* в значении пространственном и для обозначения совместности и превосходства?».[2] Ведь одна и та же приставка, присоединенная к одному и тому же глаголу, нередко приводит к образованию разных слов, значения которых могут быть противоположны. Например, *просмотреть* в значениях: ‘пересмотреть до конца’, ‘быстро проглядеть’ и ‘не разглядеть’.[3] Таким образом, под сильным воздействием словообразовательного значения префикса происходит омонимичное расщепление глагола, с необходимостью свидетельствуя о том, что «многозначность приставок, которые сочетают в структуре глагола реальные значения с грамматическими, — основной стержень глагольной омонимии».[4]

Исследователями русского языка отмечаются два омонимичных значения префикса *при-*: 1) добавление и 2) доведение до конечной цели (*прирéзать* ‘добавить земли’ и ‘прикончить’).[5] Н. К. Жученко в своей статье пишет, что «мы можем отметить еще два значения этой приставки, приводящие к омонимичности приставочных глаголов: 1) значение прибавления и 2) значение неполноты действия. Примером могут служить глаголы *пригореть* [1] в значении ‘увеличиться в весе на сколько-нибудь при плавке’ и *пригореть* [2] ‘подгореть немного (о печеном, жареном)’».[6]

БАС также отмечает полярно противоположные значения префикса *при-*: значение добавления чего-либо (для увеличения количества чего-либо), дополнения сверх чего-либо и доведения до конечной цели (достижения какого-либо результата); совершение или проявление действия не в полную меру, не в полной степени, ограниченность действия во времени и полная исчерпанность объекта действия (с пометами: «прост.» и «обл.»).

Вопрос об омоморфемности приставок в диалектах пока еще не ставился, хотя в работах многих диалектологов при описании приставочного глаголообразования отмечаются случаи омонимичности глаголов, основанные на этом явлении. Следует отметить, что изучение этого вопроса на диалектном материале представляет известные трудности. И главная среди них — это отсутствие возможности рассмотрения данного явления в рамках одной лексической системы, без данных лингвогеографического обследования лексики говоров, при отсутствии лексических карт. Однако,

---

[2] Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях. — ВЯ, 1960, № 5, с. 8—9.

[3] Там же, с. 9.

[4] Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке. — РЯШ, 1940, № 1, с. 10.

[5] Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 149.

[6] Жученко Н. К. Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов. Вопросы теории и методики изучения русского языка. — Труды второй научной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья. Куйбышев, 1961, с. 137.

если учесть, что словопроизводство, в частности с префиксом *при-*, во всех русских говорах осуществляется в основном сходными с литературным языком способами и существенных расхождений во взаимодействии префикса с производящими основами как в структурном, так и в семантическом плане нет, то это обстоятельство, как кажется, позволяет рассмотреть названное выше явление на том материале, которым мы располагаем.

Диалектная приставка *при-* относится к числу многозначных.[7] Ей свойственны локальные значения, такие как 'приближение, перемещение к точке, предмета к предмету'. При определенных условиях префикс *при-* определяет действие с точки зрения его протекания (начало, конец, ограниченная длительность) и характера осуществления (интенсивность, неполнота, охват ряда предметов). Характеризуя действие с локальной стороны, приставка *при-* в то же время указывает на направленность действия к конечной цели (например: *прилете́ть* 'летя, достигнуть какого-либо места' и т. п.). Всякое же действие, доведенное до определенного предела (конца), предполагает в какой-то степени достижение и результата. Такая результативность ощущается и в глаголах с пространственными значениями приставки *при-*. Тем более что она для многих производных поддерживается грамматическим значением совершенного вида: *пригры́мать* 'прийти с трудом, еле-еле' (Тул.); *прикули́ть*: *Прикулил большущий камень*; *притули́ть* 'приблизить что- к чему-либо' (Курган) и т. п. Значение результативности становится доминирующим при соединении префикса с глаголами, не имеющими конкретного вещественного значения.

Таким образом, в структуре приставки *при-* объединяются в разной пропорции самые различные значения. Определяющим фактором при реализации тех или других значений является семантика производящей основы. Вместе с тем для русских говоров характерна большая разнотипность производящих основ. (Среди них имеются исключительно диалектные — лексические диалектизмы, а также глаголы с общенародной производящей основой. При этом многие из последних представляют собой семантические диалектизмы. Кроме них имеются глаголы, которые в литературном языке не соединяются с приставкой *при-*). Все эти обстоятельства в большой степени способствуют усложнению семантической структуры приставки, появлению у нее противоположных значений.

Как и в литературном языке, далеко не все значения этого весьма многозначного префикса способствуют возникновению омонимичных глаголов. Среди диалектных префиксальных образований много глаголов, в которых приставка *при-* используется

[7] См.: Андреева-Васина Н. И. Значения глагольной приставки *при-* в русских народных говорах и произведениях устного народного творчества. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1964.

с пространственным значением (означая перемещение в непосредственную близость к кому-, чему-либо). Особенно продуктивна она в этом значении в сочетании с конкретными глаголами (глаголы движения и физического действия). В их числе наблюдаются глаголы, общие для говоров и литературного языка, как, например: *приходи́ть*, *привали́ть* ‘прийти, собраться во множестве’; *пригоня́ть* ‘быстро приезжать’; *приби́ться* ‘присоединиться, пристать к кому-, чему-либо’; *приземли́ться* ‘опуститься на землю’; *приби́ть* ‘прикрепить, плотно прижать чем-либо’; *приварѝть* ‘приклепать друг к другу’; *приде́лать* ‘присоединить, прикрепить’; *приложи́ть* ‘положить вплотную’ и др. Ряд же глаголов либо вовсе не употребляется в литературном языке, либо бытует с другим значением. Например, *прибо́тать* ‘прийти’ (Тул.); *приверста́ть* ‘прибить, приделать’ (Хабар.); *причáпкать* ‘медленно, с трудом прийти куда-либо’ (Зап. Брян.); *присади́ть* ‘быстро прибежать, примчаться’ (Новг.) и др. Сложное взаимодействие тех же производящих основ и приставки *при-* с иным, нежели приведенное выше, значением приводит к появлению диалектных глаголов, резко отличающихся своей семантикой от глаголов, образованных приставкой *при-* с пространственным значением. Ср.: *приходи́ть* ‘устать до изнеможения, отбить ноги, забегаться’ (Вят.); *приби́ться* ‘устать, выбиться из сил’ (Арх., Новг.); *пригоня́ть* ‘утомить, измучить ездою’ (Смол.); *приземли́ться* ‘обзавестись землею’ (Новг.), *Иван приехал из Сибири, живет год уже, приземлился и уезжать не хочет* (Моск.); *прибо́тать* ‘отдуть, прибить’ (Пск.); *присади́ть* ‘сажать (в землю), сеять’ (Новг.). Приставка *при-*, сочетаясь с одним и тем же глаголом, образует, в сущности, разные слова, так как характер и цель действий, обозначаемых ими, различны. Если глагол *пригоня́ть* ‘быстро приезжать куда-либо’ обозначает действие с яркой пространственной характеристикой, то в другом случае (*пригонять* ‘утомить ездою, измучить’) на первый план выдвигается обстоятельственный характер действия, доведение его до определенного результата, до определенной цели. При этом основным моментом в формировании семантики слова является префикс. Именно ему принадлежит функция конкретизатора семантики производного глагола. Так как центр тяжести выражения как направленности движения, так и результативности лежит не на производящей основе, а на приставке, это дает основание говорить о наличии омоморфии префикса *при-* в данных случаях. Таким образом, оказываются противопоставленными локальное и результативное значения приставки, а это обстоятельство, в свою очередь, способствует появлению омонимичных глаголов.

Следует отметить, что в значении завершенности, законченности действия (которое поддерживается грамматическим значением совершенного вида) с оттенком его особой интенсивности приставка *при-* имеет широкое употребление в говорах, поскольку определение действия как результативного (законченного, свер-

шившегося) — очень разное по самой своей сути — дает приставке *при-* возможность взаимодействовать с лексически разнородными объединениями глаголов. Например: *приéздить* ‘заездить’: *Коня испортил, приездил* (Вят.); *прибродúться* ‘устать от ходьбы’ (Арх., Онеж., Том.) и др. Подобная особенность в значительной мере способствует омонимичному расщеплению многозначного префикса *при-*. Примеры этого можно наблюдать в группе глаголов, обозначающих конкретные физические действия: *прибúть* ‘прикрепить, присоединить что- к чему-либо’ (употребляется повсеместно) и ‘утомить, измучить’: *Прибил он меня на работе на эвтой* (Арх., Новг., Сев.-Двин.); *придéлать* ‘присоединить что-к чему-либо’ — глагол, общий для литературного языка и для говоров, и ‘довести какое-либо действие до предела’: *Всего дела не приделаешь* (Ср. Урал.); *придвúнуть* ‘присоединить, сблизить кого-, что- с кем-, чем-либо’ (Смол., Брян.) и ‘прикрыть (дверь)’ (Дон.); *привúть* ‘привязать’ (Вят.) и ‘завить (волосы)’ (Арх.), *приверстáть* ‘прибить, приделать’ (Хабар.) и ‘захватить, присвоить’ (Пск.); *приварúть* ‘приклепать друг к другу’ и ‘сварить, приготовить’: *Пива нет, девка, ты не приварила* (Пск.) и др.

Во многие глаголы с лексическим значением конкретного физического действия приставка *при-* вносит, с одной стороны, значение особой интенсивности действия, уничтожения действием, выраженным в производящей основе, и с другой — неполноты действия: *Притомúть* ‘немного, слегка утомить’ и ‘измучить’ (Влад.); *призноби́ть* ‘немного обморозить, застудить’ (Зауралье) и ‘сильно замерзнуть’ (Том.); *простúть* ‘немного озябнуть’ и ‘сильно озябнуть’ (Твер.). *Вода холодная, рученьки простыли* (Костром.); *прибасúть* ‘слегка приукрасить’ (Арх., Урал.) и ‘разукрасить’ (Арх.) и др. Как видно из приведенных примеров, у приставки *при-* оказываются противопоставленными значения результативности и неполноты действия.

В отдельных случаях омонимичность глаголов создается такими значениями префикса, как распространение действия на целый ряд предметов (*пригорéть* ‘сгореть всему ряду предметов’: *Все пригорело, ни одного шубного лоскута не осталось* (Влад.)) и неполнота осуществления действия (*пригорéть* ‘слегка, немного подгореть’ (употребляется повсеместно)). Значения приставки в обоих случаях носят обстоятельственный характер. Однако глаголы с единой производящей основой *гореть* имеют противоположные значения. Это различие в значениях, приобретенное ими в результате словообразовательного акта, следует отнести за счет дополнительного «семантического элемента», который сообщает глаголу префикс. Таким образом, в приведенных выше примерах можно также говорить о наличии омоморфии приставки *при-*.

Одним из количественно-временных значений приставки *при-* является значение дополнения, добавления чего- к чему-либо (со-

вершения действия дополнительно, для получения лучшего результата). В диалектах, как и в литературном языке, это значение может оказываться противопоставленным значению результативности, завершенности действия: *прибáцнуть* ‘убить’ (Моск., Новг., Ленингр., Твер.) и ‘добавить ударов’ (Яросл.); *приварúть* ‘сварить’ (Том.) и ‘добавить к уже сваренному’ (Пск.). В результате смещения в представлениях о характере обозначаемого действия один и тот же глагол (*бацнуть*, *варить*) при соединении с приставкой получает противоположные значения, выступающие на фоне одного общего понятия.

Противопоставленными значениями префикса могут оказаться такие, как указание на добавочность действия и пространственная характеристика (присоединение). На этой основе также возникают омонимичные глаголы: *прибатýрить* ‘притащить что-либо тяжелое’ и ‘добавить ударов’ (Яросл.); *приболтáть* ‘привязать, прикрепить (веревками), обмотать несколько раз бичевой’ (Новг.) и ‘прибавить (ниток к мотку)’ (Новг.). Омонимичными следует признать глаголы *придавáть* с локальным значением ‘передавать’ (Вят.), с одной стороны, и количественно-временным значением добавления ‘добавить’ (Онеж.) — с другой. Подобно литературному глаголу *просмотреть* в говорах имеется *приглядеть*, который употребляется в аналогичных значениях: ‘осмотреть все до конца’ и ‘не разглядеть’ (Олон., Смол.).

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать вывод о наличии в говорах омоморфемности приставки *при-*. Она свойственна префиксу в локальных и количественно-временных значениях. Как можно было заметить из предыдущего, омонимичными, четко противопоставленными значениями являются следующие: 1) указание на наличие приближения одного предмета к другому, на сближение их или близость вообще и законченность, свершенность, предел действия; 2) присоединение кого-, чего-либо к кому-, чему-либо и добавочное действие; 3) осуществление действия в неполной мере и доведение действия до исчерпывающего предела, а иногда и особая интенсивность действия, чрезмерность его; 4) начало действия и доведение действия до результата; 5) добавочное действие и результативность его.

В основе развития омоморфемности префикса *при-* в говорах лежат, как и в литературном языке, семантические процессы. Возникновение омонимичных значений является следствием распада полисемии. Степень расхождений значений приставки различна. Как можно было видеть, в ряде случаев это семантическое расхождение превращается в обозначение антонимичности действия, рождая тем самым омоморфию приставки. К диалектным особенностям возникновения приставочной омоморфии следует отнести прежде всего широкий диапазон семантических взаимодействий префикса и глагольных основ. Смысловая насыщенность и содержательность последних рождает новые связи у приставки, ведет к перестройке ее смыслового содержания.

Известно, что для говоров характерна ме́ньшая по сравнению с литературным языком специализация словообразовательных формантов и как следствие этого большая взаимозаменяемость приставок (*прибить* ‘перебить’, *приварить* ‘сварить’, *прижечься* ‘обжечься’ и т. д.). Использование префикса *при-* в значении других приставок также расширяет его структурные и семантические связи, способствует углублению его смыслового содержания, расхождению некоторых из его значений. К примеру, если в глаголах *приналечь*, *принажать* возможно двоякое толкование значения приставки: 1) выполнение действия с большей силой, интенсивно; 2) слегка, не в полную меру осуществить действие, то в глаголе *примереть* (с *при-* на месте *у-*) в результате взаимодействия с производящей основой создается четкая определенность значения приставки, а именно — предел действия. Таким образом, интенсивное словообразовательное варьирование глаголов в русских говорах, отсутствие категоричного размежевания в употреблении приставок также способствует развитию приставочной омоморфии, появлению омонимичных глаголов.

Г. Я. СИМИНА

Структура производного слова в диалекте

(К вопросу о связи словообразования и семантики)

Современный диалектный материал служит важнейшим источником, позволяющим вскрыть исторические процессы развития общерусского (в том числе и литературного) языка. И если письменные памятники позволяют увидеть главным образом фонетические и морфологические изменения в языке, то диалектные факты дают возможность проследить пути семантического развития лексической системы языка.

В говорах совершаются те же процессы, проявляются те же тенденции, что и в литературном языке, но неодновременно, поэтому диалекты во многих случаях отражают более архаическую языковую систему, с более прямолинейными связями и отношениями. В литературном языке эти связи уже в значительной мере затемнены.

Предметом данной статьи является диалектное словообразование в его отношениях к семантической системе диалекта. Материалом послужили записи пинежского говора (Пинеж. Арх.).

Особенности диалектного словообразования обусловлены требованиями лексико-семантической системы. Наиболее отчетливо эту зависимость словообразования и семантики можно наблюдать на материале говоров отдаленных территорий русского Севера. Именно в периферийных диалектах отмечается более непосредственная, наглядная связь различных уровней языковой системы.

Для диалектного производного слова характерно своеобразие в сочетаемости морфем, отличающее его от соответствующего литературного эквивалента. Наблюдается это как в области словообразовательной базы, так и в комбинации морфем, их сочетаемости.

1. Своеобразие производящих основ. В диалектное словообразование включаются в качестве производящих основ слова узкодиалектные, в литературном языке уже (или еще) не представленные. Например, *хал*, *халовизна*: *Подите, жонки, чистой хал там, готово берите, скошоно и высушено, берите, колько нать* (Шд); *Деньги, если они задаром достались — халовы́, халови́зна это* (Шд). Корень *-хал-* тот же,

что и в слове *нахал. Жирова дорога* (производное от слова *жи́ра* 'жизнь'), т. е. торная, нужная для жизни. *Пора́тое время* (корень тот же, что и в слове *пора*).

2. Своеобразие словообразующих суффиксов. В говоре отмечается иная продуктивность суффиксов. Продолжают активно употребляться суффиксы, которые в литературном языке утрачивают продуктивность. Суффикс *-ив-*: *Ради́ва жонка-та, суседлива: все прибежит к нам* (Ш); *Нать быть радивым хозейном, роботником хорошим* (Окс).

Утрачивают продуктивность в литературном языке и суффиксы *-ав-, -яв-* (*делявый, ручнявый, годявый, тончавый* и т. п.): *Ручнявый котанко-то у нас, все около нас трется* (К); *Вот уж хлеб годявой, можно жать* (К); *Тончавы девки*; *Непромокавый плащ* и др.

3. Особенности сочетаемости морфем. Главное же отличие диалектного производного слова проистекает из своеобразия сочетаемости морфем. При основах слов общерусских с помощью суффиксов и приставок, употребительных в литературном языке, строятся слова диалектные. Например: *Вил-ат-ое дерево* (разветвленное); *Вид-к-ие очки* (через которые хорошо видно); *Хлеб-к-ая каша* (которую охотно хлебают); *Не-на-люд-н-ый человек* (замкнутый); *слаб-н-ой старик; Храм-н-ая нога; Вы-дум-ист-ый парень* и т. п.

В диалектологических публикациях это явление отмечено. Так, по наблюдениям В. А. Сенкевича, наибольшее число диалектизмов составляют именно слова, отличающиеся от литературных эквивалентов своеобразной группировкой морфем. В говорах верховьев р. Белой подобных образований он насчитал 50.6%.[1]

Мы по нашим пинежским материалам подсчетов не производили, ибо, как правильно заметил В. А. Сенкевич, «различная аффиксальная группировка морфем теоретически не ограничена и развивается по принципу незамыкающегося ряда»,[2] поэтому точность подсчетов может быть подвергнута сомнению. Бесспорно, однако, то, что подобного рода диалектизмы составляют весьма внушительную часть лексического фонда носителей говора.

4. Принципы осложнения основ. В любом диалектном материале обращает на себя внимание большое количество производных слов с сложным морфемным составом. Осложнение морфемного состава слова — один из основных принципов диалектного словообразования. Прослеживается эта тенденция в словообразовании любой части речи, особенно в системе прилагательных и глаголов. Так, в прилагательных наряду со словами простой структуры многочисленны образования, осложненные добавочными, уточняющими суффиксами. Например: *ловкий* —

[1] См.: Сенкевич В. А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. Челябинск, 1973.

[2] Сенкевич В. А. Диалектная лексика, противопоставленная литературной по комбинации морфем. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка. Вып. IV. Челябинск, 1971, с. 57 и след.

ловчивый — ловистый — ловкящий; *бойкий — бойкящий — бойчивый*; *любой — любковатый* и т. п.

В системе глагола эта тенденция проявляется в наличии большого числа многоприставочных глаголов (*призадлиться*, *заподхаживать*, *описаживаться*, *приростушеваться* и др.). Например: *Кудреваты облака завыкатывались — к дожжу это* (Шд); *Попринаживали теперь денег* (Вл); *Кабы приростушевался я тогда, так погиб бы, медведь меня бы поборол* (Кч).

Осложнение глагола приставкой способствует конкретизации семантики слова. Приставочные глаголы и более информативны: в них отчетливо выражены оттенки пространственных и временных значений начала, законченности и полноты действия. В образованиях же с двойными (и тройными) приставками конкретные характеристики глагольного действия достигаются в еще большей степени.

Однако словообразование представляет интерес для исследования не само по себе, а как отражение законов семантической системы говора, ее особенностей. Поэтому необходимо, говоря о словообразовании в диалекте, затронуть вопросы семантики, именно здесь следует искать объяснения данным фактам.

Основные черты лексико-семантической системы диалекта — конкретность, детализация в наименовании предметов и явлений, этимологическая мотивированность, теснейшая связь с производящим словом, архаичность форм и значений слова [3] — отчетливо отражены в сфере диалектного словообразования. Именно тенденция к максимальной конкретности выражения и обусловливает образование новых слов с более сложным морфемным составом. В говоре складываются ряды однокоренных слов, отражающие ступени конкретизации обозначаемого явления.

Дело в том, что в говорах, как и в литературном языке, протекают процессы обобщения (окачествления); в словах постепенно развивается более абстрактная семантика и затемняются исходные относительные связи. Так, например, в прилагательном *ловкий* связь с глаголом *ловить* минимальна — произошло окачествление слова: *Он ловкой был сказки сказывать* (Ф); *Федор боевой, столь ловок врать был* (К); *Ловко имечко-то у тебя, хорошо* (Ш).

По мере абстрагирования семантики данного слова создаются в говоре новые слова того же корня, но с более сложным морфемным составом: добавляются уточняющие суффиксы; тем самым слову возвращается его исходная относительность — связь с производящим словом — глаголом *ловить*: *Такой хороший был котка, ловч-ив-ой, мышей хорошо ловил* (Кр) — ‘способный ловить’.

Чтобы выразить другой оттенок данного «качества», создается еще одно слово этого же корня — *лов-ист-ый*: *Кыски ловйсте для мышей-то, котанко хуже* (Сл) — ‘удачливый в ловле’.

---

[3] См.: Симина Г. Я. К характеристике лексико-семантической системы диалекта. — В кн.: Пинежский говор. Калининград, 1976.

Прилагательное *дельный* стало означать ‘хороший, красивый’, т. е. выражает уже абстрактное качественное значение. И для того чтобы назвать конкретные признаки, соотнесенные с производящим глаголом *делать*, созданы и функционируют в говоре словообразовательные варианты: *деловый*, *деловатый*, *дельный*, *делявый*, *делистый*.[4] Образовалось «гнездо» слов, и каждое из них наряду с общим для всех их значением (отношение к глаголу *делать*) выражает дополнительный, детализирующий компонент значения, т. е. является относительно более конкретным по своей семантике.

Слово *бойкий* стало означать абстрактное понятие ‘ловкий, смелый, стремительный’: *Он расторопный во всяком деле, поворотистой, бойкой, кипит у него в руках все* (Б). Слово это, следовательно, уже не может выразить конкретное понятие ‘быстро идущий’ (например, о лошади). Слово *бойкий* осложняется конкретизирующим суффиксом *-ив-*, складывается сложный суффикс *-ч-ив-*: *Бой-чив-ый конь у нас был, ступистый* (Нх).

Прилагательные *верткий*, *вертлявый* приобрели значение ‘лживый, непостоянный, коварный’. В этом случае, чтобы выразить конкретное значение по глаголу *вертеться*, образовалось в говоре прилагательное с сложным морфемным составом: *верт-яжлив-ый*, т. е. ‘способный вертеться, неустойчивый’: *На высоких каблуках галоши купила, дак оне вертяжливы порато* (С).

Обилие образований от одного корня ни в какой мере не является излишеством в системе диалектного языка. Как мы видели, это — не словообразовательная избыточность, а характернейшая закономерность диалектного словообразования, объяснение которой кроется в особенностях лексико-семантической системы говора. По мере абстрагирования понятия, заключенного в том или ином слове, в диалекте, семантическая система которого все еще конкретна, выстраивается ряд однокорневых слов, выражающих разные ступени этого словотворчества.

Что образования с осложненными суффиксами — более поздняя ступень словотворчества, что появляются они в языке именно в процессе развития его семантической системы, доказывается и тем, что от архаических для современного говора прилагательных типа *улавый*, *чукавый*, уже давно вышедших из употребления (сохранившихся только в фольклоре), нет сложений с производными суффиксами (нет, например, *улавистый*, *улавный* и т. п.). Можно думать, что слова *улавый*, *чукавый* отошли в пассивный фонд языка еще до того, как возникла потребность в вариантных, более сложных по морфемному составу прилагательных.

Ступенчатость в осложнении морфемного состава слов отмечается и в глагольном словообразовании. Проследить это можно, например, на фактах, отражающих эволюцию категории крат-

---

[4] См.: Симина Г. Я. Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970, с. 80.

ности в диалекте. В современном пинежском говоре кратность еще является живой лексико-грамматической категорией и находит отражение в диалектном словообразовании. Старые количественные отношения кратности/некратности, характеризующие различные способы глагольного действия, находят конкретное выражение в виде различных ступеней кратности, обозначаемых суффиксами различной сложности. По материалам пинежского говора можно установить последовательность формирования итеративных глаголов.

Первая ступень итеративности выражалась старейшим славянским суффиксом *-а-* (*-ja-*, *-ва-*): *бирал*, *спрошал*, *пивал* и т. п. В процессе развития языка произошло абстрагирование этих форм: в этого рода образованиях значение кратного действия утрачивается; они становятся видовым коррелятом — грамматическим выражением категории несовершенного вида (*спросил — спрошал*).

По мере стирания значения кратности в глаголах с простым морфемным составом в русском языке создается новый тип итеративных глаголов с осложненными суффиксами *-ива-* (*-ыва-*): *спрашивал*, *сказывал*, *давывал* и т. п.

Однако процесс видообразования, грамматикализации глагольных вариантов продолжается. Глаголы с суффиксами *-ива-* (*-ыва-*) тоже постепенно втягиваются в сферу видовых отношений (как видовая пара к глаголам совершенного вида): *сказал — сказывал*; *спросил — спрашивал*. И снова изыскиваются в говоре способы выражения кратного действия. Таким средством служит еще большее осложнение суффикса: *-ивлива-* (*-ывлива-*); создаются итеративные глаголы новейшего типа: *спрашивливал*, *сказывливал*, *принашивливал* и т. п. (обычно от глаголов с омертвевшей приставкой): [5] *Тата бывало сказывливал, что видал лешего* (Шд); *Я детей не принашивливала* (Нх); *Мне показывливала она картинки-то* (Кз).

Подобные образования имеют место в чешском языке (типа byvával). Эти так называемые вторичные имперфективы представлены в словацком языке (см.: spracovat' — spracovávat', суф. -ováva-).[6] Очевидно, аналогичные словообразовательные процессы и закономерности, вызывающие подобные формы, свойственны и другим славянским языкам, но не всегда представлены были в системе нормированных литературных языков; нет их и в русском литературном языке.

В говорах отражение семантико-грамматических процессов отчетливее, устная форма языка не сковывает проявление новых образований. Так, в результате семантических процессов в пинеж-

---

[5] Подробнее об этом см.: Симина Г. Я. Глаголы со значением кратности. — В кн.: Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970.

[6] См.: Пециар Шт. Типы видовых альтернаций в словацком языке. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию (в честь С. Б. Бернштейна). М., 1971, с. 216—227.

ском говоре сложились ряды однокоренных слов, выражающих различные оттенки способов глагольного действия: *сказать — сказывать — сказывливать*; *спросить — спрошать — спрашивать—спрашивливать*. Отражается словообразовательная ступенчатость, и можно проследить последовательный ход развития диалектной системы, ступени конкретизации в обозначении действия.

Словообразовательные ступени конкретизации семантики производного слова (глагола)

Ступени суффиксального словообразования					Ступени префиксального словообразования			
	III	II	I		III	II	I	
Спрош			*а*	*ть*				*живать*
Спраш		*ив*	*а*	*ть*			*на*	*живать*
Спраш	*ив(л)*	*ив*	*а*	*ть*		*при*	*на*	*живать*
					по	*при*	*на*	*живать*

Так, на примерах словообразования глаголов и прилагательных в системе одного говора (в данном случае — пинежского) можно увидеть тесную зависимость словообразования от процессов семантического развития данной языковой системы. В говорах, лексико-семантическая система которых продолжает оставаться конкретной, возникает необходимость в создании других слов от того же корня, но с более сложной основой (с вторичными суффиксами и приставками), способных выражать конкретную семантику, исходную относительность, тесную связь с производящим словом. Именно так диалектная языковая система отвечает на растущую тенденцию семантического развития — абстрагирование, противодействует ей.

По нашим материалам видно, что абстрагированию подвергаются в первую очередь слова с менее сложным морфемным составом, т. е. более древнего образования: с первичными, а не осложненными суффиксами, с одиночной, а не с двойной приставкой. Осложнение основы слов — процесс живой в системе говора и более поздний. Так, например, образования с сложным суффиксом *-яжлив-* (типа *вертяжливый*, *молчажливый*) еще не отмечены в Словаре Даля. Можно полагать, что их в середине XIX в. еще не было в народных говорах.

В наших записях современного пинежского говора имеются примеры, правда, немногочисленные: *Дедушко-то неговорок, молчажливой* (Юб); *Молчажливой Игорь-от, уж не проговорит лишнего-то* (У); *Эта эка говорунья, а та там девушка молчажлива* (Сл). Очевидно, подобные слова — новообразования и в пинежском говоре.

Наши выводы и наблюдения над материалами одного говора могут подтвердить ход исторического развития общерусского литературного языка. Подобное разнообразие однокоренных прилагательных и однокоренных глаголов свойственно было древнерусскому языку и периоду более поздней истории русского языка. Так, в памятниках XVI—XVII вв. отмечены, например, образования синонимичных глаголов типа: *хотел — хачивал*; *украсть — укладать — укладывать*; *распрощаться — распращиваться*; *ускакать — ускакивать* и др.,[7] в современном литературном языке не представленные.

В литературном языке с его тенденциями к обобщению, абстрагированию наблюдается процесс выпадения некоторых словообразовательных типов из активной практики словотворчества; некоторые суффиксы становятся непродуктивными, нормированный язык освобождается от избыточности. В диалектах же процессы словотворчества, свойственные раннему литературному русскому языку, совершаются на наших глазах, и мы, как при замедленной киносъемке, на диалектном материале можем наглядно проследить, как совершалось образование слов с осложненной основой и какими причинами оно вызывалось.

Условные сокращения в названиях пинежских деревень

Б — Берёзник	Кч — Ку́чкас	У — У́ра
Вл — Валдоку́рье	Нх — Нюхча	Ф — Филимо́ново
Е — Е́ркино	Окс — Оксо́вица	Ш — Ша́рдонемь
К — Кевро́ла	Пд — Подра́дье	Шд — Ши́днема
Кз — Козло́во	С — Су́ра	Юб — Юбра
Кр — Кото́во	Сл — Су́льца	

[7] См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы. М., 1964, а также материалы, приведенные в известном исследовании С. Д. Никифорова (Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952). О прилагательных см.: Ковтромина Н. В. Синонимия однокоренных прилагательных в русском литературном языке первых десятилетий XIX в. — Филологические науки, 1961, № 1.

Е. П. ЛУППОВА

Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му лицу, в говорах русского языка

В русских народных говорах наблюдаются особенности в употреблении притяжательных местоимений. Наряду с формами личных притяжательных местоимений, обозначающих принадлежность 1-му и 2-му л. (*мой*, *наш*, *твой*, *ваш*) и возвратного притяжательного местоимения (*свой*), общими с литературным языком,[1] в диалектах русского языка употребляются также особые притяжательные местоимения для выражения принадлежности 3-му л. (*егов*, *евонный*, *ейный*, *ихний* и др.), которым в литературном языке соответствуют формы родительного падежа личного местоимения 3-го л. (*его*, *ее*, *их*). Эти диалектные формы притяжательных местоимений, как и формы *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, изменяются по родам, числам и падежам.

Диалектные формы притяжательных местоимений, зафиксированные в народных говорах русского языка, в середине XIX в. вошли в первые сводные областные словари — Опыт 1852 и Доп. 1858, а также в Словарь Даля, в которых в общей сложности было отражено 11 форм: *евоный*, *евонный*, *евойный*, *евонов*, *еговый*, *ейный*, *син*, *ихний*, *ихный*, *их (а, о)*, *ихний*. Эти формы привлекают внимание и историков русского языка. Замечания о местоимениях, отмеченных в областном языке, находим у Ф. И. Буслаева.[2]

В течение второй половины XIX в. сведения о притяжательных местоимениях увеличились новыми записями, вошедшими как в словари отдельных территорий, так и в описания отдельных говоров, и отражены в ответах на диалектологическую программу, изданную Академией наук.[3] Эти новые материалы о притяжательных местоимениях, собранные к концу XIX в., были учтены при составлении Словаря 1897, в который, впрочем, вошли только притяжательные местоимения для выражения принадлежности

[1] Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952, с. 393.

[2] Буслаев Ф. Т. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. I. М., 1858, с. 104.

[3] В «Программу для собирания особенностей великорусских говоров», составленную В. И. Чернышевым, вошли вопросы о притяжательных местоимениях (Сб. ОРЯС, 1900, т. LXVIII, № 1, с. 93).

3-му л. ед. ч.[4] Новые материалы ответов на программу привлекает и А. А. Шахматов.[5]

Значительно пополнились сведения о притяжательных местоимениях в говорах разных территорий в течение XX в. (областные словари отдельных говоров, диалектологические работы с описанием разных говоров, материалы экспедиций и т. п.), но специальных работ обобщающего характера о притяжательных местоимениях в русских говорах опубликовано не было.[6]

Наиболее полный охват словарного состава притяжательных местоимений на основании опубликованных материалов,[7] а также хранящихся в рукописях от начала XIX в. до настоящего времени сосредоточивается в картотеке СРНГ при Словарном секторе ЛО ИРЯЗ АН СССР. Материалы этой картотеки использованы в словарных статьях VIII и XII выпусков СРНГ. Но картотека СРНГ не охватывает значительные материалы, собранные для областных словарей говоров отдельных территорий, еще подготовляемых к изданию в разных городах (Москве, Ленинграде, Кирове, Перми и др.).

В курсах русской диалектологии последнего времени даны лишь краткие общие сведения о склоняемых притяжательных местоимениях, употребляемых в говорах в соответствии с несклоняемыми формами литературного языка *его*, *её*, *их*,[8] при этом некоторые вопросы словообразования притяжательных местоимений затрагиваются лишь в «Русской диалектологии», подготовленной ЛГУ.[9]

---

[4] Словарь 1897, т. II, с. 9, 10, 21, 62—63; вып. на букву *и*, в который должны были входить притяжательные местоимения, образованные от формы их, как известно, не вышел из печати.

[5] Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, ч. II, с. 313—314. ч. III, с. 361. Замечания о притяжательных местоимениях высказываются им также в «Синтаксисе русского языка» (Л., 1941, с. 497).

[6] Из специальных работ по притяжательным местоимениям в отдельных говорах можно назвать лишь статью И. С. Меркурьева «Притяжательные местоимения в говорах старинных русских поселений Мурманской области» (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1968, т. 402, с. 90—101). В других работах эти вопросы затрагиваются при общем описании говоров.

[7] Не во все опубликованные словари говоров отдельных территорий включены диалектные притяжательные местоимения. Они отсутствуют, например, в Словаре областного архангельского наречия Подвысоцкого, а также в словарях последнего времени (Курско-Орловский словарь С. М. Кардашевского. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1958—1960, т. 35, 48, 88; Словарь говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1963; Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963; Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964), что отнюдь не свидетельствует о полном отсутствии диалектных притяжательных местоимений в этих говорах.

[8] Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 125; Русская диалектология. Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 127.

[9] Русская диалектология. Под ред. Н. А. Мещерского. Л., 1972, с. 176—177.

Предлагаемая работа написана на основании материалов (печатных и рукописных) картотеки СРНГ с привлечением дополнительных материалов картотек словарей, подготовляемых ЛГУ: псковского (к. Пск.), печорского (к. Печор.), говоров Карелии (к. Карел.), пинежского Архангельской обл. (к. Пинеж.), а также личных записей автора на разных территориях и статей, материалов, еще не вошедших в картотеку СРНГ.

Разумеется, привлеченный для исследования материал еще не может претендовать как на полноту охвата территории по говорам русского языка, так и на полноту учета форм притяжательных местоимений, употребляемых в говорах, так как материал этот представлен неравномерно по разным территориям, да и в использованных источниках часто не дается исчерпывающих сведений об употреблении притяжательных местоимений. Обобщение этих материалов, однако, имеет значение для дальнейших исследований.

На основании использованных материалов автор ставит своей задачей описать способы образования диалектных притяжательных местоимений, выражающих принадлежность 3-му л., с учетом распространения и употребительности их в говорах русского языка и отражения в опубликованных областных словарях.

Для выяснения вопросов, связанных с историей образования некоторых диалектных притяжательных местоимений, используются материалы картотеки ДРС в Институте русского языка в Москве. Сведения об употреблении диалектных форм местоимений в языке писателя приводятся на основании картотеки Словарного сектора ЛО ИРЯЗ АН СССР.

В данном сборнике публикуется 1-я часть работы о притяжательных местоимениях, обозначающих принадлежность 3-му л. мужского рода единственного числа. Эти местоимения в говорах русского языка образуются от двух вариантов форм род. п. личного местоимения 3-го л. мужского и среднего рода ед. ч. *его* (*єго*) и *ево*, неодинаково распространенных в говорах.

Формы род. п. ед. ч. м. и ср. р. местоимений и прилагательных с окончанием *ого* (*оґо*) по классификации, принятой составителями первой диалектологической карты русского языка, характерны для северной (поморской) и олонецкой групп северновеликорусского наречия и для части южновеликорусских говоров. Формы же на *ово*, соответствующие произносительным нормам современного русского литературного языка, имеют в говорах более широкое распространение и характерны для большей части северно- и среднерусских говоров и части южнорусских.[10] Формы на *ого*

[10] Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915, с. 20, 21, 24, 26, 31 и примеч., с. 86, 96. Уточнение распространения форм на *ого* у прилагательных и местоимений род. п. ед. ч., по данным материалов для диалектологического атласа русского языка, по южнорусской территории дано на карте № 7 в книге «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, с. 253.

(его) являются исконными формами древнерусского языка. Формы на *ово (ево)* с *в* на месте этимологического *г* засвидетельствованы в памятниках письменности, начиная с XV в.[11]

* * *

От формы *его* в говорах русского языка образованы притяжательные местоимения *егóв*, *негóв*, *егóвый*, *егóвный*, *егóный*, *(егóнный)*, *егóнов*, из которых более употребительными являются местоимения *егóв*, *егóвый*.

Притяжательные местоимения *егóв* и *егóвый*, образованные от основы *его* при помощи суффиксов *ов*, мало отражены в опубликованных областных словарях. В Словаре Даля форма *еговый* в значении 'его, ему принадлежащий', приводится без указания территории распространения и без примеров. *Егóвый*, *ая*, *ое* и *егóв*, *а*, *о* — то же, что *евоный*, *его* с пометой Петрозав., Вытег. (Словарь 1897). В Словаре Грандилевского местоимение *егов* не включено, хотя и указывается в описании говора (Холмогор. Арх.); *егóвый*, *ая*, *ое* 'относящийся, принадлежащий ему, его' с указанием распространения в Арх. и КАССР и *егóв* (Прионеж. КАССР, Онеж. КАССР — СРНГ).

В картотеках подготавливаемых словарей пинежских, печорских говоров и русских говоров Карелии, а также в отдельных статьях, не использованных в картотеке СРНГ, мы находим значительный материал на употребления местоимений: *егóв*, *егóвый* в говорах Севера — Мурманской, Архангельской областях, КАССР, на севере Коми АССР (Усть-Цилем.) и в некоторых пунктах на севере Ленинградской обл., свидетельствующий о широком употреблении этих форм в говорах и по записям последнего времени.

Краткие формы местоимений *егóв*, *егóва*, *егóву*, *егóво*, *егóвы* в этих материалах зафиксированы в им. и вин. падежах ед. и мн. ч. В мужском роде: *Иван Николаевич е г о́ в отец* (Мурман., Меркурьев); *Сын е г о́ в капитаном робит* (Медвежка, к. Печор.); *Один мой сын, а другой е г о́ в товарищ* (Карбозеро Пудож., к. Карел.) и др.

В женском роде: *Та е г о́ в а жонка* (Пинеж. Арх., Симина); *Груня, сестра е г о́ в а, помогла* (Конецщелье на Мезени, Колпакова); *Это е г о́ в а корова* (Подпорож. Ленингр.); *Отдала шаль е г о́ в у* (Хабариха, к. Печор.); *Е г о́ в у пенсию мне дали* (Мурман., Меркурьев) и др.

В среднем роде: *Бабка е г о́ в о* [медведя] *мясо съела* (Кем., к. Карел.); *Ето все е г о́ в о* (Мурман., Меркурьев) и др.

Во мн. ч.: *Братаны е г о́ в ы будут деверья* (Мурман., Меркурьев); *Натри рубахи е г о́ в ы зельем, его и разорвет* (Юрас

[11] Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 235.

Пинеж. Арх.); *У мужа все люди е г о́ в ы, начальник да служащие* (Сумносад, к. Карел.); *Родники е г о́ в ы приезжали, да и сватали* (Мыза, к. Печор.); *Е г о́ в ы деньги считали* (Усть-Цилем., к. Печор.) и др.

В косвенных падежах отмечены лишь единичные случаи употребления форм местоимений мужского рода, изменяющихся по именному склонению: *Я все е г о́ в о м косяком хожу, по е г о́ в у дому да* (Коровий ручей, к. Печор.).

В им. п. ед. ч. мужского рода наряду с краткой формой *его́в* употребительны и полные формы *его́вый (ой)*: *А ето е г о́ в о й мальцёнко* (Пинеж. Арх.); *А е г о́ в ы й отец этта часто бывает* (Сошницы Подпорож. Ленингр.); *Тут уж е г о́ в ы й дом коренной, где родители жили* (Тельвисина, к. Печор.) и др.

В косвенных падежах как единственного, так и множественного числа употребляются формы по типу склонения полных прилагательных: *Е г о́ в о г о товарища бьют* (Пурнема Онеж.); *У меня доць за е г о́ в ы м братаном была* (Устье, к. Печор.); *На е г о́ в о м иждивении*; *С сыном е г о́ в ы м ловили* (Мурман., Меркурьев); *Нету давно у нас мамы, ни моей, ни е г о́ в о й* (Устье Вытег., к. Карел.); *К ейной родни поедут, да к е г о́ в о й*; *С е г о́ в о й матерью ворожили* (Усть-Цилем., к. Печор.); *Ты на е г о́ в о й лодке ходил в Усье* (Нерица, к. Печор.); *И е г о́ в ы х робят не пожалиет* (Пудож., к. Карел.); *Рассказывает е г о́ в ы м родителям* (Усть Цилем., к. Печор.); *Была с е г о́ в ы м и робятами у нас* (Юрас Пинеж Арх.) и др.

В записях фольклора Севера отражено употребление кратких форм: *Выходила е г о в а матушка на сходенки* (Арх. былины III, 615); *Балалайка, балалайка, балалайка, стуколка, мой миленок ягодинка, я е г о́ в а куколка* (Марьина Горка. Пинеж. Арх., Симина).

Колебание кратких и полных форм в дат. п. ед. ч. мужского рода: *Вот едет* [Илья] *к е г о в у* [Соловья разбойника] *двору*; *Спустил Добрыня к е г о в о м у коню своего коня* (Астахова. Былины Севера).

В говорах Пинежья отмечены формы тех же притяжательных местоимений с начальным *н*: [12] *Ето н е г о́ в парень, брюхан екой*; *А хоть бы н е г о́ в ы кости посмотреть*; *Н е г о́ в о г о коня бутто череп лаежит* (д. Кучка); *Мы на н е г о́ в о й заработок и жили* (Юрас.) Формы *негов* и другие с начальным *н* отмечены в записях Мансикки в 1912 г. в Шенкурском у. Архангельской губ.[13]

---

[12] Симина Г. Я. Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970, с. 115—116. Автор объясняет образование притяжательных местоимений с протетическим *н* (*негов, а, о*) употреблением в этих говорах протетического *н* и в формах личных местоимений 3-го л. (*него, ней, них*) не только после предлогов, как в литературном языке, но и в беспредложных конструкциях типа увидел *него*.

[13] Мансикка В. О говоре Шенкурского у. Архангельской губ. — Изв. ОРЯС, 1912, кн. 2.

Формы притяжательного местоимения *егов* отмечаются в памятниках русской письменности XV—XVII вв. В Материалах Срезневского слово *егов* 'его', определяемое как притяжательное прилагательное, иллюстрируется примерами из памятников, в которых употребляются формы по именному склонению: *е г о в и хытреци* (им. п.), *рабы е г о в ы* (вин. п.), *е г о в а дерзновения*, *царству е г о в у*, но в твор. п. мн. ч. *е г о в ѣ м и оуды дѣйствжеть*.

В картотеке ДРС имеются и другие примеры (10) на употребление форм местоимения *егов* в памятниках церковной и деловой письменности XV—XVII вв. Приведем некоторые из них:

Тако жъ на друге говоритъ Величество Королево, да *Егова* Свѣтлость тверда есть. . . (1488 г.) [14] — . . .тако ж и имѣніе свое даль бгу и стѣи церкви и брати и ѓже нѣ *егово*, но црквное.[15] Леонтіа же оуби со Авсимаромъ. . . *еговѣмъ* скипетромъ.[16] Колику же бѣду имать священикъ егда *еговымъ* небреженіемъ изыдетъ отъ жития сего лишенъ таковыя спасительныя благодати[17]. . . единъ дастся *егову* ученику, иже и предастъ его отцемъ нашимъ.[18] Первое *егова* лишения ради отсюднаго удаления. . .[19] и др.

Фасмер относит слово *еговъ*, образованное от род. п. *его*, к лексике древнерусского — церковнославянского языка. Местоимение *егов* включается в словари XVIII в. (Поликарпов). В Словаре 1809 *егов* определяется как местоименное прилагательное вместо слова *его* (ч. II).

В середине XIX в. при составлении академических словарей слово *егов* относится к лексике книжно-церковной. Оно включается в Словарь 1847 с пометой «церк.» и в Словарь 1858. Но в областных словарях того времени — в Опыте 1852 и Доп. 1858 — это местоимение не приводится. Первые данные об употреблении *еговый* в говорах включаются лишь в Словарь 1897.

Притяжательное местоимение, образованное от формы *его* с тем же суффиксом *-ов*, но с протетическим *н*, как в некоторых архангельских говорах, употребляется в современных южнославянских языках: болгарском (*негов*, *о*, *а*), сербском (*негов*, *о*, *а*), македонском (*негов*, *о*, *а*), и словинском (*njegov*, *o*, *a*), в которых оно входит и в систему литературного языка.

---

[14] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. СПб., 1851 с. 160.

[15] Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни Псковской земли. Прил. 1. Иноческий устав преп. Ефросина XV в., сп. XVI в. — ЧОИДР, 1908, кн. 4, 523.

[16] Хронограф. ред., 1512. — ПСРЛ. Т. 22, СПб., 1911, с. 313.

[17] Стоглав. Изд. 2-е. Казань, 1887, с. 101.

[18] Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. Вып. III. СПб., 1862, с. 83.

[19] Временник дьяка Ивана Тимофеева (сп. XVII в.). — В кн.: Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925, с. 438—439.

Остальные притяжательные местоимения, образованные от основы *его*, малоупотребительны в говорах и зафиксированы в материалах в немногочисленных примерах. Местоимения *егоный (егонный)* в опубликованных словарях не отмечены.

Отдельные примеры на употребление этих форм находим в записях говоров Архангельской и Мурманской областей последнего времени: *Она после за е г о́ н н о г о брата вышла* (к. Пинеж.); *Голос-то е г о́ н н ы й*; *Е г о́ н н а мати постарше ей*; *Е г о́ н н о й руки никто не разбирали*; *В е г о́ н н о й квартире живут какие-то други* (Мурман., Меркурьев).

Единичные примеры с употреблением этих форм отмечены в картотеке псковских говоров в южных районах области, соседних с БССР.[20] *Я γ о н ы й γарод атабрать* (Черные Стайки Невельск.); *На каню я γ о́ н н а я аброть* [узда] (Анненск Себеж.) и на севере в Гдовском р-не: *Е г о́ н н а я песня теперь спета* (Луневщина).

Местоимение *его́вный(ий)*, образованное от основы *его* посредством суффиксов *-ов-н-*, также не отмечено в опубликованных словарях. Представлено в отдельных записях в говорах Архангельской, Мурманской областей и в КАССР: *Это е г о́ в н а сеть*; *Е г о́ в н а лапа была вережена* (к. Пинеж.); *Е г о́ в н ы й отец из Порьи Губы* (Мурман., Меркурьев); *Е г о́ в н а мать так не ругала* (Пудож., к. Карел.).

Местоимение *его́нов*, образованное от формы *его* при помощи суффиксов *-н-ов-*, отмечено только в СРНГ: *его́нов, а, о* — то же, что *еговый* с пометой Вытег. Олон. Указывается это местоимение А. Грандилевским (Холмогор. Арх.), но в словарь не включено. Один пример отмечен в картотеке псковских говоров: *Жена е г о́ н о в а* (д. Суханова Остр.).

Таким образом, все местоимения, образованные от формы *его*, зафиксированы в севернорусских говорах, кроме отдельных примеров, отмеченных в говорах Псковской обл.

* * *

Притяжательные местоимения, образованные от формы род. п. ед. ч. мужского и среднего рода *ево* личного местоимения 3-го л., шире представлены в говорах русского языка, чем местоимения, образованные от формы *его*, и зафиксированы в более разнообразных вариантах: *евóй, евóв, евóвый, евóвный, евóн, евóный, евóнный, евóйный, евóнов, евóновый, евóйнский, евóшный, евóцкий.*

Образование притяжательного местоимения от основы *ево* без суффиксов характерно только для формы *евой, ева, ево* в значении ‘принадлежащий ему’, зафиксированной в русских гово-

[20] В словаре белорусского языка местоимение *ягоны* имеет помету «обл.». Белорусско-русский словарь. Под ред. акад. К. В. Крапивы. М., 1962, с. 306.

рах на Колыме (Богораз). Только эта запись вошла в СРНГ (т. VIII).

Остальные местоимения, образованные от формы *ево* посредством суффиксов, неодинаково употребляются в говорах русского языка.

Наиболее распространенными в говорах являются формы *евóный, евóнный*, образованные при помощи суффиксов *-н-* и *-нн-*, реже отмечена краткая форма *евóн*.

Местоимения этого образования нашли широкое отражение в опубликованных областных словарях с середины XIX в. до изданий 70-х годов XX в.: *евоный, ая, ое* ‘ему принадлежащий’ (Вышневол. Твер.) и *евоный* (Пск. Опоч. — Опыт 1852); *евоный* ‘его, ему принадлежащий’ (Твер., Пск., Петерб., Даль); *евоный* (Петрозав., Вытегор., Лодейноп., Куликовский); *евонный, ая, ое* — притяжательное местоимение (Вышневол., Кадн., Грязов., Новг., Верхот., Ростов., Данил., Моск., Кологр., Вытегор.); *евоный, ая, ое* (Опоч., Буйск., Новг., Крестец., Старор., Демян., Бельск.); *евоной* (Лужск., Петерб., Онеж.); *явоный* (Остров. — Словарь 1897); *евоный, ая, ое* — притяжеательное местоимение от личного 3-го л., ‘принадлежащий ему’ (Кашин., Смирнов); *евоный* ‘принадлежащий ему’ (Красн., Смол., Добровольский); *евонный (ой), эвонный(ой)* ‘его’ (Яросл., Мельниченко); *евонный* ‘его’ (Подмоск., Иванова); *евонный* и *евоный, ая, ое* ‘принадлежащий ему, его’ (СРНГ) — с указанием большой территории распространения; *евоный, ая, ое* (Опыт, Калин.); *евонной, ая, ое* (Соликам., Беляева); *евонный, ивонный, явонный* (Слов. Донск.); *евонный* (Слов. бассейна Оби).

Местоимение *евоный (евонный)* широко отражено в картотеках областных словарей и в описаниях отдельных говоров. По нашим материалам, они отмечены в говорах северно-, среднерусских и некоторых южнорусских на территории европейской части СССР, на Урале и в Сибири. При этом в некоторых говорах, преимущественно северо-западных, эти формы широко употребительны, в других — зафиксированы в менее многочисленных примерах. В говорах Севера европейской части они отмечаются спорадически наряду с более распространенными формами, образованными от основы *его*.[21]

Краткие формы и полные формы местоимения отражены неравномерно в разных падежах.

В им. п. мужского рода употребляется преимущественно полная форма *евóнный, евóный (ой, ай)*: *Дом е в о́ н н о й тут через ручей* (Подпорож. Ленингр.); *А в двери попал хвост е в о́ н н ы й* (Шуя Прион., к. Карел.); *Ето наш огород, а вон е в о́ н н о й* (Соликам. Перм.); *Брат е в о́ н н о й там живет* (Котлас.

[21] В говорах Пинежского р-на форма *евоный* почти не встречается (С и м и н а Г. Я. Пинежье. . ., с. 112—113). В Шенкурском у. Архангельской губ., по записям Мансикки, формы *еговый* и *егоный* — в северной части уезда, а *евонный* преобладает на юге (Изв. ОРЯС, 1912, кн. 2, с. 116).

Арх.); *Е в о́ н н ы й отец пришел с работы* (Моск., Иванова) *Все е в о́ н н о й лес был* (Опочк. Пск.); *Е в о́ н а й отец* (Краснояр.) и др.

Краткая форма *евóн* отмечена только в псковских говорах: *Весь инвентарь е в о н цел* (Стругокр.); *Брат е в о н умер* (Печор.) и др.

В им.-вин. п. женского и среднего рода ед. и мн. ч., в материалах встречаются полные и краткие формы: *Мать е в о́ н н а зиму прожила* (Стояницы Новолад. Ленингр.); *Е в о́ н н а я мать не гораздо хорошая была* (Сорожа Тихв. Ленингр.); *Е в о́ н н а мать мне сноха доводитца*; *Баба-то е в о́ н н а я и заголосила* (Каргоп. Арх.); *Умрет, так е в о́ н н а я доля ей достанетца* (Черепов. Волог.); *Шапку-то, отдай, она ведь е в о н н а я* (Соликам. Перм.); *Пришла е в о́ н н а я старуха* (Новосокол. Пск.); *Оттуль жонка я в о́ н н а* (Новорж. Пск.); *С женихом е в о́ н н а я родня приходила* (Ежи Пышк. Том.); *Ента ш и в о́ н н а я баба таргуить* (Рост.).

Дали мне за е в о́ н у шкуру хоть копейку (Устье Остр. Пск.); *Я я в о́ н н у ю тарелку ставлю на скамейку* (Меленка Остр. Пск.); *Я сижу, е в о́ н н у зыбочку качаю* (Пальма Пудож., к. Карел.) и др. *Колечко мне е в о́ н н о дали* (Княщина Волхов. Ленингр.); *Е в о́ н н о е всё с собой* (Соболицы Новорж. Пск.) и др.

Родители-то е в о́ н ы подали на суд (Дерево Чуд., к. Карел.); *Я в е в о́ н н ы годы тоже уже работала* (Мустиничи Лодейноп.); *Девки-то по городам е в о́ н н ы е* (Сабурово Устьян. Арх.); *Е в о́ н н ы и да маи радныи приедут* (Староселье Тосн. Ленингр.); *Е в о́ н ы е дети бегают* (Чуровская Шексн. Волог.); *Е в о́ н ы кости не портютца* (Стругокрасн. Пск.) и др.

В косвенных падежах ед. и мн. ч. употребляются только формы, изменяемые по типу склонения полных прилагательных.

Мы е в о́ н н о в о глазу боялись (Княщина Волхов. Ленингр.); *Спросили по адресу е в о́ н н о м у* (Н. Торжок Кирил.); *Брату и в о́ н а м у* (Краснояр., Гриб.); *В жиру е в о́ н о м пожарили* (Мурман., Меркурьев); *С я в о́ н н ы м аццом мучилась целый год* (Себеж. Пск.) и др. *Дружили с и в о́ н н о й сестрой* (Русса Новг.); *Пришла к е в о́ н н о й матери* (Пинеж. Арх.); *В гостях у е в о́ н н о й родни* (Челмужи Медв., к. Карел.) и др.

Протиф е в о́ н н ы х трудно пойти (Ст. Ладога Волх. Ленингр.); *Она осталась у е в о́ н н ы х родителей* (Карг. Арх.); *По е в о́ н н ы м годам мог бы концать дисятилетку* (Островцы Гдов. Пск.); *Мать с жонкой и я в о́ н ы м дитям живет* (Тучи Пушк. Пск.) и др.

Местоимение *евонный (евоный)* отмечается в записях фольклора: *Помещик придумал, чтобы Иван украл деньги с е в о н н о й комнаты* (Ончуков. Северные сказки); *Король сиздальки увидал, что возвращаются полковники и е в о н н а я дочь* (Зеленин. Велик. ск. Вятской губ.); *Пущай мой острый меч погнется, а е в о н н ы й трон кровью обольется* (Ончуков. Народные драмы); *Полюбился парень*

девке, за е в о н о й голосок отдала с кистями поясок (Пск., Копаневич).

Местоимение *евойный*, образованное от той же основы *ево*, являющееся вариантом формы *евоный*, менее распространено в говорах. Оно указывается только в некоторых словарях: *евойный, ая, ое* (Опыт 1852); *евойный, ая, ое* ‘ему принадлежащий’ (Даль); *евойный, ая, ое* вместо *евоный* (под влиянием *ейный*) имеет то же значение, что форма род. п. *его* (Вышневол. — Словарь 1897). В СРНГ на основании имеющихся материалов указывается территория распространения этого слова: Твер., Новг., Пск., Яросл., Забайк., Сиб.; *евойный, ая, ое* включено в Опыт Калин.

Единичные примеры на употребление этого местоимения в современных говорах находим в картотеках псковских говоров и говоров Карелии: *Тапили баню с я в о́ й н о й жонкой вмистях* (Хмелево Великолукск. Пск.); *Снасила я пяренник та я в о́ й н а й* (Дед. Пск.); *За е в о́ й н ы й рюкзак*; *За зайцами не е в о́ й н о е дело бегать* (Шолтопорог Медв., к. Карел.).

Местоимение *евóнов, евóновый*, образованное от основы *ево* при помощи суффиксов *-н-ов-*, имеет также менее широкое распространение, чем местоимение *евоный, евонный*, и употребляется преимущественно в говорах северо-запада, отмечено в словарях с середины XIX в.: *евóнов, а, о* ‘ему принадлежащий’ (Новг., Доп. 1858); *евонов* (Даль); *евоновой* (Олон., Куликовский); *евонов, а, о* (Луж. Петрозав.) и *евоновый, ая, ое* (Петрозав. — Словарь 1897); *евóнов* ‘его, принадлежащий ему, относящийся к нему’ (Грандилевский). В СРНГ приводятся формы *ёвонов* (Новг.), *евóнов* (Север., Твер., Петерб.); *евóновый, ая, ое* (Север., Олон).

По материалам картотеки ПОС, местоимение *евонов, евоновый* распространено также в современных псковских говорах. Краткие формы встречаются в им.-вин. п.: *Я в о́ н о в тесть карову та купил* (Пашково Остр.); *Жонка я в о́ н ъ в а вывцилась на дактарицу* (Пашково Остр.); *На я в о́ н о в у мальбу даверилась* (Зехнево Остр.); *Я в о́ н ъ в ы дяди на другим канцы* (Кириллово Порх.) и др.

Полные формы отмечены в отдельных примерах в им.-вин. п. ед. ч. мужского рода и в косвенных падежах: *Е в о́ н ъ в ы й кастюм какой-тъ куплин* (Страшево Остр.); *Весь белый свет на я в о́ н о в о й галаве* (Блины Остр.); *Мы пользовались зямлей я в о́ н ъ в ъ й* (Марково Палк.).

Местоимение *евóшный*, образованное от основы *ево* посредством суффикса *-шн*, не было зарегистрировано в опубликованных словарях XIX в. В СРНГ *евошный, ая, ое* — то же, что *евонный* (Валд. Новг. — Архив АН).

По нашим материалам, можно добавить записи этого местоимения в говорах Калининской (Лихослав., Новоторж. и Погорел. — Опыт Калин.) и Псковской областей.

Местоимение *евóшный* в значении ‘ему принадлежащий’ встречается в записях в Гдовском р-не Псковской обл.: *Е в о́ ш н ы й*

дом старай; *Е в о́ ш н а девачка вас вадила*; *Е в о́ ш н ы письмы ани читали* (Якушино); *Лошадь встала я в о́ ш н а*; *С Иванова дни хадили испалу каситъ гаспадам: два воза барину, да мне на е в о́ ш н о й пожни* (Чорно, к. Пск.).

Местоимение *евóйнский, ая, ое*, образованное от формы *ево* посредством суффиксов *-ин-ск-*, включено только в СРНГ на основании рукописи Верещагина из Вятской губ. 1892 г. А. А. Шахматов рассматривает это местоимение как новообразование в Великорусской обл. наряду с формами *нашинский, вашинский*.[22]

Остальные варианты притяжательных местоимений (*евов, евовый, евовный, евоцкий*), образованные от основы *ево*, записанные лишь в отдельных говорах русского языка, не отражены в опубликованных областных словарях.

Местоимения *евов, евовый*, образованные от основы *ево* посредством суффикса *-ов-* отмечены в единичных примерах в картотеках Псковского и Карельского словарей.

Е в о в ы народ приедя (Лужск., Гдов.); *Е"вóвъй не"вестки се"стра, так сватьей звали* (Клин Слан., к. Пск.); *Евóвы сёстры на Мурмане живут* (Шушерино Карг. Арх., к. Карел.).

Местоимения *евóвный, евóвна* в значении 'его', образованные от основы *ево* посредством сложного суффикса *-ов-н-*, отмечены только в псковских говорах в единичных примерах: *И в о́ в н а систра тамыча живет* (Ветвеник Гдов); *Брат я в о́ в н ы й никогда ни заругался черником* (Загривье Слан., к. Пск.).

Местоимение *евоцкий (яволкий)* отмечено только в записях Косогорова (Мещов. Калуж.).

Все притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му л. ед. ч. мужского рода, образованные от формы *ево*, являются новообразованиями русского языка и не имеют параллелей в других славянских языках, где, как мы говорили, наблюдаются лишь образования от формы *его* (см. выше, с. 134).

Из рассмотренных нами диалектных притяжательных местоимений в языке писателей используются лишь самые распространенные в говорах формы *евоный* и *евонный*. В картотеке Словарного сектора ИРЯЗ АН СССР собраны примеры на употребление их в языке писателей второй половины XIX и XX вв. (Г. Успенского, Салтыкова-Щедрина, Короленко, Бунина, Леонова, Маяковского), преимущественно для передачи особенностей речи персонажей. Отдельные случаи зарегистрированы также на употребление местоимения *евойный*. Некоторые примеры с этими местоимениями в языке писателей с пометой «прост.» приводятся в Словаре 1897.

Итак, в русских народных говорах, по записях XIX—XX вв., употребляются разные варианты диалектных форм притяжатель-

---

[22] Шахматов А. А. Историческая морфология. . ., ч. III, с. 361—362.

ных местоимений, обозначающих принадлежность 3-му л. м. р. ед. ч. в соответствии с формой *его* литературного языка.

Различия вариантов форм одного значения объясняются особенностями образования этих местоимений: с одной стороны, образованием их от разных форм род. п. ед. ч. личных местоимений 3-го л. (*его* или *ево*), употребляющихся в разных говорах, с другой — различием в способах образования от этих форм. Более продуктивным является суффиксальное образование притяжательных местоимений при употреблении немногочисленных суффиксов: *-ов- (егбв, егбвый, евбвый)*; *-н-, -нн- (егбный, егбнный, евбн, евбный, евбнный)*; *-ов-н- (егбвный, евбвный)*; *-н-ов- (егбнов, евбнов, евбновый)*; *-шн- (евбшный)*; *-ин-ск- (евбйнский)*. Образование без суффиксов характерно лишь для местоимения малоупотребительного (*евой, о, а*).

Разные варианты притяжательных местоимений имеют неодинаковое распространение в говорах русского языка. Наиболее употребительны местоимения *евбный*, *евбнный* (образованные от формы *ево*) и *егбв*, *егбвый* (от формы *его*). Значительная группа притяжательных местоимений (*егбный*, *егбнный*, *егбвный*, *егбнов*, *евбй*, *евбн*, *евбв*, *евбвый*, *евбвный*, *евбйнский*, *евбцкий*), по нашим материалам, малоупотребительна. Эти местоимения отмечены в записях отдельных говоров с немногочисленными примерами.

Есть основание предполагать, что не все имеющиеся в говорах притяжательные местоимения в настоящее время зафиксированы. Собирание новых материалов и уточнение распространения уже известных притяжательных местоимений должно продолжаться. Диалектные притяжательные местоимения нашли недостаточное отражение в опубликованных областных словарях. В ряде областных словарей, как мы уже говорили, эти слова не включены (см. примеч. выше, с. 130). Некоторые из рассмотренных нами местоимений (*егоный*, *егонный*, *еговный*, *евов*, *евовый*, *евовный*) в опубликованных словарях пока не отмечены. Некоторые местоимения, например *егов*, *еговый*, слабо отражены в опубликованных областных словарях XIX в., хотя широкое распространение их в современных севернорусских говорах, имеющих форму род. п. *его* (с *г* взрывным), а также наличие этих местоимений в памятниках письменности (XV—XVII вв.) не дает основания для предположения о позднем развитии этих форм в диалектах.

Н. В. ПОПОВА

Двойные предлоги и способы их распознавания в фольклорных и диалектных записях

Литературному языку известно небольшое количество двойных предлогов: *из-за*, *из-под*, *по-за*, *по-над* и *по-под*, при этом последние три воспринимаются как просторечные или областные.[1] В диалектах и фольклоре функционирует значительно большее число двойных предлогов, но работ, посвященных их изучению и описанию, немного. О них коротко упоминает Ф. И. Буслаев,[2] описание сдвоенных предлогов (разновидность двойных) содержится в статье В. И. Чернышева,[3] изучению функционирования двойных предлогов в диалектах и фольклоре посвящены статьи Е. П. Луповой, И. К. Зайцевой, Ф. Л. Скитовой, Г. В. Судакова, Н. В. Поповой.[4] Авторы статей отмечают неразработанность этой темы. Так, Е. П. Луппова пишет: «Мы располагаем лишь скудными сведениями по истории двойных предлогов. . . еще не все двойные предлоги выявлены в говорах русского языка».[5]

Выявление этих предлогов в записях устной речи прошлого века крайне затруднено не только по причине редкого их употребления, но также из-за большого разнобоя в написании однотипных предложных конструкций, что объяснялось, с одной стороны, неустойчивостью орфографической традиции, а с другой — не-

[1] См.: Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952, с. 659.

[2] Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. СПб., 1881, с. 175.

[3] Чернышев В. И. О некоторых русских префиксах и предлогах. В кн.: Язык и мышление. Т. XI. М.—Л., 1948, с. 376—394.

[4] См.: Луппова Е. П. Двойные предлоги в русских народных говорах (на материале говоров Кировской области). — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 111—125; Зайцева И. К. Предлоги в языке русской народной песни. — В кн.: Южнорусские говоры и памятники письменности. Воронеж, 1964, с. 19—102; Скитова Ф. Л. Двойные предлоги и сочетания с ними в говорах Пермской области. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1960, т. 16, вып. 1, с. 13—28; Судаков Г. В. Двойные предлоги. — Русская речь, 1972, № 2, с. 124—126; Попова Н. В. 1) Случаи забытого употребления предлога *по-за*. — В кн.: Диалектная лексика. 1973, Л. 1974, с. 163—172; 2) Отсубстантивная бесприставочная лексика с суффиксом *-ье* (*-ие*) в фольклорных и диалектных источниках. — В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976, с. 123—131.

[5] Луппова Е. П. Указ. соч., с. 125.

прочностью двойных предлогов, стремящихся к распадению на простой предлог и приставку.

Двойные предлоги обнаруживают тенденцию сочетаться с постоянным, довольно узким кругом существительных. В фольклорных произведениях мы сталкиваемся с определенным стереотипом предложно-падежных конструкций, в которых идентичный текст может быть представлен в различном оформлении — то как конструкция с двойным предлогом, то как сочетание простого предлога и существительного, имеющего в качестве приставки второй компонент двойного предлога. Таким образом, одна и та же фраза получает различную лексикографическую интерпретацию. Так, предлог *в-за* в СРНГ помещен отдельной статьей с такими иллюстрациями: *Перевезите в-за реку. Не ходи далеко в-за лес. В эту сторону ходил, в-за Шую.* В словарной статье *зарека* в СРНГ находим пример: *Сходь-ка в зареку за коням.* Собиратель уточняет: *в зареку* вм. *за реку.* Очевидно, здесь имеет место разрыв двойного предлога на простой и приставку под влиянием функционирующей в говорах лексемы *зарека*: *Зарека есть у нас, пашня там была.*

Хоть мы и имеем в некоторых областных словарях отдельные попытки лексикографической интерпретации того или иного сложного предлога, однако при этом иллюстративного материала так недостаточно, а само явление это так слабо изучено, что представляется совершенно необходимым рассмотреть подобные стереотипные конструкции, которые позволяют предполагать наличие в них двойных предлогов.

Учитывая чрезвычайно редкое употребление двойных предлогов, остановимся на примерах, содержащих непривычное комбинирование предложных компонентов, не закрепленное традицией. *На-окол*: *Как снежечки быдто тают на-окол огней* (Барсов. Причитания). *К-под*: *Улетела та сошка к-под облакам* (Рыбников). *С-по*: *Я с-по лугам шла, да по-прилугам шла* (хороводная песня. Волог.). *Що не по бору хожу, Да не с-по сырому брожу. Я-то с-по жердочке шла, Да я-то с-по тоненькой, Да с-по сосновенькой* (хороводная песня. Волог.) *Из-по*: *Из-по бережку, из-по бережку, Из-по бережку Иванушка сам шел, Из-по крутому, Из-по крутому, Из-по крутому Васильевич сокол* (Агренева-Славянская). *Из-по высокому по терему, Из-по сухому ли по дереву Вытекла река медовая, Идет матушка крестовая* (там же). *Из-по реченьки плывет да сера утушка, Эта утушка плывет да потихошеньку* (там же). *И станешь торговать ты, чадо милое, Чадо милое, дитя любимое, Из-по имени Иванушко Гостиный сын* (Рыбников). *По-у*: [Гнетея] *ложится у человека по-у ребре, аки камень, вздохнуть не дает, с души сметывает* (Майков. Великорусские заклинания). *В-на*: *Был в-на Зацепе* (название места). (Орл., СРНГ). *По-вз*: один из собирателей областной лексики отмечает: «Употребляются и сложные предлоги: *по-над, по-вз, по-над берегом, по-взлесом, повзручьем* и пр.» (Курск., Архив АН СССР). *На-во*: *Первой застав на-во ускок скакну* (Былины Печоры и Зимнего Берега). *До-за*:

Локоть — мера длины. . . от конца пальцев до-за локтя (Протопопов, Ярен. Волог.). *По-об*: *Идти опушкой леса. . . по-об раменью* (Даль). *По-обоконьям шляться* (Пск., Твер., Опыт 1852). *По-на*: *Вышла я по-на берег гляжу. По-на дер землю сыпашь* (Сенкевич. Словарь говоров Южного Урала). *По-с*: *Мы этим леском шли по-с покосу, ну и набрали груздей* (там же). Даже неполное перечисление сложных предлогов на фоне цитатного материала показывает пестроту и необычность их употребления. Здесь собраны предлоги: *в-за*, *по-под*, *по-на*, *до-за*, *по-у*, *с-по*, *на-за*, *за-на*, *на-вы*, *за-вы*, *по-об*, *к-под*, *в-на*, *на-окол*, *по-при*, *по-вз*, *из-по*; первые три (*в-за*, *по-под*, *по-на*) отмечены в «Русской диалектологии» [6] и в указанной статье Е. П. Лупповой, *до-за* и *с-по* приведены только в статье Е. П. Лупповой, предлоги *в-за* и *в-на* помещены отдельными словарными статьями в СРНГ; остальные же остаются пока вне поля зрения лексикологов. Материалы картотеки СРНГ показывают, что сложные предлоги в живой речи распространены в говорах Сибири, на русском Севере, а также в областях, граничащих с Украиной, Белоруссией, вероятно, при поддержке этих соседствующих языков, где двойные предлоги продолжают активно жить и в литературном употреблении.

Извлеченный из различных источников цитатный материал в общей сложности настолько скуден, что не позволяет разработать значение каждого из предлогов. Наша задача — представить самый факт существования предлогов, способы их нахождения в орфографически затемненных текстах и попытаться найти разумные пути их лексикографирования. Все сказанное относится также и к разновидности сложных предлогов — сдвоенным, на которые указал В. И. Чернышев, назвав их «замечательным явлением, не обратившим на себя достаточного внимания. . . К сожалению, — пишет он, — русские исследователи и наблюдатели часто не замечали и не всегда правильно оценивали указанные нами факты русского языка».[7] В. И. Чернышев отметил предлоги *во-во*, *со-со*, *на-на*, *ко-к*. В СРНГ предлог *во-в* показан в словарных статьях *Вов* и *Вова*, находим его и в записях Богораза: *Жена, поди, давно вов Питере* (Олон., СРНГ). *Вова все село слух и пустит* (Калуж., СРНГ). *Ну охто, братцы-робяты, Во в том Питере бывал?* (Колым., Богораз). *Со-с*: Словарь бассейна Оби помещает *со-с* отдельной словарной статьей, сопровождая примером: *Дом со-с подвалом у них. Хлеб со-с маслом* (Том.). В записях А. Селищева читаем: *Только что выехал сос лесу* (КСРНГ). *Ко-к*: предлог этот в записях Д. К. Зеленина не узнан, воспринят как междометие и сопровожден восклицательным знаком: *Гок! святым мученикам, гок святым мученикам, запрестольным иконам. Просим и молим: спасите коров и быков* (Новг.). В. И. Чернышев сумел уви-

---

[6] См.: Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 177.

[7] Чернышев В. И. Указ. соч., с. 376.

деть здесь удвоение предлога *ко-к*. Существование предлога *к-ко* подметил и использовал в повести «Леон-дворецкий сын» Н. Лесков: «Если она придет к ковсеношне или к кабедни, я ей дам просвиру. . .» (Лесков). *На-на*: *Наиграйтесь, души красны, И на-на год, и на-на два, И на-на век, и на-на век* (песня). *По-по*: *Не вей гнезда по-по стрещику* (Смол., Добровольский). Примеры на употребление предлога *по-по* содержатся в указанной выше статье Е. П. Лупповой, а также в иллюстративной части Красноярского областного словаря и в Словаре говоров Южного Урала В. А. Сенкевича. Хоть в некоторых областных словарях и дана попытка лексикографической интерпретации отдельных сложных предлогов, однако собранного материала и его описания пока еще недостаточно. Так, не уточнены границы распространения каждого из предлогов, стилистические пласты, где он активно функционирует или функционировал, в каких случаях он является конкурентом первообразного предлога, взаимозаменяемы они или нет и множество других вопросов. Для лексикографа важно прежде всего суметь распознать его в любом орфографическом обличье. Можно отметить три способа написания сочетания с двойными предлогами: 1) двойной предлог на письме выделяется; 2) он представлен на письме в виде простого предлога и приставки; 3) двойной предлог дан в слитном написании как приставка. Типичный пример представляют записи выражения *ходить по-под оконьям*. Мы имеем и слитное написание (*поподоконьям)*, и записи, где выделен сложный предлог, но больше записей, где этот предлог разорван на простой предлог *по* и приставку *под- (подоконье)*, чему способствует наличие в языке лексемы *подоконье*, тогда как *оконье* осталось жить лишь в басне: *С истертою и ветхою сумой Бедняжка нищенький под бконьем таскался*.

Неразличение двойных предлогов на письме связано с общим процессом разложения их или с утратой лексического компонента из речевого обихода. Лексика записей относится к хронологически разным пластам, фольклорные записи отражают иные грамматико-синтаксические связи, чем записи бытовой речи прошлого и текущего столетий, так что трудно считать какое-то одно написание верным, а остальные ошибочными. Иногда выявление двойного предлога в записи, где он не выделен собирателем, помогает устранить смысловую несуразность, создаваемую неразличением этого предлога на письме. Таким путем созданная искусственная лексика имеет обыкновенно разовую фиксацию, она уникальна и с существованием ее в живой речи трудно согласиться, разве только если признать эти словоформы окказиональными. Так, среди примеров на употребление сдвоенного предлога *во-в* примечателен тот, в котором во избежание употребления непривычного двойного предлога изобретается новое название города: *Ва славнам ва горадзи ва Вримя* вместо *во-в Риме*.[8] Имеются отдельные при-

[8] См.: Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, с. 219.

меры строенных предлогов. О них также упоминается в статье В. И. Чернышева (*со-со-со*). Учитывая, что записи в основном относятся к фольклорным текстам, В. И. Чернышев отводил определенную роль ритмическому строю речи, «где данное словоупотребление поддерживается ритмом».

По мере накопления данных такого рода представится возможной лексикологическая разработка значений каждого предлога в отдельности. Надеемся, что данная статья в этом случае окажется небесполезной.

Ю. Ф. ДЕНИСЕНКО

Из историко-лексикологических комментариев к Псковским летописям. *По закустовью* или *по-за кустовью?*

Данная заметка — продолжение наших наблюдений о лексике замечательного памятника средневековья — Псковских летописей (Пск. лет.),[1] памятника с яркой диалектной окраской.[2]

Нас интересует в первую очередь местная лексика (слова с ограниченной территорией распространения в период средневековья); в задуманной серии заметок в центре внимания будут слова, исходная форма которых или семантика нуждаются в специальных комментариях; это по преимуществу слова узколокальные.

В группу узкоареальной лексики входит немало слов с «хронологически ограниченной историей», по характеристике Б. А. Ларина, которые «представляют большой интерес для исторической лексикологии потому, что в отличие от слов. . . очень широко засвидетельствованных. . . непременно сигнализируют какие-то пороги, перепады в истории словарного состава. Собрать больше материала такого рода — и появится возможность ближе характеризовать и установить эти перепады».[3] Сходные образом понимает частную разновидность такой лексики Ж. Ж. Варбот: «„Темные“ редкие слова в памятниках письменности имеют прямое отношение к процессам утраты древних лексем и появления новообразований, не закрепившихся в языке. . . среди „темных“ редких слов могут оказаться реликты утраченных впоследствии основ».[4]

---

[1] Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955.

[2] По признанию М. Н. Тихомирова, Пск. лет. носят «еще более яркий местный отпечаток», чем Новг. лет. (Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в. М., 1962, с. 180); Б. А. Ларин в заметке 1963 г. также отмечал, что Пск. лет. — памятник, «выдающийся своим местным колоритом» (ПОС, с. 3).

[3] Ларин Б. А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару). — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избр. работы). М., 1977, с. 21.

[4] Варбот Ж. Ж. Определение значений и этимологизация «темных» редких слов из памятников письменности. — В кн.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 2. М., 1975, с. 6.

Наша первоочередная задача — собрать побольше такого материала для характеристики псковских говоров средневековья и на этой основе сделать возможные наблюдения о развитии лексики этих говоров (как и самих говоров). Образцами при этом служили и служат многочисленные к настоящему времени комментарии к одиночным словам или сочетаниям, к группам слов отдельных памятников русской письменности и главным образом Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»,[5] причем мы стремились усилить исторический комментарий к лексике памятника более подробными и детальными параллелями из народных говоров [6] и, кроме того, поскольку нас интересует лексика местная, старались по возможности более строго определить ареальные характеристики наблюдаемых явлений.

Одна из записей Пск. I лет. под 1503 г. получила в разное время однозначное прочтение. В контексте «И князь псковскои Иван Горбатои начаша заганивати псковичь, чтобы не ѣхали розно, а они вси по закустовью. . .» [7] комплекс «по закустовью» понимается только как сочетание предл. *по* и сущ. в дат. п. *закустовье*. В таком написании передано это сочетание в процитированном издании (1941 г.), а также в предшествующем ему (1848 г.);[8] по изданию 1848 г. данная запись приводится без изменений И. И. Срезневским в Материалах (т. 1, с. 925) и в работе В. В. Ильенко.[9]

В других опубликованных источниках псковской письменности [10] выражения «по закустовью» обнаружить не удалось, однако при просмотре различных документов, адресованных псковским князьям, был найден интересный текст. В Отрывке царской грамоты 1651 г. читаем: «Да емужъ [жителю Опочки Татищеву] извещалъ псковской помѣщикъ Яковъ Бедринской, что нашъ дворцовый крестьянинъ велейскаго уѣзду Юрка Гайдуковъ говорилъ, что дворяном по черной тропѣ лежать *по закустовью*. . .» и далее отрицание принадлежности такого заявления Гайдукову: «А васка де Спировъ и судейка и крестьяне. . . сказали, что Яковъ Бедрин-

---

[5] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1—5. М.—Л., 1965—1978.

[6] Как, например, по отношению к «Слову о полку Игореве» осуществлено в работах С. И. Коткова или В. А. Козырева. См.: К о т к о в С. И. «Слово о полку Игореве» (заметки к тексту). М., 1958; К о з ы р е в В. А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах. — В кн.: Брянские говоры. Вып. 3. Л., 1975, с. 56—148.

[7] Цитируем по последнему изданию памятника (см. в списке сокращений источников), с. 88. Приведенный контекст содержится в двух списках. Пск. лет., восходящих к протографу 1547 г. — Погодинском второй половины XVI в. и во многом близком к нему списке Оболенского 1636 г.

[8] Новгородская IV и Псковская I летописи. — ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848.

[9] См.: И л ь е н к о В. В. Псковизмы в лексике Пск. I и Пск. II летописей. — Науч. зап. Днепропетровского ун-та, 1960, т. 70, вып. 17, с. 85 и след.

[10] Перечень их см.: ПОС, Приложение № 3.

ской съ Юркою Гайдуковымъ бранились, а воровских словъ, что дворяномъ лежать *по закустовью* и опочаномъ быть побитымъ, Юрка не говаривалъ» (Отр. грам. Алекс. Мих., с. 144—145). Как и в Пск. лет., «по закустовью» в этом тексте употребляется в составе глагольного сочетания и обозначает место совершения действия. И. К. Копаневич, подготовивший публикацию упомянутого отрывка грамоты, при передаче комплекса «по закустовью» (именно как сочетания предл. *по* и дат. п. сущ. *закустовье*) солидарен с издателями Пск. лет.

В итоге мы имеем по крайней мере пять одинаковых трактовок сочетания «по закустовью». А между тем грамматико-синтаксические и семантические условия реализации этого комплекса дают возможность и другого деления его на слова — как сочетания предл. *по-за* и сущ. в дат. п. *кустовье*.

Аргументы в пользу первой, традиционной, точки зрения таковы. Предлог *по* с дат. п. имени для обозначения места (сочетание отвечает на вопрос «где?») [11] является древним и широко распространенным, употребляется в различных жанрах письменности.[12]

Сущ. *закустовье* иллюстрируется у И. И. Срезневского только одним примером — цитатой из Пск. I лет.; [13] однако образовано оно по известной и распространенной модели (ср.: *заволочие* — название местности; *погорѣ (или пожже) загородье*, *заполье* такой-то улицы, *погорѣ застѣние*).[14]

В других собраниях лексики средневековья [15] удалось обнаружить еще одну фиксацию этого слова: «Досталось Григорью все *закустовье*. . . до межи до пожни до Голыя» (А. Уст., I, с. 157, раздельн. грам. 1569 г.); [16] *закустовье* употребляется здесь без предлога, и потому морфемный состав его не вызывает сомнений; при перечне наименований земельных владений в этом северовосточном тексте оно обозначает одно из угодий — либо ʿучасток,

---

[11] Ограничимся пока такой общей семантической характеристикой.

[12] См.: Материалы Срезневского, т. 2, с. 979; Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 489.

[13] Этот контекст, по нашему мнению, может быть интерпретирован иначе (или по крайней мере допускает двоякое истолкование).

[14] В обратном словаре к Материалам Срезневского представлено значительное число образований с *за-+-je* для обозначения определенной местности, урочищ (см.: Indeks a tergo do materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Sreznіewskiego. Warszawa, 1968); мы привели такие из них, которые употребляются в сочетаниях без предлогов и поэтому морфемный состав их несомненен.

[15] Были просмотрены существующие исторические словари, а также картотеки исторических словарей восточнославянских языков: русского языка XI—XVII вв. (ДРС; хранится в ИРЯЗ АН СССР), обиходного языка Московской Руси (ЛГУ), старобелорусского языка (ИЯ АН БССР), староукраинского языка (словаря XIV—XV вв. и исторического словаря Е. Тимченко; Ин-т общественных наук АН УССР).

[16] По данным картотек ДРС и Словаря обиходного языка Московской Руси.

поросший кустами', либо 'участок, находящийся за кустарником', поскольку приставке *за-* с именными основами свойственны оба эти пространственные значения.[17] В этой же грамоте упоминается *Закустовье* как собственное название пожни (с. 156).[18] Другие одноименные микротопонимы — названия сенокосных угодий — встретились в правой грамоте и росписи владений северо-западного (московского?) и северо-восточного собраний документов: «Да на пожнѣ на *Закустовьѣ* при монастырскихъ сѣнныхъ покосѣхъ. . .» (А. Гр. Распр. (Ф.—Ч.), II, с. 227); «Правая память. . . на пожню Нарью и на пожню *Закустовью*» (АХУ, I, с. 351); в АХУ, II, с. 1136, в источнике XVII в. упоминается *Закустовная пожня*.[19] В основе таких названий мог быть апеллятив (в значениях 'кустарниковые заросли, покрывающие какую-нибудь площадь несплошным массивом,' потому и использовались такие участки для сенокоса; или же 'место/места за кустарником'). Весь этот материал подтверждает наличие слова *закустовье* в период средневековья в пределах северо-восточных и северо-западных говоров, однако территориально все это достаточно рассеяно.

Не проясняют последней характеристики и материалы современного периода.[20] Нам известна одна фиксация слова в источниках русского языка, но она не подкреплена контекстом и не имеет географической пометы: *закустовье* 'место, покрытое кустарником' (Архив АН СССР); [21] в картотеке ПОС этот апеллятив не представлен. Из белорусских источников только в одном отмечаются микротопонимы — названия полей: *Закýстаўе* в минских и *Закустóўя* в гомельских говорах.[22] Если эти поля возникли на участках (пожнях), расчищенных от кустарника, то в основе их собственных наименований могло быть апеллятивное обозначение этих кустарниковых зарослей или места, на котором был кустарник. Однако возможно и другое: названия полей принадлежат к типу названий-ориентиров, отражающих местонахождение од-

---

[17] Ср. у И. И. Срезневского: при *загорье* 'место за горою' дано *заполки* 'участки поля', *залучие* сама 'излучина'; в Словаре Даля новг. *зараменье* наряду со значением 'полоса за раменьем' обозначает и 'все, что по соседству с межой, с границей известных владений, но не вне их', яросл. *заводье* 'мелкий речной залив' и т. п. (т. 1, с. 551, 561).

[18] Если при этом нет орфографического разнобоя, допущенного при издании источника, то такой параллелизм употребления апеллятива и микротопонима может свидетельствовать о большой их близости, о том, что собственным наименованием угодья могло стать его нарицательное обозначение.

[19] Все микротопонимы из нашей выборки.

[20] Использованы словари восточнославянских языков и их говоров, картотеки БАС, сводного СРНГ и таких региональных словарей: архангельского, печорского, псковского, брянского, смоленского, а также материалы архива диалектного лексического атласа белорусского языка.

[21] СРНГ. Вып. 10. Л., 1974. с. 181. Другие два употребления сочетания «по закустовью», трактуемые здесь как содержащие именно сущ. *закустовье*, могут быть поняты иначе, они приведены ниже, в группе примеров, допускающих двоякое истолкование названного комплекса.

[22] Мікратапанімія Беларусі. Мінск, 1974, с. 91.

ного географического объекта относительно другого (в представленных названиях — поля, находящиеся за кустарниковыми зарослями). В украинских источниках *закустовье* не отмечается.

Каковы же аргументы в пользу второй точки зрения?

Наряду с конструкциями «*по-за*+ вин. или твор. п. имени», имеющими восточнославянское распространение,[23] для выражения пространственных отношений употребляется также сочетание «*по-за*+дат. п. имени». Последняя особенность функционирования предл. *по-за* отмечается только на материале русских говоров и русского фольклора (в исследованиях последних десятилетий).[24]

Наиболее подробную и четкую семантическую характеристику получили употребления предл. *по-за* в конструкциях с дат. п. имени на материале кировских говоров в статье Е. П. Лупповой: 1) значение двойного предлога складывается из значения предл. *по* (распространение действия по какому-либо пространству) и значения предл. *за* (за чем-либо, позади чего-либо); *по-за* с такой семантикой употребляется обычно в сочетаниях с глаголами движения; 2) значение двойного предлога соответствует только второй части — значению предл. *за* (за чем-либо, сзади чего-либо, по ту сторону чего-либо); в сочетаниях с *по-за* в этом значении представлены глаголы *жить*, *быть*, *стать*, *изладить* и под.; 3) в отдельных употреблениях проявились такие вариации основного значения *по-за*, как 'вокруг чего-либо' или 'мимо чего-либо'.[25] Ср. также у Ф. Л. Скитовой: сочетания «*по-за*+дат. п. имени», отвечающие на вопрос «где?», «называют действие, совершающееся в пространстве, находящемся за предметом, обозначенным зависимым существительным, вдоль этого предмета».[26] Все это очень близко к возможным употреблениям *по-за* в Пск. лет. и Отр. грам. Алекс. Мих.

В русской лингвистике существует мнение о том, что «сферой образования двойных предлогов является живая разговорная речь».[27] В отношении «*по-за*+дат. п. имени» интересно отметить, что эта конструкция остается за пределами нормированного языка: она не отмечается в словарях русского языка, нет ни одной подобной фиксации и в картотеке БАС. Однако в картотеке СРНГ пред-

---

[23] См., например: Белорусско-русский словарь. М., 1962, с. 584; Словарь украинского языка под ред. Б. Д. Гринченко. Т. 3. Киев, 1907, с. 252; Украинско-русский словарь. Киев, 1971, с. 645; Словарь Даля, т. 3, с. 223; Словарь Ушакова, т. 3, с. 478; МАС, т. 3, с. 324.

[24] См.: Скитова Ф. Л. Двойные предлоги и сочетания с ними в говорах Пермской области. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1960, т. 16, вып. 1, с. 13—28; Луппова Е. П. Двойные предлоги в русских народных говорах (на материале говоров Кировской области). — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 111—125; Попова Н. В. Случаи забытого употребления предлога *по-за*. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 163—172.

[25] Луппова Е. П. Двойные предлоги. . ., с. 115—116.

[26] Скитова Ф. Л. Двойные предлоги. . ., с. 19.

[27] Там же.

ставлено значительное число таких употреблений этого предлога; особенно богатый материал удалось собрать Ф. Л. Скитовой и Е. П. Лупповой (в Пермской и Кировской областях), задавшимся специальной целью исследования двойных предлогов (в их числе и *по-за*)в народных говорах.

Особую ценность приобретают единичные факты употребления *по-за* в составе указанной конструкции в средневековой письменности. В существующих исторических словарях и картотеках восточнославянских языков XI—XVII вв. (в том числе и в исторической части ПОС) предлог *по-за* в такой функции не засвидетельствован. Однако Е. П. Лупповой удалось обнаружить его в сочетаниях с дат. п. имени и пространственной семантикой в двух деловых документах Вятского края — «при описании границ земельных участков и угодий» (эти употребления нельзя истолковать иначе, поскольку существительное и *по-за* разделены определением или *по-за* сочетается с именем собственным): «. . .у дороги *по-за* плоскому *логу*» (Столбцы из д. Шавкуновской XVII в.); «. . .с росох Мутницких *по-за Чюдиновскому починку*», «а *по-за Сизме* до Поромочеве», «внизъ *по-за Орловской дороге*» и другие подобные употребления (всего 7 случаев) в Прошении крестьян Великорецкого стана 1711 г.;[28] ввиду омонимичности флексий дат. и местн. падежей у имен с основой на *-а* последние два примера доказательны лишь частично. Важное значение приобретает поэтому возможность интерпретации текстов Пск. лет. и Отр. грам. Алекс. Мих. как содержащих сочетания *по-за* с дат. п. имени, поскольку эти фиксации более ранние, чем вятские (1503 и 1651 гг.), и принадлежат другой территории.

По содержанию процитированное сообщение 1503 г. Пск. I лет. является местным,[29] причем в тексте переданы такие подробности, какие могли быть подмечены только очевидцем событий, форма выражения их — непринужденная, близкая к разговорной (в предложении «а они вси по закустовью» отсутствует сказуемое, как при эллиптичности разговорной речи, оно легко восполняется из контекста). Оба списка Пск. лет., в которых представлен комплекс «по закустовью», составлены, по мнению А. Н. Насонова, в Пскове.[30]

---

[28] Л у п п о в а Е. П. Двойные предлоги. . ., с. 118.

[29] Подобного текста нет в других летописных сводах (исключая Соф. I лет.), просмотренных нами по ПСРЛ (до т. 31 включительно), а также обследованных В. В. Ильенко (см.: И л ь е н к о В. В. Псковизмы в лексике. . ., с. 86). При сличении же сообщения 1503 г. в Соф. I и Пск. I летописях удалось установить заимствованность этого текста в 1-м своде (вероятнее всего, из псковского источника, так как текст в Пск. лет. является более подробным, в Соф. же летописи нет таких сведений о Пскове, которые отсутствовали бы в Пск. лет. в сравниваемом сообщении). Ср.: ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853, с. 24 и Пск. лет., вып. 1, с. 87—88.

[30] См.: Н а с о н о в А. Н. О списках Псковских летописей. — Пск. лет., вып. 1, гл. 3 и 4.

Широкий контекст Отр. грам. Алекс. Мих. позволяет заметить, что формулировка вины, приписываемой Гайдукову, повторяется. В столь официальном документе, в котором представлены результаты допроса по очень тяжкому обвинению, этой формулировке придана юридическая сила улики. Формулировка, следовательно, сохраняется в основном в том виде, в каком было впервые заявлено о преступлении.[31] Поэтому словесная организация ее принадлежит не автору данной грамоты, написанной от имени царя и, вероятно, в Московском приказе, а самому Гайдукову (если он действительно угрожал дворянам) или врагам Гайдукова из Опочки (оклеветавшим его). Перед нами, таким образом, почти бесспорный факт фиксации сочетания «по закустовью» на территории Псковского княжества в середине XVII в., и что особенно примечательно — факт употребления этого выражения в разговорной (народной) речи. В обоих текстах, следовательно, отражены особенности обиходного языка Псковского княжества средневековья (начала XVI—середины XVII в.).

Ареальное подтверждение возможности наличия в средневековых псковских говорах сочетания «*по-за*+дат. п. имени» находим в современных говорах. Употребление этой конструкции с пространственным значением, по материалам «Русской диалектологии», является элементом синтаксической системы северных говоров (главным образом северо-восточных) в отличие от южных, для которых характерно употребление «*по-за* + твор. п.».[32] Однако в картотеке СРНГ наряду с фактами из Влад., Волог., Яросл., Вят., Перм., Свердл. и Прикамья есть фиксации из Котлас., Сольвыч., Устьян., Пинеж. уездов (р-нов) Арх. обл. Ср. также показания картотеки ПОС: Сланц., Гдов., Печор., Пск., Палкин., Остров., Новоржев., Порхов., Холм. — т. е. на севере и в центральной части региона, исключая его юг. Н. В. Попова реконструирует такие сочетания (анализируя путем сопоставительного анализа «орфографически затемненные тексты») [33] в говорах архангельских, псковских и калужских, в фольклоре Олон., Новг., Пск., Ворон.[34] Эти данные позволяют говорить не только о се-

---

[31] Историки языка неоднократно отмечали, что в записях расспросных речей почти дословно фиксировалась живая речь истцов и ответчиков, так как от дьяков требовалась полная точность записи показаний обеих сторон. См., например: Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975, с. 265; Образ Е. К. Расспросные речи второй половины XVII в. как источник разговорной речи. — В кн.: Герценовские чтения. XX. Филол. науки. Прогр. и кратк. содерж. докладов. Л., 1967, с. 92—95.

[32] Русская диалектология. М., 1964, с. 183. Заметим, что противопоставление это частичное, так как северным говорам сочетания «*по-за* + твор. п.» также свойственны.

[33] В таких случаях, когда предлог *по-за* осмыслялся как приставка *поза-* или разлагался на предлог *по* и приставку *за-*.

[34] Попова Н. В. Случаи забытого употребления. . . Заметим, что специальной задачи лингвогеографического описания конструкции «*по-за* + +дат. п. имени» Н. В. Попова не ставила, однако бо́льшая часть приводимых

веро-восточной зоне распространения указанной конструкции, но и о северо-западной (Арх., Сланц. Ленингр., Пск., Холм. Новг., в фольклоре Олон.), причем с четкой границей последней по линии Новоржев.—Холм. В других районах, в том числе и южнорусских, употребления таких сочетаний являются достаточно реликтовыми (собирателями материала двойной предлог не выделяется), как убедительно показано в статье Н. В. Поповой. Ср. также в белорусских гродненских говорах: «Ишли *пазабóку* дароги»; [35] наречный предлог здесь, по-видимому,восходит к рассматриваемой конструкции с дат. п. Можно предполагать лишь, что сочетания «*по-за* + дат. п. имени» были явлением восточнославянским, но рано утратились на территории современных белорусских и южнорусских говоров (подобные факты украинского языка нам неизвестны).

Сущ. *кустовье (кустовъе)* известно в русской письменности с конца XIV—XV в. и в старобелорусской с начала XVI в.[36] в таких значениях: ʻкусты; заросли кустарникаʼ: «Подле дороги Косовское смугу выбрать и *кустовье* выкопать росказалъ» (АВАК, т. 17, с. 102; 1559); «[Воины расположились] между *кустовья* подъ деревами» (Арс. Сух., с. 76; 1649—1653) и др.; из псковских памятников это слово отмечается только в Пов. прихож. Батор. XVI в. (с. 88: «Ястребими носы из-под *кустовья* и на заводях утята извлечаху»); ʻместо, поросшее кустарником — как урочищеʼ: «А съ ондрѣевою поженкою межа по *кустовью*» (Гр. Кир.-Белозер. мон., с. 148; 1327—1427); [37] «А тое сеножати, гаю и *кустовья* деды наши и мы сами. . . въ поживанью были» (АВАК, т. 17, с. 16; 1539) и др.

Пункты фиксации *кустовье* по письменным памятникам [38] сред-

---

ею иллюстраций снабжена географическими пометами; интересно, что случаи «орфографического переразложения» предл. *по-за* представлены в материалах Н. В. Поповой именно из тех областей, откуда пока нет других фиксаций рассматриваемого явления.

[35] Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, с. 336.

[36] Материалы староукраинского языка к этому слову у нас отсутствуют.

[37] В просмотренных источниках это первая фиксация слова.

[38] Территориальную принадлежность многих источников, в которых отмечается слово *кустовье*, особо доказывать не приходится; кроме прямых указаний о месте создания документа и о писце, это раскрывается характером каждого текста (как было пояснено выше для Отр. грам. Алекс. Мих.), его названием, содержанием, в примечаниях редакторов и комментаторов текстов при их публикации и т. п. Укажем здесь литературу для тех немногих источников, территориальная атрибуция которых является сложной и осуществляется в основном по данным языка: Фелицына В. П. Диалектные черты в пословицах XVII в. — В кн.: Из истории слов и словарей. Л., 1963, с. 165—172; Ларин Б. А. Лекции. . ., с. 265 и след.; Словягин А. П. Народно-разговорные элементы основа языка лечебников XVII в. — Учебн. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1970, т. 278, вып. 17, с. 173; Терехова В. С. О местных медицинских названиях в лечебниках XVII—XVIII вв. — В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970, с. 170—174.

невековья — нижегор.,[39] моск.,[40] кирил.-белозер.,[41] двин.,[42] тихвин.,[43] пск.,[44] белорус.[45]

В современный период *кустовье* ‘кусты’, ‘кустарниковые заросли как урочище’ сохраняется на меньшей территории, чем в XIV—XVII вв.: Новг., Олон., Арх., Мурман., Пск., а также в белорусских гродненских говорах.[46] Ср. псковские факты: «Кустарник звали *кустóвье*» (Опоч., 1961); «Пойдете зли *кустóвья*, зли *кустóвья*, потом на дорогу» (Локнян., 1975). Кроме того, одноименные топонимы отмечаются в Витебской и Брестской областях (названия урочищ) и на Псковщине (название деревни в Опоч.).[47]

В отличие от *закустовье*, сущ. *кустовье* отмечается и в псковских источниках средневековья, и в псковских говорах, территория его распространения и в средневековый, и в современный периоды захватывает Псковскую обл. Все это повышает возможность отражения именно этого слова (а следовательно, и предл. *по-за*) в Пск. лет. и Отр. грам. Алекс. Мих.

Приведем факты, допускающие двоякое определение исходного слова в каждом контексте — *кустовье* или *закустовье* (при тех же грамматико-синтаксических условиях функционирования, что и в Пск. лет. или Отр. грам. Алекс. Мих.).

В просмотренных материалах восточнославянской письменности найден только один такой контекст: «Щупает *по закустовью* с гривами курят будут ли с яйцы» (Послов. Сим., с. 158, XVII в.).

Аналогичные факты восточнославянских говоров: «Там все скошено, только одни заулки остались, за кустами, *по закустóвью-то* остается сено нескошено» (Онеж. КАССР, 1968) (картотека русских говоров Карелии, ЛГУ); в картотеке СРНГ: «Что нам прясть! Пряли бы волки *по закустовью*, а нам початки[48] приносили» (Борович. Новг.) (из архива РГО); «Что ты все *по закустовью* ходишь, там ведь не найти ягод» (Вытегор. Олон.) — последние два факта отражены в Словаре 1901 и позже в СРНГ на *закустовье*.

---

[39] Отмечается в Кн. писц. Нижегор., с. 301, 1621—1627 гг. Тексты принадлежат московским писцам, но писцы обильно включали в описания земельных границ подробнейшие сведения с мест.

[40] Арс. Сух., с. 76, 1649—1653 гг.; Дух. и дог. гр., с. 380, 1504 г.; Х. Рад., с. 79, первая четверть XVII в.; Травн. (Лечебн.), л. 433, 1534 г.

[41] Гр. Кир.-Белозер. мон., с. 148; А. Гр. Распр. (Ф.—Ч.), I, Iа, 1432 г.

[42] Гр. Дв., с. 36, XV в.

[43] Прих.-расх. кн. Тихвин. мон., № 1, л. 56, 1590—1592 гг.

[44] Пов. прихож. Батор., с. 88; Пск. лет. и Отр. грам. Алекс. Мих. под вопросом.

[45] Пин., с. 14, 1511 г.; АВАК, т. 17 и многие другие источники из картотеки Словаря старобелорусского языка.

[46] По данным картотек СРНГ, говоров Архангельской и Псковской областей, русских говоров Карелии; Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы. . ., с. 253.

[47] Мікратапанімія Беларусі, с. 133; Список населенных мест Российской империи. Т. 34 (Псковская губ.), № 6332.

[48] Т. е. веретена с навитыми на них нитками.

Эти примеры интересны семантически. Комплекс «по закустовью» обозначает во всех контекстах укромные, труднодоступные, невидимые с первого (беглого) взгляда места среди кустарниковых зарослей: именно такие уголки избирают для кладки яиц куры-несушки, и только в таких дебрях таятся волки, именно по таким «заулкам» трудно скосить все дочиста, и, конечно же, светолюбивые ягоды не растут в изобилии на затененных местах.

Сочетание предл. *по*, указывающего только направление движения, и сущ. *закустовье* ‘местность, покрытая кустами’ или ‘местность, расположенная за кустарниковыми зарослями’, не передает того конкретного содержания, которое только что прокомментировано.

При одинаковости употребления с дат. п. и общем пространственном значении сочетаний *по закустовью* и *по-за кустовью* вероятнее всего предпочесть для приведенных текстов второе из них. И хотя семантика сущ. *кустовье* и *закустовье* частично совпадает (им обоим свойственно значение ‘местность, покрытая кустами’), а в других случаях у слова *кустовье* она достаточно аморфна для истолкования приведенных контекстов (ср.: ‘кусты; кустарниковые заросли’, ‘кустарниковые заросли как урочище’), всю конкретность содержания комплекса «по закустовью» может передать именно предл. *по-за* — ‘з а кустами п о всей площади зарослей’, а именно ‘м е ж д у, с р е д и кустов’.[49]

Поэтому в тексте Отр. грам. Алекс. Мих. понятна угроза воровских людей: дворянам придется лежать «по черной тропе» в укромных местах среди кустарниковых зарослей. Аналогично и в Пск. лет.: псковские воины потому и «ѣхали розно», что их путь лежал по прогалинам между кустами; характерно последующее добавление летописца: за призыв ехать прямо псковского князя прозвали «опремом», и это вызвано тем, что воины петляли и кружили, шли вразброд, не составляя единого строя.

Семантические аргументы [50] в соединении с функционально-стилистическими, историческими и ареальными склоняют больше к тому, чтоб делить разбираемый комплекс слов Пск. лет. на *по-за* и *кустовье*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВАК, т. 17 — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 17. Вильна, 1898.

А. Гр. Распр. (Ф.—Ч.), I, II — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1—2. Киев, 1860—1863.

---

[49] Ср. приведенные выше толкования предлога *по-за* в говорах, соответствующего одновременно и «по», и «за», а также «мимо», «вокруг», «вдоль».

[50] Именно семантический критерий являлся определяющим для Н. В. Поповой при анализе конкретных фольклорных текстов, в которых она вычленяла предлог *по-за* (см.: П о п о в а Н. В. Случаи забытого употребления. . .).

Арс. Сух.	— Арсений Суханов. Проскинитарий. — В кн.: Православный палестинский сборник. Т. 7, вып. 3. СПб., 1889.
А. Уст., I	— Шляпкин В. П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. 1. Великий Устюг, 1912.
АХУ, I, II	— Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 1, 2. — В кн.: Русская историческая библиотека. Т. 12. СПб., 1890; т. 14, СПб., 1894.
Гр. Дв.	— Грамоты Двинского уезда. — В кн.: Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л., 1926.
Гр. Кир.-Белозер. мон.	— Дебольский Н. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. — Вестн. археол. и истории, 1900, вып. 13.
Дух. и дог. гр.	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
Кн. писц. Нижегор.	— Писцовая книга 1621—1629 гг. — В кн.: Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб., 1898.
Новг. лет.	— Новгородские летописи.
Отр. грам. Алекс. Мих.	— Отрывок грамоты царя Алексея Михайловича. . . — Тр. Пск. археогр. о-ва за 1906 г. Псков, 1907.
Пов. прихож. Батор.	— Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952.
Послов. Сим.	— Старинные сборники русских пословиц, поговорок. . ., собр. П. Симони. СПб., 1889.
Прих.-расх. кн. Тихвин. мон.	— Приходо-расходная книга Успенского Тихвинского монастыря, № 1, 1590—1592 гг. Рукопись ЛОИИ (цит. по картотеке ДРС).
Пск. I лет.	— Псковская I летопись. — Пск. лет., вып. 1, с. 3—142.
Пск. II лет.	— Псковская II летопись. — Пск. лет. вып. 2, с. 9—69.
Соф. I лет.	— Софийская I летопись. — ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853, с. 1—111.
Травн. (Лечебн.)	— Травник (Лечебник). Рукопись ГИМ (цит. по картотеке ДРС).
Х. Рад.	— Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки 1582—1584 гг. — Изв. РГО. Т. 15. СПб., 1879, Приложение.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Из истории русской диалектной лексикографии

Поправки и дополнения С. Черепанова к Опыту областного великорусского словаря

Вскоре после выхода из печати Опыта областного великорусского словаря титулярный советник из Сибири Семен Черепанов предложил Второму отд. Академии наук свое собрание областной сибирской лексики, которую он записывал на протяжении почти десяти лет.[1] В свою очередь сотрудники Второго отделения переслали С. Черепанову уже изданный Опыт 1852, который, естественно, мог помочь их сибирскому корреспонденту при обработке и оформлении собранных им диалектных материалов.

В 1854 г., пересылая в Петербург свою рукопись, озаглавленную «Областные слова, собранные С. Черепановым»,[2] автор этого собрания писал в предисловии: «Здесь я имел счастие встретить то внимание, которое награждает труд и поощряет к продолжению его. Получив для образца изданный уже Опыт областного словаря, я занялся собранием слов уже с прямою целию служить по силам своим для разработки этих сокровищ Русского слова».[3]

По собственному свидетельству С. Черепанова, его собрание содержит «1770 новых слов, которых большею частию вовсе нет в изданном Областном словаре, а некоторые если и есть, то под другими значениями».[4] Именно это в первую очередь определяет особую ценность данного собрания сибирской лексики, использованного позднее при работе над Дополнением к Опыту 1852 (правда, частично). Сибирский словарь С. Черепанова, тщательно сверенный автором с текстом Опыта, не только пополняет материалы первого русского диалектного словаря, но во многом

---

[1] По-видимому, это рукопись, которая хранится в Словарном секторе ЛО ИРЯЗ АН СССР под шифром 117. Рукопись озаглавлена «Сибирские слова и выражения, представленные титулярным советником Семеном Черепановым». Датировка отсутствует. Тетрадь содержит немногим более 300 слов. Предположение о том, что эта рукопись по времени предшествует основному собранию С. Черепанова, основано на том, что она не содержит никаких ссылок на Опыт 1852.

[2] Хранится в Словарном секторе ЛО ИРЯЗ АН СССР. Шифр 116 (далее: Рукопись Черепанова).

[3] Рукопись Черепанова, л. 2.

[4] Там же, л. 21 об.

уточняет их, приводя новые значения для уже отмеченных в Опыте слов, уточняя географические пометы и т. д. Вот почему собрание С. Черепанова до сих пор сохраняет свою научную ценность и продолжает служить материалом для составления современного СРНГ.

Однако в тетради С. Черепанова имеются также части, которые еще не использовались составителями диалектных словарей. Именно на этих разделах рукописи хотелось бы остановиться.

Не имея специального филологического образования, С. Черепанов тем не менее тщательнейшим образом изучил текст присланного ему Опыта 1852 и предложил множество серьезных поправок к нему, касающихся не только неизбежных почти в каждом издании опечаток (что тем не менее безусловно важно для составителей диалектных словарей, использующих материалы Опыта), но также территории распространения слова, значения, грамматической и акцентной характеристики. Подобные поправки содержатся не только в специально посвященных этому разделах, но и в предисловии, в котором С. Черепанов, адресуя свой труд специалистам-филологам, пишет, между прочим: «Смелость моя найдет извинение в пользе, которую я этим надеюсь принести изданию».[5] Поправки и замечания С. Черепанова безусловно и в наши дни принесут большую пользу составителям диалектных словарей.

«Из находящихся. . . в Областном словаре 742 сибирских слов 257 найдены мною неверными, 149 — сомнительными и 336. . . верными», — пишет в своем предисловии С. Черепанов.[6]

Во многих случаях у С. Черепанова вызывали сомнение географические пометы Опыта. В конце рукописи он привел обширный список, озаглавленный им: «Слова из Областного словаря, употребляемые и в Сибири, чего при них не означено».[7] Список этот насчитывает более 400 слов. Даже в разделе, где помещены «сибирские слова, находящиеся в Областном словаре, верно напечатанные и объясненные»,[8] имеется немало поправок, касающихся территории распространения слова. Так, например, С. Черепанов свидетельствует о повсеместном распространении в Сибири (а не только в отдельных ее областях, как в Опыте) слов *вешала́*, *дури́ть*, *душевре́дно*, *запе́жить*, *за́рной*, *засы́пка*, *зи́мник* (вм. Камч.), *злы́дни* (вм. Том.) и т. д. По всей Сибири, как отмечает С. Черепанов, известны также слова *солнопе́к* (вм. Вост. Сиб.), *перехо́ды* (вм. Иркут.), *су́прядки* (вм. Перм. и Тобол.), *похле́бка* (вм. Том.), *пле́нки* (вм. Иркут.). По всей Восточной Сибири, а не только в Иркутской и Якутской губерниях бытует слово *ергач*.[9] С. Чере-

---

[5] Там же, л. 2 об.
[6] Там же, л. 19 об.
[7] Там же, л. 95—97 об.
[8] Там же, л. 89—91.
[9] Материалы СРНГ свидетельствуют, что география этого слова действительно шире, чем указано в Опыте.

панов полагает, что территория распространения слов *деся́ток*, *закла́дка*, *голо́* и некоторых других не должна ограничиваться лишь Сибирью: он считает их великорусскими.[10] Географию других слов, напротив, он сужает сравнительно с Опытом (где они определены как сибирские), относя их распространение только к области Сибирского округа Уральского хребта. Таковы, например: *доспе́ть*, *заплóт*, *запра́вды*, *зау́росить*, *у́росить*, *зуба́тить* и др.

Рукопись С. Черепанова содержит также целый ряд поправок, касающихся акцентной характеристики слова: *мытни́ца* (вм. *мы́тница* Опыта), *чанча́* (вм. *ча́нча*), *ча́нкырый* (вм. *чанкы́рый*) и т. д. Вместо двух ударений в слове *ночева*, указанных в Опыте, С. Черепанов приводит лишь одно: *ночева́*. То же касается слов *пру́дило* (вм. двух ударений Опыта: *пру́дило* и *пруди́ло*) и *сво́лина* (вм. *сво́лина* и *своли́на*).[11] Думается, что подобные поправки заслуживают внимания, поскольку все они, как и поправки, касающиеся орфографии и грамматической характеристики слова, несомненно исходят от человека, прекрасно знающего сибирские говоры (быть может, даже их носителя). К тому же автор рукописи несомненно был в той или иной степени знаком с языками коренных народностей Сибири, что помогает ему во многих случаях увидеть просчеты Опыта в той части, где содержатся слова, заимствованные русскими у туземного населения. Так, приводимое Опытом *боровча́к* ‘теленок-годовик’ С. Черепанов исправляет на *боровча́н*, указывая при этом на тунгусское происхождение слова.[12] В результате оказывается под сомнением само слово *боровчак*, приведенное Опытом и В. И. Далем, а позднее повторенное и в СРНГ.[13] Заметим, что имеются производные именно от *боровчан*: *боровча́ниха* (Опыт) и *боровча́нка* (отмеченное в дополнениях С. Черепанова). Вместо приведенного Опытом *барлови́на* ‘шкура, снятая весной’ С. Черепанов предлагает иное написание — с *о*, поскольку оно образовано от монгольского *борло* ‘плохая шкура’.[14] Заслуживает внимания и поправка к слову *гунак* (Опыт) ‘теленок по третьему году’: С. Черепанов исправляет его на *гуна́н*, ссылаясь на монгольское *сунан* с тем же значением. То же следует сказать о существительном *ирпе́нь* ‘кладеный баран’ (так в Опыте), выправленном С. Черепановым на *ирге́н* (ср. монгольское *ирген*

---

[10] Рукопись Черепанова, л. 89.

[11] Там же, л. 76 об., 79, 80 об.

[12] Там же, л. 73.

[13] Кстати, нуждается в уточнении и географическое распространение существительного *боровчан*, для которого С. Черепанов указывает иную географию: Забайкальская обл. Нерчинского округа (что вполне подтверждают более поздние записи Боголюбского), а также его хронология: в СРНГ вообще не указан год первой фиксации слова, тогда как теперь можно было бы сослаться на год записей С. Черепанова: 1854.

[14] Ср. в СРНГ *бо́рла* ‘дикая коза’. Конечно, эта поправка не является абсолютно бесспорной, поскольку в русском могла возникнуть иная огласовка: ср. прилагательное *ба́рловый* в СРНГ.

с тем же значением), прилагательном *чинкы́рый* ‘пестрый’ (о лошади), которое С. Черепанов связывает с монгольским *чанкыр* и соответственно исправляет на *ча́нкырый* и др.[15] Иногда, основываясь на своем знании языков местных иноязычных народностей, у которых русские заимствовали то или иное слово, С. Черепанов исправляет грамматический род существительных: *дыгы́л* (вм. *дыгы́ль*), *зере́н* ‘серна’ (вм. *зере́на*) и т. д.[16]

В рукописи С. Черепанова отмечены также некоторые опечатки, допущенные в Опыте и объясняющиеся иногда не столько типографской небрежностью, сколько недостаточным знанием местных реалий и местной лексики. Эти исправления тем убедительнее, чем лучше аргументирует их автор (а в этом разделе весь третий столбец содержит именно мотивировку предлагаемых поправок). Так, вместо *кобе́л* Опыта (‘корень вырванного из земли дерева, покрытый дерном’) С. Черепанов приводит *коме́ль*, замечая при этом: «Это ошибка, ибо слова кобел нигде не слыхивал и оно противно уху сибиряка». Приводимое Опытом *огонькй* С. Черепанов исправляет на *ого́нки*, подробно объясняя значение этого слова, обозначающего чисто сибирскую реалию.[17] Видимо, не лишена основания и другая поправка: глагол *по́бужинать* в рукописи заменяется формой *па́ужинать*, которую С. Черепанов справедливо связывает с существительным *па́ужна*.[18] Сюда же отнесем поправки к словам: *пупо́к* ‘часть рыбьего брюха с икрой, особым образом засоленная или маринованная’ (вм. ошибочного *пудо́к* в Опыте), *суту́нок* (вм. ошибочного *суту́пок*), *ши́тик* ‘маленький карбас’ (вм. *щи́тик*) и т. д.

В рукописи С. Черепанова имеется также ряд поправок, касающихся случаев, которые можно было бы условно назвать «лексикографическими недоразумениями», но которые тем не менее так важно вовремя заметить, чтобы в последующих изданиях не повторить этих несомненных ошибок. Мы приведем лишь некоторые из подобных «недоразумений», еще раз свидетельствующих о том, какого внимания и вдумчивого отношения требует работа лексикографа.

В Опыте приведено существительное *сбру́я* ‘церковная утварь’ (Нижегор.). С. Черепанов отнесся к подобному значению с недоверием: действительно, едва ли крестьянин назовет этим словом предметы, связанные с церковью. Тем не менее сам он, по собственному его свидетельству, встретился с таким употреблением

---

[15] Следует обратить внимание на то, что почти все эти слова были выверены самим С. Черепановым, поскольку в тех случаях, когда проверка осуществлялась не им, а полученные сведения носили опосредованный характер, в рукописи имеются соответствующие указания: «проверено не мною» (ср., например, *моржа́н* на л. 76 и др.). Это позволяет считать сведения, приводимые С. Черепановым, особенно достоверными.

[16] Рукопись Черепанова, л. 74.

[17] Там же, л. 75, 76 об.

[18] Там же, л. 78 об.

слова в Казанской и Нижегородской губерниях, но не у русских, а в речи чувашей: «Под этим словом сбруя. . . чуваши разумеют все, что нужно при каком бы то ни было деле, даже при совершении священного обряда. . . После этого я совершенно неожиданно встретил в областном великороссийском словаре слово сбруя. . . и вывел неоспоримое утверждение, что русские слова, искаженные инородцами и иностранцами, не должны входить в сборник областных русских слов, как, например, силимина — соломина (с. 203): это чистый выговор бурят по-русски».[19]

К числу подобных «лексических недоразумений» следует, видимо, отнести также *соловьи́ный день* 'день 22 мая', приведенный в Опыте с пометой Иркут. и повторенный с той же географией в Словаре Даля: «Так как, — пишет С. Черепанов, — в Сибири вовсе нет соловьев, то и соловьиного дня быть не может».[20] Не лишено основания замечание относительно слова *лешачи́ха*: в Опыте — 'жена лешего'. «Избави боже, чтобы лешие вступали в браки и имели жен: о таких браках впервые упоминается здесь», — замечает С. Черепанов, предлагая иное толкование значения: 'дух лесной, являющийся в образе женщины'.

Интересные соображения высказывает автор рукописи по поводу словника областного словаря. Так, он указывает на необходимость четкого разграничения в таком словаре собственно диалектной лексики и фольклорной: «Нельзя брать слов из песен и пословиц за непреложные слова и помещать их в словарь наравне с коренными словами. Например, слово храбрый употребляется везде, но в песне д л я м е р ы (разрядка наша, — *Е. Э.*) оно изменено в хоробер».[21] Он ставит под сомнение правомерность показа в диалектном словаре некоторых переносных значений, например одного из значений существительного *ела́нь*, приведенных Опытом: 'лысина, плешь', поскольку это «только фигура преувеличения, гипербола, так, как плешь называют луною и т. п.».[22]

Вызывает сомнение у автора рукописи и помещение в областном словаре «детских слов»: «Детских слов весьма много. Они, особо собранные, могут быть любопытны для изучения развития дара слова, но быть наравне с сформировавшимися словами они не имеют места, потому что теряются тотчас, как дитя выйдет из своего возраста».[23]

Представляется, что подобные соображения не утратили своей актуальности и в наши дни. К тому же надо отдать должное С. Черепанову: он вовсе не был категоричен в своих требованиях, касающихся исключения из состава диалектного словаря того или

---

[19] Там же, л. 6.
[20] Там же, л. 81.
[21] Там же, л. 12 об.
[22] Там же, л. 74. СРНГ сохраняет это значение Опыта, никем, впрочем, больше не подтвержденное.
[23] Рукопись Черепанова, л. 17 об.

иного разряда слов: «Если. . . смотреть на изданный Опыт областного словаря и на последующие его продолжения как на материалы, которые потом, разобранные и повторенные, войдут в состав Русского словаря, то лучше если в них будут излишки, чем недостатки»,[24] — пишет он в своем разборе Опыта, предвосхищая создание современного СРНГ.

Но, пожалуй, особый интерес представляют многочисленные поправки С. Черепанова, касающиеся семантики слова и в большей своей части чрезвычайно убедительные, так как исходят от человека, непосредственно, «глубинно» знавшего жизнь сибиряков, проводившего «целые осени с звероловами, целые лета в лагере между рядовыми казаками или с работниками на золотых промыслах».[25]

В предисловии С. Черепанов весьма четко сформулировал свои требования к словарю: «Нет сомнения, что главное достоинство словаря, если он не сравнительный, состоит в точном описании значений». (Правда, любому лексикографу понятно, как трудно претворить в жизнь это простое требование). Уже в предисловии автор указывает на некоторые неточности в определениях слов, допущенные в Опыте,[26] и далее подробно останавливается на таких погрешностях в своем дополнении. Следует особо отметить, что здесь везде сказывается несомненное знание С. Черепановым не только сибирской лексики, но и местных условий (природных, климатических, экономических), этнографии Сибири и т. д.

Останавливаясь на значении слова *ергáч* ‘короткая козья шуба с вытертою шерстью’, С. Черепанов следующим образом исправляет это толкование: ‘вытертая доха, летняя одежда из кож молодых диких козлят’, поясняя: «Ергач бывает и длинный и короткий, он не может быть шубой, потому что это л е т н я я о д е ж д а (разрядка наша, — *Е. Э.*)».[27] *Сáры* (2-е значение), по Опыту, ‘сапоги во всю ногу’. С. Черепанов, не удовлетворенный таким толкованием, знающий саму реалию, исправляет: «непромокаемые сапоги якутской работы», поскольку «сары бывают и короче, чем во всю ногу: главное их отличие — непромокаемость».[28] Исправляя *огонькú* на *огóнки*, автор рукописи поясняет, что это не хвосты, которыми женщины обвивают шею зимой (как в Опыте), а ‘лента, подбитая собольим мехом, носимая на шее’: «Хвост делается из хвостов, а огонки из огузков, т. е. не входящих в мех обрезков из задней части собольей шкуры. Хвосты круглые, а огонки плоские, покрытые с одной стороны материей».[29] Велико-

[24] Там же, л. 19.
[25] Там же, л. 20.
[26] Там же, л. 16, 17.
[27] Там же, л. 74. «Пестрота» в толковании этого слова в СРНГ (‘шуба’, наряду с ‘тулуп, халат, кафтан’) как будто подтверждает справедливость этого замечания.
[28] Рукопись Черепанова, л. 80 об.
[29] Там же, л. 76 об.

лепное знание местной жизни помогает С. Черепанову заметить ошибки в толкованиях слов *солнопёк*, *сполóха*, *похлёбка* и многих других. В частности, он предлагает совсем исключить из словаря существительное *сполóха*, поскольку «северное сияние в Сибири называется столбами, огненными столбами; слово сполоха в этом значении занесено туда из Архангельской губ., но в общее употребление не вошло». Что касается *солнопёка* (в Опыте ‘юг’), то «в Сибири юг называется полуднем, а солнопек именно то место, которое больше всего печет солнце».[30] Сибирское *похлёбка* — не ‘уха’, как в Опыте, так как «уха называется щербою, щи — шти, а все, кроме этого, — похлебка», т. е. *похлебка* — «суп, всякое горячее, кроме щей и ухи».[31] *Баргýзин* — не ‘восточный ветер на Байкале’, а ‘северо-восточный ветер на Байкале, дующий от местечка Баргузин’, тем более что восточный ветер называется в Сибири иначе: *селéньга* (от названия р. Селенги) и *верхóвик*.[32] Знание особенностей сибирской жизни помогает С. Черепанову увидеть за двумя значениями слова *сýпрядки* в Опыте (‘помочь на пряжу’ и ‘вечеринка’), в сущности, одно значение: ‘вечеринки, на которые собираются вместе прясть собственную пряжу’. Что касается ‘помочи на пряжу’, то она в Сибири называется *попрядýхой*.[33] Сибирское *кобы́лка* — не ‘стрекоза’, а ‘саранча’. В подтверждение этой своей поправки С. Черепанов приводит следующую иллюстрацию: *Весь хлеб выбила кобылка*.[34] Точно так же и *холодя́нка* — не просто ‘лягушка’ («в болоте лягушка — лягушка»), а «лягушка, когда ее кладут в молоко. . . чтобы оно не портилось от тепла».[35] Автор рукописи уточняет приводимое Опытом значение слова *медуни́ца* ‘шмель’: «Медуница именно потому и названа, что она собирает мед, чего шмели не делают». Вот почему, по мнению С. Черепанова, здесь толкование должно быть иным: ‘дикая пчела-матка’. Он уточняет и расширяет значение слова *мытни́ца* ‘поломойка’: ‘поломойка, прачка, женщина, нанятая для мытья чего-либо’. (Говорят: *Сами мыли окна? — Нет, мытниц нанимаем*).[36]

С. Черепанов обращает внимание на «расплывчатость» толкований в Опыте, стилистические погрешности, которые в конечном счете приводят к неточному истолкованию значения. Так, в слове *плéнки* он заменяет более общее ‘орудие для ловли птичек’ на конкретное ‘волосяные петли, которыми ловят птичек’.[37] *Белóк* в Опыте — ‘снеговая гора’. По С. Черепанову, это ‘горы, покрытые вечным снегом’, так как «снеговая гора — гора из снега».[38]

---

[30] Там же, л. 81.
[31] Там же, л. 78 об.
[32] Там же, л. 73.
[33] Там же, л. 82.
[34] Там же, л. 75.
[35] Там же, л. 84 об.
[36] Там же, л. 76, 76 об.
[37] Там же, л. 78.
[38] Там же, л. 73.

Любопытные пояснения дает С. Черепанов относительно слова *тайга́* — этого «вчерашнего диалектизма», ныне вошедшего в состав литературного русского языка. Опыт определял его как 'дикие лесные пространства в горах'. С. Черепанов предлагает следующее толкование существительного тайга: «Тайга — лесная пустыня, общее название всего необитаемого пространства Сибири, покрытого лесами», и поясняет далее: «Тайга для Сибири то же, что океан для вод, что пустыня для Аравии, то тайга для лесов».[39]

Поправок, касающихся семантики, в рукописи С. Черепанова содержится большое количество. Конечно, не все они бесспорны, не все могут быть приняты (ведь автор рукописи — не филолог), но в подавляющем большинстве случаев подобные поправки оснащены подробной и очень убедительной аргументацией, что заставляет относиться к ним весьма серьезно. Думается, что даже немногие примеры, приведенные здесь, доказывают самую настоятельную необходимость использования его материалов при составлении современных диалектных словарей, обращающихся к Опыту 1852.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно положение, выдвинутое автором в предисловии к его собранию сибирской лексики. Анализируя материалы Опыта, С. Черепанов отмечает: «. . . поражает смелость в определениях областных слов словами общеупотребительного языка — определениях положительных, без всякого условия, как будто мы видим перед собою словарь двух языков».[40] Как считает С. Черепанов, «определение многих областных слов словами общеупотребительного русского языка, принятое в Опыте областного словаря, не вполне их объясняет и даже может ввести в ошибки. Многие слова непременно должны быть определены описанием, основанным на точном знании местных обстоятельств».[41] Насколько основательно это замечание С. Черепанова, могут свидетельствовать хотя бы следующие примеры. *Осе́рдье* в Опыте — 'потроха'. По свидетельству С. Черепанова, толкование должно быть иным: 'легкие и печень', поскольку в Сибири «потрохами называют вообще все внутренности. . . а осердьем — одни легкие и печень».[42] Таким образом, общенародное 'потроха' в данном случае не весьма точно определяет сибирское *осе́рдье*. В Опыте находим *сайда́к*, определяемое через общенародное 'колчан'. Но сибирское *сайда́к*, заимствованное вместе с самой обозначаемой этим словом реалией у монгол, не совсем колчан, т. е. не обычное 'вместилище, футляр для стрел', а «кожаное влагалище д л я л у к а (разрядка наша, — *Е. Э.*), закрывающее его до половины. В нем сделаны места. . . для стрел». Сибирское *смо́лость* — не просто 'коровье вымя', а лишь его

[39] Там же, л. 82 об.
[40] Там же, л. 16 об.
[41] Там же, л. 2 об.
[42] Там же, л. 77.

'внутренняя часть, употребляемая в пищу'. *Столова́ть* — не 'обедать, пировать', а 'исправлять обряд торжественного обеда на свадьбе',[43] *толма́чить* — не 'переводить', а 'словесно переводить, понимать чужой язык'; «Нельзя сказать: я толмачу книгу», — замечает С. Черепанов. *Тыме́нь* — не просто 'верблюд', а 'верблюд-самец'.[44] Таких примеров можно было бы привести немало. Но, думается, что и этих вполне достаточно, чтобы вновь поставить вопрос: всегда ли лаконичное, сведенное до пределов однословного «минимума», до «перевода» диалектного слова на общенародный язык толкование значения способно передать подлинное значение диалектного слова. Не утрачиваются ли при этом какие-то чрезвычайно важные детали и нюансы? Проблема эта, как нам представляется, до сих пор не утратила своей актуальности, а примеры, более ста лет назад приведенные одним из взыскательных критиков Опыта, служат этому наглядной иллюстрацией.

Таким образом, давно уже назрела настоятельная необходимость пристального изучения тех дополнений и исправлений, которые присылали во Второе отд. Академии наук добровольные и заинтересованные критики первого русского областного словаря. Как и поправки С. Черепанова, эти дополнения и исправления, без сомнения, послужат на пользу современной диалектной лексикографии, помогая избежать многих досадных ошибок, неточностей и недоразумений.

---

[43] Там же, л. 80, 81, 81 об.
[44] Там же, л. 83, 83 об.

Л. И. БАЛАХОНОВА

Типы определений в Опыте областного великорусского словаря 1852 г.[1]

Опыт областного великорусского словаря 1852 г. (с его Дополнением 1858) является не только одним из источников СРНГ, составляемого в настоящее время в Академии наук СССР под редакцией Ф. П. Сороколетова и Ф. П. Филина (вышло 14 выпусков, буквы А—К), но также единственным предшественником СРНГ как сводный дифференциальный словарь диалектной лексики всей России. Новый сводный словарь русских народных говоров обобщает, насколько возможно полно, огромное количество собранных в XIX—XX вв. (опубликованных и рукописных) лексических материалов по русской народной речи различных губерний, уездов и т. п. Создавая новый словарь в традициях русской академической лексикографии, авторы СРНГ значительно усовершенствовали принципы построения и способы описания материала, выработанные в свое время А. Х. Востоковым и другими редакторами Опыта, а многие из теоретических и практических вопросов составления словаря данного типа вообще впервые поставили и разрешили.[2]

В то же время характер материала и сама специфика создания сводного областного словаря неизбежно ограничивает авторов СРНГ в постановке многих вопросов лексикографического описания слова так же, как она ограничивала их предшественников. Составляя такой словарь на основе очень неоднородных и неравноценных во всех отношениях записей, сделанных в разное время разными лицами (т. е. узнавая о значении слова «из вторых рук»),[3] проверяя эти записи только косвенно, путем сопоставления аналогичных материалов, а при единственной записи не имея и этой возможности, авторы СРНГ находятся в большой зависимости от своих источников и не могут практически ставить в полном объеме вопросы смысловой характеристики, стилистической

[1] Статья является продолжением серии статей автора о первом сводном словаре русских народных говоров — Опыте 1852.

[2] См.: Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961.

[3] Там же, с. 146.

дифференциации, системных связей между лексическими и фразеологическими единицами и их значениями и т. д. «Такой словарь, — пишут в рецензии на Проект В. И. Максимов и Ф. П. Сороколетов, — может быть только словарем-справочником, содержащим сведения об отдельных словах и их значениях, широте их распространения».[4] Встает, однако, вопрос, насколько точны и полны «сведения о словах», полученные таким способом, и какова в этом случае роль составителей словаря? «Обилие представленных в Проекте источников (с учетом дальнейшего увеличения их), — говорится далее в рецензии, — гарантия того, что в подготовляемом словаре будет отражена основная масса диалектной лексики».[5] Это бесспорно. С другой стороны, в обилии источников, в необычайно большом количестве «авторов-информаторов» — наиболее надежная в данном случае гарантия правильности и полноты описания семантического содержания слов. Неправильно расшифрованная запись единственного рукописного источника может привести в сводном словаре к ошибкам самого разного рода — от искаженного толкования до искажения самого слова. Неполнота, неопределенность одной записи может быть устранена сопоставлением с другими материалами. Так, материалы Опыта и его Дополнения должны обязательно проверяться составителями СРНГ по более поздним региональным словарям, по Словарю Даля, очень внимательно и тщательно изучившего словари Академии, по Словарю Шахматова, а также по сохранившимся рукописным записям слов корреспондентов Академии, по которым составлены Опыт и Дополнение. Многие из этих корреспондентов присылали в Академию после выхода Опыта свои критические замечания, дополнения, указывали на обнаруженные ими ошибки и опечатки. В. И. Даль в своих статьях и подстрочных примечаниях к словам также отмечал ошибки в написании, в толковании слов, в географических указаниях этого словаря. Подобного рода замечания мы встречаем и в Словаре Шахматова. (См., например, ошибки Опыта в результате неправильно прочитанной записи источников: *капани* (вм. *катани*), *мальга* (вм. *шаньга*), *заструча* (вм. *заструга*), *дудочит* (вм. *дудонит*), *матура* (вм. *мамура*), *малетника* (вм. *малетинка*) и др. Особенно много опечаток, ошибок в Дополнении, сделанном более поспешно и потому менее тщательно).

На качестве и полноте семантического описания слова в Опыте и Дополнении заметно сказались индивидуальные особенности культурного уровня, филологической подготовки многочисленных корреспондентов,знание ими местной лексики и т. п. Состав собирателей Опыта и Дополнения был неоднороден. В Опыте —

---

[4] Максимов В. И., Сороколетов Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». — Изв. АН СССР 1964, т. XXIII, вып. 1, сер. литер и яз., с. 63.

[5] Там же, с. 62.

это в основном сельские учителя и члены Второго отделения, участвовавшие в обсуждении каждого составленного листа словаря;[6] что касается Дополнения, то его авторами-информаторами были те же учителя (Фортунатов, Тимофеев, Базилевский, Хованский и др.), а также люди самого разного социального положения и профессий: титулярный советник Черепанов, священник Полисаров, отставной капитан Кремер, врач Толмачов, студент Яровой, член многих обществ Козлов и даже князь Енгалычев, приславший «две пословицы, слышанные им от ярославской барыни-старухи, и одно выражение костромского мужика» и др. Основную часть Дополнения составило 13 269 слов Псковской и Тверской губерний, присланных учителем Карповым.

Такое разнообразие авторов обусловило разнородность толкований слов, далеко не всегда зависящую от семантико-грамматической структуры лексики. В общей массе определений обращают на себя внимание хорошо составленные, четкие толкования слов, употребляемых в Шенкурском у. Архангельской губ., принадлежащие Харитонову и Шипунову. Основной принцип описания этих слов — краткое, очень ясное определение. Оно почти всегда сопровождается удачно подобранным иллюстративным примером, который наглядно дополняет и подтверждает правильность толкования.

Ср.: *Наесть* ‘начать есть, надкусить’: *Нaел ломоть да и оставил* (Арх.). *Полуречье* ‘намек, мысль, не вполне высказанная’: *Начисто сказывай: да или нет? А то все полуречье ведешь* (Арх., Новг.).

Так же четко и кратко определяются слова *заузлиться*, *неухлюдок*, *отихнуть*, *отолковать*, *рель*, *своеволостный*, *увестись* и др.

Среди прочих определений выделяются также толкования, оставленные адмиралом П. Ф. Кузмищевым, многолетним корреспондентом Академии. В записях П. Ф. Кузмищева основное место занимает описание местных реалий, бытовых и морских, не имеющих обозначений в литературном языке. Он дает поэтому, как правило, подробные описания этих реалий, характеризуя отличительные признаки, функции и т. п. предмета или явления, обозначаемого данным словом. Оправдательные примеры встречаются редко, что объясняется самим характером слов.

Ср.: *Дуга* ‘мор. Нижние части шпангоутов (флортимберсы), обделанные и собранные на земле, пока еще не подняты и не поставлены на место; а тогда оне называются уже офлотинами’ (Астрах.). *Сереница* и *Серенка* ‘небольшой сосудец из дерева, выдолбленный наподобие сердечка, в который наливается горючая сера для добывания огня; хранится и носится всегда в огневище’ (Камч.).

---

[6] См.: Балахонова Л. И. История составления Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему. — В кн.: История русской диалектологии. М., 1961, с. 98—125.

Толкования многих тысяч слов Псковской и Тверской губерний, присланных Карповым и помещенных в Дополнении, лаконичны, но не отличаются при этом, к сожалению, необходимой ясностью, определенностью. Его толкования изобилуют обобщенными оборотами типа «Что. . .», «Кто. . .» и сводятся во многих случаях к указанию значения корневой части слова (особенно если однокоренные слова существуют в литературном языке).

Ср.: *Нарвиша* 'кто нарвется на что-нибудь' (Пск., Твер.). *Последуха* 'что-либо последнее': *На последуху выпьем, брат* (Пск., Твер.). *Развалень* 'кто разваливает' (Пск., Твер.). Как показывает сравнение с рукописным источником, определения Карпова так без изменений и вошли в словарь.

Определения других авторов также имеют свои, более или менее ярко выраженные индивидуальные особенности, которые выделяют их среди остальных. В определениях слов, обозначающих местные суеверия, приметы и т. п., отразилось, в частности, отношение авторов к этим верованиям. Одни авторы, по-видимому, разделяют суеверия местных жителей, во всяком случае в толкованиях не выражают к ним отрицательного отношения. Ср.: *Болотяник* 'нечистый дух, имеющий пребывание в болоте' (Пск.). Другие сопровождают толкования слов ремарками типа «суеверные крестьяне. . .», «по замечанию каргопольцев. . .», «они верят. . .» и т. п., выражающими их отношение.

Сравнение с рукописными источниками показывает, что отдельные, разного характера этимологические указания, встречающиеся от случая к случаю в определениях слов, также принадлежат собирателям.

Ср.: *Асей* 'иностранец, прибывший на корабле'. Произошло от английского J say (Арх.). *Боровик* 1) 'метла, веник'. Название это произошло оттого, что жители Мезени вяжут веники и метлы обыкновенно на бору, т. е. на высохшем болоте, которое поросло мелким березняком (Арх.). *Опутать** 'сватать'. Слово это произошло от поверия свах ходить сватать с путом, т. е. с веревкой (Новг., Оренб.).

Подобные замечания также у слов *калинники*, *кержанка*, *полухлебка*, *праведеннышко*, *себра* и др. Достоверность этих замечаний является в большинстве случаев более или менее очевидной, так как семантико-грамматическая структура самих слов, их внутренняя форма ясна, прозрачна.

Составители словаря придавали очень большое значение подобного рода этимологическим указаниям. Позднее на основе Опыта по инициативе его составителей многие специалисты по разным языкам обратились к изучению этимологических связей русской диалектной лексики и других языков и печатали свои наблюдения в Известиях Академии наук в разделе под названием «Материалы для сравнительного словаря русского языка и других славянских наречий».

Несмотря на заметную разнородность и разное качество определений, вызванные спецификой составления данного словаря, можно все же установить много общего, унифицированного в методах толкования разрядов слов, в построении словарных статей. В создании Опыта и Дополнения участвовали почти все те же члены Отделения, которые составляли Словарь 1847. Этот словарь, как известно, явился шагом вперед по сравнению с предшествующими словарями в установлении принципов лексикографического описания слова. Имея богатый практический опыт, создатели областного словаря стремились, насколько возможно, реализовать его в этой работе. Сохранившиеся в Архиве АН протоколы заседаний и корректурные листы словаря наглядно показывают, как внимательно, тщательно и предельно заинтересованно участвовали в работе все члены Отделения.

В словаре применяются два основных типа определения: эквивалентный и описательный. Если местное слово полностью совпадало по значению с литературным словом, в определении приводилось это соответствующее равнозначное слово. При этом, как показывают корректурные листы, первоначально А. Х. Востоков вводил в определения подобного рода лексики слово «вместо» (*Вокно* ‘вместо окно’. . .). Употребление слова «вместо» как бы указывало на неравноправие местного по отношению к общенародному слову. Впоследствии такой прием толкований был устранен; против него выступил И. И. Срезневский, считая его неправильным, ненаучным. Позднее А. Х. Востоков все же употреблял слово «вместо» в определениях, но только в словарных статьях фонетических или морфологических вариантов общенародных слов, когда в заголовок вводилась не исходная форма слова, совпадающая с общенародной, а производная (*Поглянь* и *Полянь* ‘вместо погляди, посмотри. . .’; *Ядуть* ‘вместо едят. . .’).

Одним из наиболее распространенных определений слов, имеющих несколько семантических эквивалентов в общенародном языке или не полностью совпадающих по значению с общенародным словом, стало в Опыте краткое толкование, сопровождаемое общенародным равнозначным словом, или толкование, составленное из нескольких семантических эквивалентов общенародного языка.

Ср.: *Аглаед* ‘человек праздно шатающийся, дармоед’ (Кур.). *Алянчик* ‘недоумение, забытье, замешательство’ (Пенз.). *Базулить* ‘баловать, нежить, потворствовать’ (Костром.). *Судибоги* ‘жалобы, пени, упреки, при которых говорят: суди бог’ (Волог.).

Из приведенных в определении общенародных слов ни одно не является адекватным толкуемому слову, лишь их совокупность, комбинация передает смысловое содержание местного слова. Впрочем, не всегда в подобных случаях слова, приведенные в определении, являются синонимичными, что вносит в толкование, неясность, неточность.

Ср.: *Выпороток* ‘негодяй, резвый’: *Экий выпороток. Сладу с ним нету.* (Моск., Новг.). *Изнахратиться* ‘испортиться, издергаться’ (Перм.). *Истожать* ‘уничтожать, укрощать’ (Пенз.).

Сравнительно единообразно определяются в областном словаре названия животных, растений, плодов, лекарств и т. п. Основной тип толкования слов этой группы состоит в соотнесении местного названия с родовым наименованием, в указании, как правило, латинского названия с добавлением наименования общерусского (если оно имеется). Отступления от этой схемы заключаются либо в отсутствии латинского названия, либо в увеличении в определении элементов описательного характера: указаний на характерные признаки, форму, окраску, вкус, употребление и т. п.

Ср.: *Аангич* ‘род утки, савка, морянка. Anas glacialis’ (Камч.). *Осва* ‘оса, vespa, насекомое’ (Пск.). *Песцовка* ‘Alus lemnus, полевая, бесхвостая мышь, которую едят песцы’ (Арх.).

В этой группе встречаются и неполные, недостаточные определения, не раскрывающие содержания слова; составители вынуждены были вносить их в словарь без изменений, так как это были единственные записи слов, обозначающих неизвестные составителям реалии.

Ср.: *Живулька* ‘плотоядное насекомое’ (Волог.). *Китина* ‘ствол травы, на которой растут стручки’ (Волог., Костром.).[7] *Отвариха* ‘род гриба’ (Костром.).

Значительное количество слов, помещенных в Опыте, не имеет лексико-семантических соответствий в общенародном языке. Эти слова «родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа».[8] Сюда относятся названия различных видов еды, одежды, орудий, предметов быта и т. п. При этих словах часто, хотя, к сожалению, не во всех, по нашему мнению, необходимых случаях, даются подробные, с элементами энциклопедизма описания реалий, указываются их характерные признаки, использование, связи с другими предметами, местонахождение и т. п. (См. определения слов *адамовщина*, *баланда*, *банник*, *бочкой*, *вавилоны*, *варьга*, *головка*, *держать*, *дивить*, *киргиз*, *почестка*, *праздничный*, *пряжены*, *салма*, *укрут* и др.). Энциклопедические и этнографические элементы в определении подобных слов хотя и принадлежат собирателям, очень ценились составителями областного словаря и вносились, как правило, в него полностью. В этом они видели характерную особенность именно областного словаря в отличие от словаря общенародных слов. О необходимости этнографических указаний в определении слов, обозначающих узколокальные реалии и не имеющих соответствий в литературном языке, неоднократно говорил И. И. Срезневский. Еще раньше проф. Ка-

[7] В Словаре Шахматова определение Опыта заключено в кавычки, после чего дается с вопросом формулировка составителей данного словаря: «т. е. стебли стручковых растений?».

[8] Опыт 1852, Предисловие, с. II.

занского университета Г. С. Суровцев горячо доказывал необходимость и важность этнографических описаний слов в областном словаре.[9]

В описательных определениях местных реалий получили распространение различные цифровые указания типа «длиною в $1^1/_2$ аршина» (*горбуша*), «длиною от 4 до 8 футов» (*ланфут*), «поларшина в диаметре» (*подковка*). См. подобные указания в статьях *базьяновка*, *байдак*, *пекшик*, *сшивина*, *тынок*, *четвертина*, *шняка* и др.

В определениях значительного количества слов с ограниченной сочетаемостью имеются указания именно на эту особенность слова.

Ср.: *Бакча* 'о чае: фунт' (Иркут.). *Либить* 'о раках: ловить на либило или приманку' (Смол.). *Обувистый* 'об обуви: просторный'. *Обувистый сапог* (Арх.).

Как показывают корректурные листы, многие исправления, внесенные после обсуждения, касаются именно таких указаний на несвободную сочетаемость слов, употребление слова с ограниченным кругом других слов (такие указания появились, например, в значениях слов *бочкой*, *валить*, *вазыкать*, *варызгать* и др.). Большое количество этих исправлений свидетельствует о том, что составители стремились выдержать для этой категории слов принцип однотипности определений.

В Опыте и Дополнении большое распространение получили типовые определения для производных слов. Согласно Правилам Словаря 1847 и Программе И. И. Срезневского,[10] производные слова, сохраняющие тесную смысловую и грамматическую связь со своими исходными словами и не имеющие дополнительных значений, должны определяться при помощи отсылочных определений. Это касалось определений уменьшительных, увеличительных, ласкательных, уничижительных и т. п. существительных и прилагательных, относительных, притяжательных прилагательных, глаголов совершенного и многократного вида, отглагольных существительных и некоторых других разрядов слов, при которых давалась отсылка к истолкованному исходному слову с указанием их грамматического отношения.

Ср.: *Горчушка* 'уменьш. [форма] слова горчуха' (Твер.). *Рабливать* 'многокр. гл. робить'. *Раженький* 'смягч. [форма] слова ражий'. . . (Волог.). *Рядninный* 'относящийся к ряднине' (Пск.).

Богатство существительных с суффиксами эмоциональной оценки, значительно более частое использование этих суффиксов в народной речи по сравнению с литературным языком получили

---

[9] Суровцев Г. С. Нечто о собрании областных слов. — Учен. зап. Казанск. ун-та, 1839, кн. II, с. 193—206.

[10] Рукопись И. И. Срезневского «Мнение о правилах, которых должно держаться при создании Областного словаря» впервые опубликована в ст.: Балахонова Л. И. Из истории диалектной лексикографии. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 239—242.

широкое отражение в словаре. Для определения слов с этими суффиксами А. Х. Востоков использовал классификацию, данную им в «Русской грамматике».[11] В словаре различаются уменьшительные, увеличительные, ласкательные, уничижительные и смягчительные существительные. В Опыте существительные с суффиксами субъективной оценки, как правило, образованы от слов, также помещенных здесь (*диженька — дига*, *жуколка — жукола*, *загонюшка — загоня*, *середенушка — середена*). В Дополнении много существительных с экспрессивными суффиксами, исходные формы которых являются общенародными словами и не приведены в словаре в самостоятельных статьях (*дединька* — от *дед*, *женушка* — от *жена*, *невестинька* — от *невеста*, *отинька* — от *отец* и др.). Составители старались как можно четче дифференцировать оттенки значений, вносимые суффиксами субъективной оценки. Относя существительное к тому или иному разряду, они учитывали как грамматический, так и семантический признак. Для существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами таким различительным критерием является количественный момент. Если со словом могло быть связано представление о большем или меньшем размере, оно определялось как уменьшительное независимо от того, что при этом мог явно ощущаться оттенок ласкательности, вносимый суффиксом. Так, существительные *жемулечка* (пряник, подарок), *лизунчик* (от *лизун* — ребенок, часто ласкающийся к матери), *цыпочка* (от *цыпка* — цыпленок) определены как уменьшительные существительные. Когда речь идет о реалиях, которые нельзя уменьшить или увеличить, то они относятся к категории смягчительных существительных. Преимущественно это отвлеченные существительные: *авсенька* (старинный русский праздник), *семерёточка* (от смерть), *шебаршица* ‘дрянь, ничего не значащие люди’ и т. п.

К разряду «ласкательных» отнесены существительные, обозначающие лиц мужского и женского пола, а также названия животных и даже некоторых неодушевленных предметов с суффиксами *ушк(юшк)*, *ичк*, *еньк*, *уньк* и т. д.: *бабунюшка*, *братунька*, *барашунька*, *журушка* (от *жура* — свинья) и т. п.

Существительных, обозначенных как увеличительные и уничижительные, в словаре очень немного. К увеличительным отнесены существительные с суффиксом *ища (ище)*, *ига*, *ина (ино)*: *бабнища*, *девчище*, *ртино*, *снопурига* и т. п. Как уничижительные определены существительные с суффиксом *ишк*, *ашк*, *ешк*, *еха* и др.: *амбарчинко*, *дубасенко*, *овчишко*, *одришко* и т. п.

Не всегда критерий составителей при отнесении существительного к тому или иному разряду слов ясен и убедителен, не со всеми значениями, указанными в этой группе слов, можно согласиться. Почему, например, *буренушка* (корова), *коконюшко* (*коко* — яйцо), *ротанюшка*, *роташенька* (от *рот*), *татенька* (от *тата* — отец)

[11] Востоков А. Х. Русская грамматика. Ч. 1, § 21. СПб., 1838, с. 19.

определены как «смягчительные» от соответствующих исходных слов, а однотипные по формальному (суффикс) и семантическому признаку: *диженька* (от *дига* — гусь), *журушка*, *платенушка* (платье) отнесены к разряду «ласкательных».

Существительные *бабёшка*, *рыбёшка* определены как уничижительные слова, а аналогичное по структуре и значению слово *вертёшка* (от *вертеха* 'ветреник и ветреница') — как «уменьшительное».

Существительные с суффиксом *ишк* определяются А. Х. Востоковым как «уничижительные» и в то же время *вражишко* (от *враг* — 'черт'), *гуньишко* (от *гунье* — 'худая одежда, тряпье'), *обдеришка* (от *обдериша* — 'тот, кто ходит в разорванном платье') неизвестно почему отнесены к словам «уменьшительным», хотя по структуре и значению они вполне соответствуют существительным «уничижительным». У существительного *тетька* (от *тетя*, *тетушка*) составители совсем не учитывали его семантического содержания, относя его чисто формально к «уменьшительным» существительным. Так же и при определении слова *жаднуша* не принималась во внимание семантика исходного слова (*жадина* 'завистливый'). Слово *жаднуша* отнесено к разряду «ласкательных», хотя более правильно было бы определить его как «смягчительное», так как в разряд «ласкательных» А. Х. Востоков включал лишь «названия любимых особ».[12]

Известный разнобой в определении слов с суффиксами субъективной оценки может быть объяснен, по-видимому, тем разнообразием и обилием этого разряда слов среди диалектной лексики, с которыми впервые столкнулись составители, а также отчасти избыточной дифференциацией значений этих суффиксов и соответствующих существительных, установленной А. Х. Востоковым в его «Русской грамматике».

В словаре применялись отсылочные определения и в других разрядах слов. Отглагольные существительные на *нье (ние)* в одних случаях сопровождаются самостоятельными определениями, в других же — типовыми толкованиями по образцу Словаря 1847:

Ср.: *Пеклеванье* 'действие пеклюющего' (Пск.). *Плинтование* 'действие плинтующего' (Пск.). *Приздыманье* 'действие приздымающего' (Арх.).

Довольно последовательно по условной формуле определяются производные существительные, обозначающие действующих лиц (образованные от соответствующих глагольных основ).

Ср.: *Галяй* 'кто галится' (Пск.). *Лынь* 'кто лыняет' (Пск., Твер.). *Лязга* 'тот или та, кто ляжжит' (Новг.).

Вопреки требованию Правил И. И. Срезневского производные существительные женского рода, имеющие морфологическую структуру соответствующего существительного мужского рода и общее

[12] Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 18.

с ним значение, получают, как правило, самостоятельное толкование:

Ср.: *Обмена* ‘лицемерка, притворщица’ (Арх.). *Обменник* ‘лицемер, притворщик’ (Арх.). *Поводырка* ‘провожающая слепца’ (Кур.). *Поводырь* ‘провожающий слепца’ (Кур.).

Среди различных разрядов лексики, помещенной в областном словаре, большое место занимают лексические эквиваленты (в том числе однокоренные), распространенные в разных говорах. Так, например, в словаре помещены такие обозначения брюквы, известные в разных местах России: *бакланка*, *брюкла*, *буква*, *бухма*, *бушма*, *бот*, *грухва*, *желтуха*, *землянуха*, *калива*, *калица*, *карлабия*, *ландушка*, *ланка*, *миндра*, *немка*, *редька сладкая*, *синюха*. Глаголы *забандаться*, *зачумарзиться*, *зачупахаться*, *отпекаться*, *перебандаться*, *перекаститься* и многие другие имеют одно и то же значение ‘запачкаться’. Первоначально при всех территориальных лексических эквивалентах А. Х. Востоков давал самостоятельные определения. В некоторых случаях они воспринимались им как разнозначные слова, если толкования, составленные разными лицами, значительно расходились между собой.

И. И. Срезневский, прочитав первые напечатанные листы словаря, решительно высказался против такой подачи равнозначных слов, особенно однокоренных. По его предложению первые листы были исправлены, определение стало сопровождать только один из подобных дублетов, при всех остальных давалась отсылка по образцу «То же, что».[13]

Как показывают корректурные листы, эти исправления позволили устранить многие неясные, неточные, плохо сформулированные определения, так как оставлялось одно, наиболее полное и точное из имеющихся толкований в группе равнозначных слов.

Отсылочные определения в этом разряде слов получили широкое распространение как в Опыте, так и в Дополнении. При этом всем, кто пользуется этим словарем, в том числе и составителям СРНГ, следует учитывать, что ссылки в Дополнении даются не только на слова, помещенные в самом Дополнении, но и на слова Опыта. К сожалению, несмотря на исправления, многие равнозначные слова, а также регулярные фонетические варианты и даже разные транскрипции одного и того же слова так и остались в словаре как разнозначные слова, сопровождаемые самостоятельными определениями. Во всех сомнительных для него случаях А. Х. Востоков предпочитал сохранять определения автора. В результате по-разному толкуются такие эквиваленты, как *адя́ — айда́*, *абату́р — оботу́р*, *вотре́ц — вотре́ть*, *тресся́ — трясся́*, *чура́ться — цура́ться*, *скопка́рь — скобка́рь* и т. д.

[13] Начиная составлять Опыт, А. Х. Востоков давал отсылки, но только на Словарь 1847. В случае существования в общенародном языке лексического эквивалента диалектного слова ссылка давалась именно на это слово, помещенное в общем словаре. Ср.: *Бичева* то же, что бечева. *Бита* то же, что кон во втором значении. И бечева и кон даны в Словаре 1847.

В своей статье «О наречиях русского языка» В. И. Даль подверг самой резкой критике принцип ссылок, принятый составителями академического областного словаря для групп однокоренных эквивалентов.[14] В словаре, по его мнению, «ссылки сделаны по урядью, с одного на другое» или на первое по алфавиту слово. В. И. Даль справедливо считает, что такой принцип объединения лексических эквивалентов ненаучен: ссылаться нужно на слово, «принимаемое за правильное». Правда, сам он при этом не определяет, какое же из равнозначных слов следует считать правильным. В своей критике В. И. Даль прав был лишь отчасти. Прежде всего следует указать на то, что И. И. Срезневский независимо от В. И. Даля придерживался тех же взглядов на то, как нужно показывать слова этого разряда в словаре, что очень четко и определенно выразил в своей Программе.

По мнению И. И. Срезневского, определяться должно либо то слово, которое более известно (т. е. более распространенное), либо то, которые ближе к «первообразу» (т. е. исходное по отношению к производным словам). Предложение И. И. Срезневского о необходимости толковать только одно из однокоренных равнозначных слов было принято. К сожалению, однако, в решении Отделения по этому вопросу не было установлено, какой же из группы однокоренных эквивалентов должен был определяться описательно: «Разные выговоры одного и того же слова помещать отдельно в словаре, но определять только один из них, а при прочих делать ссылки на обозначенное уже слово».[15] В результате неопределенности этого решения в системе ссылок в областном словаре допускался разнобой. Наиболее распространенным, и в этом В. И. Даль прав, оказался чисто формальный принцип ссылок: на слово, стоящее первым по алфавиту (см., например, группу *лантрига — латрига — латрыга*; *онагдысь — оногди — оногда — оногды — оногдысь — оногдышко — оногдясь — оногдась — онолдись — онолды — онолдысь — ономясь*) или с каждого последующего слова на предыдущее (см.: *запаска — запона — запон*; *истопка — истóпок — и́стопок*). Судя по материалам словаря, эти два вида ссылок применяются чаще всего при словах, имеющих одинаковое распространение.

Но встречаем мы в словаре также немало случаев отсылок, обусловленных самой лексико-грамматической структурой слов. В этих случаях толкование сопровождает более распространенное слово или более близкое по грамматической структуре к литературному эквиваленту независимо от того, ниже или выше по алфавиту оно находится, именно на него делаются отсылки от всех других однокоренных слов.

Ср.: *Кажинный* ‘то же, что кажный’ (Смол.). *Кажиный* ‘то же, что кажный’ (Твер.). *Кажний* ‘то же, что кажный’ (Пск.). *Кажный* ‘каждый’ (Волог., Твер.).

[14] Словарь Даля, ч. 1, с. XXV—LIV.
[15] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 110.

По принципу «правильности», «первообразности», распространенности даются отсылки в рядах *девно — девнище*; *насовка — насовы — насовки — насовыши*; *нареком — нарошно*; *киселица — киселка — кисленица — кислиница — кислинка — кислица*; *подруга — подряга* и т. п.

Встречаем, конечно, в отсылках разного рода ошибки, что практически неизбежно в каждом словаре. Так, например, в словах *бутус* и *бухтей* даны отсылки на первое и второе значение слова *бутуз*, хотя в словарной статье последнего слова отмечено только одно значение (*бутуз* 'неповоротливый, коренастый человек'); глагол *взбулгатить* определен как совершенный вид глагола *булгатить* (в обоих значениях), а глагол *булгатить* имеет лишь одно значение; в словарной статье на слова *гойтан* читателя отсылают к слову *гайтан*, которого в словаре вообще нет. Такие примеры можно было бы продолжить. Корректурные листы дают возможность объяснить некоторые из ошибок. Так, например, у слова *бутуз* первоначально было выделено два значения 'коренастый' и 'неповоротливый', впоследствии вряд ли справедливо объединенных в одно, а ссылки по недосмотру так и остались на оба значения.

Немало в словаре случаев необъяснимой непоследовательности при определении равнозначных слов: так, например, иногда каждый из лексических вариантов сопровождается описательным определением, хотя тождество их очевидно, так как тождественны их толкования.

Ср.: *Житенка* 'ячмень на глазу' (Твер.). *Жичина* 'ячмень на глазу' (Пск.). *Окрапивиться* 'ожечься крапивой' (Пск.). *Острякавиться* 'ожечься крапивой' (Новг., Пск.). *Спаха* 'тот, кто долго спит, соня' (Новг.). *Спиха* 'тот, кто долго спит, соня' (Моск.).

Все отмеченные в статье недостатки, ошибки, непоследовательность в толкованиях и в способах толкований снижают, конечно, значение Опыта, но они неизбежны в первых областных словарях, которые еще только накапливают материалы по диалектной лексике. Изучение как достижений, так и ошибок, объективных и субъективных, в работах наших предшественников поучительно и необходимо.

Г. П. КНЯЗЬКОВА

Толковый словарь В. И. Даля и историческая лексикология

I. Величие подвига В. И. Даля, создавшего толковый словарь, высоко оценивали его современники. «То, что он сделал для родного слова, — писал Я. Грот, — останется почетным памятником его деятельности, навсегда сохранит значение в истории русского языка и русской лексикографии».[1]

Время подтвердило эту высокую оценку. И в наши дни, несмотря на то что русская лексикография имеет давнюю и богатую традицию, а русский язык стал предметом разностороннего лексикографического описания, Словарь Даля, самый обширный по словнику словарь русского языка, является важным пособием при различного рода исследованиях. Всем понятно, какую ценность представляет словарь для изучения исторической лексикологии русского языка второй половины XIX в. Но этот словарь необходим и при историко-лексикологических исследованиях более ранних периодов развития русского языка второй половины XVIII в. и предпушкинской поры.

Изучению лексики русского языка этого времени немало помогает наличие словарей разного рода: академических, толковых и переводных, словариков и списков областных слов. Но этого оказывается недостаточно. Академические словари русского языка конца XVIII—первой половины XIX в., как известно, фиксируют преимущественно лексику литературного языка. То, что Даль называл «живым великорусским языком», входило в них после строгого отбора. Так, во втором (алфавитном) издании Словаря 1802—1816 содержится 43 257 слов. Из них слова, характерные для народно-разговорной речи и снабженные соответствующими пометами, составляют около 1000. В Словаре 1847 при общем составе слов 114 749 слов с пометами «прост.», «простонар.», «обл.»

---

[1] Грот Я. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. — В кн.: Филологические разыскания Я. Грота. Т. I. СПб., 1885, с. 58.

всего 1700.[2] Являясь самым полным по словнику законченным словарем русского языка (более 200 000 слов), Словарь Даля представляет собой самое разнообразное собрание лексики русской живой разговорной речи первой половины XIX в. Перечисление основных источников этого словаря в работах, ему посвященных, подтверждает наличие в нем необходимой лексикографической преемственности и указывает то новое, что внес автор. Так, по данным Канкавы,[3] совпадающий с другими словарями состав лексики в Словаре Даля равен: со Словарем 1847 — 100 000 слов, с Опытом 1852, Дополнением 1858 к нему и Опытом терминологического словаря Бурнашева — 37 000 слов. Более 70 000 слов были записаны самим Далем в Оренбурге, Петербурге, Нижнем Новгороде и других местах. Даль собирал слова живого языка более 40 лет (первая его запись датируется 1819 г.).

II. Необходимость привлечения материалов Словаря Даля при историко-лексикологических исследованиях в указанных временных границах мотивируется рядом обстоятельств: а) все слова живой разговорной речи, отобранные Далем, относятся непосредственно к предпушкинскому периоду; б) следует иметь в виду и состояние русского языка во времена Даля, о чем так хорошо в свое время сказал В. И. Чернышев: «Русский народный язык Даль захватил в эпоху его наибольшей сохранности (разрядка наша, — *Г. К.*), описал точно и обширно и, таким образом, сохранил для нас многие особенности нашего живого языка, которые теперь утрачены или совсем, или в значительной мере».[4]

Таким образом, при историческом изучении лексики русского языка в указанное время создаются возможности учета близких по времени фиксаций и ретроспективного подхода к собранному по памятникам этой поры материалу — от выявившихся, по данным Словаря Даля, системных линий и явлений к тенденциям, прослеживающимся во второй половине XVIII в.

Очень важен и нужен Словарь Даля при изучении диалектной лексики указанного времени. Диалектные слова входили тогда в памятники различных жанров разными путями: 1) наличие таких слов в памятниках высокого и среднего стиля может быть объяснено тем, что авторы не ощущали их локальной ограниченности;

---

[2] Состав такой лексики в САР и в Словаре 1847 не совпадает, так как в последнем сняты пометы «просто же» и «простонар.» примерно с 1200 слов (и оборотов), а в целом ряде случаев, наоборот, слова, данные в САР без пометы, в Словаре 1847 их имеют (см., например: *алтынник*, *горюн*, *грамотник* и др.). Целый ряд их введен в этот словарь впервые (см.: Сергеев И. Т. Просторечная и простонародная лексика в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Канд. дис. М., 1967).

[3] Канкава. Даль как лексикограф. М., 1953.

[4] Чернышев В. И. Избр. соч. Ч. I. М., 1970, с. 427.

2) проникновение областных слов, связанных с промыслами, в памятники среднего стиля отражало состояние еще не оформившихся терминологических систем; 3) в жанры низкого стиля они проникали из ненормированной разговорной речи. Авторы в этих случаях обычно следовали за разговорной речью. Отличительная особенность диалектных слов — локальная прикрепленность — была установлена путем длительных и многочисленных наблюдений. Ее общественное осознание относится к концу XVIII в.[5] Пока мы не располагаем значительными материалами по лексике русских диалектов XVIII в. В этих условиях помощь Словаря Даля неоценима. Используя материалы словаря, мы обращаемся к фиксациям, близким по времени. К тому же «в условиях того времени русские диалекты были более замкнуты и еще хорошо сохраняли старый народный язык».[6] Историки русского языка нередко сталкиваются с тем обстоятельством, что то или иное слово из памятника второй половины XVIII в., предположительно диалектное, впервые фиксируется в Словаре Даля. В этих случаях очень важно и толкование его значения, и указание локальной приуроченности. Вот, например, что означает слово *колывань*, встреченное нами в комической опере Н. П. Николева «Розана и Любим»? Свойственно ли оно общей разговорной речи второй половины XVIII в. или локально ограничено в употреблении?

[Щ е д р о в:] *Дать было ему денег. . . Вот тебе на лапти.* [Л е с н и к:] *Отец мой! да тут на целую неделю колывань* (с. 84). См. в Словаре Даля: *Калывань, колывань. . .* (Кал.) пир, празднество (с. 79).

Это слово отсутствует в толковых и переводных словарях XVIII—начала XIX в., нет его в диалектных записях и словариках того времени, в Опыте 1852 и в Дополнении 1858. На основании Словаря Даля можно считать слово *колывань* диалектизмом. См. также некоторые другие слова.

[Свитин] во весь день не переставал сердиться и ворчать; и гнев, и веселье находило на него голомянами (Болотов. Записки). См. у Даля: *Голомями* (Тул.). *Голомянами* (сев. и вост.), *глуменами* порывами, перемежкою, перемежно, временно, с расстановкой (с. 681).

Хвостом махнувши, вестник черный
Помчался выполнить приказ;
Из всех он парень был моторный
И дрожки заложил как раз.
(Наумов. Похищение Прозерпины).

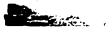
[5] Подробней см.: К н я з ь к о в а Г. П. Об областных словах в русском языке XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М., 1966, с. 108—145.

[6] Ч е р н ы ш е в В. И. Указ. соч., с. 427.

У Даля: *Моторный*. . . (юж., Тул., Пенз. Волог.) проворный, живой, расторопный (с. 290). См. также слова: *взмилиться*, *высуслить*, *гостевать*, *загулка*, *комшить*, *мотора*, *моторыга*, *ромода*, *сполагоря*, *схопать* и др. Можно предположить, что все эти слова сохраняют на протяжении второй половины XVIII—XIX столетий локальную ограниченность.

Не менее важны показания Словаря Даля в отношении подвижного состава лексики русских диалектов. Для слов, входящих в русский литературный язык из диалектов (таких, как *пурга*, *торос*, *трущоба* и др.), а также выходящих из общего употребления и обретающих локальную ограниченность (см.: *кочет* 'петух', *орать* 'пахать', *погода* 'буря, непогодь' и др.), отсутствие данных в Словаре или, наоборот, появление их при словах, ранее общеупотребительных, следует рассматривать как лексикографическую фиксацию завершения соответствующего процесса.

Особо следует сказать об этнографизмах. Эта группа слов объединяет в своем составе как общеупотребительные, так и диалектные слова. Памятники второй половины XVIII в. с ориентацией на разговорную речь содержат значительное количество слов, относящихся к реально-бытовой сфере. Они характерны для источников различных стилей и жанров. Роль таких слов, равно как и особенности их употребления, в них различны. Можно проследить тематическую обусловленность их введения в тексты (см. употребление слов — названий сельских реалий в статьях Болотова в «Сельском жителе» и «Экономическом магазине», появление их в контекстах при описании обстановки в ремарках комедий). В некоторых видах памятников такие слова введены с определенным стилистическим заданием: в травестийной поэме конца XVIII в. с их помощью создается контрастно сниженный фон, на котором действуют боги, герои, нимфы и др. С выходом из широкого обихода самих реалий и слова эти выходят из общего употребления, сохраняясь только в диалектах. Способность диалектных систем удерживать архаическую лексику распространяется и на лексику этнографического характера. Трудно себе представить, как бы мы обходились здесь без мудрой помощи Даля. Ведь словари изучаемого периода довольно скупо фиксируют слова — названия реалий простого быта, определения таких слов очень кратки, а у Даля они вполне достаточны. Приведем некоторые примеры.

Пролазы же из низкой черни
Пошли искать майданов, зерни,
Чтобы кого-нибудь оплесть.

(Осипов. Виргилиева Енейда, вывернутая наизнанку).

В Словаре Даля: *Зернь*. . . игра в кости или в зерна, которые употребляются в мошеннической игре на деньги, в чет-и-нечет

(с. 681). *Майдан*. . . место на нем (на торгу, базаре, — *Г. К.*), где собираются мошенники для игры в кости, в зернь, в орлянку, карты (с. 290).

Пошла баталия, и в куче оплеух
С обеих полетел подкапок и треух.

(Плавильщиков. Баталия).

См. у Даля: *Подкапок*. . . шапка с околышем, сходная с монашеской (с. 176). *Треух*. . . теплая шапка с тремя опускными лопастями, на бока и на затылок, с ушами и задником, иногда еще с узким передником в роде козырька; малахай. // *Треух* вообще мужская шапка, но на севере и на Дону его носят и женщины покроем поменьше; иногда лопасти подвязываются на макушке; малахай, ушанка (с. 433).

III. Словарь Даля необходим при исследованиях лексического состава общей разговорной речи данного периода и литературного просторечия. Лексический материал живой разговорной речи, представленный в словаре, при сопоставлении с аналогичным материалом памятников второй половины XVIII в. дает основания для суждения о тенденциях и процессах развития по фиксируемому словарем их разрешению. Так, тенденция деривационного многообразия разговорной речи в кругу имен существительных — названий лиц мужского и общего рода, воспринятая литературным просторечием (см. образования с аффиксами *-ай*, *-яй*, *-тяй*, *-ак*, *-як*, *-чак*, *-аль*, *-ач*, *-ей*, *-ень*, *-уй*, *-ун*, *-юн*, *-ыш*, *-арь*, *-ырь*, *-ик*, *-ник*, *-чик*, *-щик*, *-ило*, *-ко*, *-ага*, *-яга*, *-ыга*, *-ала*, *-оха*, *-уша* и др.), подтверждается значительно более обширными рядами таких имен, фиксируемых словарем. Широкая словообразовательная вариантность как тенденция развития и характерная черта разговорной речи XVIII в. демонстрируется в Словаре Даля как сформировавшаяся реальность. См. развернутые вариационные ряды: *скупяга*, *скупень*, *скупердяй*, *скупердяга*, *скупендряй*; *лежень*, *лежебок*, *лежняк* и др. Словарь фиксирует в целом ряде слов изменения семантического объема, проявившиеся в сложении предикативно характеризующих значений, в ряде случаев лишь намечавшиеся в XVIII в. См.: *баран* ‘смирный, простоватый человек, которым помыкают’; *байбак* ‘неповоротливый мешкотный человек, лентяй и соня’; *ворона* ‘нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака’; *гоголь*, *гоголек* ‘франт, щеголь, волокита’; *ехидна* ‘злой, злорадный человек’; *змея* ‘злой человек, скрытный и злобный’; *ерш* ‘строптивый, сварливый человек’; *карга* ‘старуха’; *лиса*, *лисица* ‘лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра, корыстный льстец’; *осел* ‘глупый ленивый человек’; *тетеря* ‘тупой, глупый, бестолковый человек’; *хомяк* ‘лентяй, вялый, соня и лежебок, неповоротливый’ и др. В предшествующий период в целом ряде случаев можно говорить о тенденциях расширения семантического объема, реализующихся в смысловых смещениях и образных употреблениях. См. такое употребление в Записках Болотова: «Итак, нечаянное сие объявление произвело во всем

собрании великую тревогу. Ехидна моя (речь идет о приказчике, — *Г. К.*) побледнела вся от злости со всем своим прибором» (Болотов. Записки).

Все сказанное выше позволяет считать Словарь Даля важнейшим пособием при историко-лексикологических исследованиях русского языка второй половины XVIII в. Дальнейшее изучение печатных памятников XVIII в., равно как и рукописного наследия, несомненно обогатит наши знания в данной области. Но и тогда Словарь Даля останется неизменным помощником всех, занимающихся изучением общей разговорной речи того времени и ее локальных вариаций.

Н. А. РОМАНОВА

Некоторые особенности говора д. Заречье Вохомского района Костромской области[1]

Диалекты русского Севера всегда привлекали внимание ученых. Особый интерес этот вызван тем, что Север явился своеобразной «кладовой», в которой в силу исторических и географических условий законсервировались и сохранились многие архаические черты языка, культуры, быта русского народа. Вохомский р-н (до революции волость Никольского у. Вологодской губ.) расположен в самой северной части Костромской обл., гранича на западе с Никольским р-ном Вологодской обл., на востоке — с Мурашинским р-ном Кировской обл. Рассматриваемый говор относится к вологодской (восточной) группе севернорусских говоров. Районный центр пос. Вохма находится в 120 км от ближайшей железнодорожной станции Шарья, от которой можно добраться автобусом или самолетом. Д. Заречье лежит еще севернее — в 60 км от пос. Вохма. Сообщение такое же, причем два раза в год оно прерывается из-за распутицы.

Удаленность от культурных и промышленных центров (от Костромы и Вологды около 400 км, от Кирова около 200 км), оторванность района от железной дороги способствуют достаточно хорошему сохранению в говоре архаических черт; на некоторых из них и остановимся.

Из фонетических явлений следует отметить прежде всего те, которые объединяют говор со всем северновеликорусским наречием.

1. Произношение гласного *о* не только под ударением, но и в безударных позициях (оканье): *ја́тно*, *обрад'е́ть*: *соп'ерёй*, *запрохо́т*.

2. Взрывное произношение *г*: *испр'ируга́ть*, *р'ега́т'ик*.

3. В конце глагольных флексий 3-го л. мн. ч. наст. и буд. прост. врем. *т* без мягкости: *хо́д'ут*, *навыйцивајут*.

Фонетическая характеристика говора показывает, что он принадлежит к вологодско-вятской (восточной) группе и состоит

[1] Заметка написана на материале двух экспедиций сотрудников ЛО ИЯ АН СССР (лето 1976 и зима 1977 г.).

в следующем. На месте старого *ѣ* непоследовательно наблюдается *и*: в положении перед мягким согласным: *Ми́сяц*, *огурешно си́мя*. В положении перед твердым согласным *е*: *Два ме́ста*.

На месте *а* в положении между мягкими согласными слышим *е*: *опе́ть*, *пре́нички*, *гре́зь*. *Е* в неударных слогах почти всегда переходит в *о*: *в'о́снус'*, *знајо́т*, а также в абсолютном конце слова: *жыв'ит'о́*, *воз'м'ит'о́*. После шипящих наблюдается иногда в первом предударном слоге *а*: *Жале́зница да девятильник от глистов*, *она шибко горькая*.

Распространено цоканье, причем *ц* может быть и твердым, и мягким: *Дорогу розмётали розмётцики*, *на километр два целове́ка*. *Он говорит*, *а ты не приставай к реца́м*. В глаголах 3-го л. ед. ч. прош. врем. на месте *л* конечного иногда появляется *у* неслоговое: *взяў*, *зарезаў*, но *сделал*. *Л* в позиции перед согласным непоследовательно переходит в *у* неслоговое: *доўбим*, *заулки*, *доўголягий*, *воўд'ен'иц'а*. В говоре наблюдается также протетический *в* перед *о*: *Смолу гнали на лопатки*, *востри́ть косы*. *Вон сосед повтыкал востро́в* (кольев). Такая форма соседствует с отсутствием протезы: *В остро́е-то сено цело будет*, *сметали дак*. *В* звучит как *у* неслоговое перед согласным, но непоследовательно: *по подлаўкам*, *утолкет*. Замечен нечастый переход мягкого *к* в *т*: *Раньше краски-то в культя́х* (кульках) *были*.

Следует отметить преобладание полногласных образований над неполногласными (не только в речи пожилых). Употребление таких слов характерно для всех возрастных групп: *Молодяжки в кино пойдут*, *не зрослые*. *У нас сё на молоцном масле*, *и пёкут и пироги мажут*; *от коровы хорошо масло коровье*. *Заяц на санках*, *морозко сидит* (рисунок на открытке). *Изылел поросенок*, *матка придавила*, *а другой мертвый совсем*; *избережлась*, *мёртвой в ней*. *Отрезали этакий жеребей*, *кусок*. *Гли-ка заоболациват*, *дож будет*. *Бережок* (сенокосный участок), *береза*, *бородастой* (бородатый), *волок* (лесная дорога), *волосье*, *волоть* (счески, отходы льна), *волочить*, *адамова голова* (трава), *золотушница* (трава), *коротайка*, *короташка* (одежда), *охолодиться* (похолодать), *пелева* (мякина), *переворотить*, *поворотиться*, *смород* (чад), *солома*. Гораздо реже встречаем слова с неполногласием: *Ну она и глодалася*, *продавщица-то*, *вот гложутся*, *токо штё не дерутся*. *Она гложется*, *гложется со мной*, *мы впетере не могли её переглодать*. *Озевала бладенца*, *он и помер*. *Мужики горожат*, *ограду делают*.

К наиболее важным морфологическим особенностям говора нужно отнести следующее. Окончание род. п. прилагательных и местоимений на *-ово*: *Не ломи ево*. *У меня хорошево нет*, *а ренья-то есть*, *худое-то*. *Взели одново гнезда*, *вепрь и свинка*, *есвяные они*. Сравнительная степень прилагательных и наречий имеет форму на *-ае*, *-ай*: *Там ведь вольно было*, *десять только целове́к ехало*. *Маленько побольше*, *дак волняе и луцше*. *А я штё вкусняе*, *все пуще ем*. *Этот басцае кавалер*, *а этот хуже*. *Могут и побасцай*.

Надо помыть поболяе. . . пепелом и белят. Ежели холодняе будет, съезжу в Душанбу. Запекло, от солнца, кожа красная; а кто цорной, дак кожа церняе.

Совпадение форм твор. и дат. п. существительных, прилагательных и местоимений во мн. ч.: *Ногтям-то зацелил. Ой, лес выломило, ветром, выкациват совсем и с кореньям.*

Следует отметить формы им. п. мн. ч. на *и* у существительных мужского рода с суффиксом *-онок/-ёнок*: *Вецером же* (медведица) *пять жеребёнков придрала. Ребёнков нарушил отец.* Эти формы сосуществуют с литературными на *-ата*: *На какой гроб, говорят, его* (медвежонка) *привел, всех жеребят притравили, она* (медведица) *всех задрала.*

Лексические черты говора рассмотрим более подробно. Как и в любом говоре, основой словарного состава его являются общенародные слова. В большинстве своем они имеют лишь фонетические отличия от слов литературного языка: *Вот кушайте лук-то зеленый, перьё.* Но часто система диалекта накладывает определенный отпечаток на функционирование этих слов, в результате чего происходят изменения в их семантике: утрачиваются некоторые из общенародных значений, приобретаются новые, в диалекте общенародное слово получает иное значение, часто сохраняя и общенародное: *луковая трава, луженый чугун* (эмалированный), *низменный* (низкорослый).

Небольшое сравнение лексических материалов говора с уже составленным томом СРНГ дает результаты, говорящие о целесообразности изучения говора д. Заречье: на 38 слов говора 8 не зафиксировано двумя картотеками ЛО ИРЯЗ, 13 — имеют неизвестные ранее значения, 10 впервые зафиксированы на этой территории, записано 2 новых сочетания.

Бóльшую часть лексики говора составляют собственно диалектные слова. Их можно рассматривать с разных точек зрения. По характеру употребления их обычно делят на две группы: 1) активное: *Вон сосед-то повтыкал востроев*; 2) пассивное: *Смолу гнали на л о п а т к и, вострить косы, л о п а т и т ь. Б р а т ы н я медная, вроде миски*; *в братыне пиво пили, такая с рожком, большое блюдо, неразливистое токо. Б р а т ч и н а, пива варили, веселились, складывались целовек пятьдесят. Е н д а в ы были с носиком, тожо пиво носили.*

Тематические группы лексики в говоре достаточно разнообразны и многочисленны. Мы наблюдаем сохранность, часто неполную, детализированных названий родства и свойства: *Сетренку и братана венцали* (сестренка — двоюродная и троюродная сестра, братан — двоюродный и троюродный брат). *Мамка и расстроилась, гли-ко, долгой язык, озевала бладенца* (мамка — свекровь). *Всю зиму ходила большуха, отодралась вешалка* (большуха — старшая девочка в семье).

Образ жизни колхозников и характер сельских работ изменились в советской деревне. Поэтому названия некоторых старых

орудий и процессов труда сохранились уже только в памяти людей: *Кошма, раньше лес плотили, высокие клетки плотят, много наплотят и пускают, вот идут кошмы. Лес раньше челёнам гнали, из липы веревки тоустые, дерев по десятку; снасти лёгости звали. Крюк вырубят из березы, к нему лёгость привязывают.* Многие местные жители не только уезжали в другие области на лесоразработки, но и занимались лесозаготовками здесь, на р. Вохме — она и сейчас сплавная река. Только в 1974 г. в 4 км от д. Заречье был ликвидирован лесоучасток Талица. В пос. Ср. Вохма (в 6 км) участок лесхоза есть и сейчас.

Старые женщины помнят, как еще до войны стирали с помощью золы: *Пепельницу* (полотно) *постилают на этот бук* (кадка), *золу наложат, на низу гвось. Раньше буцили лопоть, в кадку складут, потом постилаху положат, пеплу положут, вода мыльная станет, белье моют.* У некоторых пожилых женщин еще сохранились ткацкие станки (*станы*), они еще ткут половики. Материал — пестрядь, полотно, скатерти и другие изделия давно не ткут, так что даже отдельные приспособления утеряны, помнят их только старухи: *Весёўко, узоры набирают* (деревянная заостренная лопаточка направлять нитки при тканье). *Сотельник* (вид полотна) *был, в сто досок пряли. Вьюха, на ее нитки навивали.* Названия тканей и изделий помнятся хорошо. Некоторые образцы их можно еще увидеть в сундуках: *Бранины брали, клетчатины ткали на скатерти, восемь цапков да цетыре. Ето брань на полотенце. Восьмицапаки ткали, салфетки-то, восемь цапков и двенадцать подножек ткали. У нее и клитчатины были, скатерти восьмицапошные. . . рядинна на мешки.*

Хотя многие процессы труда старого хозяйствования помнятся с трудом, отдельные устаревшие виды работ сохраняются до сих пор, а значит, и лексика, с этим связанная. До сих пор в районе существуют остатки подсечного земледелия: *Чистка, где сено выкошено, каждый себе чистит. Пожню цистить будет, вал навалил, осек. Новоцисть у Нюрки там.*

Для говора д. Заречье, как для многих говоров русского языка, характерно особенное развитие некоторых групп лексики. Так широко представлены здесь названия жителей по месту. *Вохмак, вохменка* живут в деревнях по р. Вохме и в пос. Вохма. *На Вятке ветченята, у мужа на родине, там все ветченянки. Раньше ветлужаны все лес сплавляли. Угоряна* — в деревне на угоре (горе), в Талице — *таличана*, в д. Разбойница — *разбояна*, в д. Сокерино — *сокиряна.*

Одним из признаков хорошо сохранившегося диалекта является наличие в говоре большой группы лексики, связанной с названием звуков, издаваемых животными. *Козла ревет, овца блеёт. Недаром рявкает, ревёт поросёнок, от крюхает. Петух кикирикает, поет. Голубки как зафурцели, только фуркоток пошел по церкви. Бык все ревет, хавкает. Она* (корова) *похавкала, да за мной. Иду, дак она встрицу, идёт, рыкает, отстала где-то, ревёт. Он ведёт*

медвежонка, ведёт, а она (медведица) *идёт за ним, хавкает. Семенов кот дак цисто задрал. Мурик ревёт. Всего цисто издерёт, вот какой враг, шерсть из кожы выдират. Где-то котенок заревел. Не каркайте, дожжовица будет. Как вороны заревут, дак дож будет. Што ты, как медведица, окостоусилась на мужика? Рявкаешь на ево. У меня Ондрюша до 12 цесов рявкал, разревелся. Лягуша лает весной, холодная весна — худое лето.*

Современный этап в развитии говоров характеризуется интенсивностью языковых процессов, что и приводит в отдельных случаях к состоянию неустойчивого равновесия, к повышенной избыточности выражения языковых единиц.

Для любого диалекта, как ненормированной языковой системы, существующей только в форме устной речи, важна проблема вариантности (варьирования) слова. Вариантность слова представляет собой сосуществование двух или нескольких формальных модификаций одной и той же лексемы, тождественных по своему значению.[2] В говоре д. Заречье достаточно полно представлена вариантность слова в основном именными образованиями. *Гребень, гребетень, штё в волосья-то. Западня, западень в подполье лазить, у двери скоба.* Иногда, как мы видим, источником подобной вариантности может быть литературная лексика. *У меня душа* (дыхание) *коротка, как быстро побежу, дак занеможется. Зимой совсем дыху нет. Сколь покосили, и траву несет водополь, водополица, вода большая. Где брюшница есь, брюшника, все знаю, где какую траву рвут, все знаю. Выскери, стоят большие выскерья, выворотень, дерево. Один лабаз, один лабазник на пожне. Евону короташку одела и пошла. Коротайка получше куфайки да похуже пальта. Коровенник не баской, так-то мы ево не варим. Коровники у нас ети не едят, оне жидкие. Клопница, да матрешки, от клопов, клоповница. Я пастухарила, вдруг медведь. Он пастушит, плетет все из лык из берестяных. Эту своробату-то не надо, ишь она кака своробна, картосина. Лягуши прыгают, сено цорно будет, предмет такой. Это первая предмета, старики-те говорили, грузли лопатой на успленьё будут.*

В говоре д. Заречье можно встретить (как и в других говорах русского языка) сосуществование: 1) разных слов при полном сходстве их значений; 2) разных слов с частичным (неполным) сходством значений — и то и другое получило в литературе название лексических дублетов, или синонимов.[3] *Губы — грибы, губница — грибовница: Идти за губам, старики-те говорят, сходить по губы. Носят грибов не по множку, на губницу. У меня-то навсе грибовница-то выгорела, Лена. Выворотень — выскерь: Выскери, стоят большие выскерья, выворотень, дерево. Гориль — па-*

[2] См.: Лукьянова Н. А. Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской обл. АКД. Новосибирск, 1966.

[3] См.: Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973.

лянина, кипрей — кипрюжник: *Кипрей, кипрюжник, он на палянинах ростет. Выгорит лес, гориль называли. Отень — лентяк — локас*: *Отень, ленивой, у отень, говорят. Лентяки*; *поленишься, и не загорожоно, дира де-нидь и не заложона. Уйди-коты, локас, ишь лежит, ленится пошевелиться. Осырок — огород (огородец). Кто огород говорит, кто осырок. Кто осырком назовет, кто огородец. Копоруля — коповушка*: *И я хотела поокуцить, нет коповушки-то. Дожжом-то розвело всю землю, от копорули не отстает земля-то.*

Как известно, словарный состав говора обладает относительным постоянством. Лексико-семантическое варьирование — развивающийся процесс в говоре. Некоторые лексемы говора безусловно полисемичны: 1) *деревина* 'дерево'. *Поскотина в лесу за полем, выгораживали в лесу осеком, какая ближе деревина, срубают и закидают завалом. На деревине губины ростут*; 2) *деревина* 'древесина': *Все было из деревины, ручки деревянные, сверцено все.* 1) *Клеверище* 'место, где растет клевер'. *Косить буду да каменья обирать на клеверище*; 2) *клеверище* 'сенокосный участок с большой долей клевера в траве': *Она шибко наказывала: обирай клеверищо, каменья, косить-то нельзя, сё цикает, косу всю высвистишь.*

Следующий шáг в развитии многозначных слов — постепенное разрушение полисемии. Затруднительно в некоторых случаях решить, имеем ли мы дело с многозначным словом или с омонимами. *Задрать* 'заесть': *Комары-те не задерут меня. Семенов кот дак цисто задрал* (расцарапал в драке), *Мурик ревет. Глянуться*: *На Пеноме мы косили, да гленется* (кажется), *холодней, цем у нас. Бери платок, глянется* (нравится), *если. Закосить*: *Для совхоза косим, много закосим* (накосим), *так сена дадут. Иной раз закосят* (докосить косу до узкого лезвия), *она искосится уже вся, узенька сделается. Круга* 'круглые половики и род колес, вырезанных вместе с валом (*навоем*) из цельного куска дерева': *Круга, штёбы не спадало, я без кругов не навивывала*; *бывают такие навои и без кругов. Клетка*: *Еще клетку* (кусок клетчатого узора в тканом половике) *натку и отрезывать буду. Раньше лес плотили, высокие клетки* (прямоугольные пачки леса) *плотят, много наплотят и пускают.*

И последней ступенью распада полисемии можно считать омонимию (хотя, естественно, не только распад полисемии является источником появления омонимов в той или иной языковой системе). *Буде* 'может быть'; 'если, в случае'; 'чтобы': *Трава наводопелая, сё моцит, да только парит*; *буде, в августе покосим, вёдра не будет до августа. Буде свету белово не видно, не летают* [самолеты]. *Ишь какую загадку загонул, скажу последний день мира*; *так бы и подготовиуся буде. Вытягать* 'поднимать — о земле из колодца, отбивать запах; о камнях, которые обнажаются в земле': *Всю осень петались, землю вытягали ведром-то оттоль, сё обвалется, новой сруб. Верес у нас, кадки парим, штёб вытягало*

соль да запах. Первый раз бугрили, дак обирали каменьё, картошку бугрили, так вытягает, каменья-то. Волочиться ‘быть в непозволительной связи; тяжело трудиться, мучиться; валяться без употребления’: *Вот они годов петь и волоцились, сноха да зять. Зимуся всю зиму возили воду, волоцились, тяжело. Братыня где-то была, волоцилась. Волочить* ‘носить, укладывать; долго расходовать’: *Сенни дров поволоцила, до цево устала, завтра буду волоцить, таскать. Мы ницо на постном не жарим, возьмёшь поллитра, так полгода и волоцишь. Гребь* ‘работа по сгребанию сена; рулевое весло на плоту’: *Греби-то и на завтра хватит, сена много. Вёслом правит, кто как говорит, то гребь, то поносное. Изживать* ‘проживать; прогонять’: *В деревне они всю жизнь изживают. Матрёна, никуда не изживай старуху, не выгоняй её. Едучий* ‘бранчливый; едкий’: *Она такая едуцая, ее никому не переговорить. Он едуцой. . . все лицо намазали, вся кожа сошла, он едкой, едкой. Труба* ‘главное течение, стрежень; штука материала’: *Гонишь плот по трубе, серединой реки. Недавно видел, Лидка уносила трубы две, выткано. Купальница* ‘растение лютик едкий’; ‘день Ивана Купалы’: *Купальница, горькая, коровам валям, не едят. Шестово июня купальница, день такой, травы рвут да в бане парятся. Лопатка* ‘самодельный брусок; лопата’: *Смолу гнали на лопатки, вострить косы. В один день посадили под лопатку картошку.*

Особый разряд лексики составляют заимствованные из других языков слова, которые в говоре часто изменяют свой фонетический облик, приспосабливаясь к особенностям диалектной системы, а также свою семантику (по сравнению с литературным языком). А: *Под старость-то робить не может, п е н з и ю дают. В избушке примыла, б р и к е с у принесла, б р и к е с из торфа. Одних-то крестов да к у м п о л о в так и зеет, шибко-то они свитят, как сонце, подзолоцено. В т р а п е л ь н и ц у* (трапезную) *входят тысец пять, семинаристы одеты цисто. С о ӱ т а р и* (псалтырь) *цитаешь, на сорок дён. Пошла с р у ж д а к о м* (рюкзаком) *Галина за хлебом.* Б: *Вешают, раньше б а л а н ц ы вешали, все на фунта, весы такие. Не слыхала, какая у нас а в а р и я палась? Бык-то скотницу свою заколол. Ф о р с и т о в ы е сапоги, штёб ногу не натирать, голяшки ф о р с и т о в ы е* (хромовые), *подошвы хлебные. Повыше-то быка рицку перейдешь, дак где-нибудь о к у п и р у й с я* (расположись). *К у б и ц е с к и й* (пиленый) *сахар в кулькях, два килограмма принесла. Банка-то с в и н т о м* (резьбой) *стоит и не киснет. Мы ходили рвать одолень-траву, такая как к а л е н д а р ь на окошке растет* (герань).

Система словообразования говора имеет характерные особенности. Прежде всего обращает на себя внимание наличие двуприставочных глаголов, число которых весьма велико по сравнению с литературным языком. *Нет, я говорю, попогоню, вышел в лес-то* [бык], *запореживает все. Ведь ты не запосмеешь отдать.*

Зубёшки все извыломал, цаса два биўся, да попусту. Свинья-то заприрёхивала, скоро уж и выдет. Заподувать, испросечься, испереживаться, насписывать, напритоптывать, напотыкать, наопрокидать, наободрать, попорезать, попосохнуть, поприсесть, попроведать, попересесться, позагребать, подзапалиться, отпровадить, оприколивать, опосечь и др. Своеобразной двойной приставкой выступает аффикс *недо* со значением неполноты действия: *Двери, погледи, сё недопирает. Двери-те недокрыты на три пальца. Тут недорубы-те были, тута рубят, оставляют лес плохой.* Как и в литературном языке, приставка-отрицание *не* служит для образования новых слов, отсутствующих в литературном языке: *В братыне пиво тожо пили, большое блюдо, неразливистое токо. Ишь наяноватый какой, надо уж обезательно возиться с кем-нибудь, нетерпелой. Нежоркой, нецо не ест. Тарелка небьющая у меня. У них вся деревня непоцётная, сё потыкалися, необрядные. Баламутик, такой непостоянный парень. Непростимой грех, поцему она лежит, не цитается.*

Именно в диалектах, как отмечают многие исследователи, уменьшительно-ласкательные суффиксы литературного языка часто образуют слова, не привнося в них никакого нового стилистического или семантического оттенка. *Спорина. . . растет во ржи, цорненькие споринины, доўгонькие. Ветшаное, ветшаненькое, как износилось. Ржичка сэстоль величка* (уже большая), *совсем коровам вытравили. Я тут сиднула недолочко. Коровенька молоденька. Надо ленок посеять да изробить ево. Я прошу у неё мясушка. Всю зимку и в кино не ходила. В ограде видела, всех хуже домка, эдакие пятистеноцки. Заботки нет у ево ни об чём. Там Цорной Рецонок; так Беленькой Рецонок из гривы вытек.*

Развитая система словообразования диалекта имеет результатом довольно обширные гнезда родственных слов на базе как литературных корней, так и диалектных. А: *Вся в копоте пресница. На подволоке куделя, перетрёпывать надо, копотное, сушить надо. Я кашляю от копоти, пыль-то от сена, в груди-то шебаршит. Бросят сена, она поклоцит, поест, бросят копцушку* (небольшой клок), *они дальше едут. Перевициваюг вицей, перевицка штёб жерди не проваливались. Витель* (кнут) *бы надо, они бы запобёгивали. Тот витиком хлестнул, дак бык проткнул борт машины. Она мягкая, капуста, изылела, она илеет весной. Иловатые сделаются, кожи-то не будет у огурцов. Изылел поросенок, матка придавила, шерсти нет на ём, иляный, худой, плохой. Мяска повыбирать, с любовинкой суп сварить, сало накладено, тук, выбрать кусоцек с любовиной. Волосы во, как бесовщина, а раньше-то любо посмотреть на девку. Всю жись не в любе жила, жалию. Дубовая корка, лисой цвет. С коркой-то не будешь ись картошку. Кореники, из коренья наплетены, хлеб катали в них. Круглые караваи, назывались кореники. У нее нет коренновых-то, этих зубов, молоденькая дак. Светильники были, плах березовых насушат, кореных.*

Б: *Ой какой ляма, лямка* (неженка). *Молодой, красивый, беленькой такой, обиходной, аккуратненький; а другие лямые, как я теперь, старая, вот разлямаются, нехорошие такие.*

Запашисты, запашок баской от ёловика. Баскущая, крупная картошка. Вытациваюm всякими басулями, прибасулями. Косить вот не басцо, а трава-то большая, пыреек есь мягкой. Этот басцае кавалер. Весь шов до опушки сторорыкала (разорвала) *юбку. Тот раз мыла, да надо упасть, так стырырыкалась* (скатилась). *Он спрашивает, штё ето тырырыкает?* (гремит). *Гряд валится. Взял нас грядобой, грядина шла, по яйцу, искололо всё, нарушило все поля, крыши порушило.*

В говоре продолжают функционировать некоторые корни, уже отсутствующие безаффиксно в литературном языке: *Пистик растет в долах, на сырых местах* (*дол* 'долина, приречная низменность'). Отдельные слова имеют другие аффиксы. *Деревенские, они безряхи, грязные, не пустим их. Мы безряхи, а они сряхи! Себя цистам щитают, а нас снарядить, дак еще цище будем* (*безряхий* 'грязный, оборванный'). *Такое колюцее, серое, кляпое* [растение] *головкой, накляпа головка эдак* (показывает рукой) (*кляпой* 'наклонный, с наклоненной верхушкой — о цветке, о дереве'). *Ой, ревела, сю жись не в любе живу, жалию. Сало накладено, тук-от, выбрать кусоцек с любовиной.* Другие корни выступают в ином фонетическом облике, с чередованием, неизвестным литературному языку: *Я сама-то кумкала, сама подумала, да сделала.*

Следует отметить значительное количество фразеологизмов в говоре. *На голову* (на беду) *так и росло у них все хорошо, нехорошая примета, штё умрёт. Только ты вытяни язык, дак мужики живо остригут. Никуда не поеду изо своей квартиры, пока кости не остынут. У какой неподворной . . . сиди дома да жуй онуци. Моя-то Шура не шила не брала, а замуж удрала. В одну каплю лилось, не отставало, как из ведра лило. Тупые* [ножи], *только татар казнить. Ветер зорю пробивает, витряной день будет, или дожжовой. Поштё ты отпираешься, кажно слово на тоцок ставишь? Михайло, вынеси меня из неволи, дай яицек.*

Таким образом, мы видим, что говор д. Заречье представляет собой несомненно интересный, хорошо сохранившийся и живо функционирующий диалект вологодской подгруппы северновеликорусского наречия.

Л. И. БЕЛОВА

Обогащение литературного языка словами диалектного происхождения

В статье прослеживается история слов *бубнить*, *мельтешить* и *мозговать*, которые из диалектов вошли в литературный язык и в его системе изменили стилистическую принадлежность и частично семантику.[1]

Бубнить. В XIX в. в русских народных говорах было распространено слово *бубни́ть* в значениях ‘говорить про себя, ворчать себе под нос, отвечая с неудовольствием на то, что говорят’ (пск.), ‘говорить без толку’ (кур.), ‘бранить’ (пск.) и т. д. и *бу́бнить* в значениях ‘говорить’ (костром.), ‘разглашать о чем-нибудь’ (тул.) и др. Оно было внесено в диалектные словари: Опыт 1852, Дополнение 1858, а также в Словарь Даля, что служит показателем известности этого слова в центральных и западных губерниях России.

К концу XIX в. слово уже утратило локальную ограниченность и было признано свойственным литературному языку на правах просторечия. Словарь 1895 зафиксировал его с соответствующей пометой и толкованием: то же, что *бубенить*: ‘болтать без умолку и толку’ и (переносно) ‘разглашать, разносить вести’.

В дореволюционной литературе, по данным картотеки (ИРЯЗ) АН СССР слово было использовано в произведениях Г. Успенского, В. Шишкова и Л. Андреева.

Стилистическая окрашенность и яркая выразительность слова способствовали его широкому распространению. В значении ‘монотонно, невнятно или тихо говорить, читать’ слово встречается у многих советских авторов: Д. Бедного, Вс. Иванова, А. Фадеева, В. Ажаева, К. Федина, Ф. Гладкова, Л. Леонова и др.: — *Что вы за чепуху бубните?* (В. Кетлинская. Дни нашей жизни). — *Я не маленький, сила у меня есть. Не хуже других буду работать.*

[1] Причины и условия проникновения диалектных слов в литературный язык рассмотрены ранее, см.: Белова Л. И. 1) О вхождении областных слов в русский литературный язык. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978; 2) О вхождении диалектных слов в общерусскую терминологию. — В кн.: Лингвистические исследования. 1977. Вопросы лексикологии, лексикографии и прикладной лингвистики. Л., 1978.

Уж девчонкам-то не уступлю, — сердито бубнил Генка, смущенный вниманием начальника строительства (В. Ажаев. Далеко от Москвы). *Без передышки бубнили о чем-то захудалые старухи* (К. Федин. Похищение Европы).

Словарь Ушакова отразил изменение стилистической тональности глагола *бубни́ть*: он фиксируется с пометой «разг.» в значении ‘ворчать, бормотать, несмело выражать протесты’. К середине XX в. глагол *бубни́ть* стал настолько обычным, что появилась необходимость уточнять его различными словами. В художественных произведениях его обязательно дополняют: *нехотя, сердито, без умолку, монотонно, глухо, скучным (сердитым) голосом* и т. п.: *Кто-то бубнил неторопливо и спокойно* (Н. Никитин. Это было в Коканде). *Адъютант. . . бубнил на своем условном языке* (А. Фадеев. Молодая гвардия).

Именно значение ‘издавать однообразные повторяющиеся звуки’ позволило появиться авторскому, образному употреблению слова *бубнить*: *Не переставая, бубнил дождь, мягко вздыхала под шинами жирная грязь* (Е. Мальцев. От всего сердца). *Дождь бубнил по брезентам (телег) крупными каплями* (А. Лебеденко. Тяжелый дивизион).

БАС, МАС и др. сопровождают *бубни́ть* пометой «разг.», Словарь синонимов приводит его в ряду слов, свойственных устной разновидности литературного языка: *бормотать, лопотать, бурчать, бубнить*.

Мельтешить. В середине XIX в. в ряде говоров существовали слова: *мельте́чить* (ирк.), *мельти́сить* (сиб.), *мельтыши́ть* (вят.), означавшие ‘мелькать чем-нибудь перед глазами, маячить’ и *мильтеси́ть* ‘темнеть в глазах’ (якут.).[2] Наряду с ними было распространено и слово *мельтеши́ть*, которое уже во второй половине XIX в. проникает в язык художественной литературы, главным образом в произведения писателей, активно использующих богатства народного языка: Даля, Мамина-Сибиряка и Мельникова-Печерского.

Мельтешит перед ним длинный поезд кибиток, таратаек, крестьянских телег (А. Печерский. В лесах).

В Словаре Даля приведена различная огласовка слова *мельтеши́ть*, а значение слова толкуется следующим образом: ‘мелькать, маячить; играть в глазах, неясно, бегло появляться, мотаться взад и вперед’, даны речения: *Что-то мельтешило впотьмах. Отойди, не мельтеши тут! В глазах мельтешит.*

Очевидно, слово существовало преимущественно в устной речи. Например, в произведениях М. Горького оно введено в речь героев: — *Едешь зимой полем, впереди что-то живое мельтешит, а что оно? Волк, лиса или просто собака — я не вижу* (Мать). — *Не мельтеши, не засти господам любоваться* (Жизнь Клима Самгина).

---

[2] Указанные слова внесены в Опыт 1852.

В 30-е годы слово *мельтешить* в значении ‘надоедливо мелькать перед глазами’ признавалось диалектным. Словарь Ушакова фиксирует его с пометой «обл.». До середины XX в. *мельтешить* встречалось у П. Бажова, Ф. Гладкова, М. Шолохова и других писателей, часто привлекавших местные слова. *Назар, который всегда мельтешил в глазах, почему-то исчез* (Ф. Гладков. Боец Назар Суслов).

Однако именно в первой половине XX в. слово *мельтешить* утратило свою диалектную принадлежность и превратилось в общерусский просторечный синоним литературного *мелькать*. Этому способствовало наличие у глагола *мельтешить* дополнительного смыслового оттенка: он передавал более интенсивное действие по сравнению с литературным *мелькать* и воспринимался как экспрессивно окрашенное слово. Слово *мельтешить* зафиксировано в авторском повествовании В. Катаева, Д. Гранина, В. Тендрякова, В. Пановой, В. Солоухина и др.[3]

Данные картотеки ИРЯЗ АН СССР отразили появление возвратной формы *мельтешиться* (в произведениях В. Тендрякова и Ю. Германа) и отглагольных существительных *мельтешение* (у Э. Казакевича. М. Дудина, Е. Носова и др.) и *мельтешня* (у Ю. Германа, Ю. Нагибина). Это свидетельствует о расширении словообразовательных возможностей глагола *мельтешить* и подтверждает его дальнейшее укоренение в литературном языке.

Расширилась и сочетаемость глагола *мельтешить*: помимо традиционого *мельтешить в глазах*, появляются сочетания *мельтешить перед глазами, мельтешить крыльями* (*руками*), *мельтешить в уме, памяти* и др.: [Мересьев] *упражнялся до одури, до того, что начинало звенеть в ушах, перед глазами мельтешили сверкающие зеленые круги* (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке). *В глазах мельтешит от белых бинтов, этого цвета слабости и боли* (Ю. Бондарев. Батальоны просят огня). — *Наши старухи — дуры, — пробормотала старуха, сидящая у двери, — все кино ругают. Мельтешит, говорят, перед глазами и мельтешит!* (К. Паустовский. Дорожные разговоры).

Словари литературного языка середины XX в. отметили переход слова *мельтешить* в иную стилистическую сферу: БАС и МАС включают его с пометой «прост.» с иллюстрациями из произведений А. Печерского, М. Горького, Б. Полевого, В. Овечкина и др.

Мозговать. В середине XIX в. в народных говорах было зафиксировано слово *мозговать* ‘обдумывать, размышлять’. Опыт 1852 отметил его известность в Вятской и Тверской губерниях.

---

[3] Встречается глагол и в мемуарной литературе, например: *Актер, который не экономит движений, мельчит движения и жесты (или, как мы говорим, — мельтешит), тем самым снижает образ* (Н. Черкасов. Записки советского актера).

Образованный от слов *мозг*, *мозги* ('умственные способности') глагол *мозговать* был диалектным синонимом общерусского *думать*.

В литературных произведениях второй половины XIX в. глагол не встречался, в картотеке ИРЯЗ АН СССР представлено единственное употребление: *Иногда, слишком занятый какими-нибудь особо важными соображениями, Пружинкин шел по улице, разговаривая вслух и размахивая руками. Теребиловцы вежливо сторонились, чтобы не помешать старику, который, наверно, опять мозгует какую-нибудь штуку* (Д. Мамин-Сибиряк. Именинник).

Вероятно, длительное время глагол существовал лишь в устной речи народа. В советский период, когда в ряды писателей вошло множество авторов из разных местностей страны, активно использующих как диалектные, так и просторечно-разговорные слова, *мозговать* появилось в речи персонажей Вс. Иванова, Ф. Гладкова, в авторском повествовании Д. Бедного, Н. Вирты и др.: — *Почему я должен подсказывать? Вы сами не мозгуете, ждете, пока я подскажу да расскажу* (В. Ажаев. Далеко от Москвы).

В Словарь Ушакова слово *мозговать* не включено, в то время как однокоренные *мозговитый*, *мозглявый*, *мозгляк* и другие сопровождались соответственно пометами «прост., фамильярное», «обл.», «прост., презрительное».

С середины XX в. *мозговать* употребляется исключительно в речи героев как просторечный и эмоционально окрашенный синоним литературного *размышлять* в произведениях Ю. Германа, Д. Гранина, Ю. Бондарева, В. Азарова и др.: — *Уж мозговали, мозговали — где строиться?* (В. Панова. Времена года). — *Надо было раньше мозговать* (В. Тендряков. Поденка — век короткий).

Оценка слова *мозговать* в словарях современного литературного языка неоднозначна. БАС сопровождает глагол *мозговать* пометой «прост.» и иллюстрирует его значение 'обдумывать, размышлять' цитатами из романов Мамина-Сибиряка и В. Ажаева. МАС дает значение 'думать, соображать', помету «прост.» и приводит цитаты из произведений В. Ажаева и В. Пановой. Словарь Ожегова тоже признает слово просторечным и объясняет его значение: 'думать, обмозговывать'.

Но Словарь синонимов приводит глагол *мозговать* в словарной статье *думать* и сопровождает пометами «усилительное», «обиходно-разговорное» и цитатой из повести В. Тендрякова. Таким образом, слово *мозговать*, в середине прошлого века территориально ограниченное, в первой половине XX в. стало принадлежностью литературного языка сначала на правах просторечия, а в последние 20 лет утрачивает эту стилистическую тональность.

Г. И. ДЕМИДОВА

Собирательные числительные в брянских говорах

В работах по диалектологии все чаще подымается вопрос о необходимости проверки и сопоставления показаний современных говоров с фактами локальной письменности, ибо насущной задачей на данном этапе является создание исторической диалектологии.[1] Довольно обширную информацию о диалектных особенностях южновеликорусского наречия, в частности о его западной окраине — брянских говорах, содержат многочисленные рукописные деловые документы Разрядного приказа Белгородского стола, хранящиеся в ЦГАДА. Это разнообразные брянские, севские, карачевские материалы XVII в., которые еще не привлекались ни историками языка, ни диалектологами (ЦГАДА, ф. 210, оп. 6-Д, ед. хр. 98, 103). Рукописные источники XVII в. отражают влияние уже сложившихся к этому времени языковых норм московских приказов, которым старались подражать все писцы периферии. Однако «подражание это, — пишет Ф. П. Филин, — конечно, не исключало проявления ценных для языковедов местных особенностей речи, но способствовало созданию общерусских речевых норм, легших позже в основу современного русского языка».[2] В определенной степени тексты делопроизводства XVII в. могут быть использованы для реконструкции отдельных локальных черт, так как составлялись они непосредственно на местах и, как правило, местными писцами или людьми, «если не местного происхождения, то давно обосновавшимися на данной территории, усвоившими местную речь».[3]

Привлеченные для изучения рукописи XVII в. принадлежат к числу текстов описательного характера, близких к народно-разговорной речи. Основу их составляет описание, фиксирующее наличие или отсутствие каких-либо предметов с целью дать возможно полный перечень их. Отсюда наиболее исчерпывающе

[1] См.: Котков С. И. Памятники русской письменности и историческая диалектология. — ВЯ, 1975, № 2, с. 12.

[2] Филин Ф. П. О языке деловой письменности в Древней Руси. — В кн.: Вопросы филологии. М., 1974, с. 36.

[3] Коткова Н. С. Книги Денежного стола. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 193.

источники деловой письменности выявляют материал для изучения существительных и числительных.

Числительные в брянских говорах почти не исследовались. Настоящая статья представляет собой анализ отдельной группы числительных — собирательных. Обозначая определенное количество предметов как одно целое, как совокупность, эти числительные обладают своей морфологической, синтаксической спецификой, помимо особенностей словообразовательной структуры. Поэтому представляется важным выяснить, с одной стороны, в каком соотношении находятся собирательные числительные современных брянских говоров с показаниями локальной письменности XVII в., с другой — насколько они отличаются от современной нормированной литературной речи. Для этой цели, помимо рукописей XVII в., привлечены печатный памятник XVII в. — Вкладная книга Брянского Свенского монастыря (изд. В. Арсеньева), а также фактические данные современных брянских говоров (диалектные записи, картотека БОС).

В материалах деловой письменности XVII в. представлены собирательные числительные *двое*, *четверо*, *пятеро*, *шестнадцатеро* и др. В древнерусском языке эти числительные изменялись по родам, числам, имели отчасти именное, отчасти местоименное склонение. К XVII в. картина была иной. Формирование числительного в самостоятельную часть речи приводило к определенным изменениям. Обособляясь от существительного, прилагательного, числительные вырабатывали свои языковые различия, в частности, способность изменяться по родам и числам у собирательных числительных уже была утрачена. Однако прежние отношения с частями речи, с которыми числительное было органически связано, не исчезли бесследно. Некоторые древние приметы этих частей речи сохранялись еще у собирательных числительных. Это выражалось в известной пестроте форм им. и вин. п., в отсутствии единой системы склонения, в особенностях сочетания собирательных числительных с существительными. Это были те черты, которые, четко обозначившись в языке XVII в., проходят через века, сохраняясь в русских народных говорах и в определенной мере в русском литературном языке.

Собирательные числительные, различающиеся по своему словообразованию, можно разделить на две группы: *двое*, *трое* и *четверо*, *пятеро* и т. д.

В брянских источниках XVII в. отмечены формы им. и вин. п. *двое* и *двои*: *двое лошадей* (Вкл. кн., л. 86), *двои тиски прибойные* (1691, № 98, л. 337), *двои клещицы малые* (там же, л. 337 об.). Употреблены сложные прилагательные, составной частью которых является числительное *двое*: *орел двоеглавной* (1691, № 98, л. 342 об.; 1679, № 98, л. 184), *ферезы тафтяны двоеличны* (Вкл. кн., 1598).

Формы, известные в XVII в., устойчиво сохраняются и современными брянскими говорами: *двое сынов* (Погар. Суворово),

двое детей было, *трое внуков* (Дубров. Снопоть), *трое сынов* (Трубч. Радутино) и др.; *двои суток* (Унеч. Ветлевка), *двои детей добыли* (Брян. Добрунь), *они двои вороты сбивають* (Севск. Невдольск) и др. В наблюдаемых же на Брянщине формах типа *двоя*, *троя* (Брас., Дубров., Севск., Сураж., Трубч. и др.), например *двоя детей*, *троя суток*, вряд ли есть достаточное основание видеть самостоятельные формы, как предполагают некоторые исследователи.[4] Появление этих форм в живой диалектной речи вызвано закономерностями заударного вокализма (яканья), характерного для фонетической системы русских народных говоров, в частности брянских (ср. аналогичное окончание *-а*, наблюдаемое не только у собирательных числительных, но и в формах им. и вин. п. среднего рода местоимений, прилагательных, порядковых числительных: *тоя место*, *моя пальто*, *простоя полотно*, *первоя письмо* и под.).

В группе числительных с суф. *-еро* в памятниках XVII в. восточной Брянщины наблюдаем: *пятеры литавры* (1659, № 98, л. 405, 411), *восмеры возжи ременные* (1691, № 98, л. 336 об.), *четырнатцетеры клыщи* (там же, л. 337), *шестнатцетеры возжи пушечные* (там же, л. 347 об.); отмечаются сложные прилагательные, в качестве первой основы у которых используется числительное *четверо*: *башня четвероугольная* (1679—1681, № 103, д. 936 об.), *от той четвероугольной башни* (там же, л. 937), *крест четвероконечный* (1679, № 98, л. 184). В рукописном материале у подобных прилагательных вторая составная часть может быть любой, в качестве первой же выступает только форма *четверо* (не *четверы*). Заметим, что в современном русском литературном языке такое объединение двух основ в указанных прилагательных невозможно, ср. *четырехугольный*, *четырехконечный*. Не зафиксированы они и в современной обиходно-бытовой речи носителей брянских говоров.

Характерной чертой числительных на *-еро* и в истории языка, и в современном русском языке является их замкнутость, лексическая ограниченность. Вместе с тем имеется и различие. В современном русском литературном языке собирательные числительные обозначают совокупность не более *десяти*, в языке же деловой письменности XVII в. круг изучаемых числительных был шире, он охватывал числительные и второго десятка. В материалах западной Брянщины отмечалось и *тридцатеро*, *двадцатеро и пятеро*.[5] В современных брянских говорах подобные формы не употребляются. В картотеке БОС зафиксированы числительные только в пределах первого десятка. Ограничение лексического состава данных числительных свидетельствует о том, что былая

[4] См.: Полевой А. О языке населения Новозыбковского у. Гомельской губ. Минск, 1926, с. 22; Новопокровская В. Н. Из истории говоров, переходных от белорусского языка к русскому. Минск, 1975, с. 111.

[5] Новопокровская В. Н. Из истории говоров. . ., с. 111—112.

традиция довольно широкого употребления собирательных числительных с суф. *-еро* в ряде говоров русского языка была нарушена.

Формы типа *двое*, *четверо* представляют собой средний род прилагательных, в прошлом склонявшихся в согласовании с существительными. Утверждение их в языке по-разному интерпретируется историками языка. Л. А. Булаховский считает, что средний род в им. п. установился под влиянием местоимения *сколько*, Г. И. Матвеева — потому, что эта форма была нейтральной,[6] хотя никакого убедительного обоснования по этому поводу не приводится. Между тем, как представляется, следовало бы подчеркнуть, что форма среднего рода пережила другие формы потому, что этот род обладает в наибольшей степени отвлеченностью и обобщенностью значения. Именно в силу этого форма среднего рода могла сочетаться с существительными мужского, женского и среднего рода, одушевленными и неодушевленными, со словами Pluralia tantum, могла быть составной частью сложного прилагательного. Благодаря перечисленным свойствам форма среднего рода более других благоприятствовала выражению категории собирательности, а категория собирательности вообще (у числительного и существительного) по своей семантике отвлеченна.

Говоря об утверждении формы среднего рода в русском языке вообще, для современных брянских говоров можно констатировать уникальный факт — наличие особой формы собирательного числительного женского рода *дьвеи*, сочетающейся только со словами женского рода: *дьвеи мои сестры*, *дьвеих сестёр* (Почеп. Буда). Форма *дьвеи* появилась, по-видимому, под влиянием формы женского рода количественного числительного *дьве*, свойственной говорам Брянской, Смоленской областей,[7] некоторым курским говорам (по личным наблюдениям автора). Л. Н. Булатова на основе «Материалов диалектологического атласа русского языка» пришла к выводу, что средством противопоставления родовых форм *два*, *дьве* в брянских и смоленских говорах является твердость и мягкость звука *в* в основе слова, т. е. внутренняя флексия. В появлении формы *дьве* Л. Н. Булатова видит внутреннюю перестройку числительного *два*, *две*, «в процессе которой мягкость *в* в форме *две*, имевшая первоначально позиционный характер, превращается в самостоятельный морфологический признак рода».[8] Поскольку же собирательное числительное в словообразователь-

---

[6] Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, с. 202; Матвеева Г. И. История имени числительного. Новосибирск, 1961, с. 21.

[7] См.: Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, с. 123.

[8] Булатова Л. Н. О редком способе выражения форм рода в русских говорах. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973. с. 214.

ном аспекте генетически связано с количественным, то, думается, есть основание и форму *дьвеи* расценивать как форму женского рода, противопоставленную в брянских, смоленских и курских говорах форме среднего рода *двое* всегда с твердым *в*.

Образования типа *двои*, *трои*, *четверы* и подобные являются старыми формами множественного числа этих числительных. По свидетельству Л. А. Булаховского, они были очень употребительны в древнерусском языке, в том числе и в памятниках деловой письменности XVII в.[9] С. И. Котков, изучавший язык источников южновеликорусского наречия XVII в., подобные формы не приводит. В. Н. Новопокровская из западнобрянских материалов XVII—XVIII вв. указывает форму *двои*.[10] В наших материалах они тоже немногочисленны. Употребление изучаемых числительных в этот период было ограничено определенным сочетанием с существительными, поэтому в деловых источниках XVII в. они не составляли заметную часть активного словаря. Вместе с тем формы *двои*, *трои*, *четверы* и подобные дошли до середины XIX в., встречаясь в практике писателей первой половины века.[11] В современном русском языке данные формы известны лишь в диалектной речи: формы на *-еры* прослеживаются в севернорусских говорах. Сошлемся на пример, приведенный А. А. Шахматовым: *девятеры двири*, *ворота* (Петроз.).[12]

Исследователи считают, что эти формы в русском литературном языке исчезли потому, что, во-первых, в конечной части фонетически были близки к *двое*, *трое*, и, во-вторых, имели очень узкую сферу употребления.[13] Более убедительным представляется первый довод, ибо во всех собирательных числительных в им. и вин. п. ударной выступает корневая, а не суффиксальная часть, которая в силу этого легче поддается аналогическому преобразованию, занимающему в морфологии, как известно, важное место. Таким образом, решающим фактором в данном конкретном вопросе следует признать примат морфологии. Вместе с тем, конечно, нельзя не принимать во внимание и второй довод. Как справедливо подметил С. И. Котков, в южновеликорусском наречии XVII в. с тем же кругом существительных использовались как собирательные, так и количественные числительные.[14] Двоякие сочетания проходят через века и сохраняются до настоящего времени в брянских говорах: *нас четверо детей* (Кра́сногор.

---

[9] Булаховский Л. А. Исторический комментарий. . ., с. 334—335.

[10] Новопокровская В. Н. Из истории говоров. . ., с. 111.

[11] См.: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, с. 110.

[12] Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 148.

[13] См.: Булаховский Л. А. Исторический комментарий. . ., с. 336.

[14] Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с. 198.

Антоновка), *у меня четыре родных сына и трое неродных* (Трубч. Кветунь), *семеро детей* (Брас. Вежёнка), *семь братов* (Севск. Марицкий хутор) и др.

Касаясь проанализированных текстов деловых документов XVII в., следует отметить, что для них характерна констатирующая речь, в которой господствует элемент статичности. Поэтому не все части речи представлены в них с одинаковой полнотой, отсюда и известная ущербность парадигм их словоизменения. Этим объясняется тот факт, что возможность характеристики склонения числительных по историческим источникам весьма ограничена. Нами отмечена лишь форма: *прислали пятерых литавры* (1659, № 98, л. 411). В современных брянских говорах расхождений в склонении в сравнении с русским литературным языком, если не считать форм, обусловленных спецификой фонетической системы южнорусских говоров, не обнаружено. Примеры: *четверых ина на хронт проводила* (Брас. Вежёнка), *на четверых две буханки* (Севск. Шведчики), *семерым зятям* (Севск), *у двоих* (Севск. Быки, Клетнян. Коршево), *двоимы сынами* (Погар. Джуровка), *остался с троими детьми* (Погар. Жоравлево), *троих выкахала чужых* (Погар. Горицы) и др.

Своеобразны изучаемые числительные в своей сочетаемости с существительными. В древнерусском языке они могли употребляться с различными существительными.[15] В источниках XVII в. форма *двое* сочетается с женским родом: *двое лошадей* (Вкл. кн., л. 86). В западнобрянских памятниках XVII в. В. Н. Новопокровской эта форма отмечается в сочетании и со словами мужского рода: *двое кони*.[16] Форма *двои* в брянских документах наблюдается только со словами Pluralia tantum: *двои тиски* (1691, № 98, л. 337), *двои клещицы* (там же, л. 337 об.). В западнобрянских материалах имеются случаи сочетания со словами женского рода: *лошади двои ево*.[17] Числительные на *-еро*, *-еры* отмечены в сочетаниях со словами Pluralia tantum и существительными, обозначающими парные предметы: *пятеры литавры* (1659, № 98, л. 405, 411), *четырнатцетеры клещи* (1691, № 98, л. 337), *восмеры возжи* (там же, л. 336 об.), *шестнатцетеры возжи* (там же, л. 347 об.). В. Н. Новопокровская указывает лишь сочетания с одушевленными существительными мужского и женского рода (категории нелица): *коней десятеро*, *овец пятеро* и под.[18]

В говорах современной Брянщины собирательные числительные, как и в литературном языке, сочетаются с существительными, обозначающими лиц мужского пола: *двое сынов* (Погар. Суворово), *трое внуков* (Дубров. Снопоть), *четверо сынов* (Брас. Пожар) и под., хотя значительно чаще используется количественное чис-

---

[15] Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 187.

[16] Новопокровская В. Н. Из истории говоров. . ., с. 110.

[17] Там же, с. 111.

[18] Там же.

лительное типа *четыре сына*. В отличие от русского литературного языка, для которого сочетаемость собирательных числительных с названиями лиц женского рода несвойственна,[19] в брянских говорах такое сочетание возможно: *вас шестеро девок?* (Севск. Быки), *дьвеи мои сестры* (Почеп. Буда).

Как и в литературном языке, в говорах собирательные числительные могут употребляться применительно к сочетанию однородных существительных, из которых одно женского, а другое мужского пола: *они все четверо сидят — три девочки и мальчик* (Брас. Вежёнки), то же по отношению к одушевленным существительным категории нелица: *в котомышку гуляли, кругом хоровод, двое бегают — кот и мышка* (Почеп. Калиновка).

Больше всего примеров на сочетание со словом *дети*: *двое детей* (Дубров. Снопоть, Трубч. Радутино), *трое детей* (Брас. Вежёнка), *четверо детей* (Сузем. Алешковичи) и др. В. В. Виноградов слово *дети* расценивал как новое Pluralia tantum, в котором собирательность в сильной степени лексикализована.[20] Но это принимается далеко не всеми лингвистами. В лексикографической практике слово *дети* употребляется в значении мн. ч. к *ребенок* и *дитя*.

При личных местоимениях, независимо от рода существительного, на которое они указывают, также наблюдается собирательное числительное: *Их* (сестер) *ведь было четверо* (Трубч. Удолье), *Вас семеро* (студентов)? (Севск. Быки). Идентичное положение имеем и в литературном языке.

Что касается сочетаемости собирательных числительных с неодушевленными существительными в брянских говорах, то здесь отступлений от литературного языка нет: они отмечаются с существительными Pluralia tantum и существительными, обозначающими парные предметы. Таким образом, данное сочетание оказывается удивительно устойчивым в истории русского языка, употребление его можно считать непрерывающейся традицией. Примеры: *двои вороты* (Севск. Невдольск), *трое суток* (Красногор. Антоновка), *пятеро суток* (Почеп. Жоровлево).

Среди собирательных числительных в современных брянских говорах находим форму, неизвестную по документам прошлого, *шестьё*: *если их шестьё — плохо* (Почеп. Колодное). *Шестьё* имеет иную словообразовательную структуру — с суф. *-ьj*. Вероятно, подобные формы числительного образованы по аналогии и образцу собирательных существительных типа *дубьё*, *кореньё* и под., что лишний раз свидетельствует о том, что категории собирательности числительного и существительного тесно взаимосвязаны и что их формирование протекало и протекает не изолированно, а составляет органическое единство.

[19] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 308.

[20] Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 164, 309.

Результатом работы является вывод о том, что собирательные числительные современных брянских говоров сравнительно с показаниями локальной письменности XVII в. претерпели известные изменения. Они коснулись прежде всего лексического состава данных числительных, отчасти оформления им. и вин. п. (утрачены старые формы на *-еры*), определенные коррекции имеются в синтаксической сочетаемости числительных с существительными (они более свободно сочетаются с личными существительными). Отличительной особенностью брянских говоров является наличие в них специфической формы женского рода — *дьвеи*. В целом же формирование собирательных числительных на Брянщине мало чем отличается от общих тенденций русского литературного языка.

А. Ф. ИВАНОВА

Наименования грибов на территории Московской области

(Из материалов лексического атласа)

В настоящей статье рассмотрена география распространения ряда лексем, объединенных в лексико-семантическую группу «грибы», зафиксированных на территории Московской обл. Автор предлагаемой статьи, обследовав по специальной программе 300 населенных пунктов близкого Подмосковья,[1] подготовил «Лексический атлас Московской области» (ЛАМО), в составе которого 217 лексемных, 100 семантических, более 80 сводных карт.

В программу атласа вошла в основном этнографическая лексика, помогающая выявлению древних изоглосс, сгруппированная в разделы: [2] дом, двор (58),[3] предметы домашнего обихода (41), орудия труда (21), средства передвижения (10), пища (11), корзины (7), быт деревни (27). Кроме того, большой процент вопросов был составлен по народной ботанической терминологии: грибы (11), лес (19), растения, цветы, ягоды (23). В программу вошли также вопросы по полеводству, угодьям и географической терминологии (44).

Материалы карт свидетельствуют о том, что распределение наиболее устойчивой лексики в пределах тематических групп не является хаотичным. Так, большой стабильностью характеризуются названия построек и их частей. Из 51 карты первого раздела более половины дают четкие изоглоссы, связывающие московские говоры с другими лексическими массивами. Примерно такую же картину представляет собой лексика предметов домашнего обихода, полеводства, ботанической терминологии. И напротив, терминология, относящаяся к быту деревни (в основном свадебный обряд), характеризуется большим смешением. На ма-

[1] В 1969 г. вышел «Словарь говоров Подмосковья» (СГП) того же автора, населенные пункты которого (около 400), за редким исключением, не включены в атлас.

[2] Подробнее тематику вопросника к атласу см.: Иванова А. Ф. Практические занятия и курсовые работы для студентов литературного факультета. М., 1975.

[3] В скобках указано количество вопросов.

териале 27 вопросов сделано 25 карт, из которых 3 дают четкие изоглоссы, а остальные 22 — картину частичного или полного смешения.

Характер изоглоссных карт не является единообразным. Неоднородно окружение лексических пластов: лексемы могут функционировать на фоне преобладания какой-либо другой лексической зоны (*загнетка* 'шесток', *загатка* 'заулок') или на фоне картины смешения (*беседа*, *на каравай*). Выделяется широкая полоса смешения в результате контакта двух лексем. В таком случае изоглосса бывает размыта, хотя два лексических пласта выражены четко (*косьё* — *окосье*). Кроме того, различна частотность употребления лексемы, дающей изоглоссу (*корец*, *хмыз*, *хмыл*). Значительное число карт выделяет обширные зоны концентрации лексем, тяготеющих к тому или иному лексическому массиву. Ряд направлений изоглосс представлен в картах, отражающих характеризуемую группу.

Рассмотрим каждую лексему группы «грибы» в отдельности.[4] *Коровка* 'белый гриб Boletus edulis'. Лексема распространена в северной половине обследуемой территории с наибольшей концентрацией в Талдомском, Загорском р-нах. Граница ареала к востоку от Москвы проходит по линии Мытищинского—Загорского р-нов, к западу изоглосса размыта и лексическая зона значительно разрежена. За пределами ареала слово *коровка* фиксируется в значении 'гриб Russula adusta, подгруздок черный' (Трс Наро-Ф).[5] В пределах изоглоссы *коровка* на территории Московской обл. функционирует микрозона *коровик* 'белый гриб', располагающаяся вблизи границы с владимирским лексическим массивом (Клл Дмитр, Блг Бт Тр Заг). Вариант *коровяк* записан несколько южнее изоглоссы (Мм Ног).

---

[4] Распространение лексем за пределами Московской области прослеживалось по СРНГ (1—11), картотеке СРНГ, любезно предоставленной сотрудниками Словарного сектора Института языкознания АН СССР, а также по другим печатным лексикографическим источникам. Указание на источники дается в хронологическом порядке; без даты после фамилии автора — данные диалектных словарей, с датой — печатные работы, со значком* — рукописные материалы. Принята система сокращений СРНГ (1).

[5] Наименования с морфом *коров* для грибов других сортов встречаются на обследуемой территории спорадически. В д. Марьино (Ног) функционирует лексема *коровушка* 'гриб Lactarius torminosus волнушка розовая' («Коровушка розова, лохмата, иней вроде как на ней, в корне у ней пустое, в мочку идет»). Лексема *подкоровник* с семемой 'подгруздок черный' записана в д. Рогово («Поди падкаровники после фсех грибоф появляюцца, их только солить нада. Толстые такие, а шляпка черная, крепкие, почти никогда червивыи ни бывают»). В Межутино (Мож) слово *подкоровник* служит для определения желчного гриба, Tylopilus felleus («Пъдкоровник сушыть можнъ, ф солку ни гадиццъ, ани нъпадобии белъвъ грыба, толькъ белый грыб глаткий, внутри у нево как вымыта, а этът жылтаватый, внутри пат шляпъй у ниво тёмнъ, свежым его нильзя, он горький, но и им ни атравишси, токъ надъ кипитить, этъ едучий грыш; неедомый грыш толькъ мухамор»).

По СРНГ наименования белого гриба с корнем ***коров-*** распространены на территории севернорусского наречия и прилегающих переходных говоров. В форме *коро́вка* слово зафиксировано в ярославских, владимирских, костромских, нижегородских, новгородских, псковских, тверских, калининских говорах.[6] В варианте *коро́вик* отмечено в архангельских, ярославских, владимирских, новгородских, тверских; без указания территории распространения приведено Бурнашевым и в Словаре 1847. В варианте *коровя́к* распространено в архангельских, костромских, калининских, вятских, пермских говорах (СРНГ, 11).

Скрипу́ля ‘гриб Lactarius vellereus, скрипица’. Лексема функционирует в северной половине обследуемой территории (В-Дв Н-Кр Стн Талд, Дв Сл Яс Клин, Вск Дбр Шн Дмитр, Ерм Истр, Пц Тмн Солн, Аур Пушк) в пределах Северного клина изоглосс. Изолекса выделяется на фоне других образований от основы ***скрип-.*** Дериваты *скрипу́ха*, *скрипи́ца* распространены по всей обследуемой территории; примыкая с запада к ареалу *скрипу́ля*, функционирует компактная лексическая зона *скрипу́н*, в юго-западной четверти области распространен дериват *скрипу́шка*; лексема *скры́пень* зафиксирована в д. Тропарево (Мож), в форме pluralia tantum *скры́пни*[7] — в деревне Спас-Косицы (Наро-Ф),/ единичным употреблением на обследуемой территории характеризуются наименования *скрипёнка*, *скрипни́ца*, *скрипу́ша*, *скрипу́чий груздь*. Лексема *скрипу́ля* в картографируемом значении зафиксирована в говорах Калининской обл. (Опыт Калин.). Из остальных дериватов с корнем ***скрип-*** в названиях грибов диалектными источниками отмечены *скрипи́ца* — в ярославских (с семемой ‘поганый гриб, который скрипит на зубах’ Голанов-Копорский, Мельниченко), костромских (‘род гриба, подобно погребню’ *Даев 1961), владимирских (‘гриб с широкой шляпкой, горького вкуса’ Второе Доп.), калужских (‘несъедобный гриб белого цвета, похожий на груздь’ *Косогоров 1916), Далем (Agaricus procerus) без территориальных помет; *скрипу́н* — во владимирских (‘вид гриба’ *Ремезов 1897), новгородских ‘подгрёб’ (‘гриб, сходный по виду с груздем, но остро горького вкуса’ *Соловьев, Второе Доп.).

Лексемы с корнем ***дупл-:*** *дупли́ка*, *дуплянка*, *дупля́шка*, *поддупля́нка* ‘гриб Lactarius resimus, груздь настоящий’. Функ-

---

[6] Автором записано в Вологодской обл.: «Корофки мы сушым, они в зиму хорошы, самый первый гриб коровка, ее и жарят, и варят, она по всякому фкусная, растет она и в лесу, и в лугу, и отличается: в лесу — потимнее, шляпочка почти черная, а бывает светлая шляпка, это ф поле такие коровки» (д. Лаушинское, 1967).

[7] «Скрыпни — краюшки махнатинькии, билянка тожы такая, токъ махнатинькъвъ краюшкъ нету, скрыпни — малочный, горький, иво мочуть, атваривъють, ф катку на зиму, их дириванскии ни беруть» (Вшг). «Скрыпни — этъ мълаканки, аны, как билянки, аны суховатыи, а разломиш — там мълако, горькая, как палынь, их вымачивают долгъ, ани атравляющие грыбы» (С-Кс).

ционируют в северной половине Московской обл., изоглосса проходит по Шаховскому, Волоколамскому, Клинскому, Солнечногорскому, Мытищинскому, Щелковскому, Ногинскому р-нам. Большей продуктивностью в пределах ареала характеризуется наименование *дупля́нка*, располагающееся по направлению к Москве клином со стороны Калининской и Владимирской областей, обходя Москву полукругом (В-Дв Н-Кр Озр Талд, Ввд Св Лот, Дв Дл Св Яс, Клин, Бт Заг, Тмн Ч-Гр Солн, Сх Мыт, Аур Пушк, Ос Щелк, Брв Бтв Ног), в пределах клина функционирует лексема *поддупля́нка* (Дбр Дмитр, Блг Заг), преимущественно вне дериват *дупля́шка* (Нвв Лот, Бх Шах, Фд Вол, Аур Пушк, Мм Ног), вариант *дупли́ка* (Мф Мыт). По данным СРНГ (8), слово *дупля́нка* функционирует с семемой 'гриб свинушка' во владимирских говорах, а также записано в ярославских, тверских, московских (1901) без указания на вид гриба. В Словаре Даля лексема *дупля́нка* приведена как определяющая грибы Agaricus vellercus, Agaricus violaceus без указания территории распространения.

Ду́нька 'гриб Paxillus involutus, свинушка'. Лексема широко распространена в северной половине обследуемой территории, с заходом у западных и восточных границ Московской обл. в ее южную половину. Изоглосса проходит по Можайскому, Рузскому, Истринскому, Одинцовскому, Красногорскому, Солнечногорскому, Дмитровскому, Пушкинскому, Щелковскому, Ногинскому, Егорьевскому, разрываясь обширной полосой отсутствия в Павлово-Посадском, Орехово-Зуевском, Шатурском р-нах. В пределах ареала фиксируются лексема *ду́ня*, атрибутивное сочетание *ду́ня губа́стая*, а также другие дериваты от основы ***дун-***: *ду́нюшка*, *дуня́шка*. По данным СРНГ (8), лексема *ду́ня* 'гриб свинушка' отмечена во Владимирской обл., дериваты *дуня́ха*, *дуня́шка* — в Ивановской, *ду́нька* — в Воронежской, Ивановской областях.

Петушо́к 'гриб Cantharellus cibarius, лисичка'. Лексема распространяется в виде неширокой насыщенной зоны в пограничье с владимирскими говорами. За пределами Московской обл. слово *петушо́к* в наименованиях грибов диалектными источниками не зафиксировано.

Боровик 'гриб Boletus versipellis, осиновик'. Распространение лексемы представляет собой неширокую насыщенную полосу, прижатую к северно-восточной границе Московской обл. и несколько рассеянную в северной ее части (Зп Озр Стн Талд, Дбр Куз Шн Дмитр, Бт Заг, Мф Мыт, Б-Бн, Брв Бтв Мм Ног, Ав Рх Тр Павл-П, Бд Гб Гбч Двд Дм Дрх Сф Яз Орех-З, Крв Пт Шат, а также Ввд Лот, Тд Клин, Пц Солн, Рб Рам, Рт Воскр, Кп Егор, Нв Каш). В некоторых из обследованных населенных пунктов известны случаи параллельного функционирования ряда лексических дублетов. Явление дублирования объясняется наличием в пределах изолексы *боровик* других лексических зон. Зона

красноголо́вик [8] располагается широкой полосой с севера на юг, частично накладываясь на ареал лексемы *борови́к*. Лексема *кра́сик* фиксируется в восточной половине Московской обл. параллельно ареалу *борови́к*, распространяясь значительно южнее, а к северу от Москвы накладываясь на него (Талд, Заг, Пушк, Мыт).[9] У границы с Владимирской обл. отмечается микрозона *красновúк*.[10]

В указанном значении лексема *борови́к* фиксировалась Бурнашевым без территориальных помет, СРНГ (3) в севернорусском наречии (волог., яросл., костр.) и прилегающих переходных окающих говорах (новг., твер., моск. Богородский у.), на территории современных калининских говоров (Опыт Калин.); записана автором в д. Гривой Костромской обл. (1970).

Волжа́нка 'гриб Lactarius torminosus, волнушка'. Лексема функционирует вдоль северо-восточной границы Московской обл. В д. Благовещенье (Заг) отмечен вариант *волжи́нка*. СРНГ (5) свидетельствует о широком распространении слова на восток от обследуемой территории — в ярославских, владимирских, костромских, вятских, пермских, пензенских, симбирских говорах. Без указания территории распространения лексема приведена Бурнашевым, Словарем 1847, Словарем Даля.

Си́товик 'гриб Boletus bovinus, козляк'. Изолекса является одной из ярчайших для Восточного клина. Распространение слова *си́товик* представляет собой четко ограниченную зону, захватывающую территорию Ногинского, Павло-Посадского, Орехово-Зуевского, Шатурского, Егорьевского р-нов. На этой же территории широко фиксируется вариант *си́тник*, спорадически употребляющийся в других районах Московской обл. (Ввд Св Лот, Хд Чех). По данным КСРНГ, слово *си́товик* располагается в вологодских (*Гарневский 1920, *Архангельский 1961), новгородских (*Егоров 1896, *Гарневский 1920—1928), тверских (Пупарев 1869), владимирских (Второе Доп.), псковских (*Копаневич 1902—1904), смоленских (Добровольский) говорах. Как бытующие в псковских, тверских лексических массивах слова *си́тник*, *си́товик* в тех же значениях охарактеризованы Далем.

Наименования с корнем ***дуб-:*** *дубови́к*, *дубя́нка*, *поддубёнок*, *поддубе́шник*, *поддубо́вик*, *поддубо́вник*, *поддубо́вый*, *поддубо́к* 'белый гриб, Boletus edulis'. Лексемы распространяются в форме неправильного клина со стороны юго-восточной четверти Московской обл. Изоглосса проходит по Орехово-Зуевскому, Раменскому, Одинцовскому, Чеховскому, Серпуховскому р-нам. За пределами ареала употребление лексем с морфом ***дуб-*** незначи-

[8] «Красноголовик в асиннике растет. Ище ево асинъвик завут, бъравик, падосинь. У нево краснъя шляпкъ и сам крепкий» (Рб Рам).

[9] «У бъровика ношкъ бывают белъя, а шапъчка у нево тёмнъ-краснъя, ище нъзываим их кръсноголовикъми и красикъми. Ну и пъдосиновикъми завем. Но чаще фсево бъровик» (Зп Талд).

[10] «Боровик — грип красновик — фсем грибам полковник» (Бт Заг).

тельно (*поддýбник* — Бтв Ног. Сч Мож, *поддубёнок* — Ввд Лот). Функционирование дериватов с корнем ***дуб-*** создает ряд компактных перемежающихся зон, на фоне которых проходит четкая изолекса *дубови́к* (Гб Орех-З, Глг Крв Ккк Лк Пт Пш Сем Срд Шат, Ал-Ш Кп Пн Прд Ян Егор). На этой территории слово *дубови́к* выступает как недублирующееся наименование. По данным диалектных источников, лексема *дубови́к* отмечена в говорах Новгородской губ. (Череповецкий у.), здесь же с оттенком значения ‘старый белый гриб’ (СРНГ, 8) и в говоре д. Деулино Рязанской обл. (д. Деулино, 155). Лексема *поддубóвик* зафиксирована в новгородских (*Соловьев), калужских (*Косогоров 1916) говорах. С толкованием ‘темный гриб’ записана в Скопинском у. Рязанской губ. Наши материалы свидетельствуют о широком распространении на обследуемой территории лексемы *поддубóвик*, от границы с тульским лексическим массивом полосой через Серпуховский р-н к центру области. Две налагающиеся друг на друга рассеянные зоны создает распространение словообразовательных вариантов *поддýбник*, *поддубóвник*. Слово *поддýбник* располагается узким клином от Каширского, Зарайского, Луховицкого р-нов на север, к Ногинскому р-ну. Вариант *поддубóвник* концентрируется на юго-востоке Московской обл., у рязанского лексического массива, с восточной стороны ограничиваясь изолексой *дубови́к*; распространение лексемы на север не идет дальше Воскресенского р-на. КСРНГ и другими лексикографическими материалами лексемы *поддýбник*, *поддубóвник* ‘белый гриб’ в говорах не зафиксированы.

Подоре́шник, *подоре́шница* ‘гриб Lactarius resimus, груздь настоящий’. Лексемы широко употребительны в южной половине обследуемой территории. Распространение наименования *подорёшник* представляет собой разреженный ареал с довольно четкими границами (Шаховской, Волоколамский, Одинцовский, Раменский, Орехово-Зуевский р-ны), в южной оконечности которого частотность употребления лексемы повышается. В пределах изолексы *подоре́шник* располагается компактная зона коррелирующей в роде лексемы *подоре́шница* (Егн Кзв Сфр Рам, Мг Чм Воскр, Зб Лп Серп, Кч Млн Ступ, Пск Кол, Акс Дд Клн Лух, Бк Озер, Нв Каш, Жв Пр Зар, Кл Сереб-П), границы которой обозначены четко, хотя слово встречается и за пределами зоны (Вв Клин). Помимо этих двух наименований, функционирующих в виде лексических зон, необходимо отметить наличие ряда других суффиксальных образований с морфом ***подореш, подорех.*** Полосой с севера на юг распространен дериват *подоре́шина* (Яс Клин, Дб Зар, Рд Бал, Глв Рб Рам, С-Пн Ступ). В основном в северной половине обследуемой территории рассеяны наименования *подоре́ховик* [11] (Бт Заг, Мф Мыт), *подоре́ховина* (Тб Вол,

[11]Слово отмечено за пределами Московской обл. в калининских (‘гриб’ — Копорский 1946, ‘съедобный пластинчатый гриб белого цвета’ — Опыт Ка-

Нв Каш), *подоре́ховица* (Бж Истр), *подоре́ховка* Спр Щелк), *подоре́ховый* (Лн Истр). Известны случаи взаимного дублирования наименований, как правило, за счет одновременного употребления коррелянтов *подоре́шник* / *подоре́шница* (Чс Воскр, Лп Серп, Жв Пр Зар, Нв Каш). Диалектные источники свидетельствуют о функционировании дериватов с основой *подореш-* на юг от обследуемой территории, при этом вид гриба определить трудно: *подорешник* ‘гриб’ — курское (*Успенский 1900), *подоре́шница* ‘белый гриб вроде груздя’ — калужское (Второе Доп.). Без территориальных помет с толкованием ‘грибы, в пищу употребительные’ слово *подоре́шники* зафиксировано Бурнашевым. Даль дает наименование *подоре́шник* для грибов Agaricus procerus, Agaricus vellercus, Agaricus mutabilis без указания географии распространения.

Лексемы с морфом ***волв-:*** *волве́нка*, *волвёнка*, *волву́шка*, *волвянка* ‘гриб Lactarius torminosus, волнушка’. Распространяясь в южной половине обследуемой территории, дериваты дают четкую изоглоссу, проходящую по Можайскому, Наро-Фоминскому, Одинцовскому, Ленинскому, Раменскому, Ногинскому р-нам. Дериват *волве́нка* распространен на территории ареала почти повсеместно. Небольшую концентрированную зону, располагающуюся узкой полосой на юге, создает фонематический вариант *волвёнка*. Наименования *волвянка*, *волву́шка* разбросаны в пределах ареала. По данным СРНГ (5), лексема *волве́нка* ‘гриб волнушка’ функционирует в курских, орловских, воронежских, тульских, калужских, пермских, в варианте *во́лвенка* — в псковских говорах. С этой же семемой отмечена Далем без территориальных помет.[12]

Как видим, особенной четкостью внутри рассмотренной лексико-семантической группы отличаются изоглоссы восточной половины обследуемой территории: *боровик*, *волжа́нка*, *петушок*, *дубовик*, *ситовик*, а также горизонтальные изоглоссы северного и южного направления (*ду́нька*, дериваты с морфом ***дупл,*** *коро́вка*, дериваты с морфами ***волв, подореш***).

Изолексы *дубовик*, *ситовик* характеризуются почти полным совпадением с изофоной «цоканье», охватывающей, по данным СРНГ, территорию Павлово-Посадского, Орехово-Зуевского (Бз, Бд, Двд, Дрх, Сф), Шатурского, Егорьевского (Ал-Ш Егр Кп Пн Под Ян) районов. Четкие изолексы северно-восточной полосы (*боровик*, *волжа́нка*, *петушо́к*) частично совпадают с изофоной «оканье», включающей территорию Талдомского, Клинского, Дмитровского, Загорского, пункты Мытищинского (Мур), Пуш-

---

лин.) говорах, русских говорах Прибалтики (‘съедобный гриб с темной головкой, напоминающий боровик’ — Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963).

[12] Из зафиксированных нами дериватов от основы *волв-* отмечена лексема *волвя́нка* с семемой ‘гриб из семейства луговиков, род поганок’ (в центральных и южных районах — СРНГ, 6).

кинского (Аур), Щелковского (Ог, Спр), Ногинского (Брв, Бтв, Мм, Б-Бн), Павлово-Посадского (Ав), Раменского (Кн, Мт), Орехово-Зуевского (Бд, Двд, Дм, Гбч, Сф, Гр, Яз), Шатурского (Влс, Пт, Пш) р-нов.

Изолексы *ду́нька*, *коро́вка*, дериваты с морфом ***дупл,*** с одной стороны, дериваты с морфами ***волв, подореш*** — с другой, располагаются в пределах двух основных изоглосс, дифференцирующих северное и южное территориальное подразделение в пределах распространения русского языка: изофоны *г* взрывной — γ фрикативный, изоморфы окончание *т* — *т'* в формах 3-го л. глаголов настоящего времени. Изолексы дериватов с морфами ***волв***, ***подореш*** характеризуются наибольшим совпадением с границей распространения *т'*, включающей на обследуемой территории к востоку от Москвы часть населенных пунктов Подольского, Егорьевского (Кп, Прд, Ян), Шатурского (Глг, Срд) полностью — Ступинский, Коломенский, Чеховский, Серпуховский, Каширский, Озерский, Луховицкий, Зарайский, Серебряно-Прудский р-ны. К западу от Москвы изоморфа резко поднимается на север по Одинцовскому, клином заходя в Солнечногорский, уходит на запад — по Клинскому, Волоколамскому, далее круто на север — по Лотошинскому р-ну.

Ближе всего к границам *г* взрывного подходит изолекса *ду́нька*, но не совпадая с изофоной, проходящей по Чеховскому, Ступинскому, Коломенскому, Егорьевскому, Шатуринскому р-нам.

Итак, значительная часть рассматриваемых наименований грибов создает лексические зоны, являющиеся частями более обширных ареалов, с одной стороны, и совпадающие с рядом языковых явлений фонетического и морфологического аспектов — с другой.

Сокращение названий населенных пунктов и районов Московской обл.

Ав — Аверкиево
Акс — Аксеново
Ал-Ш — Алексино-Шатур
Аур — Ауртово
Б-Бн — Большое Буньково
Бд — Будьково
Бж — Бужарово
Бз — Беззубово
Бк — Бояркино
Блг — Благовещенье
Брв — Боровково
Бт — Ботово Загорского р-на
Бтв — Ботово Ногинского р-на
Бх — Бухолово
Вв — Вертково
Ввд — Введенское
В-Дв — Великий Двор
Влс — Власово
Вск — Высоково
Вшк — Вышгород
Гб — Губино
Гбч — Горбачиха
Глв — Головино
Глг — Голыгино
Гр — Городищи
Дб — Дубки
Дбр — Дубровки
Дв — Давыдково
Двд — Давыдово
Дд — Дединово
Дл — Дятлово
Дм — Демихово
Дрх — Дорохово
Егн — Еганово
Егр — Егорьевск
Ерм — Ермолино
Жв — Журавна
Зб — Зыбинка
Зп — Запрудня
Кзв — Кузяево Раменского р-на
Ккк — Кулаковка
Кл — Клемово

Клл — Колотилово
Клн — Колянинское
Кн — Коняшино
Кп — Куплиям
Крв — Кривандино
Куз — Кузяево Дмитровского р-на
Кч — Коченягино
Лк — Лека
Лн — Леоново
Лп — Липицы
Мг — Марчуги
Млн — Малино
Мм — Мамонтово
Мт — Меткомелино
Мур — Муракино
Мф — Марфино
Нв — Новоселки
Нвв — Нововасильевское
Н-Кр — Николо-Кропотки
Ог — Огуднево
Озр — Озерское
Ос — Осеево
Пн — Пашеново
Пр — Протекино
Прд — Подрядниково
Пск — Пески
Пт — Петровское
Пц — Пятница
Пш — Пустоши
Рб — Рыбаки
Рд — Руднево
Рт — Ратчино
Рх — Рахманово
Св — Савостино
Сем — Семеновское
С-СК — Спас-Косицы
Сл — Селинское
С-Пн — Соколова Пустынь
Спр — Старопареево
Срд — Середниково
Стн — Станки
Сф — Софреково
Сфр — Софроново
Сх — Сухарево
Сч — Синичено
Тб — Таболово
Тг — Торгашино
Тд — Трехденево
Тмн — Тимоново
Тр — Тарасово
Трс — Тарасково
Фд — Федюково
Хд — Ходаево
Ч-Гр — Черная Грязь
Чм — Чемодурово
Шн — Шабаново
Яз — Язвищи
Ян — Янино
Яс — Ясенево

Бал — Балашихинский
Вол — Волоколамский
Воскр — Воскресенский
Дмитр — Дмитровский
Егор — Егорьевский
Заг — Загорский
За — Зарайский
Истр — Истринский
Каш — Каширский
Клин — Клинский
Лот — Лотошинский
Лух — Луховицкий
Мож — Можайский
Мыт — Мытищинский
Наро-Ф — Наро-Фоминский
Ног — Ногинский
Озер — Озерский
Орех-З — Орехово-Зуевский
Павл-П — Павлово-Посадский
Пушк — Пушкинский
Рам — Раменский
Сереб-П — Серебряно-Прудский
Серп — Серпуховский
Солн — Солнечногорский
Ступ — Ступинский
Талд — Талдомский
Чех — Чеховский
Шат — Шатурский
Шах — Шаховской
Щелк — Щелковский

В. Г. ГОЛОВИН

Сложносуффиксальные имена существительные с первым компонентом — именем числительным в русских народных говорах

Среди лингвистов долгое время бытовало мнение, что словосложение чуждо словообразовательной системе диалектного языка, что этот способ словообразования был привнесен в диалектный язык извне. Однако всестороннее исследование диалектного материала позволило прийти к выводу, что словосложение «является одним из излюбленных приемов образования слов в говорах русского языка».[1] Наши материалы подтверждают этот вывод: сложносуффиксальные производные занимают в диалектном языке третье место (после суффиксальных и префиксально-суффиксальных).[2]

Заметим, что в разряд сложносуффиксальных слов некоторые исследователи относят и такие образования, как *междворка* (*межудворка*).[3] Эти и подобные им слова содержат только одну знаменательную основу, поэтому их не следует квалифицировать как сложения.

К сложносуффиксальным мы относим образования, состоящие из двух (или более) знаменательных основ, входящих в мотивирующее словосочетание и содержащих в своем составе дистантные морфемы — инсуффиксы.

Словообразовательное описание сложносуффиксальных слов до настоящего времени довольно часто опиралось на синтаксические отношения словосочетания, основы которого входят в сложное слово. При такой классификации возможны два типа сложений: подчинительное и сочинительное.

---

[1] Кузнецова О. Д. О некоторых трудностях отбора слов в диалектный дифференциальный словарь. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 24.

[2] К такому же выводу приходит О. Т. Бархатова при анализе предметной лексики Новгородской обл. (Из словообразования имен существительных, обозначающих предметы в современных новгородских говорах. — В кн.: XII науч.-метод. конф. Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1970, с. 92).

[3] См.: Пантелеева Е. М. Образование сложных имен существительных (на материале говоров). — В кн.: Грамматика русского языка. Вып. 1. Иркутск, 1972, с. 162.

Учет грамматической принадлежности компонентов словосочетания дает возможность в еще большей степени дифференцировать сложносуффиксальные образования. К этому же типу относится описание сложений по опорным основам, точнее — по опорному слову словосочетания, входящего в виде основ в сложносуффиксальное образование.

Сложносуффиксальные производные — это производные особого типа, отличающиеся от суффиксальных, префиксальных и префиксально-суффиксальных. Но это обстоятельство не должно выводить их за пределы аффиксальных образований, за пределы слов, образованных по определенным словообразовательным моделям. То, что сложносуффиксальные образования по своей семантике гораздо конкретнее других аффиксальных производных, создает особые трудности при определении их словообразовательных значений, при выделении образующих аффиксов, при распределении композит по словообразовательным моделям.

Нигде специально не оговаривается, что словообразовательная модель (тип) применима лишь к суффиксальным, префиксальным и префиксально-суффиксальным образованиям. Очевидно, что сложносуффиксальные слова образуются по моделям, которые, как известно, характеризуются тремя показателями: грамматическим классом производящих основ, аффиксом и словообразовательным значением.

До сего времени словообразовательный анализ сложносуффиксальных образований производится на основе их неоправданной исключительности. Как правило, они не имеют словообразовательного зачения, лишены свойственного лишь для этого способа словообразования аффикса. Иными словами, сложносуффиксальные образования и сейчас остаются внемодельными. Например, в статье Е. М. Пантелеевой о сложносуффиксальных существительных в говорах средней части бассейна реки Оби говорится: «Небольшая группа существительных образована путем сложения и прибавления суффикса *-йе*. Например: *своесилье*, *рукобитье*, *косогорье*, *чистовертье*, *пустоплесье*, *сыролесье*, *черноплесье*, *разнотравье*, *сеноугодье*, *подполье*, *яснопогодье*, *гололедье*. Существительные называют отвлеченные понятия, действие, большие участки земли по виду растительности и климатические понятия».[4]

Словообразовательная ценность данного описания состоит в разграничении способов словообразования. Все остальные моменты дериватологического исследования, как-то: словообразовательное значение, лексико-грамматическая характеристика мотивирующего словосочетания, словообразующий аффикс (аффикс, специфический для сложносуффиксальных образований) здесь отсутствуют. Без указанных параметров автор, естественно, не

[4] Там же, с. 163.

смог поставить описание сложносуффиксальных производных на уровень словообразовательных моделей.

Не позволяет рассматривать на уровне сложносуффиксальных моделей и классификация их лишь по лексико-грамматической характеристике мотивирующего словосочетания, как это, например, делает В. Е. Литвиненко: «Модели, по которым образуются сложные слова, тоже классифицируются в зависимости от того, к каким частям речи относятся мотивирующие основы».[5]

Частеречная характеристика мотивирующего словосочетания — необходимый компонент в дефиниции модели: в сущности, этот момент играет важную роль при определении словообразовательного значения. Вряд ли сложносуффиксальные слова, мотивирующиеся словосочетаниями, относящимися к разным частям речи, могут иметь одинаковое словообразовательное значение, как, впрочем, и суффиксальные образования. Приводимый И. С. Улухановым пример с глаголами *белеть* и *звереть* как имеющими одинаковое словообразовательное значение, нельзя считать убедительным.[6] Глагол *белеть* имеет два словообразовательных значения: 1) 'быть таким' и 2) 'становиться таким'. Глагол *звереть* 'становиться кем', если его соотнести со вторым значением производящего слова, или «неполное подобие», если его соотнести с первым значением слова *зверь*. Эти глаголы могут входить в один словообразовательный разряд, но не в один словообразовательный тип. Частеречная принадлежность мотивирующего как одна из характеристик словообразовательной модели необходима, видимо, потому, что в дериватологии еще не выработаны правила определения словообразовательных значений. Учет грамматической характеристики производящих основ помогает на данном этапе разграничивать словообразовательные модели. Так, в случае с глаголами *белеть* и *звереть*, имеющими, по мнению И. С. Улуханова, одинаковое словообразовательное значение, а следовательно, один и тот же словообразовательный аффикс, мы все же, учитывая частеречную принадлежность производящих основ, будем считать указанные глаголы образованными по разным моделям. На самом же деле отнесение глаголов *белеть* и *звереть* к разным моделям базируется на различии их словообразовательных значений.

Среди сложных дериватов различают дериваты, образованные «способом чистого сложения», и дериваты, образованные сложением в сочетании с суффиксацией.[7] Такое разграничение оправдано,

---

[5] Литвиненко В. Е. Словообразование имен существительных в русских говорах Прииссыккулья Киргизской ССР. АКД. М., 1970, с. 15.

[6] Улуханов И. С. Значения словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов. — Филологические науки, 1974, № 4, с. 63.

[7] Потиха З. А. Современное русское словообразование. М., 1970, с. 269; Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 269—270.

так как основано на реальных фактах русского языка. Чистые сложения от сложений с одновременной суффиксацией отличаются как структурой образующего аффикса, так и типом словообразовательного значения. Игнорирование этих важнейших характеристик дериватов приведет к объединению разнотипных образований в одну группу и, напротив, однотипные образования попадут в различные классификационные рубрики. Подобное происходит в том случае, когда исследователи при классификации опираются не на семантически мотивирующее словосочетание, а на оформленность / неоформленность опорного слова деривата.

Так, например, Е. А. Земская слова *второразрядник* и *первоклассник* относит к разным способам сложения, соответственно к чистому сложению и к сложению с одновременной суффиксацией,[8] лишь на том основании, что второй компонент у слова *второразрядник* может функционировать самостоятельно, а у слова *первоклассник* второй компонент такой возможностью не обладает. Между тем существительные *второразрядник* и *первоклассник* мотивируются однотипными словосочетаниями (числительное+существительное), имеют одинаковый образующий аффикс, одинаковое словообразовательное значение. Очевидно, что классификация сложных образований на основе «свободности» / «связанности» второй части сложений не согласуется с распределением производных слов по словообразовательным моделям, поскольку параметры словообразовательной модели не выдерживаются.

К тому же классификация сложных образований по формальным признакам не всегда бывает последовательной. Так, в определении Е. А. Земской («способом чистого сложения образуются имена существительные, последняя (опорная) часть которых является самостоятельным существительным» [9]) кажется все ясным. Однако там, где она рассматривает «положения с опорным именным компонентом»: *нос*-[*о*]-*рог*, *утк*-[*о*]-*нос*, *лягушк*-[*о*]-*зуб* и др., т. е. «существительные, последняя (опорная) часть которых является самостоятельным существительным», мы сталкиваемся уже со сложением в сочетании с суффиксацией. Все проясняет следующий параграф. Оказывается, что слова *скалозуб* и *утконос* относятся к сложносуффиксальным (с нулевым суффиксом) на том основании, что в них суффикс имеет значение типа: ‘тот, кто скалит зубы’, ‘тот, у кого нос, как у утки’. Почему же в таком случае существительное *грузоотправитель*, в котором суффикс *-тель* имеет значение типа ‘тот, кто отправляет грузы’, отнесено к чистым сложениям? Ясно, что классификация сложений произведена на основе различных критериев: семантического (в случае со словами *утконос*) и формального (в случае со словом *грузоотправитель*).

---

[8] Земская Е. А. Указ. соч., с. 270.
[9] Там же, с. 269.

Классификация композит диалектного языка по второй части сложения связана с дополнительными трудностями: при анализе диалектного материала далеко не всегда можно с достоверностью сказать, употребляется ли вторая часть сложения в том или ином говоре самостоятельно или нет.

Сложное слово, конечно, отличается по своей структуре от других типов производных: суффиксальных, префиксальных, префиксально-суффиксальных. В его составе содержатся две знаменательные основы, которые, чтобы слово могло быть коммуникативной единицей, должны быть организованы согласно общим законам русского словообразования.

Чтобы две основы составляли одну оформленную языковую единицу, необходим аффикс особого типа, который бы объединял и оформлял их. В русском языке объединение основ происходит, как правило, при помощи так называемых соединительных гласных *о*, *е* — первого компонента дистантной морфемы — инсуффикса. Однако ограничение первых компонентов инсуффиксов только элементами *о* и *е* для современного русского языка (как для литературного, так и для диалектного) нельзя считать оправданным. В сложносуффиксальных производных, в которых первый компонент числительное или глагол, могут появляться и другие первые компоненты инсуффиксов: *-а-* (*двакола*), *-и-* (*семипёрстка*), *-ое-* (*двоеглазка*), *-ох-* (*-ёх-*) (*трехгодок*), *-оя-* (*двоякола*), *-уе-* (*двуелисник*), *-ух-* (*-у*) (*двувесёлка*) и др., а также в некоторых образованиях с первым компонентом существительным: *богиносы*, *искраметье*. Видеть в подобных компонентах различного рода грамматические показатели — значит неизбежно становиться на путь диахронного подхода при определении словообразовательной структуры слова. Известно, что и соединительные гласные *о*, *е* по своему происхождению — из тематического суффикса *-о-*.[10]

Мнение В. П. Григорьева о том, что «грамматическая характеристика члена соотносительного словосочетания подвергается в первом компоненте сложного слова известной нейтрализации»,[11] очень осторожно. Грамматические показатели первого компонента сложного слова не только полностью нейтрализуются, если они вообще остаются в сложении, но изменяют свои функции.

Вследствие того что соединительными гласными некоторыми исследователями признаются только гласные *о* и *е*, предпринимаются попытки классифицировать сложносуффиксальные образования на два типа: на сложения с соединительными гласными и сложения без соединительных гласных. К последним, в част-

---

[10] Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, с. 113.

[11] Григорьев В. П. К вопросу о «грамматических отношениях» между компонентами сложного существительного. — РЯШ, 1958, № 5, с. 24.

ности, относят такие слова: *пятилетка*, *трехэтажный*, *семипудовый*,[12] *сорвиголова*,[13] *винтихвост*, *двухпёрстка*, *двоерожки*.[14]

Н. М. Шанский, не признающий никаких соединительных элементов, кроме гласных *о* и *е*, не усматривает, однако, никакой разницы между сложносуффиксальными словами, основы которых объединены с помощью соединительного гласного или с помощью «флективных примет». Так, к сложносуффиксальным он относит слова *редколесье* и *шестигранник* и слово *четырехсложный*.[15] По-видимому, по мнению Н. М. Шанского, «флективные приметы» выполняют такую же функцию в сложносуффиксальных словах, что и соединительные гласные *о*, *е*. Однако признать «флективные приметы» соединительными элементами ему, видимо, мешает их происхождение.

Если все же расклассифицировать производные русского языка по типу соединения основ, то придется выделить не две, а три группы композит:

1) композиты без соединительных гласных: *голручья* и *голручьи* (СРНГ: Арх.) ‘голые руки без рукавиц’, *госьприимец* (СРНГ: Арх.), *богдан* (ПОС) ‘внебрачный ребенок’, это древнейший тип сложносуффиксальных образований русского языка;

2) композиты с «флективными приметами»: *восьмизубка* (СРНГ: Свердл.) ‘острога с восемью зубьями’, *трипёрстка*, *трехпёрстка* (БОС) ‘сеть’, *трёхрожки* (БОС, Опыт Калин.) ‘вилы с тремя рожками’, *двухлетка* (Опыт Калин.) ‘лошадь по второму году’;

3) композиты с соединительными гласными: *белозёмина* (СРНГ: Твер.) ‘участок пашни с особой светлой почвой’, *глухоночье* (СРНГ: Костром.) ‘полночь’, *водокачень* (СРНГ: Урал.) ‘рабочий у ручного насоса’.

Такая классификация, однако, непригодна для синхронного анализа производной лексики, поскольку она отражает не современные отношения между компонентами сложного слова, а отношения диахронного плана. С позиций же синхронии все сложносуффиксальные дериваты имеют одинаковую словообразовательную структуру: две основы и дистантный аффикс, первым компонентом которого может быть нулевой элемент (*голручья*), «флективная примета» или «соединительный гласный».

Таким образом, сложносуффиксальные производные, имея свои специфические особенности, принципиально не отличаются от других типов аффиксальных образований. Сложносуффиксальные дериваты могут различаться, как и прочие аффиксальные произ-

---

[12] Немировский М. Я. Сложные слова в русском языке. — РЯШ, 1946, № 3—4, с. 14.

[13] Абакумов С. И. О сложных словах в русском языке. — РЯШ, 1946, № 3—4, с. 19.

[14] Литвиненко В. Е. Указ. соч., с. 15.

[15] Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 275.

водные, грамматическими характеристиками производящих основ, словообразовательным значением, аффиксами, т. е. они модельны. Причем аффиксы в сложносуффиксальных производных могут различаться как первым, так и вторым компонентами.

В данной статье будет рассмотрен лишь словообразовательный тип сложносуффиксальных существительных, включающий семантическую модель «лицо, предмет, характеризующийся количеством того, что названо вторым компонентом сложения». Мотивирующее словосочетание — числительное+существительное.

Данный словообразовательный тип, как отмечают исследователи, очень продуктивен в современном русском литературном языке.[16] Однако принципы классификации сложносуффиксальных слов, разработанные в настоящее время, не позволяют выявить, какие модели являются продуктивными, какие — непродуктивными.

З. А. Потиха без дифференциации относит к этому типу все дериваты со следующей характеристикой: «числительное (в род. п.)+существительное+суффикс существительного».[17] В таком случае остается неясным, куда включать производные типа *тренога*, *трилистник*, *двоеженец*, *столетие* и др., не содержащие первого компонента в форме родительного падежа, но включающие в свой состав основы числительного и существительного.

Нельзя определить продуктивность моделей, входящих в указанный словообразовательный тип, как и продуктивность самого типа, по данным Гр.-70,[18] так как сложносуффиксальные производные в ней группируются по грамматической принадлежности опорной основы и по второму компоненту инсуффикса. Различие в грамматической характеристике первых компонентов сложений, различие первых компонентов дистантных морфем не учитываются при характеристике типа по такому показателю, как продуктивность / непродуктивность.

Описываемые в данном словообразовательном типе существительные в Гр.-70 расформировываются по другим типам, поскольку числительное не может выступать в качестве опорного компонента сложения.

А между тем тип сложносуффиксальных имен существительных с первым компонентом — основой числительного специфичен. Он характеризуется многообразием препозитивной части дистантной морфемы, многочисленностью словообразовательных моделей.

1. Модель с инсуффиксом *-а-ø*: *двакола* (СРНГ: Калин.) ‘телега-одноколка’. Слово образовано по вариантной структурной модели — с усечением второго компонента сложения. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Словообразовательные варианты: *-а-ø* — *-оя-ø* (*двакола* — *двоякола*) (СРНГ: Калин.). Полные, внутридиалектные.

[16] Потиха З. А. Указ. соч., с. 267.
[17] Там же.
[18] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

К особенностям диалектного словообразования Е. М. Пантелеева относит то, что «первый компонент (числительное) может выступить. . . и в форме именительного падежа единственного числа».[19] В говорах действительно имеются первые компоненты инсуффиксов, омонимичные окончанию именительного падежа единственного числа. Кроме элемента *-а-* (при числительном *два*) может употребляться элемент *-и-* (при числительном *три*). Но и в литературном языке имеются подобные совпадения: *трилистник* (МАС). Сюда же следует отнести производные *столетник*, *столетие*, *сторублевка* и др.

2. Модель с инсуффиксом *-и -к*: *семипёрстка* (БОС) ‘сеть с ячеями в семь пальцев’, *восьмигрядка* (ССП) ‘телега, верхняя часть которой образуется из восьми продольных жердей’, *восьмидорожка* (ССП), *пятипалка* (ССП), ‘мережа’ — с усеченным вторым компонентом сложения, *трипёрстка* (БОС) ‘сеть’, *десятидворка* (СРНГ: Урал), ‘участок из общей земли, предназначенный для десяти хозяев’, *пятирамка* (Опыт Калин.) ‘борона с пятью рядами зубьев’, *восьмизубка* (СРНГ: Свердл.) ‘острога с 8 зубьями’, *восьмипёрстка* (СРНГ: Том., Кем.) ‘сеть’, *восьмипалка* (СРНГ: Свердл.) ‘сеть’, *пятипёрстка* (БОС) ‘сеть’, *девятигрыжка* (СРНГ, Перм.) ‘лекарственное растение’, *семисёлка* (СРНГ) ‘о непоседливом, быстро бегающем человеке или животном’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-и -к — -ох -овк* (*трипёрстка — трехперстовка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-и -к — -ое -к* (*трипёрстка — троепёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-и -к — -ох -к* (*трипёрстка — трёхпёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные.

3. Модель с инсуффиксом *-и -ник*: *пятистенник* (д. Деулино) ‘дом с пятью стенами’, *семижильник* (ССП) ‘подорожник’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-и -ник — -и -ок* (*пятистенник — пятистенок*) д. Деулино, КЯОС, Опыт Калин. Полные, для д. Деулино внутридиалектные, для остальных —(междиалектные.

4. Модель с инсуффиксом *-и -овк*: *восьмичетвертовка* (СРНГ: Перм.) ‘круглые метровые дрова’, *пятилистовка* (БОС) ‘растение’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

5. Модель с инсуффиксом *-и -ок*: *тристенок* (СГП) ‘пристройка из трех стен’, *пятистенок* (КЯОС, д. Деулино, Опыт Калин.) ‘пятистенный дом’ *шестистенок* (КЯОС) ‘дом с шестью стенами’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна. В литературном и диалектном языке модель различается «частными» словообразовательными значениями: в пер-

[19] Пантелеева Е. М. Указ. соч., с. 161.

вом обозначает лицо — *семилеток* (БАС, МАС), *восьмилеток* (БАС), во втором — предмет.

Словообразовательные варианты: *-и -ок — -и -ник* (*пятистенок — пятистенник*) д. Деулино, КЯОС, Опыт Калин. Полные, для д. Деулино — внутридиалектные, для остальных — междиалектные.

6. Модель с инсуффиксом *-и -ø*: *девятирук* (Опыт Калин.), *шестирук* (Опыт Калин.) ‘вид косы’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна (имеется лишь слово *тристих*).

7. Модель с инсуффиксом *-о -ец*: *первоженец* (СРНГ) ‘тот, кто состоит в первом браке’, *другодеревенцы* (СРНГ: Перм.) ‘жители другой (соседней) деревни’, *другоженец* (СРНГ: Тамб., Курск., Ворон., Рост., Сарат., Калуж., Смол., Брян.) ‘тот, кто женился во второй раз’, (СРНГ: Оренб.) ‘супружеская пара, в которой каждый из супругов вступил в брак во второй раз’, *односемейцы* (ССП) ‘семья родных братьев’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-о -ец — -о -ø* (*другоженец — другожён*) СРНГ: . . .Тамб. Частичные, для Тамб. — внутридиалектные, для остальных — междиалектные.

8. Модель с инсуффиксом *-о -ин*: *второсестрина* (СРНГ) ‘дочь двоюродной сестры’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

9. Модель с инсуффиксом *-о -иц*: *однозубица* (ССП) ‘грубый холст’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Словообразовательные варианты: *-о -иц — -о -к* (*однозубица — однозубка*) ССП. Полные, внутридиалектные.

10. Модель с инсуффиксом *-о -й*; *первоплодье* (Доп. 1852: Пск., Твер.) ‘первый приплод’, *первозимье* (КЯОС) ‘первый снег в начале зимы’, *первовесенье* (Опыт 1852: Моск.) ‘начало весны’, *перволетье* (Опыт 1852: Моск.) ‘начало лета’, *первоосенье* (Опыт 1852: Моск.) ‘начало осени’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Словообразовательные варианты: *-о -й — -о -ø* (*первозимье — первозим*) КЯОС, Доп. 1858: Новг. Полные, междиалектные.

11. Модель с инсуффиксом *-о -к*: *одноконка* (КЯОС, ССП) ‘повозка с запряженной в нее лошадью; запряжка в одну лошадь’, *односторонка* (ССП) ‘улица, состоящая из одного ряда домов’, *однозубка* (ССП) ‘грубый холст’, *одностанка* (КЯОС) ‘женская рубаха, сделанная вся из одной материи’, *единолетка* (СРНГ: Том) ‘однолетнее растение’, *треножка* (СГП) ‘таган на трех ножках’, *одностопка* (БОС) ‘деревянный крестьянский дом из одной комнаты’, *одноколка* (ССП) ‘двухколесная телега’, *многорядка* (КЯОС) ‘баян’.

К этой же модели следует, видимо, отнести производные: *двоеколёска* (СРНГ: Костром.) ‘телега на четырех колесах’, *двое-*

колка (СРНГ: Волог.) ‘телега на четырех колесах’, так как первый компонент сложения в этих словах не количественное, а собирательное числительное (*двое*). Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна (зафиксировано лишь слово *треуголка*).

Словообразовательные варианты: *-о -к — -о -ø* (*одностенка — одностен*) КЯОС. Полные, внутридиалектные. *-о -к — -о -иц* (*однозубка — однозубица*) ССП. Полные, внутридиалектные.

12. Модель с инсуффиксом *-о -н*: *другомужня* (СРНГ) ‘вдова, вышедшая второй раз замуж’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

13. Модель с инсуффиксом *-о -ник*: *однобрюшник* (БОС) ‘близнец’, *дверядник* (СРНГ: Волог.) ‘две рубахи, надеты одна на другую’, *столистник* ‘растение’, *тысячелистник* [20] ‘растение’. Модель непродуктивна. В литературном языке встречаются образования с инсуффиксом *-о -ник* (*треножник*, *треугольник*), но, как отмечает В. Г. Арьянова, в словах, обозначающих растения, он не попадается.

14. Модель с инсуффиксом *-о -ок*: *двогодок* (СРНГ: Арх.) ‘жеребенок двух лет’, *однодворок* (д. Деулино) ‘выселок на пальнике или гаревом месте’, *второгодок* (СРНГ: Арх.) ‘лошадь по второму году’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна (5 образований).

Словообразовательные варианты: *-о -ок — -ое -ок* (*двогодок — двоегодок*) СРНГ: Арх., Пск. Полные, для Арх. — внутридиалектные, для Пск. — междиалектные.

15. Модель с инсуффиксом *-о -ø*: *одностан* (КЯОС) ‘женская рубаха, сделанная вся из одной материи’, *односёл* (КЯОС) ‘односельчанин’, *малолет* (ССП) ‘мальчик, подросток’, *первозим* (Доп. 1852: Новг.) ‘первый снег в начале зимы’, *другожён* (СРНГ: Тамб.) ‘тот, кто женился во второй раз’, *двоевёдро* (СРНГ: Волог.) ‘ушат в 4 ведра’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-о -ø — -о -чанин* (*односёл — односельчанин*) КЯОС. Полные, литературно-диалектные. *-о -ø — -о -к* (*одностан — одностанка*) КЯОС. Полные, внутридиалектные. *Малолет* ‘малолетка’ (ССП). Полные, литературно-диалектные. *-о ø- — -о -ок* (*малолет — малолеток*) (ССП). Полные, литературнодиалектные. *-о -ø — -о -й* (*первозим — первозимье*) Доп. 1852: Новг. — КЯОС. Полные, междиалектные. *-о -ø — -о -ец* (*другожён — другоженец*) СРНГ: Тамб. — СРНГ, СРНГ: Тамб., Курск., Ворон., Рост., Сарат., Калуж., Смол., Брян. Частичные для Тамб. — внутридиалектные, для остальных — междиалектные.

---

[20] Арьянова В. Г. О словообразовании имен существительных в говорах Среднего Приобья. — Учен. зап. Томск. ун-та, 1971, № 74, вып. 2, с. 88.

16. Модель с инсуффиксом *-ое -ец*: *двоеженец* (СРНГ: Вят.) ‘о женатом мужчине, имеющем любовницу’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

17. Модель с инсуффиксом *-ое -к*: *двоеглазка* (СРНГ: Волог.) Фольк. ‘женщина с двумя глазами’, *двоеденка* (СРНГ: Новг.) ‘двудонка’, *двоедонка* (СРНГ: Арх.) ‘наглухо заделанная бочка’, *двоестволка* (СРНГ: Перм.) ‘двуствольная’, *двоехвостка* (СРНГ: Перм., Свердл., Челяб.) ‘плетка из двух ремней’ (СРНГ: Ср. Урал) ‘синица’, *двоеполка* (СРНГ: Арх.) ‘двухэтажный дом’, *двоерожка* (СРНГ: Ср. Урал) ‘вилы с двумя зубьями’, *двоерожки* (СРНГ: Новосиб., Том., Ср. Урал) ‘вилы с двумя зубьями’, *двоеручка* (СРНГ: Новг.) ‘двуручная пила’, *троелистка* (ССП) ‘растение’, *двоежитка* (СРНГ: Волог.) ‘смесь ржаной муки с пшеничной или ячневой’, *двоеклапанка* (СРНГ: Волог.) ‘гармонь-двухрядка’, *троерожки* (БОС), *троепёрстка* (БОС) ‘сеть с ячеями в три пальца’. С усеченным вторым компонентом сложения: *двоеколка* (СРНГ: Новг., Свердл., Волог.) ‘двуколка’. Модель малопродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Словообразовательные варианты: *-ое -к — -ох -к*(*троепёрстка — трехпёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-ое -к — -ох -овк* (*троепёрстка — трехперстовка*) БОС. Полные, внутридиалектные. (*Троерожки — трёхрожки*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-ое -к — -и -к* (*троепёрстка — трипёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-ое -к — -ое -ок* (*двоежирка — двоежирок*) СРНГ: Новг., Волог. Полные, междиалектные. *-ое -к — -ое -ø* (*двоерожки — двоероги*) СРНГ: . . .Том. Полные, для Том. — внутридиалектные, для остальных — междиалектные. *-ое -к — -у -к* (*двоествола — двуствола*) СРНГ: Перм. Полные, литературно-диалектные.

18. Модель с инсуффиксом *-ое -ник*: *двоегривенник* (СРНГ: Волог.) ‘двугривенный’, *двоеволосник* (СРНГ: Костром.) ‘человек, имеющий два цвета волос’, *двоерушник* (СРНГ: Смол.) ‘пряжа с двух веретен’, *двоерядник* (СРНГ: Арх.) ‘плот из двух рядов бревен для перевозки’, *двоекрасочник* (СРНГ: Волог.) ‘сарафан из двуцветного (белого с синим) домотканого полотна’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

19. Модель с инсуффиксом *-ое -ниц*: *двоецыпница* (СРНГ: Вят.) ‘курица, высидевшая уже цыплят два раза’ — с усеченным вторым компонентом сложения. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

20. Модель с инсуффиксом *-ое -ок*: *двоелеток* (СРНГ: Арх.) ‘жеребенок двух лет’, *двоежилок* (СРНГ: Волог.) ‘очень сильная (двужильная) лошадь’, *двоежирок* (СРНГ: Волог.) ‘двухэтажный дом’, *двоегодок* (СРНГ: Арх., Пск.) ‘жеребенок двух лет’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Словообразовательные варианты: *-ое -ок — -ое -к* (*двоежирок — двоежирка*) СРНГ: Волог., Новг. Полные, междиалектные.

21. Модель с инсуффиксом *-ое -ø*: *двоезуб* (СРНГ: Арх., Олон.) ‘человек с двойным зубом’, *двоеслов* (СРНГ: Сев.-Двин.) ‘человек, на слово которого нельзя положиться’, *двоероги* (СРНГ: Том.) ‘вилы с двумя зубьями’, *двоерог* (СРНГ: Вят.) ‘двурогое животное’, *двоеуши* (СРНГ: Арх.) ‘плетеный короб с двумя ушками’, *двоесторон* (СРНГ: Вят.) ‘деревня, в которой дома расположены по обеим сторонам улицы’, *троелиста* [21] ‘растение вахта трехлистная’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

22. Модель с инсуффиксом *-ох -к*: *трехрядка* (ОСКО) ‘борона с тремя рядами зубьев’, *трехрожки* (БОС, Опыт Калин.) ‘вилы с тремя рожками’, *четырехрамка*, *четырехрядка* (д. Деулино) ‘борона с четырьмя рядами зубьев’, *четырехрожки* (д. Деулино) ‘вилы с четырьмя рожками’, *трехпёрстка* (БОС) ‘о сетях’, *трехпалка* (ССП) ‘о сетях’ — с усеченным вторым компонентом сложения. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-ох -к — -и -к* (*трехпёрстка — трипёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-ох -к — -ох -овк* (*трехпёрстка — трехперстовка*) БОС. Полные, внутридиалектные.

23. Модель с инсуффиксом *-ох -ник*: *трехугольник* (БОС) ‘ловушка на медведя’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

24. Модель с инсуффиксом *-ох -овк*: *трехперстовка* (БОС) ‘сеть’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-ох -овк — -и -к* (*трехперстовка — трипёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-ох -овк — -ое -к* (*трехперстовка — троепёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные. *-ох -овк — -ох -к* (*трехперстовка — трехпёрстка*) БОС. Полные, внутридиалектные.

25. Модель с инсуффиксом *-ох -ок*: *трехгодок* (Опыт Калин.) ‘молодое животное по третьему году’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

26. Модель с инсуффиксом *-ою -ник*: *двоюродник* (СРНГ: Арх., Терск.) ‘двоюродный брат’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

27. Модель с инсуффиксом *-оя -ø*: *двоекола* (СРНГ: Калин.) ‘телега-одноколка’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Словообразовательные варианты: *-оя -ø — -а -ø* (*двоякола — двакола*) СРНГ: Калин. Полные, внутридиалектные.

28. Модель с инсуффиксом *-уе -ник*: *двуелисник* (СРНГ: Новг.) ‘род ткани’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

---

[21] Там же, с. 88.

29. Модель с инсуффиксом *-у -аш*: *двугряш* (СРНГ: Моск.) ‘двугривенник’. Слово образовано по вариантной структурной модели — с усечением второго компонента сложения. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

30. Модель с инсуффиксом *-у -й*: *двудёнье* (СРНГ: Новг.) ‘двудонье’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

31. Модель с инсуффиксом *-ух -к*: *двусторонка* (СРНГ: Низовье Волги) ‘бревно, отесанное с двух сторон’, *двустенка* (СРНГ: Терск., Том.) ‘рыболовная сеть в два полотнища’, *двудонка* (СРНГ: Вят.) ‘посудина с двумя днами’, *двудёнка* (СРНГ: Волог., Вят., Арх., Новг., Перм., Костром.) ‘то же, что двудонка’, *двувесёлка* (СРНГ) ‘лодка с двумя веслами’, *двухлетка* (Опыт Калин.) ‘лошадь по второму году’, *двухсторонка* (СРНГ: Свердл.) ‘улица, застроенная домами с обеих сторон’, *двухрожки* (СРНГ: Тюмен., Том.) ‘вилы’, (СРНГ: Свердл.) ‘вид сохи’, *двухколёска* (СРНГ: Свердл.) ‘двухколесная повозка’, *двуличка* (СРНГ) ‘двусторонняя ткань’, *двулемошка* (СРНГ: Куйбыш.) ‘соха с двумя лемехами’. С усеченным вторым компонентом сложения: *двуколка* (СРНГ: Новг., Ленингр., Новосиб.), *двухпалка* (СРНГ: Свердл.) ‘сеть с ячеями в два пальца’, *двугришка* (СРНГ: Костром.) ‘двугривенник’. Модель, как и в литературном языке, обнаруживает продуктивность, несмотря на то что возможности ее в этом плане ограничены первым компонентом сложения — числительным *два*.

Словообразовательные варианты: *-у -к — -у -ник* (*двупёрстка — двупёрстник*) СРНГ: Том., Пск., Ср. Урал., Новосиб., Обь-Енис. водн. бас., Астрах., Азов. Частичные, междиалектные. *-у -к — -ое -ø* (*двурожки — двоероги*) СРНГ: Ср. Урал., Том. Полные, междиалектные. *-у -к — -у -ок* (*двудонка — двудонок*) СРНГ: Вят. (?) Полные. *-у -к — -ух -к* (*двустенка — двухстенка*) СРНГ: Терск., Том. Полные, внутридиалектные (*двудонка — двухдёнка*) СРНГ: Вят., Волог., Вят., Арх., Новг., Перм., Костром. Полные, для Вят. — внутридиалектные, для остальных — междиалектные.

32. Модель с инсуффиксом *-ух -ник*: *двугодник* (СРНГ: Новг. ‘второгодник’, *двухрушник* (СРНГ: Ворон.) ‘двурушник’, *двухпудник* (СРНГ: Азов.) ‘двухпудовая рыболовная снасть’, *двухкоровник* (СРНГ: Иван., Ленингр.) ‘крестьянин, имеющий в хозяйстве двух коров’, *двухжильник* (СРНГ: Пск., Смол.) ‘выносливый, сильный человек’, *двулемешник* (СРНГ: Ср. Урал.) ‘плуг с двумя лемехами’, *двупалешник* (СРНГ: Пск.) ‘сеть с ячеями в два пальца’, *двупёрстник* (СРНГ: Астрах., Азов.) ‘сеть с ячеями в два пальца’, (СРНГ: Урал.) ‘толстая пеньковая пряжа для изготовления таких сетей’, *двуплужник* (СРНГ: Уральск.) ‘плуг с двумя лемехами’, *двуцветник* (СРНГ: Новг.) ‘растение’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-у -ник — -у -к* (*двупёрстник — двупёрстка*) СРНГ: Астрах., Азов., Том., Пск., Ср. Урал., Новосиб., Обь-Енис. водн. бас. Частичные, междиалектные. *-у -ник — -ою -ник* (*двуродник — двоюродник*) СРНГ: Арх., Терск. Полные, для Арх. — внутридиалектные, для Терск. — междиалектные.

33. Модель с инсуффиксом *-у -ниц*: *двухкоровница* (СРНГ: Иван.) ‘крестьянин, имеющий в хозяйстве двух коров’, *двужильница* (СРНГ: Пск., Смол.) ‘выносливая, сильная женщина’, *двуножница* (СРНГ: Твер.) ‘двухлетняя телка’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

34. Модель с инсуффиксом *-ух -овик*: *двухорловик* (СРНГ: Перм.) ‘фальшивая монета с двумя орлами’, *двухгодовик* (ССП) ‘лошадь от года до двух лет’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

35. Модель с инсуффиксом *-у -овк*: *двухпальцовка* (СРНГ: Свердл.) ‘сеть’, *двулицовка* (СРНГ) ‘ткань с отливом другого цвета’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-у -овк — -у -к* (*двухпальцовка — двухпалка*) СРНГ: Свердл. Полные, внутридиалектные.

36. Модель с инсуффиксом *-у -ок*: *двулеток* (СРНГ: Арх., Новг., Ленингр., Ворон.) ‘двухлеток’, *двукровок* (СРНГ) ‘двухэтажный дом’, *двудымок* (СРНГ) ‘труба, в которой идет дым из двух печей’, ‘изба с двумя трубами, печами’, ‘семья или крестьянин, оплачивающие два тягла, два дыма’, *двудомок* (СРНГ) ‘крестьянская семья, разделившаяся на два хозяйства’, *двудонок* (*двудёнок*) (СРНГ: Симб.) ‘посудина с двумя днами’, *двугорбок* (СРНГ) ‘кто-либо с двумя горбами’, *двугодок* (СРНГ: Пск., Твер.) ‘кто-либо в возрасте двух лет’. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна.

Словообразовательные варианты: *-у -ок — -у -к* (*двудонок — двудонка*) СРНГ: (?) Вят. Полные. *-у -ок — -ух -ок* (*двулеток — двухлеток*) СРНГ: Арх., Новг., Ленингр., Ворон. Частичные, литературно-диалектные. *-у -ок — -ух -к* (*двулеток — двухлетка*) СРНГ: Арх., Новг., Ленингр., Ворон. Частичные, литературно-диалектные.

37. Модель с инсуффиксом *-у -ышк*: *двудёнышка* (СРНГ: Волог.) ‘двудонышко’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

38. Модель с инсуффиксом *-у -ø*: *двуключина* (СРНГ: Пск.) ‘лодка с двумя парами уключин’ — с наложением первого компонента инсуффикса и второго компонента сложения. Модель непродуктивна. В литературном языке модель также непродуктивна (ср.: *двучлен*, *двусемянка*. МАС).

39. Модель с инсуффиксом *-ы -к*: *одновыденка* (ССП) ‘расточительная, небережливая женщина’. Модель непродуктивна. Литературному языку модель неизвестна.

Таким образом, рассматриваемый словообразовательный тип функционирует как в литературном, так и в диалектном языке. Однако набор словообразовательных моделей в двух подсистемах общенародного русского языка различен. В литературном языке отсутствуют словообразовательные модели с инсуффиксами *-а -ø*, *-о -ин*, *-о -иц*, *-о -й*, *-ое -к*, *-ое -ник*, *-ое -ок*, *-ое -ø*, *-ою -ник*, *-оя -ø*, *-уе -ник*, *-у -аш*, *-у -ниц*, *-ух -овик*, *-у -ышк*, *-ы -к* (17 моделей).

В то же время в наших материалах отсутствуют производные, образованные по моделям, функционирующим в литературном языке. Например, модели с инсуффиксами *-ое -ий* (*двоевластие*, *двоеточие*, *троеперстие* и др.), *-ое -ств* (*двоеженство*, *троеженство*), *-ох -ий* (*трехлетие*, *трехстишие*), *-ох -ø* (*трехчлен*), *-у -иц* (*двусмыслица*).

Определить точное соотношение словообразовательных моделей литературного и диалектного языков не представляется возможным, так как словообразовательные модели сложносуффиксальных существительных в литературном языке до сего времени не выявлены.

Взаимодействие инсуффиксов при образовании словообразовательных вариантов

Инсуффикс	Аффикс словообразовательного варианта
-а -ø	*-оя -ø*
-и -к	*-ох -к -ое -к -ох -овк*
-и -ник	*-и -ок*
-и -ок	*-и -ник*
-о -ец	*-о -ø*
-о -иц	*-о -к*
-о -й	*-о -ø*
-о -к	*-о -ø*
-о -ок	*-ое -ок*
-о -ø	*-о -чанин -о -к -о -ок -о -й -о -ец*
-ое -к	*-ох -к -и -к -ое -ок -ое -ø -у -к -ох -овк*
-ое -ок	*-ое -к*
-ое -ø	*-ое -к*
-ох -к	*-и -к -ох -овк -ое -к*
-ох -овк	*-ох -к -и -к -ое -к*
-ою -ник	*-у -ник*
-оя -ø	*-а -ø*
-ух -к	*-у -ник -ое -ø -у -ок -ух -к*
-ух -ник	*-у -к -ою -ник*
-у -овк	*-у -к*
-у -ок	*-у -к -ух -ок -ух -к*

А. Т. ХРОЛЕНКО

Проблемы фольклорной лексикографии

История изучения словарного состава литературного языка и диалектов показывает, что решение лексикографических вопросов и создание толковых словарей стимулирует развитие лексикологической теории. Это справедливо и по отношению к фольклорной речи, лексика и фразеология которой изучены недостаточно.[1] Параллельная работа над теорией фольклорного слова и составление устно-поэтического словаря — единственно перспективный путь дальнейшего развития лингвофольклористики.

До сих пор простейшей лексикографической обработке подвергались лишь устаревшие («темные») и диалектные («местные») слова.[2] Сравнительно небольшое количество слов, являющихся специфической приметой фольклорных жанров, попало в словари литературного языка.[3] Однако в целом фольклорному слову в лексикографическом отношении не повезло. Оно упорно игнорировалось составителями не только литературных, но и диалектных словарей.[4] Отлученное за редким исключением от литературного языка, фольклорное слово до недавнего времени не считалось полноправным компонентом системы местных слов. Правда, выходящий сейчас под редакцией Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова Словарь русских народных говоров учитывает и народно-поэтическую лексику.[5]

---

[1] Богатырев П. Г. Язык фольклора. — ВЯ, 1973, № 5, с. 115.

[2] Например, к «Причитаниям Северного края, собранным Е. В. Барсовым» (Ч. 1. М., 1872) приложен «Севернорусский словарь с общими замечаниями о языке причитаний», содержащий в основном диалектизмы.

[3] См.: Коротаева Э. И. Народно-поэтическая лексика в современных толковых словарях русского языка. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. 467. Петрозаводск, 1972.

[4] См. обоснованную критику: Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектные словари. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974.

[5] См.: Сороколетов Ф. П. Народные песни как источник диалектных словарей. — В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976.

Однако включение устно-поэтического слова в диалектные словари не снимает проблем фольклорной лексикографии в силу специфики диалектного словаря дифференциального типа, который не может включить все лексические единицы фольклорного текста. Да и принципы подачи фольклорного слова существенно отличаются от принципов толкования слов литературного языка.[6] Для лексикографического описания устно-поэтической лексики необходимы иные принципы и особый метаязык. Короче, необходим особый словарь русского фольклора «или хотя бы его отдельных выдающихся произведений».[7]

Как первый шаг лексикографического упорядочения предлагается составление частотных словарей.[8] Обсуждается целесообразность толково-комбинаторного словаря, в котором «каждое слово описывается и как единица текста со своими устойчивыми связями и противопоставлениями, и как выразитель некоторой регулярной художественной функции».[9] Материалом такого словаря должны стать ключевые слова определенной совокупности текстов, регулярно выполняющие художественные функции. По мнению автора проекта, создание такого словаря представляет собой «упорядоченный способ исследования и эксплицитного представления устойчивых связей слова в системе поэтического языка», каждая словарная статья «могла бы эксплицитно представить языковой механизм построения слов-образов, например символов, и, таким образом, явиться своеобразным «паспортом» художественного образа».[10]

У фольклорной лексикографии много трудностей: не завершено составление областных словарей и словаря древнерусского языка, без которых создание словаря фольклора является невыполнимым, не решены также проблемы границ устнопоэтического слова и его семантической структуры, в зачаточном состоянии пребывает фольклорная фразеология, неясны и принципы построения словаря. Обсуждению некоторых из этих вопросов и посвящается данная статья.

---

[6] Не случайно, что составители СРНГ толкование ряда сугубо фольклорных слов ограничивают указанием типа «постоянный эпитет в произведениях народного творчества».

[7] См.: Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка.— В кн.: Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957, с. 25.

[8] См.: Хроленко А. Т. О целесообразности частотного словаря языка русского фольклора. — Учен. зап. Курск. пед. ин-та, 1971, т. 92; Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 4—5; Щигарева Б. К. Некоторые наблюдения над статистической структурой подъязыка русской частушки. — Науч. тр. Самарк. ун-та. Новая серия, вып. 248. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. 1973, IV.

[9] Никитина С. Е. О словаре языка русского песенного фольклора. ИРЯ АН СССР, проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 74. М., 1975, с. 18.

[10] Там же, с. 26.

Сложен вопрос о границах слова. Критерии единства его (фонетическая, морфологическая или синтаксическая цельнооформленность), которые и в кодифицированной литературной речи не стали универсальными, в условиях специфического устно-поэтического текста обнаруживают еще большую недостаточность.[11] Один и тот же или структурно подобный звуковой комплекс то выступает эквивалентом литературного сложного слова, то превращается в словосочетание.

Думается, что решение вопроса о границах фольклорного слова возможно только при том условии, что мы откажемся от привычных критериев литературного языка и взглянем на фольклорный текст как на явление особого рода.[12]

Строка народно-песенного произведения в силу своей музыкальной, просодической и синтаксической цельности является основной единицей песенного текста. Гибко подчиняясь напеву или плясовому ритму, она пульсирует. При этом эквиваленты литературного слова, сжимаясь, прессуются друг с другом в композиты, наличествующие только в фольклорном языке, или же распадаются на части, которые ведут себя как самостоятельные слова. Ср.: *Буйный ветер в лицо бьет* (№ 42);[13] *Буен ветер воротцы растворил* (№ 14); *Шумит вода без буй-ветра* (№ 13).

Фольклорное слово в условиях стихотворно-музыкального текста ведет себя как «поэтическая морфема», т. е. как единица, которая в рамках стремящейся к цельности строки может быть и отдельным словом, и частью окказионального композита.[14] Морфемоподобный характер фольклорного слова потребовал и специфического способа образования более крупных конструкций — сближения (А. Потебня), или стяжения.

Каковы же могут быть критерии выделения фольклорных слов, этих «поэтических морфем» песенной строки? Думается, что здесь эффективна методика коммутационной проверки, которая применительно к фонологии формулируется так: «Если в звуковой последовательности АВ оба элемента А и В или один из этих элементов (либо А, либо В) не могут быть заменены никаким другим элементом, в том числе нулевым, то АВ является реали-

---

[11] Аналогичные трудности обнаруживаются и в анализе диалектной речи. См.: Блинова О. И. Об отдельности слова в диалектном языке. — Учен. зап. Томск. ун-та, 1975, № 92. Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 3.

[12] Л. В. Щерба писал, что понятие «слово вообще» не существует. Оно зависит от конкретного языка и, добавим, от специфики той или иной формы речи. См.: Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958, с. 9.

[13] Народные песни Воронежской области. Воронеж, 1974.

[14] Думается, что именно это обстоятельство обусловило сохранность кратких прилагательных в атрибутивной функции. Совпадающие по структуре с изолированным корнем, они воспринимаются и как автономные определения, и как часть фольклорного композита.

зацией одной фонемы (перефразируем: АВ является композитом,— *А. Х.*); в противном случае комплекс АВ может рассматриваться как реализация двуфонемного сочетания (может рассматриваться как сочетание слов, — *А. Х.*)».[15]

По этой методике, сочетанием слов, а не сложным словом будут комплексы *круто-складно*,[16] *буй-ветер*, *измен-сокол*, *любо-перышки*, *злат-млад*, *тепло-вито* и др. К фразеологизмам относятся конструкции типа *тоска-печаль*, *путь-дорога*, *трава-мурава*, *хлеб-соль*, которые словарями современного литературного языка фиксируются как лексические единицы.

К словосочетанию относится, например, устно-поэтическое *Новгород*, которое по аналогии с литературным языком на письме оформляется как цельное слово. О двусловности этого комплекса свидетельствуют частые случаи дистактности и двуударности: *Я Нов славный город мимоход возьму*;[17] *Как приехал Стипанушка с Новá гарадá*.[18]

В тех случаях, когда один из компонентов теряет ударение и морфологически не изменяется, дополнительным средством выявления его лексического статуса является семантика. Замечено, что смысловая близость компонентов (синонимия, тавтология) способствует слиянию их в одно сложное слово.[19]

Самая сложная проблема лексикографии — отражение в словаре семантики слова. Анализ показывает, что семантическая структура русского народно-поэтического слова существенно отличается тем, что компоненты ее организованы по принципу антиномий.

1. Фольклорное слово одновременно осуществляет и видовую, и родовую номинацию. Причем в народно-поэтическом творчестве обобщенность слова распространяется не только на класс однотипных реалий, но и на совокупность однотипных классов. В примере: *Сасёнка зилёная*, *Тонкая*, *высокая Да листам широкая* (Хал., № 297) существительное *сосна* обозначает не только хвойное дерево определенной породы, но и любое хвойное и даже лиственное дерево. *Груша мая зялёная*, *яблань садавая*! (Хал., № 243) — здесь обращение к одной и той же реалии. Аналогично: *Ты спроси-ка там*, *спроси Гуся-лебедя* (№ 71).

---

[15] Общее языкознание. (Методы лингвистических исследований). М., 1973, с. 183.

[16] Собиратель былин П. Рыбников относил подобные случаи к разряду сложных слов и объединял компоненты дефисом.

[17] Песни, собранные писателями. — В кн.: Литературное наследство. Т. 79. М., 1973.

[18] Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904, № 106 (далее: Хал., №).

[19] См., например: Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии. М.—Л., 1963, с. 244; Сирцев В. А. Из наблюдений над сложными прилагательными в народно-песенной речи. — В кн.: Вопросы теории и методики преподавания русского языка в школе. Воронеж, 1975, с. 71.

2. Многие слова в фольклоре совмещают прямое и символическое (метафорическое) значение. Как показывают материалы Я. Автамонова, все слова, называющие растения, в русском фольклоре символичны,[20] однако нет строгой определенности между реалиями и их символическими значениями.[21]

Возникает вопрос, является ли символическая компонента постоянной величиной слова или она привносится контекстом. Поскольку в народном лирическом произведении все подчинено описанию эмоционального мира человека, использование л ю б о г о явления из мира природы изначально носит двойственный характер. «Человеческий аспект» любой растительной или животной реалии появляется в данном контексте, а задан потенциально, включен в фольклорное слово в качестве тенденции с условием о б я з а т е л ь н о й реализации. Поэтому нужно считать символическое постоянной, языковой, а не текстовой, речевой компонентой слова.

3. Исследователи заметили, что фольклорное слово не только обозначает понятие или явление, но и реализует семиотическую оппозицию. Например, *окно*, *вода* в русском фольклоре являются знаками границы между своим и чужим миром,[22] существительное *лес* — это «лес» и «нелес, нечто чуждое».[23] «При анализе семантики фольклорной лексики всегда необходимо учитывать этот семиотический аспект фольклора, его остаточную ритуальность. Например, *лебедь*, *ворон* — это и разные птицы, и «светлое» и «темное». . .».[24]

4. Народно-поэтическое слово не только строит фольклорный мир, но и оценивает его. Это обусловливает наличие в семантике слова особой оценочной компоненты, которая довольно часто преобладает и даже нейтрализует номинативную, как в словах *свет*, *душа*, *сердце* и т. п. Здесь слово превращается в своеобразный артикль сверхположительной оценки. Особенно заметно это на примере прилагательных, по сути своей являющихся определителями. Например, «цветовые» прилагательные *белый*, *лазоревый*, *красный*, *зеленый*, *черный* и другие выступают в функции

---

[20] См.: А в т а м о н о в Я. Символика растений в великорусских песнях. — ЖМНП, 1902, дек., с. 247.

[21] Н. П. Колпакова объясняет это тем, что важно «не наименование растения, а то действие, которое с ним происходит», а потому общность функции «придает множеству отдельных поэтических образов одно и то же символическое значение». См.: К о л п а к о в а Н. П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962, с. 203 и след.

[22] См.: Ц и в ь я н Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке. — В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

[23] См.: И в а н о в Вяч. В., Т о п о р о в В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 168.

[24] О с с о в е ц к и й И. А. О языке русского традиционного фольклора. — ВЯ, 1975, № 5, с. 77.

оценочных слов, теряя свою цветовую определенность.[25] Этим объясняются «аналогичные» примеры типа: *Под белым шатром под лазоревым Спит, почивает добрый молодец.*[26] *Ды я алыми твитами затвитала, Ды я алыми твитами, галубыми* (Хал. № 291).

Обязательное наличие оценочной компоненты в лексическом значении слова является требованием лирического жанра с его нравственной оценкой всего сущего в фольклорном мире и обеспечено свойствами диалектной лексики, обладающей повышенным эмоциональным тонусом и аккумулирующей максимальный набор средств экспрессивного выражения.[27]

5. В фольклорном слове наблюдаем собственное и иерархическое (ценностное) значения. Собственным назовем свойство фольклорного слова как автономной сущности, иерархической (ценностной) — компоненту, возникшую в слове в результате постоянного и длительного совместного употребления его с другим словом.

В. Г. Белинский отметил эту антиномию как «бессмыслицу»: «. . .в третьем стихе палица названа медною, а в пятом железною».[28] В фольклоре «предшествующий элемент в какой-то мере программирует последующий».[29] В итоге обязательного следования рождаются иерархически ценностные отношения, закрепляющиеся в семантике слов. Наличие иерархически ценностной компоненты у прилагательных *сосновый* и *дубовый* (*Ва саснова х сенсах Ва дубова х сенсах. . . Казак дефку выкликая* (Хал., № 368)) объясняет столь частый «алогизм». Второе слово выступает фольклорным аналогом сравнительной или превосходной степени. Аналогично: *дубовые/кленовые, еловая/сосновая, черкасское/немецкое* и т. п.[30]

Многокомпонентность и внутренняя антиномичность значения ведет к смысловой неопределенности слова, повышает его информативность. В народном словесном искусстве неопределенность — принципиальное свойство поэтического слова и является фактором эстетического порядка. На особых свойствах народно-поэтического слова основываются фольклорные приемы поэтики.

---

[25] Подробнее см.: Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии. Курск, 1976, с. 36 и след.

[26] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1, № 596 (далее: Кир. Нов. 1, №).

[27] См.: Коготкова Т. С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (на материале современных областных словарей). — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 298.

[28] Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии. — Полн. собр. соч. Т. V. М., 1954, с. 428.

[29] Неклюдов С. Ю. Чудо в былине. — В кн.: Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969, с. 152.

[30] К. С. Аксаков (Полн. собр. соч. Т. II, ч. 1. М., 1875, с. 303) заметил в народных песнях «удивительное отношение между словами», удивительную «память, так сказать, мысли в языке, при устройстве слова».

В фольклорном тексте слово обладает отчетливо выраженным «блоковым» характером. В нем заранее уже заданы все свойства, которые будут реализованы в тексте. Контекст определяет выбор слова, но выбор этот сравнительно ограничен, и выбранное слово уже имеет те коммуникации, которые органически подключаются в общую систему связей фольклорного произведения.[31] Родовая обобщенность, символика, метафоризм, оценка и иерархичность ее — все это существует в слове как непременно реализующаяся тенденция. И хотя «своеобразный оттенок слова в фольклоре может восприниматься не как принадлежность самого слова, а вытекает из всей ситуации, в которой оно произносится, из художественного облика исполняемого произведения»,[32] в пользу языковой, а не текстовой природы семантической сложности слова говорит тот очевидный факт, что фольклорное слово, будучи перенесенным в инородный текст, не только сохраняет свои свойства, но и преобразует смысловую и художественную ткань новой для себя фразы.

Возникает вопрос, все ли слова, используемые в произведениях фольклора, обладают такой специфически организованной структурой. Видимо, в первую очередь она присуща именам — существительным, прилагательным и числительным. Так, среди 319 слов с пометой «нар.-поэтич.» в словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, МАС преобладают существительные и прилагательные (149 и 85 соответственно).[33] Думается, что это связано со следующим обстоятельством. Имена «строят» и «оценивают» фольклорный мир с его специфическим набором реалий и их особых признаков. В силу этого они устойчивы и являются своеобразными «ключевыми» словами фольклорного текста.[34]

Однако сказанное не означает, что глаголы, наречия не заслуживают внимания со стороны семантики и не имеют шансов подвергнуться лексикографической обработке. Просто анализ их сложнее и требует большой предварительной исследовательской работы. Замечено уже, что некоторые глаголы обладают символическим значением: *брести* ‘жить’, *рубить* ‘сватать’ и т. п.[35]

Особого исследования требует вопрос, одинакова ли семантическая структура слова, используемого в разных жанрах фоль-

---

[31] Ср.: Михайловская Н. Г. О реализации значения слова в древнерусском тексте. — ВЯ, 1974, № 5, с. 94 и след.

[32] Порохова О. Г. Лексика с неполногласием и полногласием в былинах. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 87.

[33] См.: Коротаева Э. И. Народно-поэтическая лексика в современных толковых словарях русского языка. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, т. 467. Петрозаводск, 1972, с. 32.

[34] Размышляя о словаре фольклора, С. Е. Никитина подробно описывает только существительные. См.: Никитина С. Е. О словаре языка русского песенного фольклора.

[35] См.: Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. II. Колядки и щедровки. Варшава, 1887, с. 371, 482 и след.

клора. Видимо, фольклорное слово во всех жанрах народной словесности специфично, но компонентный набор его семантики и соотношение между компонентами зависят от жанра. Ограничимся пока наблюдениями над степенью метафоричности фольклорного слова. В. Я. Пропп писал, что «русская народная лирика метафорична в высшей степени», в то время как «язык эпоса почти полностью лишен метафоричности».[36] Предельно высока метафоричность в загадках.[37] Различна степень символичности: в лирике она достигает своего предела.

Специфичность семантической структуры народно-песенного слова предполагает особый подход к лексикографической обработке его. Потенциальная многоаспектность с ее обязательной реализацией в контексте, «блоковость» заставляют обратить особое внимание на соотношение одного фольклорного слова с другим. Полагаем, что соотносительность слов в устно-поэтическом контексте должна стать основой лексикографической обработки. Реализацией этого станет обязательный учет трех аспектов — ассоциативности, валентности и идиоматичности.

Под а с с о ц и а т и в н о с т ь ю понимаем соотношение данного слова с другими словами той же части речи в пределах одного песенного контекста. В а л е н т н о с т ь — способность слова вступать в словосочетания с другими словами. И д и о м а т и ч н о с т ь — вхождение слова в устойчивые словесные комплексы.

Необходимость учета основных аспектов соотносительности слов зависит не только от собственных свойств фольклорного слова, она диктуется еще и тем обстоятельством, что почти все приемы народной поэтики основываются на тех или иных словесных комплексах.

Лексикографические проблемы рассмотрим на конкретном примере. Из сборника русских народных песен, записанных на определенной территории в одно время,[38] извлечем существительные, относящиеся к лексико-семантическому полю «вода». Выбор поля диктуется тем, что оно занимает весьма существенное место в фольклорном мире русской народной лирической песни.

Частотность описываемых существительных такова: *река* — 26 (также: *Дон* [39] — 9, *Дунай* — 9, *Волга* — 1, *Самара* — 1, *Рдань* — 1); *вода* — 19, *море* — 18, *колодезь* — 4, *озеро* — 3, *кри-*

---

[36] П р о п п В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, с. 520.

[37] «Народные загадки сохранили для нас обломки старинного метафорического языка» (А ф а н а с ь е в А. По поводу VI выпуска этнографического сборника. — В кн.: Книжный вестник. СПб., 1865, с. 58).

[38] Х а л а н с к и й М. Г. Народные говоры Курской губернии.

[39] Учитываем мы и гидронимы *Дон*, *Дунай*, *Волга*, *Самара*, *Рдань* (*Иордан?*). В фольклоре имена собственные принципиально близки к нарицательным: обобщают, переосмысляются, взаимозаменяются.

ница — 1. Учет частотности дает возможность установить константы фольклорного мира.

Первая лексикографическая трудность обнаруживается, когда мы начинаем анализировать довольно многочисленные случаи «алогизмов», в основе которых лежит ситуативная и номинативная эквивалентность понятий или обозначающих их слов в тождественных микроконтекстах разных песен или даже в пределах одной песни.

Примером с и т у а т и в н о й эквивалентности может служить следующий песенный фрагмент:

Ой на́ м а р и ш, ой на́ м а р и на синём,
Эй лёли, лёй лёли, на синём,
Да на камушку ш, да на камушку на бялом
Танка́, гибка́ достачка лижала

(Хал., № 290).

Здесь мы ощущаем (с точки зрения здравого смысла) алогизм ситуации, когда через море перебрасывается дощечка, как через речку. Ситуация предполагает реку, а используется слово *море*.

Примером н о м и н а т и в н о й эквивалентности могут быть случаи, когда существительное *море* буквально в следующем стихе песни замещается существительным *река*:

Играла синия м о р я, играла;
Над р е ч ь к а ю калинушка стаяла,
Над быстраю калинавай кусточик

(Хал., № 66).[40]

В пределах одной и той же строки мы можем встретить синонимический ряд *море-река*: *Аглянуся на синия м о р я, н а р я к у* (Хал, № 300).

Существительные *море* и *река* могут вступать в ассоциативную пару типа *хлеб-соль*:

Да сьлязами наполнились усе р е ч ь к и, маря,
Усе р е ч ь к и, м а р я, все далинушки, паля

(Хал., № 63).[41]

Объяснить этот феномен можно, видимо, и двуплановостью русской народной лирики, первоначальным господством в ней

---

[40] Возможна и обратная замена *реки морем*:

Паднилася виликая буря,
Павярнула чи[е]лон па Д у н а ю. . .
Адин казал: «чиго м о р я граить?»

(Хал., № 331).

[41] Синонимической заменой *моря* может стать и существительное *вода*: *Забилися в о д ы, Забилися м а р я* (Хал., № 350).

психологического параллелизма. Поэтическое отождествление символа и персонажа песни влечет за собой и возможное отождествление других элементов обеих ситуаций. Лебедь, утушка ассоциируются с морем, девушка — с рекой, водой. Тождество лебеди с девушкой может привести к тождеству *моря* и *реки*.

В разных песнях, но в одинаковой ситуации «вода у ворот» могут параллельно использоваться существительные *море* и *озеро*. Ср.:

У батюшки у варот
У радимава у навых
С и н и я о з и р а вады
(Хал., № 51).

Да у нашых у варотях у шыроких,
Да у нашых у виреюшках тачёных,
Ой таченых (2), пазлаченых
Разливалась да с и н и я м о р я
(Хал., № 291).

Особенно наглядна номинативная эквивалентность в случаях с географическими обозначениями:

Возьли Д о н у, возьли Д о н у,
Возьли тихава Д у н а ю
Добрай молодяц гуляя
(Хал., № 55).

Далее в тексте песни речь идет о Доне.

Ассоциативный аспект песенного слова может реализоваться двояко: а) наличием устойчивого кореллята во второй части синтаксического параллелизма; б) появлением ассоциативного слова. Так, параллельно существительному *море* используются существительные *двор*, *улица*, *поле*:

Ой пó марю мóрю,
Па синиму м о р ю
Плавала утенушка. . .
Ой пó двару, двóру,
Широкаму д в ó р у
Иленушка ходя
(Хал., № 299).

Выбрала соколика
Ис чшистага п о л я,
Ис синяго м о р я
(Хал., № 376).

Параллельно существительному *река* употребляется существительное *улица*:

Па р е ч у ш к и силязенюшка паплавливаить. . .
Да па в у л и ц ы Васильюшка пахаживаить
(Хал., № 122).

Параллелизм существительных *река* и *улица* может привести к «алогичной» ситуации, когда мосты находятся на сухом месте:

На етам на п и р я у л к у там два мосьтика масьтя!
Адин мосьтик абламилси, а мой милай патанул
(Хал., № 72).

Велика роль ассоциации в народно-песенном творчестве. С. Г. Лазутин показал, что в основе композиции песни лежит принцип ассоциативно-поэтической связи входящих в нее картин.[42] Лингвистической основой реализации описанного С. Г. Лазутиным принципа служат ассоциативные цепочки слов, принадлежащих не только к одной и той же части речи, но и входящих в одно лексико-семантическое поле. Например, существительное *река* «программирует» существительное *берег*:

Ой па р е ч ю н ь к и силизенюшка плыветь,
Выши б е р е ш к у галовушку нисеть
(Хал., № 285).

См. также № 12, 41, 48, 385 и др.

Устойчивую ассоциацию с существительным *берег* обнаруживает и собственное существительное *Дон* (Хал., № 7, 47, 215).[43] Эта постоянная ассоциация может привести к возникновению дополнительного определения *бережистая* (Хал., № 280).

Обе формы ассоциативности могут совмещаться, когда доминантами синтаксического параллелизма становятся слова, связанные еще и ассоциативно:

Плыла вутушка р я к о ю. . .
А шла девка б и р я ж о ч к а м
(Хал., № 256).

Валентность фольклорного слова специфична. Она реализуется использованием постоянных эпитетов, факультативных определений — прилагательных и приложений.

Постоянные эпитеты к существительным: *река — быстрая*, *Дон — тихий*, *море — синее*, *вода — студеная*. Следует заметить, что постоянный эпитет у названных существительных встречается в 20—25% от общего числа. В остальных случаях используется либо факультативное определение, либо определение отсутствует вовсе. Примеры факультативных определений: *вода ключевая* (№ 52), *теплая* (№ 328); *озеро синее* (№ 53), *Дунай тихий* (№ 55, 383). В последних двух примерах мы наблюдаем своеобразную аттракцию постоянного эпитета на существительные, эквивалентные другим существительным, для которых эти эпитеты

[42] См.: Л а з у т и н С. Г. Русские народные песни. М., 1965, с. 41.
[43] Существительное *Дунай* в анализируемом сборнике ассоциаций с другими существительными не обнаружило. Возможно, потому, что *Дунай* сам выступает эквивалентом *Дона* (Хал., № 55) или *воды* (ср. № 54, 55).

являются постоянными. *Дунай* эквивалентен *Дону*, а потому определяется его эпитетом *тихий*, *озеро* эквивалентно *морю* и потому *синее*.

Употребляемое существительное *колодезь* обходится без определений, исключая случай метонимического переноса *студеный* с существительного *вода*:

Бе́ла, бе́ла, бе́ла каминя,
А с т ю д е н а г а д а к а л о д и з я
Маладой маёр да каня паив.
Красна девушка да ваду брала
(Хал., № 77).

Не имеет собственного определения и существительное *Дунай*, заимствующий эпитет у своего эквивалента *Дон*, зато в отличие от него почти всегда сопровождается приложением *речка* (№ 11, 26, 175, 369).

С понятиями валентности и ассоциативности тесно связана обратно пропорциональной связью идиоматичность фольклорного слова. В зависимости от того, учитывается ли валентность или ассоциативность, различаются два важнейших типа фольклорных устойчивых словесных комплексов: устойчивые сочетания и ассоциативные ряды.

У с т о й ч и в ы е с о ч е т а н и я состоят из двух слов, объединенных подчинительной синтаксической связью, расположенных в пределах одной стихотворной строки, и представляют собой исходную («ядерную») единицу фольклорной фразеологии: *синее море*, *гуси-лебеди*, *Дунай-река* и др. Возможны осложненные устойчивые сочетания, которые представляют собой распространение устойчивого сочетания одним словом: *олень — золотые рога*.

А с с о ц и а т и в н ы й р я д — совокупность двух и более слов, принадлежащих не только к одной части речи, но и к одному лексико-семантическому полю, связанных между собой ассоциативной связью: [44]

Мимо батюшкиного раззелененького было с а д о ч к а,
Мимо матушкиного высокого т е р е м о ч к а.[45]

Итак, из сказанного выше вытекает, что лексический строй народно-поэтических произведений может быть адекватно представлен только в специальном словаре полного типа.[46] В словар-

[44] Особого обсуждения требует вопрос о включении в состав объектов фольклорной фразеологии типических мест — предельно больших по объему и завершенных в смысловом отношении устойчивых частях народных песен. См.: У х о в П. Д. О типических местах (loci communes) в русских народных традиционных песнях. — Вестн. МГУ, 1957, № 1.

[45] Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1. Л., 1977, № 198.

[46] Опыт толкового словаря эпоса «Джангар» в этом убеждает. См.: Т о д а е в а Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста, 1976.

ных статьях необходимо отразить особую антиномическую структуру фольклорного слова. Учитывая характер взаимосвязи отдельного слова со всем текстом, словарь может быть только лексико-фразеологическим, отражающим ассоциативные, валентные и идиоматические свойства устно-поэтического слова. Разнообразие жанров и наличие специфических языковых явлений в каждом из них обусловливают жанровую дифференциацию словаря.

Вне всякого сомнения последующая работа над словарем поставит новые вопросы и откроет новые лексико-семантические свойства устно-поэтического слова, однако высказанные соображения о характере словаря фольклора, семантической структуре слова, его границах и взаимосвязи, на наш взгляд, учитывать необходимо.

В. Я. ДЕРЯГИН

Русское *водка* и польское *wódka*

В польском журнале[1] опубликована статья К. Полянского, в которой автор пишет: «Несмотря на то что в английский (и в другие западноевропейские языки, — *В. Д.*) слово *vodka* попало из русского, оно польского происхождения». Это утверждение основано, во-первых, на том, что в польском языке вообще распространены формы уменьшительных имен существительных с суффиксом *-k-* (*młynek* от *młyn*, *cukierek* от *cukier*, *gumka* от *guma*, *żelazko* от *żelazo* и т. п.), во-вторых, что в памятниках польского происхождения отмечены ранние случаи употребления слова: как уменьшительное к *woda* слово известно с XV в., а в значении ‘крепкий спиртной напиток’ датируется 1600 г. (по материалам диссертации Т. Смулковой, посвященной названиям польских водок).

В XVI в., когда водка с Запада распространилась в Польше, ее здесь называли *gorzałka* или *aqua vitae* (откуда поздняя польская форма *okowita*). В XVII в., по данным К. Полянского, слово *wódka* употреблялось в польских источниках в двух значениях: ‘лекарственная и ароматическая настойка’ и ‘спиртной напиток’. А. Брюкнер считал, что пол. *wódka* представляет собой уменьш. к *woda*, а значение ‘спиртной напиток’ возникло у него под влиянием латинского названия *aqua vitae*.[2]

В Этимологическом словаре Н. М. Шанского разделены значения русского слова *водка*: «Слово определенно является собственно русским в знач. ‘лекарственный настой’ (по картотеке ДРС), встречается в Новгородской летописи (под) 1533 г.: „чтоб водка нарядити и в рану пущати“. Знач. ‘лекарственный на спирте настой трав (и других средств, тинктура)’ отмечается еще в Словаре 1891.[3] В значении ‘вино’ (по картотеке ДРС) впервые отме-

[1] Polansky K. From the history of the word «wodka». — Studia Anglika Posnaniensia. An international review of English studies, 1972, № 1—2.

[2] Brückner A. Słownik etimologiozny jezyka polskiego. Warshawa, 1957.

[3] В современном употреблении различаются *настой* ‘вытяжка из растительного или животного вещества, образующаяся в той жидкости, в которую

чается в Актах исторических 1649 г.: „. . .розносолъ и розные нѣметцкие водки", и, вероятно, является семантической калькой пол. wódka».[4]

В. Кипарский уже без комментариев приводит в списке слов, заимствованных в русский язык из польского: «Водка 1633 'Branntwein' wódka 'Schnaps', eig. 'Wasserchen'».[5]

История группы слов, обозначающих крепкие напитки в восточнославянских языках, еще не исследована детально. Много неясного и в истории самих реалий. Что, например, означают слова *корчма*, *вино* и ряд других во многих древнерусских памятниках?

Известно, например, что в XV в. Новгород и Псков стремились оградить себя от ввоза с Запада напитка или напитков, именуемых *корчмою*; так, в договорной грамоте с епископом юрьевским: «А корчмою, пивомъ немецкому гостю уво Псковѣ не торъговати, а опрочь корчмы и пива всякии товаръ ко Пъскову добровольно возити, по старыне, на обе стороне» (Гр. Новг. и Псков., 134. 1474 г.).[6] Судя по тому, что пиво здесь оговорено особо, под корчмою можно понимать хлебное вино, т. е. водку, уже являвшуюся в это время предметом торговли ганзейских городов. Как 'крепкий напиток' приведено в Материалах Срезневского, где есть и другие примеры, относящиеся к XV в.

От XVI в. имеются достоверные свидетельства об употреблении на Руси напитка, именуемого на западе лат. *aqua vitae* или нем. *Branntwein*, англ. burnt wine.[7] Об этом пишет С. Герберштейн, посетивший Московию в 1517 г.: «Наконец стольники вышли за кушаньем, не оказав снова почета государю, и принесли водку (в базельском издании — Branntwein), которую они всегда пьют в начале обеда».[8] В записках Жерома Горсея, 1586—1587 гг.: «The third day after my arivall (on Rose Iland) there was sent a gentlemann Sablock Savera a Captain from the Duke delivered me a copie of his comission of the Emperors and Boris Fedorowitsh their grace and goodness towards me, presented for wy provicion

---

это вещество положено; водный раствор специально приготовленных экстрактов' и *настойка*, *тинктура* 'водка или спирт, настоянные на ягодах, плодах, травах'. БАС, т. 7, стб. 532—533.

[4] Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 3. М., 1968. К. Полянский использовал не совсем точную формулировку значения, приведенную в словаре, и особо подчеркнул никогда не существовавшее в действительности смысловое различие между пол. и рус. *водка* — то и другое 'спиртной напиток', т. е. alcoholic liquor у К. Полянского (не 'вино').

[5] K i p a r s k y V. Russische historische Grammatik. Bd III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, S. 100. Здесь, видимо, контаминированы даты, приведенные в Словаре Н. М. Шанского: 1533 и 1649.

[6] Ссылки в тексте по Указателю источников СРЯ XI—XVII. М., 1975.

[7] Нидерландская форма *brandewijn* (с XIV в.), откуда англ. *brandy* (XVII в.). См.: А л е к с е е в М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968, с. 138.

[8] Г е р б е р ш т е й н С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 205.

70 ewe shepe, 20 (61) live oxen and bullocks, 600 henns. . . 40 gallons aquavita, 100 (65) gallons of mead, 200 (60) gallons of beer».[9]

Об освоении в русском торговом обиходе латинской формы *aqua vitae* можно судить по упоминаемому в Торговой книге XVI в. названию *яковитое вино*: «Яковитое вино та же горѣлка добрая, кабы двоеное руское вино и англинская горѣлка» (Торг. кн. 202 об.).[10]

В послании Ивана Грозного в Кириллово-Белозерский монастырь 1573 г. читаем: «А инии глаголють будто де вино горячее потихоньку в келию к Шереметьеву приносили: ано по монастырем и фряские вина зазор, не токмо что горячие» (Ив. Гр. Посл., 177—178).

Не подлежит сомнению широкое распространение на Руси в XVI в. водочного производства, т. е. получения спиртных напитков из зерна путем неоднократной перегонки. Детально процесс перегонки описан в Домострое, где применяются термины *арака* тюркского происхождения, а также *вино*, служащие наименованиями продуктов перегонки: «Тому же пивоваренной наказъ какъ пиво варит и кака медъ сытити и вино курити. А в пивоварнюю поварню на пиво, и на брагу и на кислые шти солоду и муки и хмелю отдать то бы было все в письмѣ и смѣрено и счете;

а коли пиво затирают ячное или овсяное или оржаное или хмель парить и у квашенья и у сливаныя дозирати самому все бы было бережно и чисто и не раскрадено и не испрокужено, и за пасмѣхъ не выпить (здесь описана технология приготовления простого пива);

а коли пиво варят, ино отваривъ пиво, и силенъ толко солод ино бочку и болши другово пива нарядят а после всякого пива водою на гущу поливают воды взогрѣвъ вѣдръ с тритцать и с сорокъ на ячную гущю и пятдесят и шестьдесят взогрѣвъ, взлити и больши по вари смотря, и тотъ исътокъ приквасит добре хорошо семъе пити (такова технология приготовления *двойного пива*, *полпива* или *перевары* — этот последний термин известен из новгородской берестяной грамоты № 3 и описан Н. Б. Бахилиной [11]);

а ис первого последу приквасивъ на кислые шти пригодится, а уксусъ ставити из доброго сусла, и в береженье и в тепле держати, и в чистоте приходити к нему сливанье бы не пили же;

а вино курити самому не отступно же быти или кто вѣренъ прямо тому приказати, и у перепуска по тому же да смечать по сколку ис котла араки первои и другои, и последу уточат, а у перепуску по тому же смечат колко ис котла укурит первого и середнего и последу, и на погребъ и на ледникъ и в сушило и в жит-

---

[9] Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII ст. Т. I. СПб., 1865, с. 119.

[10] Цит. в СРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 187.

[11] Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 43, 175-176.

ницы без собя никакова не пускати» (Дм. К., 46—47). Те же термины находим и в других списках Домостроя.

Н. Е. Горская пишет: «В XVI в. зерно служило сырьем для винокурения (получения водки). Есть данные о том, что вино в 1588 г. курили в селах Иосифо-Волоколамского монастыря». «Варили вино в монастырском хлѣбе». (Кн. прих.-расх. Волокол. мон., № 6, 150.1588 г.). «Приспособлениями для винокурения (котлы и кубы медные перепускные, трубы винные) располагали Краснохолмский Антониев и Иосифо-Волоколамский монастыри».[12] Ср. также в духовной начала XVI в.: «Три котлы поваренные да кубъ виннои съ трубою» (АЮ, 444); в царской грамоте 1599 г.: «. . . чтобы у крестьян у пашенных. . . котлов и кубов винных отнюдь не было, и вин бы крестьяне на себя не курили. . . и крестьяне бы себе варили брагу, а лутчее вино и вино горячее у крестьян у пашенных однолично вывести».[13] Ср. также в Новгородской IV летописи под 1547 г.: «пожаловалъ царь и государь великий князь Иванъ Васильевичь, въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новѣгородѣ, отставилъ корчмы и питие кабацское: давали по концамъ и по улицамъ старостамъ, на 30 человѣкъ, двѣ бочки пива, да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра на розрубъ».

Составители СРЯ XI—XVII с полным основанием выделяют у слова *вино* значение ‘водка, спирт’, под которым помещают цитаты, начиная с приведенного нами примера 1588 г.; ср. также более поздний и очень убедительный: «Въ Синайскомъ монастырѣ... пьютъ за трапезой все вино горячее, какъ и наше хлѣбное, а курятъ его изъ ягодъ финиковыхъ» (Арс. Сух. Проскинитарий, 39. 1653 г.).

В опубликованном П. Симони отрывке из сборника, писанного почерком конца XVI—начала XVII в.: «Вино горячее лутче всего прилагати в чернило и бывают зело до[бры]» (Сим. Обих. книгоп., 38).

Применение слова *вино* в значении ‘водка, спирт’ в памятниках XVI—XVII вв. заставляет по-новому взглянуть и на ранние примеры, приведенные, например, в Материалах Срезневского[14]. Все эти данные говорят о раннем знакомстве Руси с производством напитка, за которым в русском литературном языке закрепилось единое название *водка*. По-видимому, не следует исключать возможности знакомства Древней Руси с технологией получения спирта путем перегонки через генуэзцев и греков в Крыму. Такое

---

[12] В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977, с. 220—222. См.: АФЗХ II, № 428; ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 12, л. 111 об.; Труды Московского археологического общества. Т. 8. Древности. М., 1880, с. 25.

[13] Нижегородские губернские ведомости, часть неофициальная, 1848, № 8, с. 30.

[14] См. также: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 172—173.

мнение неоднократно высказывалось историками еще в прошлом веке.

Первоначальная множественность обозначений продукта перегонки в памятниках (*вино*, *арака*, *горелка*; *горячее*, *горькое*, *русское*, *хлебное*, *яковитое*, *перепускное*, *двойное*, *двоеное вино*; *брага*, может быть, также *лучшее вино* и *корчма*) служит показателем его широкого распространения, возможно, также и различий в технологии и качестве. При рассмотрении этой обширной группы названий (а она, видимо, может быть расширена) необходимо принять во внимание вывод, к которому приходят исследователи, занимающиеся историей русской лексики: «В XIV—XVII вв., — пишет Ф. П. Филин, — происходит бурный рост диалектных явлений в области лексики, причем эти явления возникают, по-видимому, в одинаковой мере как в речи сельского, так и в речи городского населения».[15] К сожалению, нередко еще в работах по исторической лексикологии русского языка не учитываются диалектные различия в лексике, а в исторической лексикографии пока не может быть даже и поставлен вопрос об отражении этих различий.

Диалектный характер формы *водка* (и *водочка*) в значении ‘уменьш. к *вода*’ в русском языке иллюстрируют данные, приведенные в вып. 4 СРНГ. По записям XIX—XX вв., эта форма широко распространена на русском Севере и Северо-Востоке: «*Принеси водки, сходи за водкой*. Кинеш. Костром., 1846. *Попей водки-то холодной*. Костром. Влад., Яросл., Вят., Арх. ◇ Ключевая вода. Нерехт. Костром. 1853». Ср.: «И пьет-то добрый конь водочку ключевую» (Он. был. Гильф., II, 610). В Словаре Даля под словом *вода* приводятся производные: «Умал. *води́ца*, *води́чка*; *во́дка*, *во́донька*, *во́дочка* костр. но||*водкою* обычно называют перегонное вино, хлебное, а иногда из плодов, как напрм. *кизлярка*, из винограда;||*водицей*, *водичкой* называют водя́нку, шипучку, ягодный броженый отвар, с прибавкой сахару, пряностей и осьмой части водки.|| *Водицей* называют и малую воду (по-видимому, *водку*, — *Б. Д.*), малый разлив, а *води́щей* — большую. *Во́дки насто́енные*, настойки, травники, а *ягодные*, наливки. *Пейсиховая водка*, у жидов, на изюме».

Не случайно именно в тексте памятника северновеликорусского происхождения находим подтверждение тому, что слово *водка* издавна употреблялось в русских говорах в общем значении ‘*водичка*’, уменьш. и уменьш.-ласкат. к *вода*. В приведенных ниже отрывках из Сийского иконописного подлинника второй половины XVII в. (составитель сборника — чернец Антониево-Сийского монастыря Никодим, позднее архимандрит, его рукой писана часть рукописи) *водкой* назван выжим взбитого яичного белка,

---

[15] Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 615.

водкой желтой — выжим, сок, настой красящих растений (шафрана, ревеня, желтокорня, коры крушины, ольхи):

И у иконного писма гдѣ по левкасу листовое сребро наслано будетъ учинить золотом мошно. . . тогда яичной бѣлок одинъ токмо в чистом сосудцѣ лопаткою убьетъ горазно доволно, и егда пѣна устоитца кромѣ пѣны процѣдить сквозь платъ в сосудецъ чистъ и тою воткою, кистью чистою по золоту или по сребру вскрываетъ излегка вравность: И буде похощетъ сребреныя мѣста единовидно з золотом учинить: Шафрану потолично омочит, или ревеня устругавъ: Или желтика корене устругавъ напомочитъ: Или крушины сухой коры желтого точию наскобля намочить: и единого от сихъ коегождо доведется сквось платъ прожать чистой бѣлой на раковину или в сосудецъ каски или чашку чисто бы было: И тою водкою желтою потомужъ кистью чистою вравенство по сребру выкрыть излегка чтоб во удобство вравенство содѣлать подобно золоту: А иные художники изготовя вещь, и излегка поолифя по олифы выше именованною яичною водкою по сребру чинно прикрывъ: и просуша шафраном излегка прикрыть. . . егда запродожениемъ писма краски застарѣютъ и росписывати немошно стекаютъ или корчатся: Тогда легки бѣлкомъ вирѣчь (вм. сирѣчь ?) воткою житкою прикрывать и удобно писать будет. . .

Вотка чинить из ольховой коры во всем потомуж якож и крушинная: в сокъ лѣтом с олхи снимать кора и сушить и истолчи: И вымоча по надобью зквась платъ выжать выжать (так в изд.) и тою воткою по сребру или по золоту прикрывать (Сим. Обих. книгоп., 211—212).

Конечно, не может служить доказательством неисконности слова *водка* в русском языке отсутствие регистраций этой формы как уменьш. к *вода* в древнейших восточнославянских памятниках. Во-первых, количество употреблений уменьшительных форм существительных (а к слову *вода* образуются уменьшительно-ласкательные формы) вообще невелико в древних текстах. Например, по данным Словаря старославянского языка, уменьш. *водица* зафиксировано лишь один раз,[16] единственный пример содержат Дополнения к Материалам Срезневского, в СРЯ XI—XVII — тот же пример (Вопр. Кирика) РИБ VI, 37. 1156 г., по сп. XIII в.; остальные примеры в картотеке ДРС — с XVI в. Во-вторых, уменьшительные формы с суффиксальным *-k-* в диалектах праславянского языка появились сравнительно поздно и в древнейших славянских памятниках представлены немногими примерами. Так по крайней мере обстояло дело в тех случаях, когда продолжали активно употребляться старые формы, с чередованием и не было особых семантических различий между старой и новой формами.[17]

[16] Slovník jazyka staroslovenského. 5. Praha, 1962.

[17] Дементьев А. А. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та, 1959, вып. 27;

Можно полагать, что в старопольском рано была утрачена форма уменьш. к *woda* с исконным праславянским суффиксом *-ica*. Так, Варшавский словарь, вобравший в себя и материалы Словаря М. С. Б. Линде, фиксирует производные к *woda*: *wodeczka*, *wódeczka*, *wodka*, *woduleczka*, *wodziczka*, *wodzina*, *wodzisia*.[18] Ранние случаи фиксации уменьш. *wodka* объясняются отсутствием конкурирующей старой формы на *-ica*. Однако об экспансии формы с *-k-* в другие славянские языки не может быть и речи.

В восточнославянских памятниках письменности XVI в. слово *водка* употребляется широко, обозначая добываемый путем перегонки продукт — спирт, водку, а также настойку. Применялась водка как в качестве напитка, так в медицине и в колдовстве. В Новгородской IV летописи под 1533 г.: «И нача ему говорити бояринъ его Михаило Юрьевичь, тѣшачи государя: «государь князь великий! чтобъ водка нарядити и в рану пущати и выжимати; ино, государь, видечи такова тя государя истомна, чтобы, государь, спусти 6 днеи или зъ два, что было, государь, хотя мало болѣзни твоеи облегчание, ино бы тогда вотка пустити». Ср. также в памятнике украинского языка XVI в.: «Помаж водкою очи твои, жебы се видел.» (Крех. апос., 604).[19]

В Судном списке Максима Грека, составленном в 40-х годах XVI в., по сп. XVI в.: «А про Максима мне Федор да Лаврентей сказывали. И Максим старец еллинские мудрости делает, волхвует, а человек сердит, и что ему государь князь великий молвит бранно и на него прогневается, и он на своих дланех пишет слова водками, да их потрет руку о руку, да придет к великому князю, и князь великий учнет говорити ему, и он учнет великому князю против того что отвечивати, а против великого князя длани своя поставляет, и князь великий гнев свои на него часа того утолит и учнет смеятися».[20]

В Сокуровском списке Торговой книги XVI в. (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) в перечне хмельных напитков упоминается «коришная водка».[21] Наконец, в списке служилых людей

Аванесов Р. И. К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1968; Kiparsky V. Op. cit., p. 228, 230.

[18] Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. VII. Warszawa, 1919.

[19] По данным картотеки Староукраинского словаря (Львов).

[20] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. Изд. подготовил Н. Н. Покровский. М., 1971, с. 115—116. В русских памятниках XVII в. представлено соответствие лат. названию spiritus vini, обязанному своим происхождением тому обстоятельству, что спирт широко применялся в алхимии и в колдовстве, см.: *духъ винный* и *духъ* в СРЯ XI—XVII, вып. 2, с. 182; вып. 4, с. 380.

[21] Шмелева И. Н. Русская торговая книга XVI в. КД. Л., 1948, с. 192.

двора Ивана Грозного 157 2—1573 гг.: *истобники у водок*; *сторожи у водок*.[22]

Таким образом, показания русских письменных источников XVI в. не дают оснований для разделения в этимологическом отношении значений слова *водка* (‘спиртной напиток’ и ‘настойка’), которая используется в разных целях, в том числе медицинских. Памятники письменности XVII в., разнообразные по тематике и жанрам, показывают укрепление позиции слова *водка* в кругу вариантов, хотя варьирование и сохраняется; слово *вино* и сочетания *хлебное вино*, *белое вино* употребляются в просторечии и в говорах и в наши дни в значении ‘водка’.[23] Примеры из памятников XVII в.:

«Тесноты бо ради и недостатков сиа случаются, наипаче же от вод скверных, не имущих теплых зелий и корений поядающих ражающий гной во утробах, и не имущих водок житных распухневаху от ног даже и до главы» (Сказ. Авр. Палицына [1], 167. 1620 г.).

«В вотку ретешную сто редек да в водку хреновую пол осмины хрену» (Мат. медиц., 2. 1629 г.); «В водку анисную два ведра вина двойного доброго да четыре фунта аниса доброго» (там же, 7. 1630 г.).

«А будеъ на Двинеѣ у Архангилского города, въ корабелной приходъ у торговыхъ нѣмецъ объявится в приходѣ розносолъ и розные нѣметцкие водки, опричь иныхъ заморскихъ питий. . . а того розносолу и розныхъ нѣметцкихъ водокъ, опричь иныхъ заморскихъ питей торговымъ людемъ покупать у нихъ не велѣть» (ДАИ III, 199. 1649 г.); «И какъ великий государь пожаловал бояр, и окольничих, и думных людей водкою, и въ то время принесли заедать сахару вареного большое дерево» (Днев. зап. ПТД, 226. 1666 г.); «Ко князь Мохайлу. . . приходилъ онъ, старецъ Ефремъ каргополецъ, и приносилъ къ нему сосудами и погребцами вино и вотку» (Суб. Мат. III, 95. 1666 г.); «Повелъ патриархъ выборныхъ взяти всѣхъ на погрѣбъ и поити водками и краснымъ питьемъ довольно и медомъ» (Чел. Савв., 90. 1682 г.).

«Елеонора. . . взявъ серебреной подносъ и двѣ чистаго серебра чашки, которыя были весма высокои работы, и налила въ нихъ сладкои вотки» (Ист. куп. Иоан., 247. XVII в.).

Интересный в историко-технологическом отношении материал — рецепты приготовления спирта и водки — содержит рукопись XVII в. из Щукинского собрания ГИМ № 795. Здесь любопытны также и варианты названий:

О спирду:

«Четверть можжевеловых ягод да положити в кадь и налити пивными дрожжами и поставити в особную избу и укутати крепко

---

[22] Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах 'опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. — Исторический архив, 1949, IV, с. 32, 34.

[23] БАС, т. 2, стб. 378.

да квасити месяц, или боле, да мешай через трои сутки и потом погони араку, а из араки погонишь водку, только подставливай под трубу в сосуде какой хощешь духи, таковым духом такова водка и будет».

О водке:

«Возьми дубу молодова с корена срубя и мелко на мелко изруби и положи в скляничной сосуд и налей водою полон и запечатай серою или сургучем и поставь в землю на два месяца — ино будет вино пияное» (л. 154 об.—155).[24]

Ср. пример, приведенный в СРЯ XI—XVII в статье *водочный*: «А тѣ войлоки у него, Дружины, ималъ подьячий Ондрей Поповъ и отдалъ на водошной дворъ соколнику Дмитрѣю Ракову в дорогу покрывать вотки» (Кн. прих.-расх. Синб., 223. 1667 г.); в статье *водочникъ*: «Бьетъ челомъ бѣдная вдова обтекорскаго приказу алхимиста и водочника Христофоровская жена Лукѣрьица» (Мат. медиц., 77. 1645 г.).

СРЯ XI—XVII отмечает употребление в памятниках XVII в. слова *водка* также в значении ‘кислота (азотная, селитренная и т. п.), употребляемая для обработки металлических изделий’, а сочетание *крѣпкая водка* — в значении ‘азотная кислота’ (ср. совр. *крепкая водка*, *царская водка*). Приведем в расширенном виде лишь один пример: «Найди ящерицу желтую живую да розвести со ртутью, а ртути бы была шестая доля против ящерицы да ящерицу живую запечатай в горшекъ со ртутью, да положит в печ волную жаркую какъ истопитца да часъ помедливъ бойчей да выняти вонъ да положити в сосудецъ скляной, а саблю покрыти воскомъ чистым да провести спицею по красочному а по тѣм чертам писати тою водкою» (Сим. Обих. книгоп., 119. XVII в.).

Если учесть, что это значение у пол. *wódka* не отмечено (пол. *kwas* ‘кислота’), то в XVII в. смысловой объем рус. *водка* оказывается более широким. И при этом несомненна непосредственная связь всех семантических филиаций с общим значением ‘уменьш.-ласкат. к *вода*’. Таким образом, можно говорить о частичном параллелизме в семантическом развитии рус. *водка* и пол. *wódka* как идущей от праславянского формы уменьш. к **voda*. Подобный параллелизм — явление в исторической семасиологии не такое уж редкое.

---

[24] Цит. по копии, любезно предоставленной нам проф. Н. А. Фигуровским.

Список сокращений

Авт.	— Материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций.
АГО	— Архив Географического общества СССР (Ленинград).
Агренева-Славянская	— Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы. М., 1887.
Архив ДАРЯ	— Материалы, собранные для диалектологического атласа русского языка: а) Ответы на «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка». Вологда, 1941, и др, (ЛО ИЯ АН СССР); б) Ответы на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М., 1947 (ИРЯЗ АН СССР, Москва).
Барсов	— Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1—2. М., 1872—1882.
БАС	— Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17, М., 1948—1965.
Беляева	— Словарь говоров Соликамского района Пермской области, сост. О. М. Беляева. Пермь, 1973.
БОС	— Словарь брянских говоров. Л., 1976.
Вейсм. Лекс.	— Вейсманнов. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
Второе Дополнение (1905—1921).	— Покровский Ф. И., Яценко Е. И. Второе дополнение к Опыту областного великорусского словаря 1905—1921. — Архив ИРЯЗ АН СССР, ш. 117—118.
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва).
д. Деулино	— Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). М., 1969.
Доп. 1858	— Дополнения к Опыту областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Академии наук. СПб., 1858.

ДРС	— см. СРЯ XI—XVII.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения (Петербург).
ИРЯЗ	— Институт русского языка.
КБОС	— Картотека Словаря брянских говоров (ЛГПИ им. А. И. Герцена).
КПОС	— Картотека Псковского областного словаря (ЛГУ им. А. А. Жданова).
КСРНГ	— Картотека Словаря русских народных говоров (ЛО ИЯ АН СССР).
КСРЯ XVIII	— Картотека Словаря русского языка XVIII века (ЛО ИЯ АН СССР).
КЯОС	— Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
МАС	— Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1957—1961.
Материалы Срезневского	— Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 1. СПб., 1893.
Миртов	— Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1930.
Опыт 1852	— Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Академии наук. СПб., 1852.
Опыт Калин.	— Опыт словаря русских говоров Калининской области. Составители Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Беляева. Калинин, 1972.
ПОС	— Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1—3. Л., 1967—1976.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РГО	— Русское географическое общество.
Рыбников	— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—4. М., 1861—1867.
РЯШ	— Русский язык в школе (Москва).
САР	— Словарь Академии Российской. Т. 1—6. СПб., 1789—1794.
Словарь 1806	— Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. 1—6. СПб., 1806—1822.
Словарь 1847	— Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук. Т. 1—4. СПб., 1847.
Словарь 1891 (1897)	— Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Академии наук. СПб., 1891, и др.
Словарь Даля	— Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.

Словарь Ожегова	— Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. 9-е изд. М., 1972.
Словарь Ушакова	— Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1934—1940.
Слов. бассейна Оби	— Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Под ред. В. В. Палагиной. Т. 1, 1964; т. II, 1965; т. III, 1967, Доп. ч. I и II. Томск., 1975.
Слов. Донск.	— Словарь русских донских говоров. Т. 1—3. Ростов-на-Дону, 1975—1976.
Срезневский	— см. Материалы Срезневского.
СРНГ	— Словарь русских народных говоров. Л., 1962—1977.
СРЯ XI—XVII	— Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1977.
ССП	— Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
ССУ	— Словарь русских говоров Среднего Урала. Вып. 1, 2. Свердловск, 1964, 1971.
Тр. МДК	— Труды Московской диалектологической комиссии под ред. Д. Н. Ушакова. Вып. I. Варшава, 1908.
Фасмер	— Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971.
ЧОИДР	— Чтения в Императорском о-ве Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1846—1917.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

Содержание

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Стр.

В. В. Колесов. Слова литературного языка в диалектной речи (2. *Совесть*) 3

П. И. Павленко. Семантико-стилистические особенности слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах (В сопоставлении с литературным языком) 15

О. Г. Порохова. К вопросу о дифференциации полногласных и неполногласных форм в русском языке 40

Ф. П. Сороколетов. Диалектная лексика в языке народных песен (На материале песен Дмитровского уезда Орловской губернии, собранных В. Н. Добровольским) 54

О. Д. Кузнецова. Случаи лексикализации в говорах (Слова с первой частью *вон-*) 62

И. А. Попов. Наречия со значением 'давно', 'прежде' в русских народных говорах 72

А. Ф. Марецкая. Из истории слова *виноград* 90

Б. Л. Богородский. Загадочное ли слово *горбúн?* 101

О. Д. Кузнецова. Из диалектного словообразования (Слова с суффиксом *-оба*) 107

Н. И. Андреева-Васина. К вопросу о приставочной омоморфии в русских народных говорах 115

Г. Я. Симина. Структура производного слова в диалекте (К вопросу о связи словообразования и семантики) 122

Е. П. Луппова. Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му лицу, в говорах русского языка 129

Н. В. Попова. Двойные предлоги и способы их распознавания в фольклорных и диалектных записях 141

Ю. Ф. Денисенко. Из историко-лексикологических комментариев к Псковским летописям. *По закустовью или по-за кустовью?* 146

Е. Н. Этерлей. Из истории русской диалектной лексикографии. Поправки и дополнения С. Черепанова к Опыту областного великорусского словаря 157

Л. И. Балахонова. Типы определений в Опыте областного великорусского словаря 1852 г. 166

Г. П. Князькова. Толковый словарь В. И. Даля и историческая лексикология 178

Н. А. Романова. Некоторые особенности говора д. Заречье Вохомского района Костромской области 184

Л. И. Белова. Обогащение литературного языка словами диалектного происхождения 193

Г. И. Демидова. Собирательные числительные в брянских говорах 197

А. Ф. Иванова. Наименования грибов на территории Московской области (Из материала лексического атласа) 205

В. Г. Головин. Сложносуффиксальные имена существительные с первым компонентом — именем числительным в русских народных говорах 214

А. Т. Хроленко. Проблемы фольклорной лексикографии 229

В. Я. Дерягин. Русское *водка* и польское *wódka* 242

Список сокращений 251

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССК... ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАН... АН СССР

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА. 1977

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редакторы издательства
Л. З. Фрадкина,
Е. А. Смирнова

Художник
М. И. Разулевич

Технический редактор
М. Э. Карлайтис

Корректоры
Н. П. Кизим,
К. С. Фридлянд
и Т. Г. Эдельман

ИБ № 8670

Сдано в набор 20.07.78. Подписано к печати 12.03.79. М-05667. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 16 = 16 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.42. Тираж 1700. Изд. № 7075. Тип. зак. 604. Цена 2 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2 р. 50 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ